

"Пристойное поведение (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Annotation

Аннотация к книге "Пристойное поведение"

В моей жизни не так много правил, но одно - железобетонное: никогда, ни при каких обстоятельствах не влюбляться в женатиков. И я свято ему следовала, пока в доме напротив не поселился Егор Озерский. Он идеально мне подходит и утверждает что в его случае необходимо сделать исключение...

Меня зовут Егор Озерский, и я писатель. Помимо этого немножко спортсмен, самую малость актер, чуть-чуть алкоголик и, конечно же, не наркоман. Ну а кто в подобном признается? К тридцати годам я успел пройти огонь, воду, завязать с пагубными привычками и вновь опасно приблизиться к пропасти. А потом совершенно случайно познакомился с Вероникой...

Вот только она ни за что, ни при каких обстоятельствах не станет помогать мне, если я нарушу границы обещанного ей... пристойного поведения.

Пролог

No name

Привет, блог

Давайте будем честными и признаем, что в двадцать первом веке никто не ведет личных дневников. Не хранит блокноты с более-менее честными мыслями в потаенном местечке под специально оторванным линолеумом в углу комнаты, и уж точно не перевязывает их длинным волосом сестры, матери или любовницы.

Какой смысл писать хотя бы что-то, если никто этого не увидит? Какой вообще смысл писать? Да даже и не хочется.

Так что... ну, привет, блог.

О чем будут мои тексты? Неважно совершенно. А знаете, что важно? Не глубокие мысли, не интересная подача или внезапные подводные камни, которые — бабах — и перевернут ваши взгляды на привычные вещи! Не-а. Как писателю и внуку филолога мне горестно это признавать, но читателю, в общем-то, плевать даже на стилистику. В двадцать первом веке значение имеют только сиськи. Лгу. В любом веке всегда значение имели они самые, только подача была иной. И если вы думаете, что после выпитого я все еще в состоянии считать, то давайте попробуем... ладно, передо мной прямо сейчас их восемь штук. Для начала неплохо, как вам кажется?

Звучит диджейский сет, заглушающий стоны и всхлипы, запахи настолько густые — ножом можно резать и на тост мазать. Гребаная оргия. Будет что вспомнить на старости лет.

..Было бы, не проспай я ее. А на трезвую голову вливаться в середину процесса что-то не хочется. Снова оглядываю потные женские тела и что-то там еще на заднем плане. Э, нет, пас. Бьюсь об заклад, я первый человек, который проспал половину своей первой оргии, а во второй половине начал вести блог.

Впрочем, согласен, дурацкая идея. Мать посылает меня к психологу, но зачем он нужен, когда существует интернет. Тут что психов, что психологов намного больше. И восемь отличных сисек, которые за четыре абзаца я упомянул четыре раза, тянут на недурной старт, ага?

Мне практически стыдно. Хотя похрен, скоро такое начнется, что буду мечтать вернуться в это чудовищно раннее, отвратно пахнущее утро.

Что я собираюсь делать дальше? В первую очередь — продолжать спать, что-то мне подсказывает — оглядываюсь — что на сегодня я увидел достаточно. Но прежде — два значительных, слегка утомительных момента: не стройте иллюзий, я плохой человек, и, что намного, намного важнее, моя норма алкоголя — максимум ноль семь виски после трех банок пива, а то снова пропущу клубничку. То, что происходит вокруг, трезвому человеку оценить достаточно сложно.

Доброго вам утра и хорошего дня, а мне пожелайте, чтобы... пусть, когда я вновь открою глаза, обнаружу, что моя совесть и планы на будущее, взявшись за руки, друженько свалили куда подальше, как и все эти люди вокруг (которых я вижу, клянусь вам, впервые в жизни), оставив после себя приятный простор и легкое похмелье.

Часть I

Мистер Математик, оказывается, женат. Причем на подруге моей подруги.

Какая досада...

Бывают же совпадения! А выбери мы любой другой бар сегодня, так бы и не узнали размер скелетов в шкафу безупречной, по рассказам Саши, четы Озерских. И к лучшему бы, наверное, но, увы, мы сидим именно во «Взрослой библиотеке», отмотать время назад не получится, как и забыть, что Мистер Математик должен носить кольцо на безымянном пальце, а не обхаживать в пятницу вечером сногшибательную женщину, которая определенно точно — не его жена.

Саша открыла инстаграм и показывает фотографии, на которых Математик обнимает родную супругу и улыбается. Они оба смеются, выглядят счастливыми и влюбленными. Мы передаем сотовый по кругу, пораженно качаем головами и цокаем языками. Мы осуждаем его и презираем так сильно, насколько только возможно.

Не скажу, что мне есть хоть какое-то дело до Озерских, но у Саши едва ли пар из ушей не идет от негодования, и я не могу это проигнорировать.

— Веро, ты точно уверена, что этот парень, — она показывает взглядом, кого имеет в виду, — и есть тот самый Красавчик-я-возьму-тебя-на-подоконнике? — выделяет голосом прозвище, которым я обозвала его. Разумеется, я рассказала близким подругам, что уже несколько недель вздыхаю по новому соседу, и сейчас сижу красная, как спелый помидор, от стыда и смущения.

Прослеживаю ее взгляд, и, как назло, Математик в этот самый момент отрывается от собеседницы и смотрит на меня. Наши глаза встречаются. Искры, разумеется, не летят, хотя он и хорош собой. Зато мои губы брезгливо кривятся, а его брови летят вверх в удивлении. Узнал, кажется. У нас это взаимно, парень. И для тебя это плохо. Очень, очень плохо.

— Да, это определенно точно — он, — понуро отвечаю я. За барной стойкой стоит не кто иной, как мой новый таинственный сосед собственной персоной, которого я называю в честь своего учителя математики, так как мужчины весьма схожи внешне. И не только внешне, как выяснилось. Учитель проработал в нашей школе недолго и запомнился поразительной лояльностью к женскому полу. Девочки, вне зависимости от внешности, характера и поведения, у него всегда получали «четыре» или «пять», даже если забыли тетрадь с домашкой дома. Представьте себе, он верил нам на слово!

«Ты решала эти задачи, Вероника?»

«Разумеется!» — честнейшие глаза.

«И с ответами сошлось?»

«Да, я проверяла. Но забыла тетрадь дома, мне так жаль!» «Ничего страшного. Главное, что разобралась. Молодец, пять».

А мальчики, напротив, в лучшем случае — закрывали четверть.

«Ты это списал. Я не верю, что решил сам».

«Да сам я решал! Могу прямо сейчас повторить на доске».

«То, что разобрался — похвально. Но в следующий раз — не лги. Три».

Захар Лазаревич «учил» нас целых два года, пока не пришли результаты ЕГЭ в конце одиннадцатого класса. В итоге «отличницы» по баллам набрали в лучшем случае «удовлетворительно», а безнадежные парни — четверки-пятерки. Сюрприз-сюрприз! Девочкам он ставил оценки просто за то, что у них между ног имеется вагина. К сожалению, экзамены показали, что такой подход в образовании, помимо нашей школы, больше нигде не прокатывает.

Самое время представиться — меня зовут Вероника Михайлова, и я провалила вступительные, после чего целый год работала в похоронном бюро у дяди. И мне есть что вспомнить, поверьте.

Мистер Математик номер два оказался таким же падким на женскую красоту прохвостом, как и его предшественник! У него жена дома, а он тут едва ли не сосет с какой-то... блондинистой девицей! Мы с девочками пребываем в состоянии сильнейшего шока от увиденного. Все, ранее популярные за нашим столиком, темы мгновенно потеряли привлекательность. Мы обсуждаем только Ксюшу и, как выяснилось, Егора, причем в глаза Ксюшу видела только Саша, но нам этого хватает, чтобы уцепиться за тему и встать на ее сторону. Воспринять измену ее мужа как личную обиду.

Самое время повторить коктейли.

— Нет, ну какой козел! — причитает Поля. — Вы посмотрите на него! Заказывает ей третий бокал шампанского. А кольцо свое... снял же? Вы видите кольцо?

Мы, украдкой, чтобы не привлекать внимания, поглядываем в сторону барной стойки, щуримся, напрягая зрение в полумраке клуба. Мистер Математик, поправочка, Егор Озерский, кажется, начинает что-то подозревать, тоже бросает редкие, но внимательные взгляды в нашу сторону. Сашу он не знает, и, судя по всему, думает, что стал объектом слежки исключительно

из-за того, что является моим соседом.

— Я не вижу кольца, — уверенно заключает Василиса. Мы вчетвером тянем: «н-да-а», — думая, что делать дальше.

— Не помнит меня, гад! А я, между прочим, на их свадьбу была приглашена, — возмущается Саша, — правда, из-за гриппа не получилось, до сих пор жалею. Ксюша выглядела потрясающе, я раз пять пересматривала видео в «ВК».

— А когда это было?

— Да в том году и было. Недавно совсем! Годовщину не успели отметить, а он уже ей изменяет.

— Рано делать выводы, может, он здесь по работе? Кстати, чем он на жизнь зарабатывает? — с надеждой произносит Полина, последние месяцы у нее единственной все хорошо в личной жизни, поэтому она настроена видеть в людях только хорошее. В этот момент блондинка тянется и что-то шепчет Мистеру на ухо, тот смеется, поглаживает ее по спине, и все бы ничего — но на этой самой спине такой глубины вырез, что гладит он ее по голой пояснице, норовя коснуться того, что расположено пониже.

— Может, не стоит Ксюше ничего знать? — сомневается Полина.

— А как бы ты отнеслась, если бы твои подруги знали, что твой жених гуляет, но промолчали бы?! — огрызается Василиса. Яжимаю плечами, понятия не имея, что делать.

Целых два месяца мне нравилось наблюдать за тем, как Мистер утром, голый по пояс, курит на балконе или поздно вечером забавляется на кухонном подоконнике с какой-нибудь красоткой. Это было не часто, один-два раза в неделю, но я действительно ждала его появления на этом самом балконе или... на кухне.

Он недурен собой, раскован, не гей, а то, что каждую неделю приводил новую подружку, говорило о том, что ничего постоянного в его жизни нет, а значит, между нами существует какая-то... недосказанность. Надежда. Флирт. Возможно, однажды... когда-нибудь... как знать... на его подоконнике бываю и я. Почему нет? Мне двадцать четыре, и я настолько давно одна, что почти созрела до ни к чему не обязывающего перепиха. Я фантазировала, что на свой юбилей выпью огромный бокал вина — а у меня есть такой, размером с полбутылки — и постучу в его дверь, сжимая в руке пакет с выпивкой и презервативами.

О, я буду невыносимо сексуально выглядеть.

Он многообещающе улыбнется, показывая, что узнал, сделает шаг в сторону, пропуская меня в квартиру. Я стисну зубы, мысленно давая себе пинка под зад, и сделаю шаг вперед, а затем еще один. Пройду в комнату, не снимая высоченные шпильки, а он задержится у входа, оценивая мой вид сзади. А когда я обернусь, то увижу, что он улыбается, так как увиденное ему понравилось. Я не стану снимать туфли той ночью. И ни о чем не пожалею после.

Мой сосед, думала я тогда, холостой привлекательный мужчина, идеальный вариант для развлечения. Живет недалеко — а это плюс, в любой момент, в любую секунду дня или ночи не проблема сбежать домой. Хоть с закрытыми глазами на ощупь! Чтобы добраться до работы, мне нужно проехать всего одну остановку, так почему бы не завести любовника в пешей доступности?

А тут выясняется, что объект моего вождения — всего лишь козел обыкновенный. Мерзавец,

который вовсе не холостяк, а просто снял себе квартирку для одноразовых связей втайне от жены.

Я закипаю от злости. Мне противно, что в моем районе сдают квартиры таким, как он. Честно говоря, я приканчиваю второй мартины и прихожу в бешенство.

— Девочки, только не бейте, я уже отправила Ксюше сообщение, — вздыхает Саша. — Мы с ней со школы знакомы, долго жили вместе, когда учились. Я не могу допустить, чтобы этот урод ее обманывал. Ксюша — не чужой мне человек. Она... очень добрая и хорошая, она достойна лучшего.

Мы вчетвером киваем друг другу, просим официанта повторить выпивку и чокаемся бокалами.

— Они все нас недостойны, — уверенно заключает Василиса. Мы снова дружно киваем, Полина поджимает губы, но молчит.

В двадцать пять девушка либо замужем, либо пережила несколько ужасных разочарований в жизни, и ей есть что рассказать подругам после пары алкогольных коктейлей. Иногда мне кажется, что время, когда родители сами устраивали браки детей, было не таким уж плохим. По крайней мере, женщинам не нужно было отмывать туфли от всей той грязи, которую разводят под ногами современные мужчины.

Ксюша не заставляет себя долго ждать: врывается в клуб через полчаса после того, как Саша отправила ей сообщение. Она невысокая миниатюрная шатенка с большими глазами, в которых сейчас полыхает жажда расправы. А увиденное в следующую секунду разбивает мне сердце. Ксюша беременная, ее круглый животик явно заметен под обтягивающей футболочкой.

— Вот черт! Зачем она приехала! — восклицает Саша. Мы смотрим на влетевшую в двери молодую женщину: на вид Ксении лет двадцать пять, она одета в свободные джинсы для беременных и курточку, которая не застегивается. Ксюша нервно оглядывает зал, шурится и моментально выделяет из толпы своего мужа. А дальше ее не остановить даже вооруженным полицейским. Взгляд метает молнии, губы плотно стиснуты. Широким решительным шагом Ксюша подходит к мужу и дергает его за рукав. Он оборачивается, но будто не удивлен ее появлению. Здесь шумно, невозможно расслышать, о чем они говорят, но если попытаться прочесть по губам, то Мистер Математик выдает что-то вроде: «Ты что здесь делаешь? Иди домой». Ксюша что-то кричит, она возмущена и обижена. Блондинистая стерва смеется, и зря. Ксюша вцепляется ей в волосы. Блондинка визжит, Мистер пытается оттащить жену от любовницы, мы кидаемся спасать нашу беременную Ксюшу.

Охрана не отстает. Музыка выключают.

— Осторожно, умоляю вас! — кричу я. Самое главное сейчас — не навредить ребенку.

— Как ты смеешь меня так позорить, жалкий кусок дерьма! Да я тебя уничтожу! Раздавлю, как таракана, убожество! — вопит Ксюша. Математик, наконец, перестает улыбаться и флиртовать, он тоже злится. Злится на беременную жену за то, что она застукала его с любовницей. Сердце колотится на разрыв, я чувствую вину за то, что узнала его. Не могу поверить, что такие люди существуют в реальной жизни. Меня тошнит от этого мужика. Хотя на своем жизненном пути я тоже встречала не лучшие экземпляры.

Происходит неразбериха, снова включают музыку, еще громче, чем прежде. Математик делает знаки охране и бармену, что все в порядке и со своими женщинами он разберется сам, обнимает упирающуюся жену и пытается увести ее к выходу, но в этот момент блондинка

показывает ему знак «позвони мне», что становится последней каплей. Ксюша грубо отталкивает Озерского, тот не отталкивается и отталкиваться не собирается, что-то кричит ей на ухо.

Понятия не имею, как так получается, и каким образом я оказываюсь рядом с ними. Ксюша смачно плюет ему в лицо, на что он ошарашенно посылает ее на хрен. Я размахиваюсь и влеплю ему пощечину, а рука у меня тяжелая, десять лет в спорте не прошли даром. Он морщится и удивленно смотрит на меня.

— Все, с меня хватит, — поднимает ладони на уровень груди и отступает на шаг назад. — Позвонишь, когда придешь в себя, ненормальная, — заявляет он жене, затем направляется в сторону туалета, а блондинка, показав нам средний палец, семенит следом за ним.

В помещении будто бы становится темнее, кажется, я начинаю задыхаться. Он просто взял и ушел, не оглянувшись. Я поражена, ранена и морально уничтожена. В этот момент я желаю зла всему мужскому роду. Да как он смеет так себя вести! Уму непостижимо.

— Ей нехорошо, Егор! — кричит Саша, но он не оглядывается. Или не слышит, или ему плевать на свою жену и будущего ребенка.

«Скорая» Ксении не требуется, девушка быстро берет себя в руки, как только мы выводим ее на свежий воздух, и даже улыбается. Скоро полночь, на улице темно, прохладно и тихо, о том, что мы не в деревне, а в многомиллионном городе, напоминает лишь приглушенная музыка из «Взрослой библиотеки» да обрывки песен из колонок проносающихся мимо машин. Небо черное, даже луны не видно. Куда ж она делась, когда так хочется зацепиться за нее взглядом? Толпа подвыпивших подростков пытается уговорить охрану пропустить их в клуб, огромный лысый амбал непоколебим, требует паспорт и отправляет их учить уроки. Подростки возмущаются, используя ненормативную лексику, но он лишь улыбается — мне б такое терпение.

— Девушки, вам помочь? — вежливо спрашивает он.

— Вы можете набить морду моему мужу? — с надеждой спрашивает Ксюша. Она выглядит такой беспомощной и расстроенной, что я сама едва ли не кидаюсь в драку, чтобы защитить ее и ее честь.

— Да запросто, — улыбается он, и она начинает смеяться. Охранник уходит в клуб, а мы помогаем Ксюше присесть на невысокий заборчик.

Она плачет, вытирает щеки, мы изо всех сил пытаемся успокоить. Обещаем, что ему достанется по заслугам, а она, в свою очередь, обязательно найдет достойного папу своему малышу и так далее и все в таком роде. Что тут еще скажешь? Трудно найти оригинальные утешения, когда ситуация до отвращения знакома и понятна.

Мне так сильно ее жаль, что сама начинаю плакать.

— Давай возьмем такси, отвезем тебя домой, — решительно предлагает Саша. Ксения кивает. Снимает с пальца кольцо.

— Только верну ему это. Пусть подавится, сволочь. В пылу ссоры позабыла совсем, — всхлипывает покрасневшим носом.

— Ну уж нет, я не позволю тебе зайти в бар и снова увидеть его с этой... после того, что они

там делают... в туалете! — Сашу перекашивает от отвращения. Нас всех перекашивает. — Надеюсь, охранник появится вовремя — испортит им... момент.

Мы смеемся, в красках представляя себе эту сцену.

— Я не уеду, пока не верну кольцо, — упирается Ксения.

— Пойду я, — зачем-то переключаю внимание на себя. Протягиваю руку. — Я засуну это кольцо ему в глотку, обещаю.

Ксюша смеется сквозь слезы, мы тоже улыбаемся.

— Я буду очень благодарна, — кротко говорит она. — Потом возвращайся, поедем все вместе ко мне. У этого убудка дома шикарнейший бар, распечатаем. Там есть бутылка виски стоимостью в состояние. Выпьем, что сможете, остальное выльем. О, у меня огромные планы на его рубашки и галстуки.

— Отличная идея! — восклицает Саша. — У меня как раз выходной завтра.

— А он нам ничего не сделает после этого? — беспокоится Василиса.

— Не сделает, он слабак. Я думала, что такой по жизни, всегда делала скидку, а оказалось, его еще и на передок несет. Беременность тяжелая, нельзя сексом заниматься, вот он и... — она вытирает слезы. — Утром приползет просить прощения, вот увидите. Пойдемте, девочки. Пожалуйста, не оставляйте меня сейчас одну! Я вас очень прошу, не бросайте, — она паникует.

— Я пас. Мне завтра на работу рано, — говорю я. — Езжайте, не ждите. Я запишаю ему кольцо куда-нибудь поглубже и домой. Потом расскажете, как все прошло.

— Веро, ну ты чего! — стонет Поля. — Как мы без тебя? Ты нужна нам.

— Я и так выпила сколько! Мне завтра с шести утра нужно быть на ногах. Все, девочки, увидимся. Как доберетесь, скиньте сообщение, чтобы я не волновалась.

— И ты тоже.

На этом расходимся. Подруги спешат в сторону парковки, я, сжав пальцы в кулаки, возвращаюсь в бар. Мне совсем не страшно. Нисколько, хотя я прекрасно понимаю, что человеку, способному так низко поступить с собственной женой, ничего не стоит поднять руку на женщину. А я хоть и спортсменка в прошлом, но всего лишь фитнес-тренер, а не каратистка. Ладно, я просто с безопасного расстояния кину в него это кольцо, развернусь и убегу. Надеюсь, все поняли, что обещанное мною выше — шутка для поднятия боевого духа.

Я по-прежнему вне себя от ярости! Потому что... черт, я ведь почти переспала с ним! Во снах — так раз десять, и была опасно близка к тому, чтобы сделать этот шаг наяву. Он мне подмигивал... несколько раз за последние пару недель. Тоже начал замечать внимательную соседку и не собирался скрывать этого. Впервые я поняла, что вышла из тени, когда развешивала белье на балконе, а он курил в одиночестве, внимательно за мной наблюдая. Растерявшись, я отвела глаза и отвернулась. А потом, следующим вечером, он помахал, когда целовал взасос девушку на кухонном подоконнике. Видимо, заметил, как жадно я на них пялюсь, доедая яблоко. Наши окна расположены напротив, а он так и не удосужился повесить занавески.

Я испугалась, тут же спряталась за шторой, а он усмехнулся и помахал мне, но девушку увел вглубь квартиры.

Боже, ну какой подонок! И какое счастье, что я узнала о том, что у него жена в положении, до того, как осуществила свою фантазию! Спасибо Господи! Иначе я бы сейчас себя возненавидела. И зареклась бы когда бы то ни было заниматься сексом в принципе.

Прижимаю ладонь к груди, стараясь успокоиться.

Нахмурившись, я решительно захожу в клуб. Музыка орет, освещение приглушенное, народ пьет и веселится, позабыв о недавней сцене. Подхожу к барной стойке. Клуб небольшой, с моего ракурса отлично проглядывается — нет ни Математика, ни охранника, ни блондинки. Озерский, судя по всему, до сих пор развлекается в туалете со своей... шлюхой. Теперь можно смело так называть мерзкую блондинку, она ведь знает, что он женат, и все равно согласилась на продолжение вечера! Нет, я не моралистка и не монашка, но женатые мужики всегда были и будут табу для меня.

Этот мир точно сошел с ума. Я верну ему кольцо и больше никогда не посмотрю в окна напротив. Повешу вместо штор плотные жалюзи.

Жду около получаса у барной стойки — они не появляются. Нет, конечно, столь долгий половой акт заслуживает похвалы и даже уважения, но когда ты этим занимаешься со своей девушкой, а не с проституткой в туалете клуба.

В этот момент я оборачиваюсь и натываюсь взглядом на ту самую блондинку, что была с Математиком. Она уже в другой компании, и судя по всему — давненько хорошо проводит время без моего соседа. Сидит на диванчике второго этажа, болтает, как ни в чем не бывало.

Поднимаюсь наверх. Соседа не видать. Странно, в клубе один выход, я бы его не пропустила. Или, может, он воспользовался запасным ходом?

Обидно вот так угробить почти час времени напрасно. Пресловутое кольцо, символ теперь уже нарушения клятвы верности, все еще в моей руке.

Некоторое время кручу его, разглядывая платиновый ободок, крупные брильянтики по периметру. Очень красивое, дорогущее. Жаль, что даже такое украшение не может послужить обещанием счастливого брака.

На сотовый падает сообщение, что девочки успешно добрались до квартиры Ксении и уже вскрыли один из элитных напитков, я же по-прежнему торчу в дурацком баре, хотя меньше, чем через шесть часов мне нужно быть на утренней тренировке в фитнес-клубе.

Делать нечего, подхожу к блондинке. Она, видимо, припомнив пощечину, отшатывается от меня, но я приветливо улыбаюсь и показываю руки — дескать, драться больше не намерена.

Блондинка кивком спрашивает, что мне нужно.

— Егор! — кричу ей в ухо, пытаюсь переорать музыку, которая здесь слышится еще громче. — Где Егор?

— А? А, этот. Понятия не имею, он прогнал меня и уперся бухать на третий этаж, там вип-столики.

— Здесь есть вип-столики?

Она оценивает меня презрительным взглядом и кивает. Ну что ж, надеюсь, меня туда пустят. Уехать домой вместе с кольцом кажется плохой идеей. Ксения хотела от него избавиться, а я — и подавно.

Поднимаюсь выше, и, ожидаемо, натываюсь на сурового охранника.

— Мне нужен Егор Озерский, — говорю я, понимая, что план «запихать кольцо поглубже» теряет актуальность, учитывая количество камер вокруг. Я просто положу кольцо перед ним и уйду, тем самым искупив вину за пошлые мысли в отношении этого мужчины. Мне нужна одна минута.

Охранник долго не хочет даже смотреть в мою сторону, в конце концов оборачивается и вглядывается в зал за спиной. Я делаю то же самое, и нахожу сидящего за дальним столиком Егора. Один. Перед ним начатая бутылка с выпивкой. Он отрывает затуманенный взгляд от танцпола и поднимает его на нас, охранник разводит руками, дескать, что с ней делать? Егор таращит глаза и недвусмысленно качает головой, показывает руками блоки, дескать, гоните ее вшаей. Вот черт. Я сжимаю ладони в умоляющем жесте, свожу брови домиком и он, после нескольких секунд колебаний, смилостивившись, кивает. И вот я в вип-зале.

Музыка здесь намного тише, и я понимаю, что раз не могу позволить себе отвесить негодюю вторую пощечину, то вполне в состоянии хотя бы «убить» едким комментарием. Ну что ж, держись. За Ксюшу и за всех обманутых женщин.

Выпрямив осанку и включив походку «от бедра» — а я достаточно для этого пьяна и зла — приближаюсь к негодюю. Егор смотрит на меня, ждет, что будет дальше.

Ну до чего же симпатичный мужик! Полностью в моем вкусе. Лет двадцать семь-тридцать на вид, плечист и неплохо сложен. Взлохмаченная прическа и двухнедельная борода выглядят не слишком опрятно, но ему это идет, как ни странно. Глаза под темными густыми бровями внимательные, цепкие. На мгновение мне становится жаль, что я узнала о его штампе в паспорте до того, как решилась переспать с ним. Упущенные возможности добавляют тяжести ногам, я замедляю шаг, стискиваю губы, стараясь выглядеть строже.

Он напряжен и насторожен. Ждет подвоха. Еще бы — щека, куда я ударила его, до сих пор румяная. И мне не должно быть за это стыдно.

Оцениваю его высокомерным взглядом, сажусь напротив, закидываю ногу на ногу. Кладу кольцо на стол и передвигаю ему. Он его тут же берет, начинает вертеть в руках, пристально рассматривая.

Смотрит на меня вопросительно. Мое сердце колотится, сейчас выскочит из груди. Сердце думает, что сегодня ночь высоких кардионагрузок.

— Ксения больше не хочет тебя видеть, — меня тошнит от него. — Не сомневайся даже, в жизни все возвращается, такая шикарная девушка, как она, быстро найдет себе прекрасного мужчину и лучшего отца ребенку, а ты останешься один. Ее боль тебе вернется, вот увидишь. И никому не станет жаль, — я начинаю подниматься, чтобы уйти. — Хорошего вечера.

В ответ ожидаю чего угодно: от оскорбления до удара, но никак не кивка.

— Это не мой ребенок, — ошарашивает меня Озерский. — Жена моя, а вот ребенок не мой. — Я уже успела сделать шаг к двери, но оборачиваюсь. Он так и сидит в своем кресле, скрестил руки на груди. Пялится на меня исподлобья. Если бы он пытался флиртовать, как тогда, на балконе, или грубить, я бы ушла, не оглядываясь. Но эти слова были сказаны без единой эмоции. Математик перевел взгляд на столешницу из коричневого дерева. Он пьян, но не агрессивен. Честно говоря, трезвым выглядел намного опаснее. Ему все равно, стою я рядом или ушла. Я думаю, он даже не понял, что произнес эти слова вслух. Сорвалось то, что болталось на языке. Накопилось, он отпустил. И снова остался один на один со своими мыслями.

— В смысле — у вас свободные отношения или что-то в этом роде?

— Теперь да, куда уж деваться.

— Почему ты думаешь, что не твой? — спрашиваю, замерев на месте. Просто развернись и уйди, почему ты продолжаешь стоять рядом и пялиться на него?

Кажется, он тоже немало удивлен моей настырности. Наливает себе виски, голыми руками берет лед из вазочки и бросает в стакан, делает большой глоток.

— Ну здравствуй еще раз, любопытная соседка, — говорит, улыбаясь. А глаза при этом грустные. — Откуда ты вообще знаешь Ксюху?

Кажется, он тоже немало удивлен моей настырности. Наливает себе виски, голыми руками берет лед из вазочки и бросает в стакан, делает большой глоток.

— Ну здравствуй еще раз, любопытная соседка, — говорит, улыбаясь. А глаза при этом грустные.

— Откуда ты вообще знаешь Ксюху?

— Я ее не знаю, она подруга Саши, а с Сашей мы вместе работали.

— А, — он понимающе кивает, — то есть ты считаешь, что имеешь право читать мне нотации, несмотря на то, что мы даже не знакомы и ты не знаешь ни обо мне, ни о моей жене ровным счетом ничего? — склоняет голову набок. Слова «о моей жене» из его уст не должны ранить, но делают это. Математик слишком мне нравится, чтобы не ревновать даже после того, как я узнала о его подлости. Боже, я безнадежна, чувствую себя провинившейся и глупой. Отлично понимаю, что не должна здесь находиться. Он-то не знает, что сто раз отымел меня всевозможными способами в моих безумных снах, он не в курсе, что его поведение я восприняла как личное оскорбление, потому что мысленно... присвоила его себе.

Топчусь на месте, а пора бы уходить. Глупо ведь получилось — они семья, ссорятся, мирятся... всякое бывает. То, что мы с Егором периодически переглядывались и ловили улыбки друг друга — совершенно ничего не значит, кроме того, что неправильная застройка районов, при которой дома расположены непозволительно близко друг к другу, разбивает сердца. Я почувствовала себя еще более неудобно. Не стоило вмешиваться.

— Ладно, похрен, — внезапно говорит он бодро, — садись, выпей со мной.

— Спасибо, конечно... Но я здесь не для этого.

— Пожалуйста. Ты обязана составить мне компанию, учитывая, что часом раньше врезала мне

по морде. Это... сближает людей, хотя и непонятно почему.

— Подумаешь, маленькая пощечина, — я прикусываю губу, но присаживаюсь напротив него, — какие мы нежные.

Одна минута. Я побуду в его компании ровно одну минуту, после чего незамедлительно отправлюсь домой.

Он хитро улыбается. Ему нравится то, что я не сдаюсь в этой словесной перепалке.

— Моя первая пощечина в жизни, надо это отметить.

— Значит, до этого тебе везло? Девушки попадались робкие?

— После меня им хотелось спать, а не драться. Вы с подругами испортили мне вечер, между прочим.

— Извини, пожалуйста, — я закатываю глаза, и он смеется. Мне нравится его голос, он низкий, обволакивающий и кажется знакомым.

— Извиню, если прочитаешь вот это, — он сует мне свой мобильный. И я, понятия не имея зачем мне его прощение, беру телефон и послушно читаю.

— Ничего понять не могу, это какой-то форум? — хмурюсь.

— Тут скрины, снятые с форума сайта «Хеппибеби». Читай, не бойся. Там, конечно, море ошибок, но Ксюха никогда не была грамотейкой. Мне, в общем-то, плевать — от того, что она пишет «жи-ши» через «ы», менее сексуальной не становится. Не из-за орфографии начался этот пи**ец, — он оглядывается по сторонам, словно имеет в виду обстановку в баре. Мы практически одни на этаже — только охранник, стоящий у лестницы спиной к нам, да сладкая парочка за столиком у стены напротив.

— Не бойся, даже если бы я хотел дать тебе сдачи, то слишком пьян для этого.

Пока я читаю сообщения, а скринов в его телефоне аж сорок семь — тема очень популярна — он подзывает официанта и просит еще один стакан. Услужливо накидывает мне лед, сверху щедро плескает виски. Я, конечно, жестом прошу этого не делать, так как трех коктейлей мне за глаза, но он не слушает, заверяя, что я передумаю, и на третьей странице я действительно делаю глоточек.

— Капец, — говорю, отрываясь от экрана. Он смотрит мне в глаза так, будто мои комментарии ему сейчас нужны, как воздух. Затем пожимает плечами и спрашивает:

— Жаль, что здесь не курят, да? А какой вообще штраф? — он начинает оглядываться в поисках табличек.

Заголовок темы гласит: «Как узнать, кто отец ребенка? Срочно!!!», автор — «Жена ревнивца».

— «Ревнивец» — это ты? — уточняю на всякий случай.

— Еще какой, — заверяет меня Математик, многократно кивая для усиления сказанного.

Сообщение в шапке топика гласит: «Девушки привет... Свершилось, я беременная! Сегодня тест показал две полоски... Вы знаете., как долго я мечтала об этом как сильно ждала!! Но

радости не испытываю. Мне срочно нужна Ваша помощь!! Есть ли способ выяснить... кто отец ребенка... если в опасные дни было два партнера?!!!» Дальше она по датам расписывает, когда у нее начался менструальный цикл, сколько он длится дней, когда, по ее ощущениям, произошла овуляция и в какие даты был секс с МЧ1 и МЧ2.

— Я — МЧ1, - разъясняет мне Егор с энтузиазмом, — я все посчитал. Когда ее е*ал МЧ2, меня не было в городе. Вот чем чревата женитьба на красавице — только ты за порог, ее трахает кто-то еще. Ее все время кто-то трахает, — он разводит руками, и это было бы смешно, если бы не было так важно для него. По глазам вижу, что важно.

— А кто такой МЧ2? — спрашиваю, продолжая читать советы о том, что нужно взять волосы любовника, измельчить и подсыпать мужу в обед, произнося при этом «вбери в себя черты, тайну мою скрой», а затем «отче наш» три раза, тогда ребенок будет точно похож на мужа. Морщусь.

— Читаешь про волосы? Она написала, что не верит в такое, но на всякий случай я больше не ем дома.

Я улыбаюсь, не могу ничего с собой поделать.

— Извини.

— Да пофигу.

Он пожимает плечами и возвращается к теме разговора:

— Понятия не имею, кто такой МЧ2. Если бы кто меня просветил, был бы благодарен, — барабанит пальцами по столу.

— А Ксюша что говорит?

— Разумеется, все отрицает, — он снова делает глоток виски, кладет на стол пачку сигарет, зажигалку. — Ну, пытать ее сейчас не вариант, сама понимаешь. Пусть спокойно родит, там будет видно.

— Спокойно родит? Ты трахаешь все, что движется, не скрываясь, и говоришь мне тут, что хочешь своей жене покоя?

— Во-первых, — он пододвигается ближе, и кажется, что нависает надо мной. Злится, и мне становится страшно. Еще чуть-чуть, и я почувствую его дыхание на своем лице, — во-первых, не все, что движется, а только секси-телочек, — не знаю почему, но я краснею. — А во-вторых, мне нужно поставить памятник только за то, что я не придушил ее, как только узнал о бля*стве, — его слова звучат как угроза, холодок пробегает по спине. Впервые за вечер он выглядит агрессивным. Егор откидывается в кресле, а я размышляю, на что может быть способен ревнивый мужчина, узнавший о предательстве?

— Может, «жена ревнивца» — не она? — с надеждой спрашиваю.

— Я уверен, что она. Было бы хоть одно сомнение, я бы за него ухватился.

— Черт, Егор, зачем ты вообще полез на этот форум! Ну к чему эти расследования! Он комично закатывает глаза, утрируя свою реакцию на мое замечание:

— Перечитай ее ник еще раз. Я проверю всю ее почту.

— Это ненормально.

— Она знала, за кого выходила. Я никогда не скрывал, кто я есть на самом деле. Понимаешь... А как тебя зовут вообще? — вдруг спохватывается он. Да уж, вовремя. Мы почти час обсуждаем его самую что ни на есть личную жизнь, пора бы познакомиться.

— Вероника, — я протягиваю ему руку, и он ее быстро пожимает.

— Егор. Так вот, Вероника, я абсолютно отрицательно отношусь к изменам. Ксюша знала, что я никогда не смогу простить даже поцелуя с другим мужиком, не то что секс. А тут, по-моему, вообще гребаный триндец! Нет? Ты так не думаешь?

— Все совершают ошибки, — втягиваю голову в плечи, понимая, какую же чушь несусь. Он, видимо, по глазам прочитал, о чем я думаю, поэтому проигнорировал мое нелепое оправдание.

— Я не могу любить женщину, которая меня не уважает и выражает это таким вот способом, — брезгливо морщится.

— Ты ее любил?

— С детства, — говорит и допивает свой напиток. Лед в его стакане не успевает таять, но Егор перед каждой новой порцией докладывает пару кусочков. Еще пара штук — и горочка будет.

— Погоди. Ну может, это шутка такая? Егор, нельзя же рушить жизнь из-за сообщения в интернете! Да мало ли что могло случиться? Вдруг ее элементарно подставили?

— Хотелось бы в это верить, но вот что-то не получается.

— А тест на отцовство?

— Сделаем после родов, конечно, но как прежде уже никогда не будет. Если мой — я, разумеется, согласен платить алименты.

— Однозначно развод?

— Естественно. Да о чем ты вообще говоришь? — он снова разводит руками. — Она трахается с другими, я трахаю других. Это похоже на семью, скажи мне, Вероника? Ты себе так представляешь брак?

Я вздыхаю.

— Спасибо, что прочитала и поговорила со мной. Хотелось с кем-то обсудить. Другим стыдно даже заикнуться, — задумчиво говорит он, распечатывая зубочистку, прикусывает ее. Вертит сигарету в руках. — Думал к священнику сходить, но, оказывается, исповедь происходит при всех. Шепчешь второпях на ухо, когда еще двадцать человек стоят за спиной, напрягая ушилокаторы. Я думал, все как в кино будет — закрытая кабинка, пустынный готический храм.

— Тебе нужно в католическую церковь.

— Предательство — это самое ужасное, что может сделать женщина по отношению к своему мужчине. У меня была семья, планы на будущее, беременная жена, а через минуту я потерял все, просто авторизовавшись за ее ноутом. Мой отец говорил, что все до единой бабы — шлюхи,

а я не верил. Вот к двадцати восьми годам прозрел. Ну что ты смотришь на меня испуганно, Вероника, хочешь опровергнуть мои слова? Представь, я не могу даже наорать на нее, как следует, потому что она беременная, и вне зависимости от того, кто отец, у нее есть преимущество в любой ссоре.

— Мне жаль.

— И мне жаль, — он разливает остатки выпивки по стаканам. — Я не оправдываюсь перед тобой и не собираюсь. Напротив, признаю, что веду себя не образцово-показательно. Со стороны — так вообще, но понимаешь, Вероника, во все остальные моменты мне тупо хочется сдохнуть. Выкарабкиваюсь из этой гребаной ямы, как уж умею, — он допивает виски и задумывается, не заказать ли еще, а я делаю несколько глотков и кашляю.

— Егор, а у тебя есть враги?

Он приподнимает брови. Я продолжаю:

— У тебя или у Ксюши? Ты говоришь, что она все отрицает.

— Ну, разумеется, отрицает. Ей же жить хочется.

— А если ее и правда подставили, чтобы разрушить ваш брак? Что если твоей «ямы» не существует?

Он морщится. Я продолжаю:

— Ты говоришь, что не знаешь, кто МЧ2. Может, его вообще не существует? Вместо того, чтобы ныть и пить, взялся бы да выяснил!

— Как? Говорю же, с Ксюхой поговорить невозможно, как только ее что-то расстраивает, ей сразу становится плохо, она хватается за живот и теряет сознание. Ей дурно, а мне хреново. Пять месяцев. Это почти, блин, полгода тянется! Когда я впервые показал вот эти скрины, у нее поднялось давление, пришлось вызвать скорую, она неделю лежала на сохранении, а я чувствовал себя убийцей. Да и врач припер к стенке, заявил, что такими темпами я спровоцирую выкидыш. Как только она меня видела, сразу начинала рыдать, пока я не сказал, что верю ей. Мы типа помирились, живем вместе, но она понимает, что спокойствие мое — липовое и временное. Понимает и не лезет в мою жизнь.

— Сегодня Ксюша понимающей не казалась.

— Да. Очень удачно влезли вы с подружками. Спасибо большое. На меня и так вся семья ополчилась, а она у нас огромная. Мне кажется, меня родная мать ненавидит за то, что плохо отношусь к Ксюхе. Но я не могу сказать правду, мама очень импульсивна, она не сможет сдержаться, устроит грандиозный скандал. Я не хочу брать грех на душу. Придется терпеть.

— И ты решил снять квартиру и водить туда женщин.

— Точно! И бухать, — он охотно кивает, наконец, прикуривает сигарету, с наслаждением делает затяжку и выпускает через нос густой дым. К нам спешит администратор, которому Егор пихает деньги, тот строго произносит: «всего одна», после чего удаляется.

В безумную историю Математика трудно поверить, но собственническое отношение к партнеру мне знакомо. Хотя, наверное, оно знакомо всем, кто хоть раз был влюблен по-настоящему.

Ситуации, в которой он оказался, не позавидуешь. Ловушка. А еще мне кажется, что он до сих пор ее очень любит. Каково это видеть округлившийся животик своей любимой женщины, зная, что он была с другим, и, возможно, носит его ребенка? Егор столкнулся с предательством, размах которого много шире, чем он способен принять. Как продолжать доверять человеку, который создает подобные темы на форумах? Ей, кстати, там много чего советовали, большинство форумчанок рекомендовали ничего не говорить мужу и жить в свое удовольствие. Общий вывод можно сделать только один — пятьдесят на пятьдесят.

Отцом может быть в равной степени что один, что второй.

Мне грустно за Ксюшу, оказавшуюся в такой непростой ситуации. На моих глазах разваливается брак. Когда Егор говорит о ней, я вижу, как ему больно, и мне немного завидно, ведь меня никто никогда не любил так же сильно. Сама я любила. Однажды.

Я осушаю свой стакан и на вопрос «повторим?» киваю.

У меня нет и никогда не было синего постельного белья. Тогда почему подо мной сейчас так много темно-синей мягкой ткани? Простыни, подушка и даже одеяло, которое натянула на голову — всё это принадлежит не мне. А кому?

Голова не болит, но сердце колотится так, будто позади уже два километра, а впереди еще три. Оно, должно быть, решило, что я сошла с ума, вспомнила юность и рванула марафон. Зажмуриваюсь, силясь вспомнить, что вчера произошло и где могу находиться. Откуда-то слева слышится шум, бряканье посуды, и я начинаю вспоминать.

— Умоляю, скажи, что мы не переспали, — простонала в подушку, откинув одеяло.

— Мы не переспали, — отвечают мне приятным баритоном, который тут же узнаю. Да, голос принадлежит Егору, но определенно точно я слышала его раньше. Интересно, где именно, учитывая, что только вчера познакомилась с этим мужчиной?

— Точно? — спрашиваю.

— Нет, — судя по интонации, он смеется.

— Да ладно! — не верю ему, разумеется, но ужас сомнений «а вдруг?» бросает кровь к лицу. — Ничего не помню. Мы ехали в такси, мне очень хотелось спать... а потом все, провал. Ты подло воспользовался моим беспомощным состоянием? — я приподнимаюсь на вытянутые руки. Егор, одетый в джинсы и свежую майку, заходит в спальню и, присев на край кровати, смачно откусывает кусочек стебля сельдерея. Хрумкает, а у меня тошнота подкатывает к горлу. — Боже, какую дрянь ты ешь, — морщусь.

— Сказала мне инструктор по фитнесу и питанию, — посмеивается он, продолжая хрустеть.

— Бывший инструктор, — уточняю в свое оправдание.

— А по виду и на ощупь — как настоящий, — он оглядывает меня с ног до головы и играет бровями. Нет-нет-нет. За секунду до того, как я теряю сознание от отвращения к себе, он, смилостивившись, добавляет: — Ничего не было, не сокрушайся. Мы взяли одно такси, так как ехать в один район, и ты вырубилась по дороге, поэтому ничего и не помнишь. Сначала я честно затащил тебя к тебе домой, кстати, у тебя уютно. Но не нашел вторые ключи, а входная дверь у тебя не захлопывается. Я не смог оставить тебя в «беспомощном состоянии» в квартире

с открытой дверью. Не буду лукавить — пытался, даже на улицу вышел, покурил, затем вернулся, решив, что настало время проявить гостеприимство.

— Ого! Ты нес меня на руках в соседний дом?

— Увы, мы подбухивали вместе, поэтому я тебя... уронил. Дважды. Шутка, трижды. На самом деле мы падали вместе, — он задирает майку и показывает большую ссадину на боку, тычет пальцем в мое плечо, которое тоже слегка ободрано, и после того, как я заметила рану, его начинает саднить. Воспоминания возвращаются будто нехотя, через пелену, неожиданно вызывая улыбку. Нам действительно было весело прошлой ночью, пьяный Егор много потешно матерился, читал мне стихи Ломоносова по памяти и вообще с гордостью заявил, что филолог в третьем поколении. А когда я ляпнула, что таким в наше время не гордятся, он строго погрозил мне пальцем.

— А почему ты не остался у меня? — я сажусь на кровати, голова немного кружится, но быстро приходит в норму. Понимаю, что одета во вчерашнее платье. Ни один предмет гардероба действительно не снят, все на месте, и это радует. Если бы Егор переделал меня, я бы сейчас почувствовала себя уязвимой, и мне бы это не понравилось.

— У тебя только одна кровать, а спать рядом с тобой невозможно.

— Почему? Раньше никто не жаловался.

— Ты домогаешься, — и глазом не моргнул.

— Что-о?!

— О да. Ну я же не железный, — хитро прищуривается. — Не парься, я понимаю, что сам напоил тебя, плюс травка оказалась на удивление забористой...

— Травка?

— Видимо, забыл предупредить, что мы курили не сигареты. Так вот, ты не виновата, что выключилась.

— Разумеется, я не виновата! — всплескиваю руками, поднимаюсь и иду в ванную, слыша, как он посмеивается за моей спиной. Мне даже смех его кажется знакомым, да что такое-то? Не успела я в него влюбиться настолько, чтобы млеть от одного голоса, но я млею и ничего не могу с этим поделать.

— Ты сказала, что я вылитый твой учитель математики, в которого ты была влюблена в школе, и которого хочешь получить ХОТЯ БЫ СЕЙЧАС! — это он произнес, блестяще скопировав мои привычные интонации.

— О Боже, — я захлопываю за собой дверь и поскорее забираюсь под душ.

В следующие после моего выхода из ванной комнаты полчаса выясняется, что — первое — у

Егора красивая небольшая квартира «для траха», как я ее пренебрежительно обозвала, на что он безэмоционально пожал плечами, впрочем, спорить не стал. Второе — я настолько сознательная, что перед сном прислала сообщение Мирославе Алексеевне, что заболела и не смогу приехать на тренировку (слабое утешение, согласна). И третье — Егор не собирается выставлять меня поскорее за дверь. Вместо этого он приготовил нам на завтрак яичницу и

сварил кофе, сидит теперь на полу с тарелкой в руках, смотрит на меня выжидающе.

В этой квартире нет столов, поэтому, видимо, ему и приходится часто пользоваться подоконником для своих, хм, целей. Из мебели только кровать в спальне, кресло да табуретка на кухне, на которой стоит банка с кофе и сахарница. Егор принес мне подушку, бросил ее у стены напротив и сейчас указывает на нее — дескать, устраивайся поудобнее.

— Прости, но кофе в постели у меня пьют только женщины, которые встали пораньше, сами его сварили и принесли мне чашечку. Поэтому... вот тебе подушка, ни в чем себе не отказывай.

Передо мной открывается та еще перспектива — сесть на пол в коротком обтягивающем платье. Но делать нечего, исполняю. Приходится, правда, зажать подушку между ног, чтобы не продемонстрировать ему свое белье.

Пару раз за утро я порываюсь попрощаться, каждый раз он отвечает лаконично: «позавтракай со мной» или «останься еще ненадолго», и от тона, которым он произносил свои просьбы, я теряюсь. Могу только кивать. Мысли в голове путаются. Я чувствую, что попала в ловушку. Может, он диджей на радио? Или актер? Нет, я бы запомнила это лицо, если бы увидела в каком-то фильме. Певец? Ведущий? Где я могла его слышать раньше?

— А кем ты работаешь? — спрашиваю, отрезая кусочек плохо прожаренной яичницы. Обожаю, блин. Горячий желток тут же растекся по тарелке, и я с трудом подавляю желание собрать его кусочком хлеба. Смотрю, а Егор именно этим и занимается, отправляет хлеб в рот и подмигивает.

Ладно, кажется, он не собирается устроить соревнования, чьи манеры безупречнее. Тем более, мы сидим на полу, позади ночь пьянки, у нас обоих ободрана кожа от совместных падений, которые я теперь вспомнила, правда, смутно. Что уж теперь. Повторяю за ним.

— Что? — переспрашивает он. — Прости, задумался.

— Егор, чем ты зарабатываешь на жизнь?

— Теоремами. Я учитель математики, — говорит он, как бы невзначай, я вспыхиваю от ассоциативного ряда, мгновенно построенного моей больной фантазией.

— Вообще не смешно.

Рассказывать ему — было очень плохой идеей. Худшей, наверное.

— Мне вчера тоже было не до смеха, я ж честно пытался с тобой дружить. Проявлять влаго... трахо... а, благородство (никак не запомню это слово) было непросто, я ведь в очередной раз тонул в жалости к себе. А когда это начинается, то я позволяю себе практически все.

— Практически? То есть все же какие-то границы имеются? — произношу мрачно, и он хохочет вслух, откинув голову.

— Кстати, — вдруг начинает хмуриться, — надеюсь, ты не думаешь, что я джентльмен? Сегодня утром тебе стало жарко, ты откинула одеяло, твое платье задралось, и...

— И ты ведь поправил одеяло?

— Ну, разумеется. Перед этим, правда, рассмотрел как следует твою попку и передернул в

ванной, — пожимает плечами.

О Боже.

— Егор, вне зависимости от того, правда это или шутка такая, твои слова звучат мерзко, — впиваюсь в него взглядом. — Ты вчера мне читал «Я знак бессмертия себе воздвигнул» и «Ночную темнотой покрылись небеса», а сегодня... Как ты вообще это совмещаешь в себе?

— О времена, о нравы! — он смеется. — Когда я работал над дикцией, то помимо скороговорок бабушка советовала тренироваться на Ломоносове. Поначалу после одного куплета у меня начинала болеть челюсть, но постепенно язык привык к тяжелым нагрузкам.

— Однако же...

— Не надо стесняться, это было неплохо. Ну, я про ванную.

— Эм. Ну, пожалуйста, — я решаю, что с меня хватит, поднимаюсь с пола, выходит не быстро, так как ноги затекли, и он успевает перехватить меня за руку.

— Получше даже, чем если бы я остался с той кошечкой из бара. Постой, не уходи. Прости. Останься, пожалуйста.

— Зачем?

— Затем же, зачем ты осталась вчера. Чтобы не дать мне тронуться умом в этой гребаной ситуации.

— Мне очень жаль, что твой брак разваливается, но я ничем не могу тебе помочь. Ты совершаешь ошибки, которые невозможно простить.

— Развалился. Брак уже развалился. В тот момент, когда она раздвинула ноги перед другим, остальное — вопрос времени. Пошлые шуточки — это единственное, что мне остается в моменте.

Дальше продолжаем завтракать молча, он о чем-то думает, я пытаюсь разобраться в своих ощущениях. Когда он говорит серьезные вещи, выглядит взрослым интересным мужчиной, когда пытается шутить — полным придурком. Я ведь не делаю ничего плохого, общаясь с ним? Разговаривать — это нормально, люди так делают, в том числе разнополые.

Мне неуютно в его квартире сидеть на полу с его подушкой, зажатой между ног. Словно я провела с ним ночь. Ушла возвращать кольцо, а сама заменила собой блондинку. Как мы докатились до такого? Пью я редко, особенно крепкие напитки, но алкоголь не стал мне мстить за редкость встреч, уничтожая память. Я отлично помню вчерашний вечер и все, что говорил мне Егор. Хорошенько надравшись, он признался в том, где и как больно, подкупив откровенностью.

А еще любовью к жене. Да-да, он до сих пор настолько сильно ее любит, что каждый раз, когда видит, чувствует, как внутри разрастается дыра. Хочет коснуться ее, но не может, потому что знает — изменила. Причем не один раз, судя по тому форуму, где отмечала даты половых актов «жена ревнивца».

«Я боролся за нее годами, — говорил он мне во «Взрослой библиотеке». — Этот гребаный брак

не достался мне легко, как само собой разумеющееся. Ксюша стала моим призом. Она... мне хотелось идти домой каждый вечер. К ней. А теперь я не хочу домой. Я вообще никуда не хочу. Меня постоянно поздравляют с будущим отцовством, друзья по-доброму подшучивают, мама всю примеряет на себя роль бабушки. Моей маме за шестьдесят, и это должен был быть... ее первый внук. А я просто знаю, что скоро на нас всех обрушится пи**ец, который кого не размажет, того покалечит. Но перед моей бурей нет затишья, ей предшествует исступление, которому нет выхода».

Поэтому я осталась. Просто не смогла бросить его в таком состоянии одного, прониклась проблемой, почувствовала.

«МЧ1 — это круто? Еще как! Это успех! — помню, как выкрикивал пьяный Егор на улице. — Спасибо, дорогая, почти два года отношений — и вот благодарность! Спасибо, что не номер, блин, два! Выбился, бл*ть, в лидеры!»

Я встряхиваю головой, прогоняя воспоминание.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваю.

— Как обычно — хочу убивать, — подмигивает. — Наверное, сегодня утром впервые чуточку меньше, чем обычно. Эта сука не постеснялась припереться и предъявить претензии. Договорились ведь, что не будем лезть друг к другу. Если я буду столько пить после каждой встречи с женой, то за эти месяцы впаду в алкокому. Кстати, хорошая идея, не буду о ней забывать на будущее.

Это ты еще не знаешь, что твой бар опустел, а вещи, возможно, уничтожены. Представляю, как он психанет, когда зайдет в квартиру и увидит. Но мне почему-то не страшно за Ксению, откуда-то я точно знаю, что ничего он ей не сделает, несмотря на то, что по габаритам в два раза больше, и одним ударом кулака может просто убить хрупкую девушку. Если не сделал раньше, проигнорирует и сейчас. Уйдет молча. Я думаю о том, что сидящего напротив меня мужчину ждет еще один неприятный сюрприз. Можно подумать, ему без этого мало.

Он добавляет:

— Вдобавок еще и по морде отхватил, — в этот момент он мне подмигивает, а я чувствую, как розовеют щеки. Не сосчитать, сколько раз он мне вот так же подмигивал со своего балкона, а я улыбалась за мгновение до того как отвернуться. Как бы строя из себя недотрогу, одновременно давая надежду. А теперь я в этой самой квартире, вот только радоваться здесь нечему.

Да, с одной стороны Егор ведет себя недопустимо, а с другой... мало какой мужик поступал бы на его месте лучше. Он обычный, и неправильно его упрекать в этом. Вопрос не в том, согласен ли он принять чужого ребенка: ему изменили и он не собирается это глотать.

Я пытаюсь продолжать его презирать за секс на стороне и хамское поведение, но не получается. Его любимая женщина ему изменила, а он вынужден скрывать это, чтобы не навредить, возможно, чужому ребенку. Как знать, может, ему действительно даже поговорить не с кем.

— О чем ты думаешь? — спрашивает он, прищурившись. — Мне кажется, ты шевелила губами.

— Что ты планируешь делать дальше?

— Поеду на работу, — он смотрит на часы, — через час нужно выдвигаться. Хочу успеть заехать домой переодеться.

— А вообще? В жизни.

— Ничего, а что я могу сделать? Я говорил с юристом: до того, как ребенку исполнится год, я не могу развестись без согласия Ксюши. Согласие она пока не дает. Тест ДНК в нашем случае возможен только после рождения. Так что если отец не я, то я получу свободу лишь через четыре месяца, если ребенок все же мой — то через полтора года. Ждать, — он разводит руками.

— Это ведь... с ума сойти можно. Ты не сопьешься?

— А не похрен ли? — он снова злится, а я не могу понять, что сделала не так.

— Прошлым вечером мне даже в голову не могло прийти, что ты — в данной ситуации жертва. Что вообще мужчина, изменяющий жене, может быть жертвой!

— Я не жертва, я осел. Уникальный, потому что рогатый, — уголок его губ дернулся. Егор саркастично улыбается, а я хочу взять его руку, но не делаю этого. Не могу понять, что может толкнуть женщину изменить такому мужчине. Он привлекателен, судя по квартире и одежде — не беден. Не лишен самоиронии, с ним весело даже в этой невеселой ситуации. Однажды я тоже изменила своему парню, но мы не были женаты, и у нас была совсем другая история. Другая ли? Прошел ли с тех пор хотя бы один день, чтобы я не пожалела о совершенном? Вряд ли. Интересно, переживал ли в то время Генка так же, как сейчас Егор? Вспоминая себя ту, осознавшую, что произошло, понимаю, что я была в шаге от прыжка с моста.

Мистер Математик

Привет, блог

Прежде, чем решить, стою ли я вашего времени, вы должны узнать обо мне несколько вещей. Во-первых, я не могу иметь детей. Ого, да? Вы такие сейчас: эм-м-м, ладно. Опускаете глаза, а сами не можете сдержать неудобную улыбочку. Вам кажется, это не та информация, которую стоит сообщать при знакомстве, но поверьте, именно та, оказывается. Несмотря на то, что с десяти лет я был безнадежно влюблен в старшую сестру своего лучшего друга, я пытался строить отношения с другими женщинами и быть типа счастливым.

Дважды я признавался в своей проблеме девушкам, которые до этого клялись, что хотят встретиться со мной старость. Одна из них минутой ранее согласилась стать моей женой. А потом они меня бросали, обозвав мудаком и заявив, что о таком стоит предупреждать заранее, чтобы нормальные люди не теряли время.

Окей, вы предупреждены заранее.

Во-вторых, я настолько мечтателен и наивен, что когда Ксюха забеременела, подумал, что свершилось чудо. Слово, обозначающее мой диагноз, едва помещается по длине в строчку страницы А4, но врач намекнул, что в его практике случались удивительные вещи. Природа имеет медицину всевозможными способами под настроение, а основной инстинкт — на то и первый, что самый сильный. Давайте поспорим, если хотите. Я любил ее с нежных десяти лет, почему бы небу не сделать мне подарок за то, что сумел добиться женщины своей мечты?

Наивен, но не глуп. После счастливой новости я начал почитать сообщения в ее телефоне, просматривать историю браузера, иногда следить. Ну, для разнообразия. И, как выяснилось, не зря. Мы превратились в охотника-жертву, чем упорнее я догонял, тем искуснее она пряталась. Радовался будущему отцовству, как все уже поняли, я недолго, а точнее — двенадцать дней. Принимал поздравления, дарил жене подарки. А потом пришло время заслуженной расплаты за обман. Ксюше я не сознался, что бракован. Мне почти двадцать девять, ей тридцать два, я думал, у нас еще есть время побыть просто вдвоем, а когда вопрос встанет ребром, что-нибудь обязательно придумаем... вместе. Я, скажем так, был готов пойти на уступки. Но только не секс с другим. Е*бать, ну конечно нет!

Гребаный триндец, вот что происходит сейчас. Сука, ну почему? За что, блин, мне все это? Я не из тех, кто шантажирует любимых суицидом, мне ближе вылезти из кожи вон, доказывая, что все в полном порядке, а затем неожиданно всех удивить, сиганув с высоты на мокрый асфальт. Иногда мне кажется, что вытерпеть такое невозможно в принципе, как и решить мои проблемы. Если бы я был семнадцатилетней ванильной белоснежкой, я бы просто все бросил и сбежал. Вместо этого с похмелья фигачу боксерскую грушу со всей дури, пытаюсь вымотаться до состояния бессилия прежде, чем пойти домой. Я солгал Веронике, нет у меня сегодня работы, полностью свободный день, еще один из череды многих, которые надо пережить.

* * *

— Что ты мне вчера за дурь подсунул? — вместо приветствия говорю тренеру, как только тот подходит ближе, чтобы прокомментировать мои удары. Тренер он так себе, как вы уже поняли, но дружим мы полжизни, поэтому менять его не собираюсь.

— А что? Не вставило? Или, наоборот, хочешь еще? — посмеивается Илья. — Сильнее размах делай, что за бабьи шлепки. Позорище, Озерский.

— Вставило нормально, но такого... — ударяю еще несколько раз, вкладывая последние силы, и останавливаюсь. Ловлю раскачивающуюся грушу, утыкаюсь в нее лбом, по которому крупными каплями катится пот. Облизываю губы, и кажется, что он, пот, у меня с привкусом спирта. Говорю, запыхавшись: — Такого голода я не испытывал со времен турпохода на Байкал. Черт, я проснулся в шесть утра от того, что понял — подыхаю! Залпом выпил два сырых яйца и сожрал пучок сельдерея!

— Кого?! — громко хохочет Илья. — Сельдерея? Это такая фиговина зеленая?

— Да, блин, зеленая! Сгрыз его, как чертов кролик, еще и пальцы облизал, пока ждал, когда раскалится сковородка для яичницы.

Он пополам складывается от смеха, пока я вытираю полотенцем шею.

— Откуда он у тебя вообще взялся?

— Димас забыл пакет с продуктами, я уже неделю их подьедаю в студии.

— А, ты в студии ночевал? Я думал, Ксюха снова у родителей, не кормит тебя.

— Не, Ксюха готовит, как шеф-повар, играет в домохозяйку с таким рвением, что мне иногда страшно. Она молодец, чувствую, мальчик никогда не женится, с такой-то мамашкой! Будет требовать от жены невозможное.

— Вы имя еще не придумали?

— Нет, решили с этим не торопиться.

— Слушай, Егор, — его голос становится тише, его почти не слышно за ударами и пыхтением парней, занимающихся поблизости, — ты же сегодня будешь у меня вечером? Я на тебя рассчитываю.

— Нет, дела.

— Ну смотри, если что — приезжай. Сауна, пиво... — он проследивает мой взгляд, упирающийся в красотку на беговой дорожке, — девочки — всё в плане у дядюшки Илюши. Санникова точно не будет, никто не узнает, — подмигивает он мне. Коля "Санни" Санников — это мой друг и брат Ксюши по совместительству. Раньше на развратных вечеринках у тренера мы зависали вместе, пока я не женился на его сестре, разумеется. Теперь о подобном не может идти и речи, хотя Илья по-прежнему упорно зовет меня второй год подряд.

— Все, я в душ.

— Ага, давай, торопись массажировать ножки своей королеве, — бросает он мне вслед обиженно, через шаг резко разворачиваюсь и с вызовом показываю ему сразу два средних пальца. Он смеется, я тоже криво улыбаюсь.

— Егор! — гаркает через весь зал, когда уже подхожу к раздевалке. Нехотя оборачиваюсь "ну что еще?". — Потерянный для друзей каблук, надумаешь — ток позвони. Без тебя не то.

* * *

Ксюша встречает у порога. Крошка моя уперла руки в бока, смотрит строго, не испытывать вину под пристальным взглядом этих серых глаз невозможно, но каким-то чудесным образом все же умудряюсь. В квартире приятно пахнет чем-то вкусеньким, и сама Ксения источает ароматы ванили и шоколада. Подозреваю, на десерт у нас будет торт. Безэмоционально целую ее в щеку, прохожу в свой кабинет, некоторое время оглядываю поломанное оборудование для звукозаписи, перевернутый стол, вздыхаю, сдерживая вспышки агрессии, они пятнами идут перед глазами. Гашу. В коридоре и на кухне идеальная чистота, но мои личные вещи снова впали в немилость.

А что же происходит в спальне? Большой-большой секрет. Раз уж до кабинета добралась... Мучают неприятные подозрения. Да и какая разница? Что я, трусов себе новых не куплю?

Иногда, глядя на жену, я чувствую разочарование, но чаще пока еще — ревность. Я бы хотел однажды вылечиться и перестать ее ревновать, вырваться обратно во френдзону и на этом успокоиться. В френдзоне была категорически недоступна киска стоящей передо мной красавицы, но по крайней мере — всегда свободный вход на кокаиновые вечеринки тренера.

Она переминается за моей спиной с ноги на ногу. Самое время для рубрики "Минутка уныния". Засекайте (читать нужно быстро, уложиться в заявленное время — дело крайней важности): я бы хотел подойти к ней, крепко обнять и прижать к себе, прошептать на ухо, что никогда не брошу в беде, заступлюсь, кем бы ни был враг — когда дело касается ее, мне не страшно. И, разумеется, я помогу исправить любые ошибки, начать все заново. Любые да не любые. Все чаще я думаю, что самая большая Ксюшина ошибка — это я сам. Если бы она попросила меня уйти или хотя бы согласилась поговорить начистоту, всем бы стало легче. Наверное. Она ведь

знает, как сильно я ее любил, как меня трясло, когда получил доступ сначала к ее губам, потом к телу. В двадцать-то шесть лет, можно подумать, у меня баб до этого не было. Было. Много, разных, и лучше, и красивее ее, и уже, и изящнее, и на одну ночь, и в попытке построить серьезные отношения. Я нервничал, она смеялась, а потом согласилась выйти за меня замуж, добавив: «Егор, я думала, ты никогда не позовешь уже!» А потом снова доказала, что имеет надо мной власть, раздавила парой поступков.

Если бы я знал, кто был с ней, я бы его убил, и мне стало бы легче. Ненадолго. Эмоциям нужен выход, блогеры пишут блоги, понятия не имею, как справляются остальные.

— Если ты извинишься за вчерашнее, я тоже извинюсь, Егор, — говорит она мне осторожно. Голос родной, нежный. Ей грустно. Мне не нравится слышать ее грустный голос, пятнадцать лет я тратил бесконечное количество часов, веселя и радуя ее, а теперь понимаю, что сам — причина ее печали, и ничего не могу поделать. Ей надо оставить меня в покое, пока я не сделал ей больно. — Егор?

У меня не получается самому разобраться в том, что происходит, могу только молчать и делать вид, будто тупой и не понимаю, что мы по кругу ходим, а под ногами ступеньки осыпаются, вот-вот кто-то первый ахнет вниз, и этот кто-то будет не она, потому что, несмотря ни на что, ей упасть я не дам.

Мне нужна помощь, слышишь, блог?

Она решает, подходит и крепко обнимает меня со спины. Прикрываю глаза, чувствуя аромат ее духов. Прилив нежности внутри меня сменяется новой вспышкой агрессии, которую гашу. — Я понимаю, что тебе тяжело дается воздержание, я закрою глаза на твою интрижку. Тем более, что ничего ведь не было? Я успела вовремя предотвратить. А если и было раньше, просто не рассказывай мне, хорошо?

— Я сожалею.

— Только, пожалуйста, не позорь меня впредь перед подругами, хорошо? Ты же понимаешь, что у меня есть определенный статус в глазах окружающих. Да, у нас не лучший сейчас период, но вот такими поступками ты ставишь точку. Пока что у нас есть шанс пережить это, но если ты не перестанешь, то потеряешь его. Потеряем мы вместе.

— Да, скандал — это меньшее, что нам сейчас нужно.

— Вот именно. Ты ночевал у мамы?

— Ага, — она никогда не звонит маме и не проверяет. Возвращаю на место стол, поднимаю микрофоны. Не сломано, просто брошено на пол. На всякий случай проверяю технику. После того, как Ксюша оказалась в интересном положении, она часто крушит мебель, мне велено спускать это на тормозах. Наверное, она тоже нервничает, понимая, что ребенок может оказаться не моим. Ей тоже не позавидуешь. Малышка, вот зачем ты так с нами?

— Егор... я люблю тебя.

— И я тебя люблю, — отвечаю заученную фразу. Я и правда ее все еще люблю. В доказательство замечу, что целых три секунды думал о том, чтобы смириться с судьбой, которую Ксюша для нас выбрала. Ну а что, у меня детей быть не может, а они нужны. И Ксюше, и моей маме, которой я обещал внуков. Но... я не смог продолжать с ней жить после

измены, как раньше. Не могу и никогда не смогу, хотя и сказал, что поверил ее клятвам в верности.

— А мое кольцо? — спрашивает она, заглядывая в глаза. — Та придурочная, которая ударила тебя, должна была вернуть его. Только не говори, что она захапала его себе! Прости, это было лишним, просто... как увидела тебя с той блондинкой, с ума сошла от ревности.

Я достаю из кармана кольцо и надеваю ей на палец. Сердце бьется немного ускоренно — каждый раз, когда мы ссоримся, она возвращает мне кольцо, и каждый раз после примирения я снова надеваю его ей на палец, вспоминая ЗАГС, ее в белом платье и свое бесконечное счастье.

Я прошу ее выйти из кабинета, так как на почту пришла работа. Нужно ознакомиться и сдать сегодня. Это правда, показываю сообщение в ящике.

Вечером Ксюша умоляет заняться с ней сексом. Даже беременной она выглядит соблазнительной с полной грудью и стройными ножками. Мое тело мгновенно откликается на ее предложение, но я говорю, что слишком устал в спортзале. Она тянется к моей ширинке, приходится перехватить ее ловкие пальчики, пресечь попытку опуститься передо мной на колени.

— Ну уж нет, я не позволю тебе сейчас стоять передо мной на коленях.

— Когда ты успел превратиться в зануду? — она улыбается. — Расслабься, давай попробуем. Может, именно этого нам не хватает столько месяцев, и отсюда берутся проблемы.

Отрицательно качаю головой. Мне хочется закрыть глаза и в следующее мгновение открыть их в студии или, как говорит Вероника, в "квартирке для траха". Припомнив наши словесные перепалки, я невольно улыбаюсь, Ксюша воспринимает это по-своему, ей кажется, что я даю зеленый свет, поэтому приходится сильнее сжать ее плечи и капельку встряхнуть.

Если я начну ее трахать, меня накроет окончательно и бесповоротно. Со всей навязчивой тягой к саморазрушению, на какую только способен человек, вообразу на своем месте другого и сказану ей что-нибудь эдакое. В лучшем случае. Ну, что думаю на самом деле. Она тут же позвонит моей маме, своей маме. Мы это уже проходили: «Егор, засунь свою тупую ревность себе в задницу, пока Ксюша носит нашего внука».

Что я и делаю.

Ежеминутно уже пять месяцев.

Возможно, мне не хватает решительности поставить ту самую точку, о которой она говорила выше. Всегда лучше, менее болезненно дернуть резко, чем тянуть медленно по сантиметрам, да ведь? Просто... С Ксюшей я... другой, даже друзья стебуются, обзываясь. Когда я добился ее, парни изрядно удивились моему новому образу жизни: кабаки, женщины, бухло... — все настоящему интересенькое потеряло привлекательность. Я действительно каждый вечер с упорством оленя шел домой, потому что мне хотелось находиться здесь, в этих стенах рядом с ней. Ксюша активно переделала мою квартиру под себя, вернее, под нас, мне было все равно. Надо мной подшучивали, потом успокоились, понимая, что бесполезно.

Эта женщина много лет являлась моим слабым местом, крепко держала за яйца, ничего особенного для этого не делая. Ради того, чтобы проводить ее до подруги или отвезти на вокзал, я мог отменить абсолютно любые планы. Наверное, поэтому и спешил жениться

поскорее, потому что сам по себе был неспособен справиться с этой манией. Наваждением. Психовал каждый раз, когда видел ее очередного исключительного ухажера, и радовался, когда она разрывала отношения. Пятнадцать лет я был просто другом ее младшего брата, основательно засев во френдзоне. А потом я сотворил невозможное и теперь захлебываюсь последствиями.

Надо набухаться где-нибудь подальше от нее. Р — рефлексия.

Я ей отказываю по возможности мягко, но Ксюша словно с цепи срывается.

— Ага, значит этой ночью ты все же трахался со своими шлюхами?! — вопит она.

— Ты считаешь, что это бы как-то на мне отразилось? — пытаюсь свести все в шутку, но Ксюха не в настроении. Я живу с ней, продолжаю о ней заботиться и давать деньги, я сопровождаю ее во время поездок к родителям или куда-то еще, даже вечером смотрю вместе с ней сериалы, обнимая. Единственное, что я не могу делать — это спать с ней. Огромное счастье было, когда врач не разрешал ей вести половую жизнь. Уже думал о том, чтобы приплатить ему за какой-нибудь лишний диагноз.

— Только не говори, что ты все еще сомневаешься в отцовстве! — вспыхивает она. — Ну давай сделаем тест немедленно, прямо сейчас поедem и проколем мне живот. Рискнем. Давай, чтобы тебе спалось спокойнее. Но имей в виду, тогда я уйду от тебя навсегда. Если ты мне не доверяешь, если думаешь, что я способна на такое... — она снова начинает плакать, — Егор, если ты так унизишь меня, на этом все закончится. Абсолютно все между нами.

* * *

Несколькими днями после происходит следующее.

— Привет, что делаешь? — радостно приветствует меня кокаиновый тренер, как только я отвечаю на его входящий с мобильного.

Штрихую желтым фломастером на плакате слово «сиськи».

— Читаю переводы, разумеется, — отвечаю ему.

— И распеваешься? До-ре-ми... — от души фальшивит в трубку да так громко, что приходится отодвинуть ее от уха.

— Как ты догадался?

— Ксюха близко?

— Не-а. В последнее время она не дает мне сосредоточиться. В студии я.

— О, отлично. Может, подъедешь? Мы тут с пацанами решили поиграть в бильярд. Внезапно.

— А кто за меня сделает работу?

— Например, ты, который встанет пораньше и все успеет?

— А, ладно, сча подумаю.

Сбрасываю вызов, выхожу на балкон и разворачиваю свой ватман с яркой надписью черными буквами на желтом фоне:

«ИНу покажи сиськи!!»

Вероника целую секунду пораженно смотрит на меня с балкона напротив, я начинаю беспокоиться, не переборщил ли, но она вдруг сгибается пополам. А когда выпрямляется, я вижу, что она хохочет. Заливисто, заразительно, в полный голос. Вытирает пальцами уголки глаз. Воодушевившись и зажав сигарету между губ, я прикрепляю скотчем плакат к окну, затем жалобно смотрю на соседку, сведя ладони в умоляющем жесте.

«Неужели не осталось ни одного порно, которого ты еще не видел?» — пишет она мне в вотсаппе.

«Не-а. Чета медленно его снимают».

Она улыбается, когда читает это сообщение. Пишет в ответ. Пишет и пишет, стирает, снова пишет.

«Ну же, — отправляю ей, — смелее».

Она показывает мне язык. Я поглядываю на нее в маленький бинокль, который раздобыл специально для этих целей. Наши балконы расположены близко, но не настолько, чтобы досконально улавливать мимику. А мне же интересно.

«Что тебе от меня надо, Егор? Только честно».

Тыкаю пальцем на плакат, смотрю на нее, как на недалекую. Она закатывает глаза. Ну же, девочка, знаю, что ты смелая и безбашенная, и что ты сделаешь это. Давай, не стесняйся. На улице тепло, не замерзнешь, тем более — это будет вызов, а что в нем плохого? Вероника, давай бунтовать вместе? Передо мной не стыдно.

«С какой вообще стати мне это делать?»

«С той самой, что мы друзья. И ты обещала меня поддерживать».

«Мы разный смысл вкладываем в слово «поддержка».

«Ну, пожалуйста. Ты согласилась со мной дружить при условии, что я не стану больше изменять жене. Я держу слово. Но я., на пределе. Как друг, ты обязана поднять мне настроение».

«Егор, прошло четыре дня!»

«Очень несчастных и грустных четыре дня».

Делаю несколько сильных затяжек, а сам держу телефон наготове.

«Пожалуйста. Я погибаю, Вероника», — отправляю ей и включаю камеру.

«Да ну тебя», — присылает она мне смайл «рукалоб». После чего поворачивается спиной и стягивает майку. Без лифчика! Эта девочка сумасшедшая, честно говоря, я от ее смелости и непредсказуемости в диком восторге.

Она показывает палец, два пальца. Три. У меня пот выступает на лбу от напряжения. Вероника резко поворачивается. Я щелкаю ее на телефон, в следующее мгновение она приседает, пряча от меня красоту за бортиком балкона. А я жадно всматриваюсь в экран мобильного, торопливо увеличивая изображение. Фотка получилась, еще как! Еще какая! Вот только один минус — Вероника показала грудь, но спрятала лицо за книгу «Преступление и наказание».

Федор Михайлович хмуро смотрит на меня с обложки, причем так, словно осуждает. Вот не надо ля-ля, дорогой гений, в моем возрасте вы еще и не так отжигали.

«Ты фотографировал на телефон! — Вероника присылает мне сообщение с разъяренными смайлами. — Такого уговора не было!»

«Егор, перестань пялиться в телефон!»

«Егор, подними на меня глаза! Как тебе не стыдно!»

Не отрывая глаз от телефона, я показываю ей большой палец, облизываю губы. Затем делаю вид, что облизываю экран сотового. Она присылает мне:

«Ты даже не стараешься казаться лучше».

«Отличные сисечки», — отвечаю ей, снимаю плакат, разворачиваюсь и ухожу в комнату.

«Эй, ты куда пошел?»

«Ты чем там занимаешься?»

«Егор, ты мерзкий человек».

«Спасибо, ты настоящий друг», — отвечаю ей. Размышляю секунду и добавляю: «если понадобится моя «поддержка», пиши, не стесняйся».

«Даже не сомневаюсь, ты только рад будешь».

Вероника забавная. Так сложилось, что о ней я не знаю практически ничего, кроме имени, адреса и веса — действительно ведь тащил на руках. Зачем, правда, не помню, накурился до такой степени, что не соображал, что делаю. Но в то же время она — единственная, кто знает, что на самом деле творится в моей жизни, и действительно поддерживает меня. Когда мне скучно, я начинаю подкалывать ее, и обычно она ведется! Не знаю, надолго ли хватит нашей эдакой дружбы, но, наверное, такой человек мне сейчас не помешает. Готовый выслушать.

Пара слов, чтобы лучше понимать масштаб проблемы. С Ксюхиным братом Колькой мы крепко дружим много лет, у меня нет компании, в которую он не был бы вхож, и у него — аналогично. Мы росли вместе, жили в соседних подъездах, ходили в один класс. Когда я начал встречаться с Ксюшей, он предупредил: обижу ее — он меня уроет. Наши мамы тоже неплохо ладят, часто созваниваются, отцы вместе работают. Оно и понятно — много лет соседи, дружим семьями.

Однажды правда погубит огромное количество связей, выстроенных десятилетиями. Все очень, очень непросто. Иногда мне даже страшно. Немного. А потом я представляю свою маленькую девочку под каким-то мужиком, и меня кроет. Слепляет. И я готов разорвать свой ошейник и вцепиться в глотку тому, кто окажется поблизости.

Ваш ММ

Веро

Помогать искренне и безвозмездно — дело хорошее. Но у помощи есть и вторая, темная сторона, на которой живут ненавязчивость и уместность, поэтому я никогда не пишу ему первой, хотя иногда хочется. На сообщения отвечаю быстро, а присылает он мне их — часто. Ерунду всякую, конечно, Математик в своем репертуаре. Анекдоты дурацкие отправляет, где только берет? Задает недопустимые вопросы, которые игнорирую. Сам же на них остроумно, по его мнению, отвечает. Иногда поделится геометрической задачей... угораздило же меня тогда признаться, что он похож на мою первую любовь! Платоническую, разумеется. Ему скучно, ну и мне хоть какое-то развлечение. Его голос продолжает терзать меня, но я никак не могу вспомнить, где слышала его раньше.

Однажды ночью проскользнула мысль, что реинкарнация существует и я знала Егора в прошлой жизни, отсюда мгновенная беспочвенная симпатия и ощущение, что мы давно знакомы. Круто, не правда ли? Лучше никому не рассказывать, о чем размышляешь во время бессонницы.

Когда он ночует не в квартире напротив, я задаюсь вопросом, помирились ли они с женой? Мне кажется, их воссоединение — вопрос времени. Из семьи уйти не так-то просто, тем более, у Егора куча прочих сложностей, связанных с браком. Не знаю наверняка, но вроде бы он работает с Ксюшиным отцом или что-то в этом роде. Он мало рассказывает о себе, практически не спрашивает обо мне. Вообще не понимаю, зачем мы продолжаем общаться. Для себя я определила точно — на его подоконнике нет и никогда не будет местечка для моей пятой точки, поэтому каждый мой день начинается с мысли: «больше он не напишет, и ладно, я знала, что так будет», — умываюсь, собираюсь на работу. А на работе мне есть чем заняться.

Есть черные полосы, есть белые, но моя нынешняя — как будто в крапинку! Вроде бы и успех, если посмотреть на размер заработной платы и довольно высокий уровень ответственности, но и провал одновременно по всем фронтам. Я снова вернулась к тому, с чего начала. Оказалась в том самом месте, с которого несколько лет назад всей душой, всем сердцем мечтала вырваться.

Я даже с подругами не могу поделиться! Они у меня слишком суеверные, боюсь, не примут подобного повышения.

Провал школьных выпускных экзаменов перечеркнул планы на поступление, я осталась дома на целый год ждать следующей возможности, а чтобы не терять время, приняла предложение дяди помочь ему в бизнесе и устроилась в его бюро ритуальных услуг, параллельно учась на курсах фитнес-инструктора, мечтая поскорее убраться отсюда подальше. В семнадцать лет девушка меньше всего на свете хочет хоронить людей. Я мечтала о беззаботной, яркой студенческой жизни, трудных сессиях и жарких романах с одногруппниками. А затем, после выпуска, я бы работала в офисе на молодого симпатичного начальника, который бы души во мне не чаял, носила бы узкие юбки и черные туфли на каблуках, сидела с умным видом за компьютером и улыбалась сложным шуткам коллег. В этом направлении я упорно двигалась год за годом, но месяц назад дядя сильно заболел, слег, а я как раз потеряла работу. И ситуация повторилась.

Прошло семь лет, а я снова здесь, в этом печальном зале, делаю все необходимое для тех, кто потерял любимых. Я больше не помощница, а хозяйка, у которой три человека в подчинении, а также на чьей шее бухгалтерия и строгие указания дяди, как не завалить дело всей его жизни.

Я ни за что на свете не хотела сюда возвращаться, но родные уговорили. Глупо отказываться от

блестящего дохода, и дяде помочь нужно — у него больше никого нет, кому можно довериться. Опыт у меня имеется, а возможность альтернативной занятости на данный момент — отсутствует.

И все бы ничего, недавно в помещении сделали ремонт: перекрасили стены, закупили новые стенды, переделали вывеску, сделав ее... хм, современнее. Дядя повесил кондиционер, за окном жара, а у меня тут прохладно и свежо, свет приглушенный, много красивой ткани... люди приходят разные — кто-то только кивает, кто-то торгуется или начинает спорить. Я стараюсь со всеми найти общий язык, да от меня и требуется не так много. Делаю работу, которую кто-то должен делать, и мои клиенты это понимают. Никакого кипиша, размеренная жизнь, непрерывный поток посетителей. Я бы ни за что на свете не стала жаловаться, если бы не...

..Не появился один тип. Старый знакомый. Честно говоря, я едва не рванула в соседний зал прятаться в одном из новеньких гробов, простите за черный юмор, когда увидела около своего стола Августа Рихардовича. Происходящее поистине ужасно. Я замерла, узнала с полувзгляда, и от шока забыла, что сильно изменилась с нашей последней встречи.

..Мне снова семнадцать. Я расстроена и считаю себя полнейшей неудачницей, вечерами вожу бритвочкой по запястью, как бы проверяя — смогу или нет. Стыдно смотреть в глаза маме. Стыдно выходить из дома и вообще существовать. Провалила экзамены, написала математику на два, в аттестате натянули тройку, но слухи разлетелись моментально. Едва закончила школу, безнадежная, одна из худших. Позор школы.

Прогоняю видение, флешбеки мне сейчас точно ни к чему.

Август Рихардович, которому сейчас под сорок, выглядит представительно и добродушно, но в душе... худший человек из всех, с кем мне доводилось знакомиться.

Он был одним из первых дядиных клиентов, когда я только приступила к работе. Пришел одним жарким июльским денечком, строил глазки, источал комплименты. Его сладостные речи проносились вокруг меня, как вагоны бесконечного поезда. Успевай считать! В раннем детстве я думала, что некоторые поезда не имеют завершенности, они зациклены, к последнему вагону прицеплен первый. Мы так редко и так быстро проезжали мимо единственных путей в нашем районе, что я ни разу не видела, как заканчивается поезд, не смотрела ему вслед. Но на свете абсолютно все заканчивается, и это, честно говоря, лучшие новости пятилетки.

Август скупал все самое дорогое, не жалея денег. В общем, произвел впечатление на подростка. Оформлением занимался дядя, я только помогала принеси-подай. И в то время мне не много нужно было — капельку внимания и намека на то, что я особенная. Август заверил, что помогает другу устраивать похороны бабушки, я тогда подумала — какой благородный.

Навешал мне лапши на уши, заставил чувствовать себя красивой, а я бросилась на этот поезд, закрыв глаза и распахнув душу. Представьте только, все подружки-одноклассницы наслаждались студенческой жизнью, а я здесь... одна... в этом мрачном месте.

А потом выяснилось, что Август хоронил супругу. Свою. Я думала, умру от стыда, когда правда прояснилась, причем разоблачение произошло публично! Наш поцелуй застукали родители усопшей, которые пришли вносить деньги за памятник! Подняли скандал, дядя тогда чуть не выставил меня на улицу. Никогда не забуду, как плакала мама, причитая, что я наследую ее судьбу. Август же, получив, что хотел, бесследно пропал, оставив меня один на один с

ощущением брезгливости по отношению к себе.

Но я справилась с этим. Пусть не сразу, но сумела вернуть веру в себя и в свои способности. На следующий год поступила в колледж, параллельно работала фитнес-инструктором, помогала маме. У нее, кроме меня, никого нет, и подвести ее я не имею никакого права. Мамочка всю жизнь работала, чтобы поставить меня на ноги, и для меня нет большей радости, чем видеть ее улыбку. А когда я согласилась снова взять на себя этот бизнес, она не только улыбалась — мамуля хлопала в ладоши!

И вот этот тип появился снова, уточнил о скидке, как постоянному клиенту. Подмигивал и требовал те же бонусы, что были ему предоставлены в прошлый раз.

Когда я увидела его насмешливое выражение лица, то потребовала немедленно выметаться вон! Но он позвонил дяде, и тот заставил меня подчиниться.

Этот человек вновь не сожалел об утрате уже второй жены, пытался подкатывать. Когда я узнала о цели его визита, испугалась по-настоящему. Даже Сережа, мой помощник и художник по совместительству, заметил, что со мной что-то не так, подошел ближе, встал позади, скрестив руки и прошептал: «Ты окей?». Ничуть не удивлюсь, если Август имел какое-то отношение к своему очередному вдовству.

Мне, конечно, уже не семнадцать, я смогла поставить его на место ледяным профессиональным тоном, но он... продолжал отпускать свои шуточки и намеки, и это было невыносимо. Мои руки стали ледяными, вспотели. Если пошлые глупости Озерского казались безобидными шалостями, которые можно прекратить в любой момент, Август задавил меня вниманием, не давая возможности избежать этого.

Если бы у меня был старший брат или муж, я бы позвонила кому-то из них немедленно. Обоим сразу.

На следующий день после оформления заказа, Август пришел снова и объявил, что похороны переносятся. Появилось подозрение, что жена была убита, и запросили какие-то дополнительные исследования. После этого находиться с ним в одном помещении стало и вовсе невыносимо.

— Может, поужинаем вместе, Вероника Павловна?

— Вы правда думаете, что это возможно в принципе?

— Нет, но попытаться стоило. Вам же здесь скучно, как и тогда, семь лет назад. Не так-то просто подыскать парня с подобной работенкой, да?

— Благо вы здесь частый гость.

Он смеялся, а мой палец лежал на кнопке вызова охраны, сердце колотилось, как безумное.

Работа как работа, такая же, как и все остальные. Испугало повторение. В прошлый раз я тоже была здесь меньше месяца, когда появился Август. Дежавю. Словно за все эти годы ничего не изменилось, но ведь это не так! Тогда — я была несчастным, морально раздавленным ребенком, сейчас перед вами — взрослая, состоявшаяся неудачница, которая скрывает от друзей, чем зарабатывает на жизнь, и помогает парню, за которым была замужем в прошлой жизни, вернуться в семью. Мне определенно есть чем гордиться.

В школе я была активной, веселой, ходила на миллион кружков, постоянно чем-то занималась! У меня много подруг, с которыми мы часто созваниваемся и которые непременно примут мой новый образ жизни. Однажды. Август скоро исчезнет и все наладится.

* * *

Я снова на своем балконе, пью чай с шоколадкой «Твикс», взятой из холодильника. Нуга застыла, едва тянется — ужин чемпиона. В окнах Егора горит свет. Вижу силуэт, он движется туда-сюда. Уже стемнело настолько, что во дворе зажгли фонари, а у Озерского по-прежнему нет занавесок, будто ему нечего скрывать.

Моя соседка с пятого этажа подъехала к подъезду на своей красной маленькой машине, вышла на улицу и ждет. Я уже знаю, что ждет она своего парня, который спускается несколькими минутами позже. Он целует ее в щеку, якобы незаметно ударяет по заднице. Он делает это каждый раз, и каждый раз она отпрыгивает, но не успевает увернуться. Затем он садится за руль и паркует ее машину. В это время я обычно пью чай дома, поэтому частенько наблюдаю за ними: она приезжает с работы и ждет, пока он выйдет и поможет припарковаться. Потом они вместе, обнявшись, идут в магазин или в подъезд. Люблю эту пару, мне кажется, есть в них что-то правильное, настоящее. Ловлю себя на мысли, что улыбаюсь.

Тем временем Озерский снова что-то делает на кухне.

Пытаюсь понять, Математик один или с кем-то? Егор потребовал, чтобы я терпела его, и двенадцать дней держит слово — никого из девушек не приводит. Может, конечно, развлекается на стороне, но много мне чести — терять деньги за съемную квартиру, чтобы не лишиться моей сомнительной поддержки. Сегодня он практически не писал мне, видимо, был чем-то занят.

Каждое его сообщение открываю, мысленно готовясь к фразе «Мы с Ксюшей помирились, ты была права, она замечательная!». Я бы радовалась за него, честное слово! Рыдала бы от счастья.

Егор выходит на балкон с сигаретой и стаканом, наполненным каким-то темным напитком, полагаю, алкогольным. Опять пьет — тяжело вздыхаю. Я пробовала осторожно говорить о Ксюше с подругами, попыталась выяснить, что она за человек, но ничего полезного узнать не удалось. У нее свой свадебный салон, в котором она щедро пообещала сделать нам всем скидку в тот вечер, когда они с девочками отрывались на вещах Математика, а он таскал меня на руках по всему району. В ту ночь мы много говорили о браке Егора, но у меня было четкое ощущение, что его жены не существует...

Ее и правда будто не существует здесь, в мире, где есть только два наших балкона, расположенных напротив друг друга.

Саша в Ксюше души не чает, но общаются они в лучшем случае раз в полгода — маловато, чтобы разобраться в ситуации. Расспрашивать активнее я пока не решилась, Саша и так вчера отнеслась ко мне настороженно, спросила, продолжаю ли я наблюдать за соседом. Это было неприятно.

Озерский вливает в себя виски, как воду. Сходил за вторым стаканом. Он вообще бывает трезвым? Приветливо машет мне, я тоже киваю. Обычный вечер, мы часто так «перемахиваемся» в последнее время.

Но что-то в его внешности не то. Слишком темно, чтобы разглядеть лицо, но следуя интуиции и порыву, я пишу ему первой: «Скинь селфи».

На всякий случай уточняю: «лица».

Он хохочет, прочитав мое сообщение. Ну а что? С него станется!

«Зачем это? — отвечает тут же. — Соскучилась? Приходи». — Прикольно наблюдать, как он пишет мне, стоя напротив. Вижу, что общается только со мной. Будто тянется... что ли? Мне горячо от его простого предложения, чувствую себя взволнованной. Боже, ну почему ты женился до встречи со мной?! Ну куда ты так поторопился, дурак?!

Я бы пришла. Ты стал бы моим главным секретом от мамы.

Его расслабленная поза, опустившиеся плечи, когда он, опершись на бортик, набирает мне сообщение, хитро поглядывая исподлобья, будят внутри то самое, что я пытаюсь заставить сдохнуть уже почти две недели. Я хочу заняться сексом, но не хочу другого мужчину, а этого мне нельзя. А когда нельзя, но хочется, то больше ни о чем не думается. Ну вот, мне все еще жарко, еще немного — и впору будет пойти поменять белье.

«С моего ракурса кажется, что у тебя лицо опухло», — набираю ему сообщение.

«С твоего ракурса не рассмотреть лицо. Ты меня пугаешь, Вероника».

«У тебя все хорошо?»

«Будешь смеяться».

«Неужели у тебя, наконец, появилась смешная шутка? А ну-ка удиви!»

В свете окон не видно, но, спорю, он закатывает глаза.

«За языком следи, милочка, я не в настроении», — отвечает без смайлов и скобок. Это грубо. Кровь мгновенно устремляется от низа живота к лицу, бьет по щекам алой краской. Черт. Обидно. Зря я ему написала. Никакие мы не друзья! Разворачиваюсь и ухожу с балкона, он ничего не пишет больше. Вижу сквозь штору, что докуривает сигарету, некоторое время еще смотрит вниз, затем тоже возвращается в квартиру.

Так тебе, блин, и надо! Очень осторожно, чтобы не вызвать Сашиных подозрений, я навела кое-какие справки об Озерском. Оказывается, никакой он не филолог, а вообще сценарист на одном не слишком популярном телевизионном канале, но зарабатывает неплохо. Талантлив, но проблема в том, что раздолбай, поэтому особого прогресса не достиг, пока не женился. И вообще до свадьбы (а мы с вами знаем, что и после нее) вел довольно разгульную жизнь, несколько лет его можно было охарактеризовать единственным словом «перспективный» или, иными словами, на данный момент — никто. Из года в год ничего не менялось, но после брака с Ксюшей карьера встрепенулась и поскакала в гору. Саша заявила, что он с ней ради денег и связей Ксюшиного отца, но я бы не стала делать выводы раньше времени. Саше он не понравился сразу, из ее уст я не слышала ни одного доброго слова о своем Математике.

Никакой он не мой. Пусть катится на все четыре стороны.

Я принимаю горячий, насколько только возможно вытерпеть, душ, сушу волосы, надеваю

пижаму и тут получаю от него: «Приходи ко мне».

«Почти одиннадцать, Егор. Ложись спать».

«Пожалуйста».

«Сегодня я не в настроении следить за языком».

«Пожалуйста. Можешь не следить, а вот я — буду, обещаю».

«Спокойной ночи, Егор», — а сердце предательски ускоряется. Он впервые предложил встретиться после моей ночевки в его квартире «для траха».

«Мне не мешает друг». И он присылает комичное селфи, синяк на скуле крупным планом, дурацкая широкая улыбка. Рыдать впору оттого, как сильно он меня бесит. Но вместо этого я продолжаю диалог:

«Боже...Кто тебя так?»

«Поговорил с женой».

«И она тебя избила? Вау»

«Ну же, Веро. Не бойся, ничего с тобой страшного не случится, ты уже у меня ночевала, вышла невредимой. Еще и накормленной».

Я далеко не самый грамотный человек на свете, но читая смски Егора, в которых он идеально правильно, на мой взгляд, расставляет знаки препинания, пишет частички «не-ни» и даже не забывает мягкие знаки в глаголах после шипящих — испытываю восторг.

«У меня тоже был кошмарный день. Приду, если скажешь, что у тебя есть пиво», — пишу ему. Отправляю, зажмурившись.

«Ну, этого пошла всегда навалом!»

Натягиваю джинсы, белую майку, кеды и выхожу из квартиры. Мешкаю. Захожу обратно и бросаюсь в ванную, по пути скидывая одежду. Руки дрожат. Несколькими быстрыми движениями бритвы делаю свои ноги абсолютно гладкими, тянусь в сторону кружевного белья, и обрываю себя на этом движении. Что я творю?!

Егор легкий на подъем, простой в своих желаниях, и я по-прежнему не сомневаюсь, что растаять в его руках будет огромным наслаждением, но я так не могу. Не хочу и не стану. Но не пойти тоже нельзя, я не способна отказать себе в слабости побыть еще немного рядом с ним в качестве друга.

Я ненадолго.

Мой Математик в расстегнутой рубашке стоит на балконе и смотрит на меня сверху вниз, как бы контролируя, чтобы никто на меня не напал. Можно подумать, в случае опасности он бы бросился вниз с девятого этажа и помог.

А может, и бросился бы — такие, как он, способны на глупости. Именно поэтому я иду. Поддержать, помочь, не бросить в беде.

Когда я вижу его в узком коридоре небольшой съемной квартиры, понимаю, что больше не желаю с ним дружить ни единой секунды. По-прежнему расстегнутая рубашка, низко посаженные джинсы, искренняя радость во взгляде оттого, что я все же пришла. Я смотрю на его губы, потом на шею, но хочу большего. Я вижу темные волоски на груди, широкую дорожку, уходящую к пупку и ниже. Как только за мной со щелчком захлопывается дверь, он делает широкий шаг вперед и обнимает. Вот так просто, будто так и надо.

Некрепко обнимает, но настойчиво, принуждая уткнуться в его грудь. Этого хватает, чтобы понять — зря не взяла с собой запасной комплект белья. Это безумие, я самоубийца! Сама себя загрызу утром. Я себя уничтожу. Трындец тебе, Вероника. Я снова влажная, и мне жарко, мне надо снять все это, чтобы избавиться от этого бешеного жара. Я дрожу в его руках, я так давно мечтала об этом, что от перспективы предстоящих ласк кружится голова. Одна его ладонь на моих лопатках, другая — на пояснице и ниже. У него большие руки, они будто не помещаются на моей спине, каким-то образом несколькими безвинными движениями ему удается всю меня облапать. Бедра, попа, грудь.... С ним естественно и классно. Мне не нравится, как он пахнет — алкоголь и сигареты, но сквозь дурман, присущий разгульному образу жизни, я пытаюсь распознать аромат его кожи, перемешанный с туалетной водой или гелем для бритья. Хотя откуда последнее? Он по-прежнему обросший, борода уже даже не колется. У меня не получается, и я касаюсь кончиком языка его соленой кожи.

Он обхватывает ладонями мои бедра и сжимает, приподнимая меня от пола. Узкие джинсы впиваются в самую нежную мою кожу. Чтобы скрыть стон, я говорю по возможности серьезно:

— Егор, тебе нехорошо? Ты пьян? — отстраняюсь, пытаюсь поймать его мутный взгляд. Скула подбита, но не сильно. Кажется, на фото он специально затемнил эту часть лица. Его ресницы опущены, он берет меня за затылок и тянет к себе, и нет никаких сомнений, что с целью — поцеловать. О Боже. Наверное, его рот горячий, поцелуй будет влажным и глубоким. Он заведен. Как он это делает? В смысле — расслабляет девушек, готовит?

— Егор, пожалуйста, не нужно. Я же не для этого пришла, хороший мой, — ненавижу себя за то, что шепчу, и как именно это делаю. Таким жалким тоном не говорят «нет». Скорее: «умоляю, надави, ты ведь знаешь, я сама жажду этого».

Каким-то образом за эти недели он перестал быть мне чужим, я поверила ему. Вжилась в его проблемы, прониклась симпатией. Отворачиваюсь, но Егор не обижается, он наклоняется и его губы касаются моей шеи. Поцелуи легкие, язык едва касается кожи, заставляя трепетать, он не спешит. Руки тем временем совсем теряют стыд. Все происходит так быстро, что я не успеваю сориентироваться.

Отклоняю голову, стараясь отодвинуться, и он целует мое горло. Ладони нежно, но настойчиво продолжают обнимать. Он большой, горячий. Доминирует, но не заставляет, это идеальное сочетание. Я чувствую жар его открытой кожи, ощущаю его желание заняться со мной любовью. Он возбужден, и я знаю, что если сдамся сейчас, то секс будет хорошим. Очень хорошим. И желанным, потому что Математик мне действительно нравится. Ночь с ним будет даже лучше, чем я представляла изначально, воображая себя в высоких шпильках.

Но затем, наутро, станет гадко. Ему — нет, мне — очень сильно.

— Пожалуйста, перестань. Я вижу, что тебе плохо, но я здесь за тем, чтобы поддержать, а не довести до оргазма. Прекрати. — Мои пальцы впиваются в кожу на его груди, и я, вложив в руки всю свою силу все-таки отстраняю его. Он не принуждает, но и не прекращает попыток ласкать мое тело, видя, что оно охотно откликается.

— Ты же пришла ко мне. Расслабься, все будет хорошо. Вероника, пожалуйста, позволь мне. Нам понравится.

— Мне — нет, — говорю строго и громко. Для эффекта испуганно выпучиваю глаза, и он пугается сам. Замирает, отстраняется и смотрит на меня внимательно. Полностью серьезен, как тогда, когда мы познакомились. У меня колени подкашиваются от этого его взгляда.

— Тогда зачем ты пришла? — вопрос укладывает на лопатки. Второй раз за вечер я осознаю себя полной идиоткой, которая возомнила себя незаменимой спасительницей для этого ищущего на стороне развлечений женатого мужика. А может, он мне наврал с три короба? Может, ребенок его и все у него с женой хорошо? Просто придумал способ затащить меня в койку? Меня передергивает, я делаю шаг назад.

Он обычный среднестатистический мужик, нечему тут удивляться! Но так хотелось поверить, хотя бы на какое-то время...

— Видимо, незачем. Извини, больше не повторится, — разворачиваюсь, готовая в следующее мгновение пулей вылететь из квартиры, но он хватает меня за руку.

— Стой, извини. Я просто подумал... что ты... ну, не против. Проехали. Проходи, я обещал пиво.

Но я не могу, меня трясет. Слишком трудный, грязный день, который закончился таким кошмарным образом.

— Я пойду. Не следовало приходить. Глупость какая. Увидела твой синяк и решила, что тебе не с кем... блин, просто забудь.

— Да стой же, — он все еще держит мою руку, выдернуть невозможно. Вот теперь он на меня давит. — Неправильно понял, что теперь, обижаться на меня до конца своих дней? Объявить бойкот?

Егор дергает меня на себя, я выкручиваюсь, и он обнимает со спины, и я солгу, если скажу, что это неприятно. Действительно по-дружески обнимает, хотя я и чувствую его эрекцию, упирающуюся чуть выше моей задницы.

— Прости, — шепчет в затылок. — У тебя был такой взгляд, будто я предложил тебе потерпеть, пока я на тебя пописаю, — я улыбаюсь против воли. Ну что за придурок мне достался в соседи! Не могла я такого выбрать в прошлой жизни, наверное, нас поженили родители. — Секс без обязательств, просто для снятия стресса — не для тебя, верно?

Честно говоря, это еще один удар наотмашь с его стороны, но я по-прежнему стою к нему спиной, и он не может видеть отразившиеся на моем лице эмоции. Кажется, я побледнела.

— Я бы не хотела секса, после которого наутро просыпаться не хочется, — говорю ему тихо.

— Такого не будет. Ты мне нравишься. Я не готов начинать какие-то отношения, это правда, но я действительно ни за что бы тебя не обидел. Я вообще никогда не обижаю женщин, ну, кроме тех, на которых помешан, — он говорит с улыбкой.

Он вроде как успокоил, но на самом деле обидел еще сильнее. Усилием воли запретила себе хоть как-то это показывать. Она — особенная, на ней он помешан. А меня не обидит ни за что, потому что — безразлична.

— Егор, на будущее — у меня есть принцип: я не встречаюсь и уж точно не сплю с женатыми мужчинами, — проморгала слезы, вполне готова оборачиваться, что и делаю. Мы стоим напротив друг друга, но жар пропал, теперь мне холодно.

— Почему? — из его уст этот вопрос прозвучал действительно невинно.

— Мне кажется, это нормально, — пожимаю плечами, отводя глаза.

— Нормально, но для категоричности должна быть причина. Ты была замужем? Или отец устраивал веселые денечки?

— Второе, — обогнув его, я прохожу на кухню, выиграв медаль за прочность. Почему не устраивают ежегодное вручение премий и наград женщинам, сумевшим отказать Математикам своей мечты? Заглядываю в холодильник и достаю пиво. Протягиваю ему, Егор послушно открывает и возвращает мне. После чего, спохватившись, поспешно застегивает пуговицы на рубашке. — Так кто тебя отделал? Расскажешь? — стараюсь, чтобы мой голос звучал по возможности ровно.

— Ксюхин брат.

— Ого!

— Мы до сих пор иногда деремся, это нормально. В зале. Он вспыльчив. И занимается боями без правил.

— Ой, бедненький! — вытаращиваю на него глаза.

— Я тоже спортсмен в прошлом, а сейчас любитель, все пучком, — он берет мое пиво и делает большой глоток, я вижу, как дергается его горло, потом возвращает бутылку. — Твой отец ушел из семьи к другой женщине? — спрашивает он, меняя тему. — Мы, кажется, давно говорим на личные темы. Если не хочешь продолжать, просто пошли меня нахрен.

— Иди нахрен.

Он закатывает глаза и широко улыбается. И мне хочется рассказать ему:

— На самом деле, он не ушел из семьи. По статистике, мужчины практически никогда не уходят из семей к любовницам, они могут изменять, жить на две семьи, на три, на двадцать три! Но первую — главную женщину — не бросают. Свою главную женщину папа тоже не бросил ради мамы, но дал ей денег на аборт, — указываю на себя двумя большими пальцами. А что, терять нечего, почему бы не разныться под конец сегодняшнего дня?

— А она?

— Купила на них коляску, — улыбаюсь я. — Как ты уже заметил, мы, Михайловы, из тех женщин, которые в ответственный момент умеют послать мужчину, вне зависимости от того, как относятся к нему, — подмигиваю ему. — Потом, когда мне исполнилось два года и мама снова похудела и вышла на работу, он появился вновь. И трахал нам с ней мозг еще пятнадцать лет, пока не нашел себе другую, помоложе. Мужики не уходят из семей, и я ни за что на свете не стану любовницей, Егор. Поэтому прошу тебя никогда, ни при каких обстоятельствах, даже не намекать мне на близость, пока в твоём паспорте стоит этот штамп. И нет, я не против секса без обязательств и охотно трахнулась бы с тобой тут, — ударяю ладонью по широкому подоконнику, — предварительно продезинфицировав его, конечно, — это я уже шучу, и он

смеется — как обычно, пропуская мои колкости по поводу его образа жизни. Отдохнули и хватит, я продолжаю: — Но, Егор, я всегда выберу свободного парня. За неимением одного, предпочту душ и короткий маникюр.

— Понял. Но... Веро, мой развод — вопрос времени, ты ведь знаешь. Я никогда снова не сойду с Ксюшей. Аналогично твоему душу, выберу левую руку.

Имя его жены мне слышать не нравится, но я не показываю этого. Вообще, заметила, когда кто-то из нас называет вслух запретное имя, эта женщина... словно становится реальнее, призрак оживает и вторгается сюда, в мир наших двух балконов. А вместе с ней внутри меня просыпается страх того, что могу нарушить свой главный жизненный принцип и пустить свою жизнь коту под хвост, как это сделала мама. Не нужно мне так много общаться с Егором. Он все еще смотрит вопросительно, и я отмахиваюсь от сложной темы:

— Все вы так говорите, — улыбаюсь, сводя тему в шутку. Он тоже улыбается и снова делает глоток моего пива. Кивает мне, давая понять, что усек. Озерский практически осушил банку. Мне нравится пить с ним из одной посуды, это почти поцелуи, за которые не стыдно перед общественностью. Если бы у меня были планы поинтереснее, то я бы непременно выбрала их, но раз мой вечер полностью свободен, то почему бы не попресекать его пошлые шуточки? Кто, если не я?

— Пошли? — он кивает в сторону комнаты. На кухне по-прежнему негде сидеть. — Можем посмотреть киношку на телефоне.

— Ну пошли, только я сама выберу фильм.

— Обожаю смотреть с девчонками ужасы.

— Ха, посмотрим, кто больше испугается.

Мистер Математик

Привет, блог

Вы еще тут? Ух ты. Спасибо, рад безмерно.

Съела, Тереза Веленски?

Пока не в курсе, кто это? Рассказываю. Эта милейшая женщина в своей очередной рецензии накануне написала, что третий сезон «Веселых денечков» вышел еще скучнее и преснее, чем предыдущие два, она зевала и боролась со сном все... двадцать две часовые серии. Тереза

— свободный критик, довольно популярный, к сожалению. Она упорно смотрит все мои сериалы, а потом пишет разгромные рецензии на них, сетуя, как жаль ей мучительно убитого времени, и если бы вместо того, чтобы пялиться на «безнравственные попытки жалких людей самоутвердиться за счет друг друга», она бы сутки наблюдала за увлекательной жизнью черепашки в аквариуме, узнала бы много больше интересного.

«Черепашки в аквариуме». Вечером же заеду в зоомагазин и куплю себе эту любопытную рептилию, легко уделавшую мою самую громкую на данный момент работу.

И шутки у меня, оказывается, глупые, и герои — картонные, а поступки их — вообще нелогичные. Но Тереза снова смотрит. И снова пишет.

Между прочим, дорогой мой критик, нас продлили на четвертый сезон и даже добавили в него дополнительные пять серий. Увидимся в следующем году, блин! Нормальные у меня шутки, Вероника, например, весь прошлый вечер смеялась над моими комментариями к «Ключу от всех дверей» — внезапно выяснилось, что она пока не смотрела этот культовый фильм ужасов, что мы тут же исправили. После чего я проводил ее до дома, где мы выпили кофе, поболтали о жизни, студенческих годах, она случайно сообщила, что помимо фитнеса несколько раз вела занятия по тверку. И посмотрела при этом... как-то томно, исподлобья. А потом напомнила, что мне пора домой, так как ей скоро собираться на работу.

По пути из кухни к входной двери я загуглил это слово. На свою беду. Тверк — если кто-то не знал, как и я, — это танец попой, бедрами, животиком. Другими словами, еще одна вещь, на которую, наравне с огнем и водой, можно смотреть бесконечно долго.

— Да ладно, и не покажешь даже? Я не уйду ведь, пока не увижу! Танец такой... запоминающийся, ритмичный, — с каждой секундой мое воображение рисовало все новые горячие образы жаркой штучки, стоящей напротив. Я и не знал раньше... Не думал даже, что она так может. При этом джинсы на соседке стали вдруг выглядеть еще более обтягивающими, губки, которых так и не дали коснуться, — желаннее, а сама Вероника... притягательнее. Мои руки еще не успели дотронуться до другой женщины и забыть, какая

Вероника на ощупь. А бессонная ночь, проведенная вместе, пробудила надежду, что не все так однозначно, ведь некоторые принципы можно сломить, чуток надавив, а другие — и вовсе обойти.

— Единственный твой шанс это увидеть — прийти на занятие в качестве участника, — включила она тот же взгляд, с которым отшла несколькими часами ранее. Неуютный, обидный. Будто она меня боится. — Задница у тебя, Егор, подходящая, все получится, — и подмигнула, расплываясь в улыбке. Вот маленькая хитрая сучка.

— У тебя тоже, — быстро ответил. — Очень подходящая.

— Я знаю.

— Я не про тверк.

— И я не про тверк.

Твою мать. Уделала, девочка-то.

Минут двадцать, если не больше, мы прощались, я занял дверной проем, надеясь, что она передумает, пытаюсь взять измором. Она облокотилась на стенку и терпеливо ждала, когда я освобожу ее жилище, улыбалась. Отрицательно качала головой. Зевала каждые две минуты, но не ругалась. Так и стояли, уходить не хотелось, а остаться не нашлось ни единой причины.

Когда шел домой по пустынной детской площадке, которая через каких-то три-четыре часа загудит от воплей и беготни местных ребятишек, думал о том, что определился, кем буду утешаться в день развода. Девчонка, запросто показавшая грудь с балкона и умеющая так задорно вертеть попкой, точно не заставит меня скучать сутки, а может, даже несколько.

Открываю глаза. А вы, пожалуйста, закройте.

Ради вашего же блага зажмурьтесь и посидите в темноте хотя бы пять минут, пока я доползу до душа и выползу обратно. Для начала подставляю голову под поток прохладной воды из крана. Смотрите, да? Вода стекает по волосам, капает на ноги, быстрыми ручейками холодит спину и плечи. Пытается меня отмыть. Наивная.

Почему-то именно в этот момент я вспоминаю Веронику и ее серьезный, но не строгий взгляд. Она как бы не осуждает, потому что не ее как бы дело, но по-дружески негодует. Подружка моя, ага. «Егор, так же нельзя. Ты сам себе мстишь непонятно за что», — ее голос звучит в ушах. Удивительно, но сейчас мне хочется именно к ней. Чтобы не осуждали, не жалели, а просто побыли рядом.

Несколько дней назад мы провели ночь вместе, болтая и подкалывая друг друга, пару раз шутки зависали в воздухе и нам не хватало крошечного шажочка, чтобы накинуться друг на друга с поцелуями. А потом жизнь вернула меня в привычную колею, и вот я перед вами едва живой после бурной ночи, один на один с проблемами, с которыми играем в салочки: то они за мной гонятся, то я их провоцирую.

Похмелье можно сравнить с путешествием на яхте. Качает туда-сюда, то влево, то вправо, только не оступись и не вывалишься за борт. Немного веет от меня этим утром романтикой, не так ли?

И, кстати, нечего, глядя на меня, так открыто веселиться, дорогой мой читатель. Всегда помни: один неудачный день — и ты вполне можешь стать мною. И назад уже дороги не будет. Проблемы — как мелкие хулиганы: по одиночке не тусуются, бродят кучками штук по шесть-семь, поджидают толпой за углом в тесном темном переулочке неверного жизненного решения. Если роем налетят, не отобьешься.

Возможно, нас с вами разделяет один день. Часов двадцать пять — тридцать, а то и меньше. Возможно, завтра вы окажетесь в еще большей заднице. Расслабьтесь, я шучу, все будет хорошо.

Смотрю на часы — половина пятого. По тусклому солнечному свету, льющемуся в просвет между тяжелыми темными шторами, сразу необразишь, утра или вечера.

У меня есть отличные новости — я поговорил с женой. Нет, она не уехала на «Скорой», даже не грохнулась в обморок. Кажется, мы, наконец, дозрели до мирного разговора. Закутались в безразличие. Любой так сможет, нужно просто чуток времени на собраться с силами. Любой сможет разговаривать с женщиной, которую боготворил, о ее измене, не сходя с ума от бешенства и злобы, не сжимая пальцы в кулаки, не гася обидные слезы от осознания того, что мечта жизни смыта в унитаз. Дерьмом она оказалась, мечта моя. А я сижу и улыбаюсь, потому что время дали — осознать.

Серьезно, не верится даже. Это случилось внезапно двое суток назад, спокойный домашний вечер за просмотром фильма и стандартной перепиской с Вероникой. Ни настроение Ксюши, ни ее домашний асексуальный халат — ничего не предвещало беды. Ситуация накалилась до предела в одну секунду, когда она вновь заговорила о сексе, вернее, об его отсутствии. Ксюша заявила, что если я немедленно не займусь с ней любовью, она мгновенно разведется со мной (интересно, как это можно устроить, чтобы мгновенно?), потому что такой жалкий бессильный муж ей не нужен. Я убрал телефон в сторону, сел ровно и посмотрел ей в глаза. Она замерла, прижала ладонь ко рту и заплакала.

Вот и все, вот так просто.

В моих глазах не было вызова, клянусь вам. Лишь сожаление. Бездна сожаления и тоски. Раньше я бы убил за такое предложение с ее стороны. Один раз я избил парня за то, что он ее ударил, потом она с ним помирилась и встречалась еще год. Дружки ублюдка толпой дождались меня возле подъезда и утащили за угол, объяснив, чтобы и близко к ней не подходил. В итоге Ксюша еще и обижалась на меня, что первым переступил черту. И даже в то время я бы радостно согласился обладать ею. Но тогда мне предложено не было, а теперь вроде как «на, бери», а уже не надо.

— Ты меня больше не любишь? — спросила она. Я молчал. Она смотрела на меня и будто осознавала, как сильно все изменилось. Раньше я прощал ей многое. Да абсолютно все. По первому звонку срывался и летел на выручку. Но она перегнула, и палка терпения переломилась. Она это все увидела сейчас в моих глазах. И испугалась по-настоящему. Будто впервые восприняла всерьез угрозу разрыва. Словно все эти месяцы после моего открытия ждала, что вот-вот я перестану дурью маяться.

И тут меня осенило! Она ждала отмашки врача, разрешения заниматься сексом, думала, что через постельные дела удастся меня быстренько вернуть. Я покачал головой, и она опустила плечи.

Я молчал. Я не хотел делать ей больно. Но и врать тоже не собирался. Есть женщины, за обман которых начинаешь ненавидеть самого себя. Особенные женщины, у каждого мужчины они свои: мама, сестра и Ксюша — мой набор перед вами.

Трудно было подобрать слова обоим. Впервые за много месяцев говорили серьезно, и это выворачивало душу наизнанку. Меня даже подташнивало.

— Егор, все кончено, да? Ты никогда не простишь? — она произнесла это очень тихо, но я услышал. И это было больно. Хоть я и был уверен на девяносто девять целых и девять десятых процентов, что она предала — оказывается, был не готов услышать признание вслух.

— Маленькая Санни, я не смогу, — развел руками. Хоть она и старшая Колькина сестра, я всегда звал ее «маленькой» из-за роста. Не помню времени, когда она была бы его выше.

— Потому что больше не любишь.

— Потому что еще люблю.

— Что теперь будет, Егор? — она прижала руки к животу. — Ты всем расскажешь, да?

— А как ты думаешь? — я помог ей сесть на диван, сам устроился рядом. Переплел пальцы в замок, чтобы куда-то деть их.

— Мне очень, очень жаль, — ее глаза снова и снова наполнялись слезами. Искренними, не лицемерными. Печально. На этом диване в этой комнате оказалось вдруг столько печали, что впору плотину для слез ставить да вырабатывать электричество, хоть какая-то польза от нашей беды. На кресле вибрировал телефон снова и снова — Веро что-то писала.

— Правда жаль? — спросил не то с насмешкой, не то с надеждой. Сам не понял.

— Правда.

— Это хорошо.

— Ты сможешь меня когда-нибудь простить?

— За то, что так и не смогла полюбить меня? — я лег и посмотрел в потолок, пожевывая незажженную сигарету. Впервые за много месяцев мы говорили начистоту. Будто вернулись в прошлое, то время, когда штамп в паспорте не сделал нас врагами только за то, кто мы есть на самом деле.

— Я тебя полюбила. Сильно. Если бы можно было вернуть время... я каждый день молюсь, чтобы он оказался твоим. Каждый божий день, Егор! Я в церковь хожу, напрямую к Богу обращаюсь. Он твой, я уверена в этом. Ты мой муж, по-другому просто не может быть. Прости меня... Я... дура, я запуталась.

— Скажи, тебе чего-то не хватало? — сам удивился, как смог заставить свой голос звучать бесстрастно. Сердце колотилось на разрыв аорты.

— Пожалуйста, не задавай такие вопросы. Не унижайся передо мной, — она встрепенулась, села рядышком. Близко-близко. Провела ладонью по моему лицу, я закрыл глаза. — Ты самый лучший.

— Убедилась?

— Да, — тихо ответила, и я зажмурился. Ее слезы капали мне на лицо, мы долго вот так полулежали на этом кожаном диване. А потом, спустя где-то час, она произнесла хрипло: — Не бросай меня. Я не справлюсь одна. У меня никого не останется.

— Родные тебя не бросят.

— Бросят, как узнают, что я сделала. Они любят тебя. Хотя бы до рождения малыша не уходи, ладно?

— В каком плане не бросать тебя? — я сел и посмотрел на нее, чуть прищурившись. Красивая. Очень сложно не давать ей то, чего она хочет, что бы это ни было. — Если бы мне было плевать, я бы с удовольствием продолжал трахать твоё шикарное тело, даже не думая, что недавно это делал другой.

— Я знаю, Санни рассказывал, как вы с ним развлекались с одной девицей на двоих, — сказала она раздраженно, я улыбнулся. — Но тебе не плевать.

— Точно.

Целый вечер мы провели на диване вместе, я чувствовал, что таким образом происходит наше прощание. Не знаю, как ей, но мне это было нужно. Покой. Немножко покоя перед следующими ударами. Она пообещала, что перестанет бегать за мной по кабакам и ждать чего бы то ни было. Позволит справиться с этим самому, как сумею. Я же в свою очередь продолжу ее поддерживать, пока ей это нужно, и играть ту же самую роль уникального осла, которую исполнял все эти месяцы.

Я иначе представлял себе нашу разборку. Думал о битой посуде, истериках, жестокой правде, матом выплюнутой в лицо. О произнесенных вслух мужских именах — именах моих соперников — которые бы гремели громом в моей квартире. Но на это все вдруг не осталось сил. Тишина рассказала о наших разрушенных планах намного больше. Я ублюдок, я знаю. Ублюдок, перетрававший половину города, пока она беременная ждала меня дома, приходил ночевать пьяный или обдолбанный. Но я согласился помогать ей, потому что она попросила.

К полуночи я почувствовал себя почти хорошо.

Когда мы встали с дивана, чтобы пойти спать по разным комнатам, она вдруг произнесла: «Но я за тебя буду бороться. Настала моя очередь».

— Очередь чего? — прищурился, не понимая.

— Завоевывать тебя, — она улыбнулась и подмигнула, а я осознал, что короткое облегчение оказалось мнимым. Ненастоящим, как и все мои отношения с этой женщиной. После нашего разговора ни черта не изменилось. Просто она снова победила. Я в той же самой яме, только теперь виноват сам, потому что добровольно согласился.

Ну а прошлая ночь носит имя Забвение. Настолько быстрая и сочная, что раздумьям просто не нашлось в ней места. Я забыл обо всем. В отдельные моменты мне казалось, что я провалился в четырехмерное пространство и смотрю на себя одновременно в прошлом и настоящем, сравниваю... не уверен, впрочем, что это нормально. Боже, хоть ластиком этот штамп долбаный стирай, да толку-то! Бесит-бесит-бесит.

Однажды я проснусь и не почувствую боли. Вообще. Я раньше думал, что в это утро рядом со мной будет женщина, но спустя годы мыканий убедился, что искать замену бесполезно. Я буду один. Открою глаза и улыбнусь, потому что — свободен. И дело не штампе даже, хотя на него и принято в моем случае валить все беды. Даже после того, как он исчезнет — легче не станет. Просто был родной человек, а потом стал врагом, и больше нельзя его любить. И защищать. Но ты все равно защищаешь по привычке, теперь уже от самого себя. Больше не любишь, но место в груди, откуда вырвано чувство — болит. Рана там. А с виду и не скажешь, да? С виду кажется, что пофигу на все. А знаете что? Под «лекарством» кокаинового тренера и правда пофигу.

Соскакиваю с кровати довольно шустро, ищу на стеклянном прозрачном столике отеля брошюрку, визитку, да хоть что-нибудь, чтобы понять, где нахожусь вообще? Дайте мне ориентир. Все-таки мы не на яхте, а в гостинице.

Начнем с определения города. Или страны?..

Горки-Город, Красная поляна. Отель пять звезд, ну да, чего мелочиться, я ж не понимаю, что после развода с Ксюшей ее отец сделает несколько телефонных звонков, после которых вашего покорного слугу не возьмут уже никуда — могу себе позволить не тесниться в средствах.

Все же за окном вечер. На несколько часов опоздал освободить номер, теперь придется платить еще за сутки. Настойчивый стук в дверь заставляет вздрогнуть, предчувствие плохое, но робкая надежда, что пожаловала приветливая догадливая официантка со стаканом ледяного пива и минералкой — теплится.

Бегло осмотрев комнату на предмет халата, закутываюсь в простынь и открываю.

— Привет стойким храбрым римлянам! — салюует Илюха, оглядывая мой незамысловатый прикид, заходит в комнату и напрямиком к окошку, рывками раздвигает шторы, распахивает створки. — М-м-м, свежий горный воздух. Не слышал о таком?

— Хей, холодно! — поднимаю с пола одеяло и набрасываю на плечи, сам щурюсь с непривычки.

— Нифига мы напились вчера, мне приснилось, что я проиграл в казино десять штук.

— Тебе не приснилось. Какой холодно? На улице двадцать шесть градусов.

Действительно, в памяти проносятся азарт, визг, громкая музыка, веселая рулетка, которая крутится, крутится, как воронка высасывающая денежки. Не помню, когда в последний раз столько смеялся.

— Да ладно тебе, не грузись. Заработаешь. По клавиатуре шпарить — не кирпичи таскать.

Вспоминаются крутятся вокруг быстрее той самой гребаной рулетки: женщины, белый порошок... О, черт, нехорошо. Очень плохо.

— Ты скверненько на меня влияешь, — посмеиваюсь. — Какой у нас план?

— Как какой? На пробежечку-зарядку, а потом в баню. Утром нас ждет рафтинг! — а он и правда в кроссовках и шортах с майкой. В руках держит несколько масок для бега. — Нужно встряхнуть организм, хорошенько пропотеть, чтобы вся гадость вышла, освободила место для новой порции, — гладит себя по животу.

— Вот откуда в тебе столько здоровья? Ты вообще живой человек?

Снова стук в дверь, после чего гость, не дожидаясь ответа, заходит в номер.

— Привет, мужики, — Санни, Ксюшин брат, выглядит так себе, смотрит озлобленно, но не на меня, а на кокаинового тренера. Садится на кровать и утыкает лицо в ладони. — Я щас сдохну.

— Я тебе после пробежки такой коктейль замучу, станешь, как огурец! — смеется тренер.

— Пошел к черту, Илья. Мне вообще все это нельзя, как тебе удается каждый раз впарить мне дурь? Поиграли в казино, называется. Егор, ты летишь домой?

— А рафтинг? — спрашиваю, приподняв брови.

— Какой еще рафтинг? Я едва хожу.

— Оставайтесь-ка ребятки еще на сутки, — смеется Илья. — Санни, тебе бы чутка отвлечься, расслабиться перед свадьбой, а тебе, Егор, отдышаться от брака и набраться вдохновения.

— Чего? — хмурюсь.

— Ты вчера сказал, что начал работать над новым сериалом и нет ни одной идеи, как снова поссорить героев, поменять местами на время, а затем помирить.

— Новым сезоном, — поправляю, зевая. — Санни, ну че, домой или остаемся? За гостиницу все равно платить полностью.

— У-у-у, вы чего такие скучные?

— Просто отвали, — отмахивается Коля. — Егор, давай через полчаса внизу с чемоданами, я пока пойду полежу на кровати лицом вниз, — он приподнимается.

— Мужики, когда мы еще потренируемся вместе на свежем воздухе? И что, прилетели, побухали и домой? А спорт?

— А маски зачем? — морщусь.

— Чтобы вы мне тут ни на кого не дышали. Да и что, зря я их с собой привез?

Даже Санни улыбается шутке.

— Эм. Ладно, уговорил, это будет заслуженная кара за все, — сдает позиции Коля. Что-то выглядит он совсем плохо, потерянно. — Насчет побегать — не уверен, но хотя бы прогуляться. Я за кроссовками, — он дает мне знак поспешить и покидает номер. В то самое мгновение, как за моим другом закрывается дверь, в номере открывается еще одна. Та, что ведет на балкон или что там у меня находится в этом крутом отеле. Оттуда выплывает рыженькая фея в моем белом халате. Вот он где.

— Мальчики, привет, — шепчет она смущенно. — Егор, я уснула в лоджии, представляешь! — мило хихикает. Я тоже улыбаюсь.

— Нифига тебе повезло! — закатывается тренер, вытаращив глаза. Мои тоже заметно округлились от шока. — Пять секунд! — и тычет пальцем на дверь. Да уж. Чешу затылок. Если бы Санни увидел ее тут, быть скандалу. Девица тем временем целует меня в щеку, и начинает трясти одеяло на кровати, забирается на нее, доставая смятую одежду из-под подушек и начинает переодеваться. Я отворачиваюсь, чтобы не смущать красавицу, тренер, наоборот, поворачивается, чтобы рассмотреть получше.

— Волшебная, ты сейчас куда? — тянет он своим мерзким низким голосом «для подката».

— Куда Егор скажет, — звонко отвечает она. Вот блин. Илья смотрит на меня, я показываю, что видов не имею.

— По домам пора, — говорю ей.

— А давай я тебя подкину? — не успокаивается он. Рыженькая оборачивается — у нее веснушки по всему лицу и даже на груди, зеленые глаза — очень необычная и яркая, мне нравится. Даже под кайфом я выбираю себе прелестных женщин.

— Отвали. Егор, вызовешь мне такси? — она совсем не в обиде.

— Конечно. Сейчас провожу, — хватаю с пола джинсы и натягиваю на себя. Душ подождет. Первым делом нужно избавиться от девочки, пока не вернулся Санников. Беру ее под руку, она смотрит на меня ласково, гладит по пальцам.

— Спасибо, что помог вчера, очень выручил. Может, еще увидимся? Было классно, — подмигивает мне на прощание.

— Буду на это надеяться, — отвечаю ей, понятия не имея, о какой помощи речь.

Пробежка сейчас явно кстати. Я возвращаюсь в номер, кивая приветливому персоналу, попавшемуся по пути.

Пока бегаю, думаю. Погода идеальная для физических нагрузок на свежем воздухе, нет такой бешеной жары, как в городе, легкий ветерок обдувает голые плечи, кажется, что даже тротуарная плитка под ногами пружинит, словно трава на газоне. Дыхание тяжелое и резкое, излишне глубокое, на спор все же побежали в масках. Легкие пылают огнем.

Я не из тех, кто проживет долгую жизнь, моя история не закончится хэппи-эндом. Попытался — не вышло, мне даже природа дала знак: ну не твое это — семья. Смирись уже. Теперь понял,

сдаюсь.

Я ведь раздолбай, что тут скрывать. Кошмарный сын, не лучший брат. С шестнадцати лет больше времени провожу в походах и поездках, чем дома с родными. Единственное, что дисциплинировало — это спорт, и как только я бросил серьезные тренировки, понеслась душа в преисподнюю. В это время я много читал и писал, публиковался под разными псевдонимами, мне казалось, что я постигаю суть, учусь подавать ее под особыми соусами. Нарбатываю жизненный опыт. Думалось, что мое видение кому-то интересно. К черту, не пригодилось. В реальной жизни деньги платят за другое.

До брака я работал над книгой, это казалось архиважным, но потом бросил, нашел цель в другом. А теперь думаю — может, поискать старый файл на компе? Перечитать — хоть посмеяться повод.

В самолете Коля смотрит перед собой, говорит растерянно, что ему не свойственно. Представьте только борова, многократного чемпиона в смешанных единоборствах (которые перед девчонками мы зовем боями без правил, что неправильно, но звучит круче) в полутяжелом весе, поджимающим губы, словно вот-вот разревется. О Боже, что еще случилось?

— Ты только Лесе не говори ничего, хорошо? Ну, что вчера было, — произносит он, глядя перед собой.

Я не понимаю, о чем он. Его невеста ведь в курсе, что мы на мальчишник уехали. Он проиграл больше, чем планировал? Странно, суммы всегда оговариваем заранее, ни разу еще не выворачивали карманы в ноль. Смотрю на профиль друга, его кривой, многократно переломанный нос — что-то Санни выглядит совсем паршиво, пришибленный какой-то, ссутулился, в глаза не смотрит. Ему стыдно.

Интересно, за что? Делаю вид, что в курсе:

— Нет, конечно. И в мыслях не было. Просто забудь. Что случилось в Красной Поляне, остается в Красной Поляне.

— Это все Тренер, я как начинаю с ним общаться, башку теряю, — опачки, кажется, не только в моей лоджии сегодня ночевали девушки. Кстати в упор не помню, как спал с рыженькой. Провалы в памяти у меня бывают, с таким-то образом жизни, но не настолько же! Помню, она меня благодарила, помню — попросила помочь снять номер, так как поругалась с парнем и осталась без гроша... А, он в казино стащил с нее кольцо, вырвал из ушей серьги с кровью и побежал в ломбард, точно! На ресепшене сказали, что номеров свободных нет, а потом мы пошли ко мне. А потом все, темнота. — Надо заканчивать общаться с Илюхой, он перешел на тяжеляк, это плохо кончится.

— Ага, Тренер виноват. Ты совершенно ни при чем.

— Верно. Ты спать сразу лег, мне нужно было тоже. Только не дави на мозг, сам все понимаю. Тупо вышло, жалею — писец. И время не отмотаешь. Не скажешь ей?

— Нет, конечно. С какой стати мне вообще говорить по душам с твоей невестой.

Мерзко, конечно, весь мир словно помешался на изменах. Даже Санни туда же, а он Леську обожает. Пальчики ей на ногах нацеловывает уже пять лет. У меня такое чувство, что я снова на яхте, но вот только не с именем «Похмелье» — после утреннего рафтинга самочувствие

шикарное. Кораблик наш зовется нынче «Предательство», он несет меня по морю похоти, и на данный момент лично я знаю только один островок добродетели. Догадались, о ком я? Мне так отчаянно хочется к нему причалить, что я смотрю на телефон, забывая, что в воздухе им нельзя пользоваться. На нашем самолете, увы, нет вайфая. Черт, я захлебнусь скоро в этом болоте. Все трахаются на стороне. Все прожигают жизнь, выключая совесть кокаином и кратковременными оргазмами. Используют друг друга. И с каждым днем нужно все больше дряни и дури, чтобы заглушить что-то внутри, то самое светлое — с чем рождаемся.

— Она свадьбу отменит, если узнает. Я долго не хотел на ней жениться, да и вообще жениться, ты знаешь. А теперь, глядя на вас с сестрой... на ваше счастье, я прихожу в ужас, что могу потерять все это. Я... не хочу без нее жить, я проснулся вчера, и меня вывернуло наизнанку от осознания того, что рядом спит кто-то, кто не Леся.

— Оно того не стоило?

Он смотрит на меня, и кажется, что ему физически больно. Качает головой.

Веро

Ужин в кругу семьи в этот раз получился спонтанным, дяде стало немного хуже, он запаниковал, а на следующий день, когда состояние нормализовалось, насколько только возможно в его случае, срочно пригласил нас с мамой к себе.

Держится он отлично, одет безукоризненно: привычный нашему взгляду строгий костюм, из рукавов пиджака выглядывают манжеты белоснежной рубашки. Не забыл и о галстук. Дядя у меня замечательный во всех смыслах, не представляю, как бы мы с мамой без него справлялись, когда я была маленькой, да и сейчас тоже. Единственный мужчина в семье тянул всех своих бездумных девчонок, нередко забывая о собственном счастье. За его плечами два неудачных брака, несколько более-менее серьезных отношений с женщинами после разводов, но не сложилось. Двое детей разного возраста, с которыми он практически не общается из-за чудовищных расстояний между городами. Да и бизнес не слишком-то привлекательный, тем не менее он вцепился в возможность и не упустил ее. Начинал с крохотного ларечка без отопления, сейчас — богат. Даже не знаю, сколько денег на его счетах — это не мое дело — но суммы там значительные.

— Птичка-Вероничка, рассказывай подробнее, что тебя так расстроило в прошлый раз? У тебя был такой голос... мне показалось, ты в шаге от того, чтобы бросить бизнес, — говорит он, как только мы доели салат. Его помощница убирает грязные тарелки, заново сервирует стол. После Жанны, его второй жены, он принципиально берет для каждого следующего блюда новые приборы. Было в ней что-то... дворянское.

Мама вытирает губы салфеткой и удивленно смотрит на меня.

— Да ничего, просто случайная встреча со старым знакомым.

— Каким знакомым? — не понимает дядя. Или забыл, или притворяется, что не в курсе той роли, которую Август сыграл в моей жизни.

Я собираюсь с силами и выпаливаю на одном дыхании:

— Жуткий тип, хоронит вторую жену чуть ли не подряд. И я боюсь, как бы не он сам был причиной...

— Птичка, наша работа — не лезть в личную жизнь клиентов. Полиция, родственники — пусть они во всем этом копаются. Наше дело маленькое. Девочка моя, если мы будем сотрудничать только с теми, кто лично нам симпатичен, то очень скоро пойдем по миру. В последнее время огромная конкуренция в нашей отрасли.

— Ты просто еще очень молоденькая, дочка, — жалеет меня мама. Она чувствует как мне некомфортно на новом месте, но мы стараемся не касаться опасной темы. Мне бы не хотелось, чтобы мама чувствовала вину, потому что ей не за что извиняться. — Но если тебе тяжело...

— Ничуть, — говорю решительно. — Мне все нравится. Странно ходить на работу не в лосинах, а в костюме, и я переживаю, куда теперь девать столько одежды в обтяг! — подмигиваю. — Но к этому можно привыкнуть.

Мы втроем смеемся, воздух над столом разряжается, мы снова просто семья, никаких сложностей.

— Ника, что поделывать, мы же были у трех врачей, с твоим коленом не рекомендуются физические нагрузки, спорт под запретом.

— Дело привычки, — пожимаю плечами.

— А знаешь что, дочка, — говорит мне дядя. Можно сказать, он меня вырастил, поэтому иногда зовет дочерью, — для солидности тебе кое-чего не хватает. Новая должность обязывает — он хитро улыбается, загадочно прищуривается, розовеет от удовольствия и выглядит довольным котом, дорвавшимся до сметаны. А это значит, что настало время подарков! Мои глаза горят от предвкушения, как в детстве. Дядя хохочет, замечая это. Он протягивает мне ключи от машины.

— О Боже! — пораженно рассматриваю брелок.

— Я все равно за рулем уже не езжу, — говорит он. — И... судя по всему, водительские права мне больше не понадобятся, а тебе мой автомобиль сослужит службу, — он подмигивает. Мама издает вскрик, от которого сердце сжимается, но она моментально берет себя в руки. Мы, Михайловы, не оплакиваем людей при жизни. Мы боремся за каждый лишний час. — Так что держи, не терпится увидеть эту шикарную девицу за рулем завидного автомобиля.

— Дядя, да ты что! — пугаюсь я. — Мне ведь пешком до работы десять минут быстрым шагом и до метро не более получаса. Куда мне ездить?

— Как куда? На дачу, за покупками, в салон красоты ногти подпилить... да мало ли куда! Держи, пригодятся, — он встает, подходит, вкладывает в мою ладонь ключи и улыбается. Я поднимаюсь и крепко его обнимаю. — Какой-нибудь симпатичный мужчина на светофоре увидит — что там за красотка за рулем? М-м-м, видно, что не нищенка какая-то, а завидная невеста. А у нее и колечка на пальце нет... дай-ка попрошу телефончик.

— Все понятно с вами, лишь бы меня замуж скорее выдать. Сбагрить не терпится! — я плачу, момент слишком трогательный, чтобы удержать слезы. Я дома, это моя семья, которая будет меня любить в любом случае и всегда поддержит, простит ошибки. Даст второй шанс, а потом третий, и так до бесконечности. Мама тоже меня обнимает и шепчет: «Поздравляю!» Подмигивает Кажется, она состояла в заговоре.

— Мне бы очень хотелось погулять на твоей свадьбе, авось еще и получится. Римма, ну что там с ужином? Остынет же все! — прикрикивает он на помощницу.

— Несу-несу! — раздается добрый голос из кухни, и милая женщина спешит с подносами и тарелками, мы с мамой кидаемся ей помогать.

* * *

Чудесный подарок, вот только у меня две проблемы: первая — права-то есть, но за шесть лет я была за рулем аж ноль раз, и тренироваться на громадном дорогушем «Гелендвагене» немного страшновато. И вторая — мобильный лежит рядом, Егор ни разу не написал за вечер, не поинтересовался, где я. Значит, снова с женой. Обычно он всегда мне пишет, например: «хочешь курить?», это означает — он будет курить, а я смотреть со своего балкона.

Некоторые мужчины несут свет, с ними — как на крыльях! Другие — разрушают, но делают это до того сладко, что невозможно отказать себе в запретном удовольствии. А такие, как Егор? Разрушают себя, делают счастливой другую, тогда как именно от них хочется и первого, и второго.

Как ни странно, но машина придает мне уверенности в себе. Мне хочется познакомиться с Ксюшей поближе и понять, чем она его так зацепила.

* * *

Следующим же вечером мы с Сашей на ее «Опеле» катаемся по пустой парковке торгового центра. Вернее, я нарезаю круги неправильной формы, Саша на меня ругается, когда делаю что-то не так, в итоге мы ссоримся, я выхожу из машины, хлопаю дверью и заявляю, что домой доберусь пешком.

— Да стой ты, Веро! — бежит она за мной. — Что за детский сад? Извини, если сказала грубо.

— Очень грубо! Ты истеричка! Я тебе помогала, когда мы учились шесть лет назад вместе, а теперь что? Я, считай, сдала за тебя тесты, которые ты даже не открывала перед экзаменом! Да, не была за рулем давно, растерялась — и все, ты готова прибить уже?

— Прости, дурацкий день. Сорвалась на тебя. Давай поедем ко мне или к тебе, выпьем бутылочку вина и поболтаем о мужиках.

Я согласна с Сашей, на сегодня хватит. Мы обе устали на работе, да и учитель из нее кошмарный. Лучше я оплачу дополнительные курсы в автошколе.

— А поехали! Делать все равно нечего больше, — соглашаюсь, отвечая на ее объятия еще более крепкими.

— Позовем Ксюшу Озерскую? Егор уехал на мальчишник в Сочи, ей одной скучно.

Я столбенею. Чертова сила мысли. Да не так быстро же!

— Зачем?

— В последнее время мы снова сдружились, вместе ходим по магазинам. Она помогает Полинке готовиться к свадьбе. Мы, кстати, тебя всегда приглашаем.

— У меня рабочий день, я не могу вдруг уехать во вторник утром выбирать форму бокалов или оттенки теней для подружек невесты! — закатываю глаза, Саша начинает смеяться. Это наши с ней общие шутки, Польша уж очень придирчива в выборе каждой мелочи, касающейся предстоящего праздника. Иногда она переходит границы, и мы включаем режим «терпеть из последних сил ради многолетней дружбы».

— В это время меньше всего народу. Ладно, так к тебе или ко мне?

— К тебе, у меня бардак. Ты — ладно, но перед Ксюшей стыдно.

— А, ну окей. Кстати, ее муж съехал из квартиры напротив?

Ее муж.

— Не знаю, давно его не видела, — я лгу из-за него лучшей подруге.

* * *

Долго я не знала, что мамин лучший друг, который иногда оставался у нас ночевать и подкармливал меня шоколадными яйцами — мой биологический отец, потом догадалась. Сразу после этого мама сообщила, почему мне нельзя о нем никому рассказывать.

Многие годы мама придумывала все новые и новые оправдания его поведению: бесконечные причины не бросать первую семью ежегодно сменяли друг друга, метания перестали задевать женское самолюбие, любовь одновременно к двум женщинам — превратилась в норму. Та, первая, тоже знала о нашем с мамой существовании. Один раз она приехала ко мне в школу, представилась тетушкой и подарила куклу Барби. Смотрела очень внимательно, жадно разглядывала каждый миллиметр моего лица. Убрала выбившуюся прядь моих волос за ухо и улыбнулась. Тогда я не задумывалась о том, чего ей стоила эта улыбка. Сегодня же, видя весь вечер перед собой беременную, святящуюся счастьем Ксюшу, я сполна прочувствовала на себе значение слова «агония».

Когда мне было лет тринадцать, один взрослый мальчик, увидев меня в парке с подружками — мы занимались танцами на открытом воздухе — подошел и ни с того ни с сего наговорил гадостей, обозвал последними словами. Я и раньше слышала матерные выражения, я ж училась в обычной школе, но впервые их значение относилось к моей персоне. Оказалось, это мой старший брат по отцу. Не думайте, что любовницам живется сладко, не ставьте крест на их детях.

Слепая бездумная страсть моих родителей друг к другу, запретная, никому не нужная, принесла много горя обеим семьям. С этим мальчиком — Стасом — мы бы никогда не стали врагами, не поведи наш отец себя последней скотиной. Стас и сейчас иногда появляется в моей жизни с целью напакостить, от нечего делать, обвиняя в своих бедах сам факт моего существования. У него вообще, на мой взгляд, имеются некоторые проблемы с психикой.

Ксюша мне не понравилась, и да, это чисто субъективное мнение. Уж слишком уверенная в себе и категоричная. Я даже рассказывать о ней не хочу. Не могу. Но домой я прибыла в состоянии ступора и желания размазать Егора по стенке. Он беззлобный и запутавшийся, но, со своей нерешительностью, ведет себя ничем не лучше моего отца. Поэтому, когда через час он вместо того, чтобы отрываться на мальчишнике, позвонил мне и пригласил покурить «с ним» на балконе, я не смогла сдержаться и попросила исчезнуть из моей жизни немедленно и

не трепать больше нервы. Он обалдел и даже замолчал на несколько секунд. После чего произнес:

— Почему? — искреннее не понимая моей категоричности. — Что-то случилось?

— Мне потом плохо, — честно призналась. — После нашего общения. Я будто... покрываю тебя.

Я сегодня в прошлое вернулась! Мне надоело стыдиться и скрывать отношения с мужчинами, будь это отец, любовник или друг! Я достойна большего!

— Ты выпила, что ли?

— Немного вина... неважно. Бокал или два. Егор, я сегодня весь вечер провела рядом с Ксюшей. Это сложно. Слишком для меня сложно. Моя самая близкая подруга дружит с твоей женой, а я им лгу, что не общаюсь тобой, тогда как мы ежедневно на телефоне!

— Мы не делаем ничего плохого. Ты — точно не делаешь. А свою карму я несу сам, — он произнес резковато, но не переступая границ.

Мне не нравится, что мы уже несколько раз ссорились и мирились, потому что это сближает людей. А сближение с женатиком, таким, как Егор, ничего, кроме проблем, не принесет. Он тратит мое время. Вместо того, чтобы развлекать его, я могла бы сходить на свидание с каким-нибудь другим парнем, потенциальным женихом.

— Ты заставляешь меня поступать плохо.

— Ты — мой единственный друг.

— Знаешь что, Егор? Хочешь услышать правду от друга?

— Ну, давай. Чувствую, ты не ограничилась двумя бокалами. Я весь во внимании, Вероника. Жги.

— Посмотри на себя со стороны. Хотя бы на минуту. Ты классный. Правда, классный. Настолько, что единственное, о чем я подумала, увидев, как ты занимаешься сексом с другой женщиной — «хочу оказаться на ее месте». Ты умный, веселый. Иногда ты даже кажешься чутким — правда, очень редко. Но все эти качества никогда не перевесят твоего поведения.

— Какого поведения?

— Непристойного! Алкоголь, наркотики, беспорядочные связи... спорю, ты даже сейчас под кайфом. Я вообще не знаю, бываешь ли ты не обкуренным хоть когда-нибудь!

— Вообще-то бываю.

Я вздохнула.

— А ты никогда не задумывался, что, может, твоя жена потому и забеременела от другого, потому что, прости Егор, но от тебя — просто страшно. В нас, женщинах, на уровне инстинкта заложено рожать от здоровых самцов, а ты не бываешь здоровым. Егор, ты мне понравился с первого взгляда, но чем больше я узнаю тебя, тем меньше мне хочется продолжать это делать.

— Вот сейчас было жестоко, — сказано он с улыбкой, но я понимала, что попала в цель и сильно его задела. Я отыгралась на нем за поведение отца и Стаса. Нахлынули воспоминания, я не

смогла с ними справиться.

— Ты мог бы стать особенным мужчиной, но вместо этого — ты не больше чем веселая компания на одну ночь. Пару раз мне казалось, что я вижу тебя настоящего, но потом я поняла, что идут дни, недели... а ничего не меняется. Я действительно тебе друг, и я не собираюсь смотреть, как ты снаркоманиваешься за окном напротив.

— Это всего лишь трава.

— Это всего лишь твоя жизнь, твой выбор, и не впутывай в него меня, пожалуйста. Как разведешься — позвони, проведем жаркую ночь вместе, если у меня по-прежнему никого не будет. Но если ты хочешь большего — а ты хочешь, иначе бы не убивался по поводу измены Ксюши — то будь добр, покажи это. Иногда, чтобы всплыть на поверхность, нужно оттолкнуться от дна ногами. Вот оно дно, Егор. Отталкивайся. Считай, что меня у тебя тоже больше нет, — и я положила трубку. А потом посчитала: мы есть в жизни друг друга почти два месяца. Оказывается, этого достаточно для того, чтобы привыкнуть к человеку.

Мистер Математик

Привет, блог.

Это снова я, ваш бессменный писатель-написатель — наркоман-Егорка.

Моя бабушка — та, что филолог — всегда говорила, что если ты нюхаешь кокаин дважды в месяц, то ты творческий человек, которому естественно необходимо расслабиться, если чаще — у тебя гребаные проблемы, парень. Так вот, у нее были проблемы, у меня — нет. Пока — нет, но перспективка нерадостная.

Ваши комментарии к блогу прочел, обдумал. Отключил. Затем снова включил. Пишите, почитаю. Пусть даже лично я далеко не со всем согласен.

— Вероника, ты где? — говорю сразу, как только слышу ее «Что тебе нужно, Егор?» в трубке. Верните мне добрую милую Веронику, кто успел подменить мою терпеливую соседку этой стервой?

— На работе, — в ответ голос, холодящий кровь в жилах. Настолько ледяной, что я едва не зарабатываю себе отит, услышав эти два слова. Ну нифига себе.

— А что ты там делаешь? — спрашиваю наигранно весело.

— Людей хороню.

Шуточки, блин. Она снова в ударе.

— Ха-ха, — отвечаю, только смех не радостный. — Надо поговорить.

— Поговори с женой.

— Поговорил. Теперь с тобой хочу. Ты на меня все еще злишься?

— С какой стати? Ты мне вообще кто, злиться на тебя еще, — но трубку не кладет. Она немного не в себе, волнуется или нервничает. Буду польщен, если из-за меня.

— Можно я приеду?

— Зачем?

— Это важно.

— Для кого?

— Для меня. Веро, я не буду тебе мешать. Мне не мешает друг и немного тверка. Можно объединить, — ты мой островок добродетели, и ты от меня никуда не денешься, сегодня я причаляю. — Ладно, шутки в сторону. Я соскучился. Я привык к тебе.

— Егор, это делается так. Открываешь телефонную книгу, находишь в списке мой номер, нажимаешь «удалить». Отвыкаешь.

— Я неделю не курил дурь, все это время я сижу один в квартире напротив твоей и работаю. Это правда. Просто выпей со мной кофе, и я уеду. Просто поговори со мной о какой-нибудь фигне. Можешь повторить все то же самое, что сказала неделю назад по телефону. Плевать.

Она громко вздыхает в трубку. Сдается.

— Я угощаю, — продолжаю давить.

— Егор, приезжай, но потом не жалуйся, — Вероника по-прежнему говорит резковато, но меня это мало интересует. Я хочу увидеть кого-то, кто верен своим принципам, и снова поверить в людей.

— Я жду адрес смс-кой.

— Может, все же вечером? — немного смягчается.

— Я хочу побыть с кем-то не из моего мира. С тобой. Пожалуйста. Ну что мне сделать, чтобы ты сменила гнев на милость? Это ведь не сложно — сказать мне, где ты, дальше я все сделаю сам. В конце концов, я могу тихо посидеть позади тебя, пока ты трудишься, и с удовольствием полюбоваться твоим восхитительным затылком.

— Ладно, — крепость пала, противник капитулирует. Но заметно, что решение дается с трудом. Вероника диктует адрес. — Увидишь вывеску — не пугайся, я внутри здания. Сразу проходи в кабинет, я поставлю тебе табуретку в уголке.

Когда я подъезжаю к нужному дому, осознаю, какой идиот. Это бюро ритуальных услуг! Боже, у нее кто-то умер, а я ей названиваю без остановки и намекаю, что меня ломает. Как не вовремя. Я ведь даже не спросил, как она себя чувствует, что происходит в ее жизни. Понятия не имею, чем она занималась последние дни. Может, у нее горе? Она ведь как-то упоминала, что дядя болеет. Возможно, не только мне единственному хреново живется на этом свете? Принять это непросто.

Некоторое время стою перед зданием, рассматривая надпись «Тихие поляны», переминаюсь с ноги на ногу. Идти туда не хочется. Да и одет я неподобающе, джинсы и черная майка, но скорбной последняя от окраски не становится, так как украшена надписью. Надо было рубашку надеть, собирался в спешке. Я ж не думал... А мог бы спросить. Обычный вопрос «как ты?» — часто спасает от многих неудобных ситуаций.

Окей, захожу. Может, ей поддержка не помешает? Ну там плечо мужское.

А если там толпа ее родственников? Ох бли-и-ин.

Как только оказываюсь в помещении, один из работников сразу замечает меня и перенаправляет в соседнюю комнату, где происходят то ли поминки, то ли прощание... Кто-то вещает за кафедрой. Вероники среди присутствующих нет, поэтому прохожу дальше, ловя на себе несколько любопытных взглядов. Припоминаю: она сказала, что будет в кабинете. Возвращаюсь в коридор, где приходится объяснить... хм, менеджеру, что мне нужна Вероника Михайлова, и что она меня ждет. Тот, наконец, понимающе кивает и указывает на дальнюю дверь.

Три раза стучу, тяну на себя, но кто-то меня опережает и внезапно толкает дверь изнутри, которая распаивается, едва не прилетев мне по лбу. Навстречу вылетает незнакомый мужик, был бы повыше и посильнее — снес бы меня. В итоге мы цепляем друг друга плечами, он что-то вякает, я оглядываюсь, собираюсь ответить, но вовремя вспоминаю, что за мероприятие развернулось за стенкой и, вероятно, он на нервах. Прощаю его.

Наконец захожу в просторный кабинет, в котором слева от громоздкого резного стола ручной работы и по правую сторону от нескольких гробов стоит моя Вероника. А на груди у нее бейджик. Внезапно до меня доходит смысл фраз, что она «бывший инструктор по фитнесу и питанию» и «хоронит людей». Мои брови ползут вверх. Веро в строгом черном костюме, прямые еще более черные, чем одежда, блестящие волосы распущены по плечам, в искусственном освещении ее кожа кажется мраморно-белой и жуткой. Губы, напротив, яркие, словно искусанные. Соседка выглядит... неживой. Вампирша.

— Ой, бл*ть, — вырывается тихое у меня. Я надеялся, что она не услышит, но девушка слышит, выражение ее лица становятся испуганным, уголки губ опускаются, как у ребенка, которого жестоко и несправедливо обидели, на глаза наворачиваются слезы. В следующую секунду стойкая непоколебимая Вероника начинает рыдать. Навзрыд. Закрыв лицо ладонями. Она опускается на корточки у своего пафосного стола, захлебывается, и я бросаюсь к ней. Поднимаю, обнимаю, помогаю сесть в здоровенное мягкое кожаное кресло, в котором она тонет. При необходимости в него можно посадить двух с половиной Вероник. Теперь девушка кажется еще больше похожей на героиню молодежного готического сериала.

— Веро, ты что? Я тебя опять обидел? Устроила тут ливни-водопады.

— Он, — она плачет, — он меня так же только что назвал. Прости. А потом ты зашел и назвал, и нервы сдали. Я сей-час успо-успо-коюсь, — она заикается. Ее слезы ранят, я всегда таким был, не могу выносить девчачьи рыдания.

— Как назвал? — не понимаю.

— Как ты, — плачет.

— Как я? Ты о чем вообще?

— Ну «бл*дью», — она захлебывается.

— Чего? Я тебя так не называл, это присказка вырвалась. У тебя такая задница классная, я думал, ты с гантельками приседаешь в обтягивающих шортиках, ну знаешь, в которых половина булок видна, а ты тут бледная, как смерть, будто только вылезла, — киваю на гроб у стены, — из ящика.

Она улыбается сквозь слезы. Пункт «А» — привести девушку в чувство — выполнен. Переходим к «Б».

— Мне больше нельзя с гантелями приседать, у меня колено больное. Скоро она обвиснет и не будет даже задницы, — плачет еще сильнее. Ох, ептить.

— Кто тебя назвал этим нехорошим словом? — прищуриваюсь. Заставляю ее поймать мой взгляд. Я на корточках перед ней, смотрю снизу вверх. Она сжимает губы. Меня бросает в пот, очередной отходняк не вовремя. Встряхиваю головой. — Ну?

— Да ничего, я уже поставила его на место, — она начинает вытирать глаза. — Зря ты приехал, теперь ты знаешь мой самый страшный секрет. У многих людей я ассоциируюсь с горем, теперь и у тебя буду. Егор, перестань так смотреть, все нормально. Извини за слабость, иногда случается даже у меня.

— Ага, я вижу, что нормально. Этот хрен, с которым я столкнулся в дверях, что ли болтает не по поводу?

— Я уже послала его, ага. Такой мудака, Егор, ты даже не представляешь себе. Жену на днях закопали, а ко мне яйца подкатывает. Поцеловал, — она трет губы. — Ублюдока. Пришлось пнуть его, он психанул. Боже, ужас какой. С кем мне приходится иногда работать.

— Он тебя поцеловал, а потом обозвал? Да ладно, — поднимаюсь и иду к выходу, она кидается за мной.

— Озерский, да брось, я правда постояла за себя. Забудь. Эй! Ты что делаешь?!

Но я уже в коридоре, захожу в зал, где люди плачут и прощаются, и быстро нахожу взглядом того, кто мне нужен. Он стоит у портрета молодой женщины, глаза закрыл, будто молится. 0*уеть.

Вероника появляется следом и шипит мне на ухо, чтобы успокоился. Не время и не место. Но я не человек-эмоция, склонность к необдуманным поступкам — один из немногих недостатков, которые ко мне не относятся. Все глупости я себе разрешаю сознательно, и последствия мне известны.

Вероника исчезает на пару минут, затем возвращается и накидывает мне на плечи пиджак с чужого плеча, застегивает пуговицы на груди.

— А вы с какой стороны? — подходит ко мне милая старушка.

— Он со стороны персонала, — вежливо отвечает Вероника.

— А, понятно. Жаль, я подумала, возможно... Лидин друг или... больше. Было бы подарком, — вздыхает она, поглядывая на этого ублюдка в нескольких метрах от нас.

— Мои соболезнования вашей утрате, — только и успеваю проговорить, она кивает, а потом крепко обнимает меня, вцепляется в плечи. Ее искреннее горе раззадоривает еще сильнее. К моей соседке минуту назад приставал не кто иной, как муж усопшей. О Господи. Вероника пытается утащить меня обратно в кабинет, но ее вовремя отвлекает менеджер по какому-то важному вопросу, что окончательно развязывает мне руки. С самого утра меня бесит абсолютно все, я курил на балконе, смотрел на пустые окна напротив и думал о том, что, возможно, Веро — единственный человек, которого я бы хотел сейчас видеть. Да, она бы меня

не раздражала.

Она бы могла не выпендриваться полчаса по телефону, а позвонить первой и поделиться, что ей угрожает опасность. Вообще-то, я к ней относился как к другу, делился важным, она могла бы сделать то же самое. Хм, может, и сделала бы, если бы я хоть раз о чем-то ее спросил.

Как только этот хрен выходит на улицу покурить, я догоняю его у машины. Спрашиваю сигарету, а когда он оборачивается, ударяю по башке так, что он впечатывается мордой в крышу собственной тачки. Он сгибается, хватается за нос, что-то ошарашенно мямлит. Он пытается обороняться, но оценив ситуацию, понимает, что выгоднее бежать. Позади шаги, нас догоняет Вероника, одновременно перекрывая путь к отступлению. Девушка ахает.

— Извиняйся, — говорю.

— Перед ней, что ли? — кивает на мою соседку. — А ты вообще кто такой? — пытается оглядываться, чтобы позвать на помощь, но никого, все внутри. А со стороны улицы нас не видно.

Предпринимает попытку сопротивляться, но не зря мы с Санни еженедельно устраиваем спарринги, офисный сорокалетний хмырь с пузом для меня вообще не проблема.

— Извиняйся вежливо, иначе на коленях будешь, — выкручиваю ему руку так, что он краснеет.

И тут я поднимаю глаза на Веронику и слегка удивляюсь. Она не испугана, не возмущена. Стоит, скрестив руки на груди и властно на него смотрит. Не осуждает мои действия. Наслаждается каждой секундой. Вот теперь узнаю ее: смелая, моя любимая бесстрашная соседка.

— Я жду, Август Рихардович. И, пожалуйста, искренне. С душой, — говорит ему жестко. Я улыбаюсь и подмигиваю ей, она делает вид, что не замечает. — Вы думали, дяди нет, так за меня заступиться некому?

— Я тебя похороню, тварь, — шепчет он мне, — ты не знаешь, с кем связываешься!

— Озерский Егор Дмитриевич, паспортные данные, — диктую их вслух на память, — буду ждать с нетерпением кровавой мести. А щас извиняйся.

— Извини! — вякает он.

— Извините, Вероника Павловна, больше не повторится, — учу, как правильно. Он старательно повторяет. Оказывается, как умеет просить прощения, молодечик. — Отлично.

— Прощаю, но чтобы больше такого не было! У меня в кабинете камеры, если не хотите, чтобы я передала записи в полицию и родственникам — больше не подходите даже. Оставшиеся вопросы решим по телефону.

Перед тем, как сесть в машину и уехать, он внимательно смотрит на меня, запоминает лицо. Я выдерживаю взгляд. Пусть пороет информацию, у моей семьи такие связи, что пикнуть побоится, по крайней мере, пока правящая партия не поменяется. А как только его «Ауди» отъезжает, говорю Веронике:

— Камер нет?

— Они не работают. После ремонта что-то не доделали в проводке. Надо починить.

— Надо. Я займусь. Опасное у вас тут место.

— Отказываться от помощи не стану. Если честно, я не справляюсь со всем навалившимся. Очень много работы, люди, что в моем подчинении — совсем меня не боятся. Опаздывают, вовремя не выполняют обязанности. Мне кажется, Ольга Валерьевна из бухгалтерии подворовывает, а я не могу набраться смелости и спросить у нее напрямую.

Я обнимаю ее одной рукой за плечи, чуть наваливаюсь весом, чтобы она ойкнула, пытаюсь меня удержать. Улыбается.

— Егор, тебе не стоило этого делать, он опасный человек, — говорит полупшепотом.

— Я тоже опасный, — отвечаю предельно серьезно, но она вдруг начинает смеяться, что неприятно царапает по самолюбию. Я хмурюсь, но развивать тему не хочется: — Ты до сколько работаешь?

— Мероприятие закончится — и свободна. Иногда у нас выкупают зал, когда не хотят приглашать домой, у нас есть соглашение с соседним рестораном... Где-то около трех.

— Так я посижу с тобой?

— Выглядишь неважно, — она поворачивается и гладит меня по вискам, вытирая ладошками пот. А я прикрываю глаза от удовольствия, мне не хватало вот такой незамысловатой женской ласки. Не секса, не совета. А просто нежного прикосновения. Она хмурится: — Егор, у Ксюши всегда будет ее родной малыш, она уже не одна. Это счастье. Правда. Мне мама рассказывала, что, даже оставшись одной с младенцем на руках, она чувствовала, как внутри тепло и приятно. Откуда-то берется невероятная сила, смелость. Желание спасти своего ребенка перекрывает любые страхи. Ксюша, если она не болезная, конечно, справится ради него. А ты один. Сейчас один, и потом будешь один тонуть в собственной лжи. Если малыш твой, она с помощью него на тебе еще отыграется за эти месяцы, вот увидишь. И не говори мне, что ограничиваешься марихуаной. Дальше будет хуже.

— Так я посижу с тобой? — упорно повторяю.

— Посиди.

Обещанную табуретку она мне не предлагает, мстя за завтрак на полу кухни. Когда спрашиваю: ничего, если полежу в одном из ящиков и подремлю — нашел подходящего размера, выпучивает глаза и крутит у виска. В конце концов мне выдают подушку, и я сажусь в углу комнаты, прикрываю глаза, пока она работает за компьютером и принимает клиентов. При мне приходят двое.

Вероника

Егор наломал дров, подкараулив Августа на парковке и разбив ему нос, и хвалить его за это — неправильно. Но... как же не хвалить? То чувство, что я испытала, когда за меня заступились перед кошмаром моей юности — стоило многого. Если бы не железная поддержка мамы и дяди, я бы сломалась в то время, не выдержала позора. Превратилась бы в ходячее бледное чувство стыда, а потом исчезла безвозвратно. Испарилась бы я в семнадцать лет. А теперь —

посмотрите на меня: сижу за компьютером, нога на ногу закинута, спина прямая, как спица. Заполняю договора на поставку, параллельно переписываюсь с одной фабрикой, которая хочет заключить с нами договор. Вполне реальная. Настоящая. И даже, самую малость, — счастливая.

Кажется, я отомстила. Отрываюсь от монитора, смотрю перед собой, а внутри — ликую! Вибрация внутри чувствуется. Ох. Пусть мелочной и банальной физической болью, пусть с помощью Егора, но унизила Августа. До последнего не верила, что Математик не испугается, он, конечно, заливал, что они с другом в каком-то году какие-то медали получали по боям без правил, но лапшу эту я с ушей снимала так же быстро, как он вешал.

Сидит сейчас в углу кабинета с мобильным, рубится в какую-то стрелялку да поглядывает на меня периодически. Как символично: у его жены — успешный свадебный салон, у меня — похоронное бюро. Она — праздник, я — печаль. Она дарит людям лучший день в их жизни, я... провожаю с миром. Боже, я во всем ей проигрываю, затей мы вдруг соревнования. Мне даже кажется, что Саша снова стала дружить с Ксюшей потому, что я согласилась на эту работу. «Хорошо, что ты уволилась, от тебя в прямом смысле веяло смертью», — никогда не забуду ее слова, когда мы праздновали мое поступление в колледж и смену работы шесть лет назад. А теперь у Саши есть Ксюша, а у меня есть Егор. По крайней мере, сегодня вечером.

— Мадам, уже полчетвертого, — говорит он мне недовольно.

— Сейчас, еще немного осталось. Ты, кстати, можешь не ждать.

— Я знаю, что я могу не ждать, — отвечает сквозь зубы, впрочем, уходить не торопится. Зачем-то же приехал и сидит позади, затылок рассматривает, как и обещал. Волнительно. И даже подругам не расскажешь, не поделишься. Может, солгать, обозвав его другим именем? Придумать легенду, что познакомилась в метро с парнем? За эту неделю я практически попрощалась с ним. Заклеила балкон скотчем, вокруг натянула желтые ленточки, обозначив место преступления, чтобы случайно не забыться, не выйти на свежий воздух и не столкнуться с Математиком нос к носу. Я смотрела в окно, ждала, что увижу его с другой, чтобы разозлиться. Больше всего на свете я хотела на него злиться! — Вы в выходные работаете?

— Что? — оборачиваюсь. Он уже ноги вытянул, бедняжка. — В субботу только. А зачем тебе?

— Ну так камеры нужно починить, время выбрать, когда тут никого не будет

— А ты умеешь чинить электрику?

— Веро, мой папа актер, а я — писатель, я умею починить карандаш, наточив его точилкой. Но я знаю людей, которые это сделают для меня за деньги.

— Ты потом скажи сколько, я все отдам.

— Непременно, первым делом так и сделаю, — бурчит в ответ, а мне смешно. Ему хочется лечь и вытянуться, а не сидеть на жестком полу часы напролет. Интересно, кто его папа? Почему-то ни Саша, ни Ксюша ни разу не обмолвились на этот счет. Да и он сам заикнулся впервые. Может, я видела его по телевизору? Или на рекламном баннере?

После работы мы едем в наш район на его «Порше». Я сижу рядом на пассажирском сиденье, пока Математик ведет машину, слушаем радио. Егор рассказывает про недавнюю поездку в горы, говорит, что есть фотографии с рафтинга, и что я обязательно должна попробовать.

— Управлять лодкой, несущейся по горной каменистой речке? Заманчиво.

— Есть разные уровни сложности... — он переключается на их с Санни поездку в Карелию, где было действительно опасно. А тут — в самый раз для новичков. За увлекательной беседой я забываю вовремя предупредить, где лучше повернуть, чтобы срезать, и вот уже Егор паркуется у себя во дворе.

— Мог бы высадить меня у моего подъезда, — говорю ему настороженно.

— Ага, еще чего, буду круги нарезать, бенз тратить, — хохотнул он в ответ. Но когда я выхожу из машины, Озерский оказывается рядом, обнимает за плечи и ведет к себе. Я не возмущаюсь и даже не спорю, потому что хочу еще немного побыть с ним, а в мою квартиру нельзя, потому что — помните? — куча желтых ленточек вокруг балкона!

— Если ты будешь приставать... — начинаю строго в лифте.

— Буду вести себя исключительно пристойно, — и что-то мне подсказывает, что в этот раз Озерский не шутит. Он бледен, выглядит неважно, хочет спать. А еще расстроен.

— Знаешь, что меня потрясло, Веро? — говорит он мне, когда мы заходим в его берлогу, разуваемся. Стараясь не выдать своего любопытства, я жадно рассматриваю обстановку, пытаюсь обнаружить следы пребывания другой женщины. Но кроме стола в комнате, удобного кресла и нескольких рубашек, развешанных по дверям — ничего нового. Замечаю пару сумок в углу коридора, такое чувство, что Егор постепенно перебирается в это жилье насовсем.

— Что же, Егор?

— Не твои слова по телефону. Все понятно, я в курсе, как выгляжу со стороны. Сюрприза не было. Рожать от меня стремно. Меня потряс поступок друга. У меня есть друг, без которого я не помню себя. Я тебе про него рассказывал, кстати. Так вот, Санни влюблен. Очень. Мы с ним вместе тусуемся уже почти двадцать лет, школу закончили одновременно. Много было, но не так, чтобы до дна, понимаешь? Без поступков, которые необратимы. А потом он влюбился и бросил все это. Мне нравилось наблюдать за ним новым, он будто рушил шаблоны, которые мне вдалбливали с детства. Своим успехом он как бы показывал — в любой момент можно остановиться. Соскочить. Начать заново и сделать все правильно. Мне тоже так хотелось, и я даже думал, что получилось. А потом выяснилось, что ничего у меня не получилось. Первой не выдержала Ксюха, потом и я. Как будто получил повод и рад вернуться к никчемному образу жизни, понимаешь? Ухватился за ее измену и сам стал ничем не лучше, оправдывая себя обидой. Последняя капля упала, когда изменил Санни. Своей любимой девушке на мальчишнике перед свадьбой. Как символично.

— Это очень грустно, — говорю я, присаживаясь на край кровати. Озерский вытягивается рядом.

— Она знает?

— Нет. Не уверен, вроде бы пока нет. Я... просто устал от грязи, если честно. По этой причине я не могу от тебя отцепиться. Ты хотя бы знаешь, чего точно не хочешь. А это уже полдела. Все мои друзья — наркоманы, нет ни одного, кто бы не имел парочку постоянных любовниц. Нет вообще ничего, что следовало бы хранить. Двое сделали вазэктомию в прошлом году, потому что задолбались оплачивать аборт. Раньше мы были другими, я помню. Не знаю, почему к тридцати годам все превратилось сплошь в циников и козлов.

Что тут скажешь? Я молчала. Просто была рядом с ним и слушала. Не думаю, что Егор ждал от меня согласия или опровержения своих слов, он слишком сильно ушел в себя, пока произносил это.

Мы устроили его ноут на краю кровати, а сами валялись весь вечер на простынях и смотрели ужастики. Я тянула красное сухое из его запасов, он вливал в себя минералку. Пару раз ходил в душ освежиться. Мы не говорили об этом, но я не маленькая, понимала, что его ломает. Так вышло, что в итоге мы нашли удобную позу, когда я на боку, а он обнимает меня со спины — в ней и остались. Не гладит, просто обнимает. Иногда я чувствовала его горячее дыхание у себя на шее, щеке, за ухом — как будто он наклонялся, чтобы поцеловать, но не позволял себе наглости. От этого ощущения ток пробежал по коже, колело кончики пальцев.

— Я писал книгу, — сказал он негромко, возвращая меня в реальность. — О другом. Не о той жизни, что веду сейчас. Но бросил, потому что переключился на пошлые сериальчики, за которые хорошо платят.

— Ты ее не доделал?

— Нет. Не уверен, нужно ли. Тогда мне казалось, что моя писанина — крайне важна и обязательно кому-то пригодится. Поможет. Там много личного, как и в каждой первой книге любого писателя.

— Дашь почитать?

— Нет, — он улыбнулся. — Иногда мне хочется к ней вернуться, но что-то останавливает. Сестра живет в Штатах, работает в одном неплохом издательстве, она читала черновики, говорит, что попробует протолкнуть рукопись, но для этого ее нужно закончить.

— Егор, ты обязан вернуться к этой книге. Ты другой, когда говоришь о ней, — на экране в темноте зомби жрали людей живо, мы оба не отрывали взглядов от жуткой картинке. Машинально он чуть сильнее меня обнял, словно защищая от монстров по ту сторону монитора. — Таким ты мне нравишься.

— Ты мне тоже нравишься.

— Я чувствую. В смысле... мне кажется, у тебя эрекция.

— Упс.

— Сделай с этим что-нибудь, пожалуйста, мне неловко.

— Мне лень шевелиться, — он показал рукой, о чем ведет речь: вверх-вниз кулаком. Во дурак. — Пусть будет. Не обращай внимания.

— Тогда не прижимайся так сильно.

— Сама не прижимайся, — после его слов я осознаю, что немного прогнулась, прижавшись в его паху бедрами, обтянутыми прямой юбкой. Черт. Он наклонился и поцеловал меня в лоб.

— Мы же переспим, когда я разведусь? — спрашивает просто и обыденно, будто обсуждаем сюжетный поворот в кино, а не мечту, которой я живу месяцами. Повернуться бы к нему, найти губами его рот и закрыть глаза. Дать сигнал к действию. Расслабиться и довериться, чтобы ласкал, любил, чтобы взял так, как хочет. Хотя как, мне вообще-то уже без разницы.

Я улыбнулась.

— Если я не найду себе молодого человека к тому времени — обязательно.

— Хорошо. Надеюсь, что не найдешь, — он вздыхает, а потом ложится пониже, утыкается лбом в мою спину. Через некоторое время я понимаю, что он спит. Осторожно, чтобы не потревожить, поворачиваюсь и, помедлив пару мгновений, нерешительно глажу его по лицу кончиками пальцев, очерчивая родинку под подбородком и оспинку на щеке.

Не удерживаюсь и осторожно целую в висок. Он никак не реагирует. Крепко спит. Сегодня он вкусно пахнет. Шампунем, какой-то туалетной водой и самим собой. Немного, совсем чуть-чуть — сигаретами. Возможно... если он и правда разведется... ну вдруг, есть же робкая надежда... я смогу заинтересовать его сильнее, чем для крошечной интрижки. Я облизала сухие губы, рассматривая его лицо. Мне хочется спать с ним, но еще больше хочется стать его любимой женщиной. Его женщиной. Просто секса с ним мне будет мало, но я пойду на это, чтобы получить хоть что-то. Потом, через несколько месяцев, если он станет свободным.

Утром я просыпаюсь от будильника на семь тридцать, потягиваюсь, понимая, что снова спала в его постели, но в этот раз мне не страшно и не противно. Все было честно, мы доверяли друг другу, в некоторые минуты даже больше, чем себе. Сажусь на кровати, потягиваюсь. Из ванной доносится звук льющейся воды — Математик снова чистит перышки. Готовится расправить крылья? За ширмой, которая разделяет комнату на два пространства, стоит стол, который Егор купил совсем недавно. На столе — включенный ноутбук, тот самый, по которому мы полночи смотрели ужастики. Я подхожу, шевелю мышью, и экран становится ярче. Ноут не успел уйти в режим ожидания, чтобы просить ввести пароль. Я вижу документ, который насчитывает более трехсот страниц, открыт на шестнадцатой главе. Чувствуя себя шпионкой, смелой Никитой, я приступаю к чтению. Глаза глотают строчки, дрожащие пальцы сцепились в замок. Мне кажется, я вступаю на запретную территорию, еще чуть-чуть — и подо мной начнут взрываться мины.

Мне нужно это прочесть, я чувствую.

Я делаю шаг, потому что не могу отказать себе в желании узнать своего Математика — Егора Озерского — поближе. Все о нем узнать.

Часть II

Веро

Прошла неделя. Затем половина следующей. Итого целых десять дней спокойной жизни, включающей в себя море работы (что и плохо, и хорошо одновременно), пару поездок к маме, и абсолютно точно исключаящей ночевашки с Егором в одной постели. Хватит с нас двух раз, третий мы точно завалим, к гадалке не ходи.

С какой вообще стати двум взрослым людям в не экстренной ситуации делить одно одеяло на двоих? Верно — ни единой отговорки «за» не существует. Подобное времяпровождение означало бы лишь то, что мы осознанно нарываемся, открыто провоцируем друг друга. И от грехопадения отделяет взгляд, вздох, неловкое или ловкое движение. а дальше уж оба в курсе, что делать. А потом он вернется к жене, как ни в чем не бывало, а я останусь один на один с не

ведающей жалости ревностью, которая будет пить мою кровушку, выжмет до капельки, не дожидаясь остановки дыхания. Медленная мучительная смерть — достойная кара за запретную любовь, так ведь?

Есть, конечно, слабая надежда, что в сексе Математик никакой, тогда после процесса я бы ласково улыбнулась, потрепала ему челку и с радостью бы присвоила парню четвертое место из четырех в моем внушительном списке любовников, навсегда записав во френдзону. Но пока риски слишком велики, опасно пробовать.

В то утро, когда я успела прочитать две главы его запретной книги, он долго ругался по телефону с другом, по совместительству — дилером. Егор закрыл дверь на кухню, чтобы не пугать меня, но я слышала каждое слово, втягивала голову в плечи, то тарасила, то закатывала глаза в отдельные моменты. Наскоро освежилась в ванной и даже налила себе кофе из турки, пока он выяснял отношения. Не ожидала, что мой душка-филолог умеет устрашающе орать, выражаясь отборным матом. Судя по всему, впарили ему что-то не то, на что он рассчитывал, и глюки Озерский поймал нешуточные, а потом еще и отходняк доконал бедняжку. Надеюсь, послужит уроком. Взрослый мальчик, пора бы понять, что наркотики — это фу, гадость.

В комнату он влетел все еще на взводе, резко распахнул дверь и выпучил на меня, мирно сидящую за его ноутбуком, глаза. Ой.

— Что делаешь? — спросил и стиснул зубы, обозначив желваки на скулах.

— Да так, книжку твою читаю. Полуавтобиографическую.

— И как? — он скрестил руки на груди и облокотился плечом на дверной косяк.

— У тебя необычный стиль, к нему сложно привыкнуть, но вот позади тридцать страниц, и мне кажется, я потихоньку прихожу в восторг. Была бы благодарна, если бы ты налил мне еще кофе, не хочу отрываться. Если честно, безумно интересно.

Кофе мне нести никто не разбежался. Несколько шагов — и Озерский рядом, схватил меня за плечи и потянул вверх, а затем неожиданно подхватил под бедра и, захлопнув ноут, плюхнул прямо на его крышку.

— Ох! — только и успела я выдохнуть, как он оказался в нескольких сантиметрах от меня.

Мои руки сами потянулись к его лицу, пальцы пробежались по лицу, зарылись в волосы.

— Тише, Егор, не злись.

— Я не на тебя же, — он свел брови вместе, но все еще выглядел взбешенным.

— Просто не злись. Ты сказал, что дилер — твой друг. Друзья не продают друг другу бодрящую наркотику, дойди до этого своим ясным, пока еще не оцепеневшим от химического яда умом, пусть с моей подачи. Черт! Вообще не продают наркотику, но к этому этапу мы перейдем в следующий раз, не все сразу, — я все гладила и гладила его по голове, стягивала влажные после душа волосы, лохматила их, упиваясь тем, что он позволяет. Когда Математик вот так гладко выбрит и трезв, будто и не он вовсе. Незнакомый мне Егор, перед которым теряюсь. А еще мне нужно было чем-то занять руки, отвлечься, пока он в зоне моего комфорта.

— Спасибо, что побыла со мной вчера и ночью, — проговорил серьезно. Можно было жестоко

высмеять его реплику, но я почему-то подумала, что не стоит.

— Спасибо, что заступился за меня перед Августом.

— Услуга за услугу?

— Типа того.

— А вот и нет, ты разрешила приехать до того, как я сломал психопату нос, — проговорил с широкой улыбкой. И я снова растаяла. Он наклонился и коснулся своим носом моего, прикрыл глаза, и мне ничего не оставалось, как проделать то же самое. Темно. В целом доме, Вселенной только он и я. И наши дыхания в тишине комнаты. Мои пальцы, наконец, оставили в покое его волосы и переместились на плечи, которые я стиснула, готовая в любой момент оттолкнуть. Выпрямить руки. Его ноги находились между моих. Его горячий ноут с важной для него книгой — под моей задницей. Меня ужасно много в его жизни, и исчезать из нее я была не намерена, по крайней мере, не сегодня.

Его губы коснулись моих в сухом коротком поцелуе.

— Я тебя хочу, — прошептал он медленно. — Сейчас. Сильно.

— А я тебя, — не осталась в долгу. Произнесла с придыханием, с дрожью. Откуда только взялось столько разврата в интонациях? Он напряг руки, напрягся сам, а я впервые в жизни испытала, что это такое — обладать властью над мужчиной. Крепко держать его за яйца просто тем, что все еще в трусиках. Откуда-то я точно знала, что вот сейчас, ради моего короткого «да», он готов на все. Хорошо, на многое. Ждет условий. Перечисляй любые — машину, путешествие, тряпки... говори ему, он кивнет. Исполнит. Лишь бы дали то, что хочется.

Слепо обожать взрослого мужчину — знакомый опыт, партнерские отношения — тоже были, а вот так, чтобы самой устанавливать правила игры, на которые он согласен, лишь бы играть — ново. На секунду я устыдилась того, как сильно мне понравилось чувствовать власть над ним. Ощущения пьянили. Взгляните на меня — я самая красивая, сексуальная, я его победила, а он вовсе не против. Так сильно нуждается, что взгляд темнеет, дыхание рвется.

— Нет, не просто потрахаться, а именно тебя, — он ткнул пальцем мне в грудь.

На этот раз я коротко чмокнула его в губы и чуть отстранилась, намекая, что продолжения не будет. Сердце в груди колотилось, как обезумевшее, а внизу живота и между бедер мучительно заныло. Жарко. Желание такой силы, что самостоятельно с ним не справиться.

Ты тоже об этом думаешь, Егор?

Захотелось стиснуть ноги, но куда там, Озерский не был настроен сдавать позиции. Я не лгала ему. И пусть вела себя как подлая стерва, сука, но мне не нужны были его деньги или подарки. Вообще пофиг на них. Мне нужен был его прекрасный член и он сам, но холостой. Мое единственное крошечное условие, которое он выполнить не в состоянии.

— Терпи, — выдохнула ему в губы, прогнувшись в спине, выгодно демонстрируя то, что могло бы принадлежать ему. Если тело способно источать сексуальную энергетику, импульсы, сигналы, если все это — не пошлый бред, то поверьте, от меня сейчас исходили цунами. Провокация. Открытая. Он велся.

Я ужасна, достойная осуждения и порицания, в тот момент я делала все, чтобы довести чужого

мужчину до точки кипения, вплотную подбиралась к переключателю «стоп», по которому играючи водила кончиком пальца, отлично понимая — крошечный щелчок, и Математик потеряет контроль. Егор и без того заведен утренним конфликтом по телефону, а тут еще я — не против, но установила границы, так близко, а не укусишь. И мне это понравилось. Он не мой, но в данный момент был готов на все ради меня. Не имея доступа к большому, я ухватила за доступное и прощупывала границы дозволенного.

— Терплю, видишь же? — проговорил он, вновь меня целуя, вновь коротко.

Чмок-чмок.

Мы на краю, но держимся оба.

Друг за друга, блин, держимся.

Я не понимала, как, единожды почувствовав на себе эти руки, можно отдаться другим, как, увидев любовь в плутовских голубых глазах, можно предать доверие их владельца. По телу пробежала дрожь от новой волны возбуждения и от презрения к его жене. И на долю секунды мне понравилось наставлять ей рога, и я снова поцеловала ее мужа. С удовольствием. Чмок-чмок.

Он облизал губы. И мое сердце разорвалось, чтобы тут же восстановиться и ускориться.

Не стану лгать ни себе, ни вам — в то долгое утро любви в его взгляде не было ничуть, зрачки расширились от банальной похоти. Он все еще любил ее, а меня тупо хотел. Пусть сильно, пусть его пальцы уже смяли юбку на моих бедрах и касались кожи. Напряженные, настойчивые. На руках и шее проявились вены. Пусть он был готов сорваться и вкусно, горячо оттрахать меня. Пусть даже он относился ко мне хорошо — уважал, ценил, что вне всяких сомнений.

Но любил он ее. Не меня.

Чмок-чмок. Отчаянно. Сухо, быстро, но крепко.

— Ты не будешь исключением, — проговорил он раздраженно.

— Ты о чем? — я перестала его обнимать, уперла руки в стол позади себя и облокотилась на них. Его взгляд блуждал по моей белой блузке, которая грозилась вот-вот растянуться от натяжения, по моей шее. Губам.

— Если хочешь прочитать мою рукопись, придется за это со мной спать. Подобные бонусы есть только у моей сестры.

— Что будет, когда книга выйдет в печать? Ты уверен, что твой ценник устроит книжные магазины?

Он хохотнул, а потом обнял меня, и я охотно сделала то же самое руками и ногами.

Чмок-чмок. Невинный поцелуй, от которого внутри все огненным пламенем, пальцы ног подгибаются, а сердце... а сердце выдавало с потрохами, да и мы оба не собирались скрывать эмоций. Возьмите двух людей, которые нравятся друг другу, и заприте их в небольшой квартирке. Скажите, что нельзя. А потом наблюдайте за мучениями обоих.

Неудовлетворение раздражает, но оно всяко лучше боли. А я фанатично боюсь боли, знаю ведь, какво это: знать, что он — дома. А дом его от тебя далеко. Там чужая спальня, чужая кухня, в которой стряпает для него другая женщина. Я помню, какво жилось маме. Она для меня — все, самый родной человек, как и я для нее. Праздники, поездки, походы в кино или на пикник, болезни и беды — мы всегда вдвоем. Но когда появлялся дядя Паша, она менялась. А когда он уходил — старела. Не из-за разлуки, а из-за того, что знала — скучать по ней ему там не давали.

Козел, ну зачем он приходил снова и снова? Зачем мучил ее, нас? Зачем я провожу время с еще одним таким же, с каждым днем понимая, что все сложнее держать подонка на расстоянии?

Наше общение с математиком немного изменилось. Он продолжал дурачиться — но меньше, частенько заговаривал на серьезные темы. Пару раз заезжал в бюро позвать вместе позавтракать или, уж не знаю, похвастаться, что трезвый или не обдолбанный. Помещение у нас небольшое, все столы заняты, поэтому после недолгого разговора он шел в «Шоколадницу» за углом поработать над сценарием, который, наконец, начал «вырисовываться», как однажды заявил Егор.

Мы просто ждали, пока Ксюша родит, избегая упоминать в разговоре имя его жены.

Однажды он учил меня водить машину, но в итоге пришлось согласиться, что будет лучше подыскать проф. инструктора, у Озерского как раз есть один знакомый, у которого собственная автошкола. Не везет мне с учителями, или же я настолько безнадежная. Скоро выясним.

Несколько раз я умудрялась откосить от девичника с участием Ксюши, Полина свадьба приближалась со скоростью света, и почему-то было необходимо часто собираться и обсуждать детали. Хотя, догадываюсь, свадьба — лишь повод потрындеть о насущном.

А потом девочки заподозрили, что у меня кто-то появился. Работа работой, но не круглосуточно же! Обдумали несколько версий, сделали свои выводы и нагрянули ко мне вечером без предупреждения. К счастью, старым составом, то есть без Ксюши.

«У меня подруги твоей жены, не вздумай высунуться».

«Блин».

Саша с Василисой тщательно исследовали мою квартиру на предмет обнаружения не принадлежащих мне вещей, предпочтительно — мужских. Сигареты, крепкий алкоголь, презервативы, боксеры, в конце концов... С Полей мы цедили вино со льдом и до слез хохотали над разведывательной экспедицией, которая, не побрезговав сунуться даже в корзину с грязным бельем, за час не обнаружила ровным счетом ничего, потому что Егор у меня не бывал.

Когда подруги убедились, что искать бесполезно, они хищно уставились на мой мобильный, а увидев, с какой прытью я кинулась на телефон — подобно зверски голодной кошке на упитанную мышь — и спрятали под собой, прищурились. Ага, попалась!

— Если там нет ничего такого, почему бы не показать нам ватсапп? — спрашивает Саша, прожигая взглядом и лукаво улыбаясь. Я смеюсь, они тоже навеселе. Единственное, на что у меня хватает сил — это показать ей язык и чуток покраснеть, отчего ни у кого больше не осталось сомнений.

— Я там с мамой тебя обсуждаю, кроем... — закатила глаза, — едва ли не матом.

— Ага, так я и подумала. Рассказывай, Веро. Мы уже начали думать, что ты решила стать лесбиянкой или мужененавистницей после Ромы. Сколько лет прошло?

— Не так много, — пожимаю плечами, мысленно считая месяцы после разрыва.

— Получается, мы правы? У тебя кто-то появился? — радостно выкрикивает Василиса.

— Приходите на мою свадьбу! — радуется Поля. — Вдвоем. Как раз со всеми и познакомишь.

— Не думаю, что он пойдет. Мы не в тех отношениях.

— Вот как раз у вас впереди целых две недели, чтобы перейти в «те». Как думаешь, успеете? А фото покажешь? Кто он? Старше тебя?

— Немного, но незначительно, чтобы акцентировать внимание. Он забавный, но у него очень много проблем. А еще он не в ужасе от моего бизнеса. Наоборот, говорит, что я делаю важное и правильное дело. Относится уважительно, в общем.

— Видимо, уж очень хочет затащить тебя в койку, — закатывается смехом Саша, девочки на нее шикают, но, уверена, мысленно поддерживают подругу. Уверена, в какой-то момент меня перекроет — и мы сильно поссоримся, я выскажу все, что накопилось от их многозначительных взглядов, завуалированных намеков.

— О, смотри-ка, в квартире напротив свет зажегся, — внезапно переключается Василиса. — Ее все еще снимает Егор?

Я снова пожимаю плечами и равнодушно отвечаю:

— Давно его не видела, либо бросил курить и трахаться на стороне, либо съехал. Как, кстати, у Ксюши дела?

— Вроде бы все хорошо, не жалуется на него. Сказала, что в общем-то он хороший мужик, а крышу сорвать может у любого, у них на почве беременности возникали какие-то серьезные разногласия.

Боже, только я могла втрескаться в женатика, чья лучшая половина дружит с моими подругами. Мазохизм высшего уровня. Саша продолжает:

— Оказывается, он за ней с детства ухаживал, всегда крутился поблизости, а она не замечала своего счастья. Чудеса. Ксю рассказывала, что у них как-то все внезапно получилось — первый поцелуй, страсть, безумный секс, следом от него предложение в лоб и свадьба. Бывает же, да? Иногда, чтобы стать счастливой, не обязательно куда-то ехать, нужно просто оглядеться.

— Ксюша хвасталась, что сериал Озерского на какую-то престижную премию номинировали, в августе вручение. Правда, она не уверена, что сможет поехать, все же срок поздний, опасно лететь.

— Ясно. Ну, дай Бог, не в последний раз.

Просто прикончите меня, просто сделайте уже это.

Он с ней не спит. Давно. И не будет. Не будет больше никогда.

Говорит мне, а на деле что?

«Ну как можно быть такой дурой, девочки?» — умираю от желания разныться перед подружками, но не могу, не имею права их вмешивать. Осудят. Ни одна не поддержит. А загнобить себя я успешно смогу и без посторонней помощи.

* * *

Как это — встречаться с женатым мужчиной? Не могу вам ответить.

То, что происходило между нами с Егором, однозначно не укладывалось в стандарт подобных отношений. Во-первых, мы не спали, хотя не исключаю, что он трахался с кем-то на стороне — без понятия, замечен не был. Во-вторых, он не дарил мне подарки и вообще не делал ничего особенного, если ужин — то потому, что он голоден, прогулка означала, что ему самому хотелось пройтись. Если кино — то по его выбору.

По сути, я не делала ничего плохого, если не считать частого общения с неправильным мужчиной и ежеминутного тщательно завуалированного его соблазнения с целью доказать, что со мной ему лучше, чем с ней. Но это происходило неосознанно, как-то само собой. Ловила себя на подобном поведении под конец вечера, расстраивалась, злилась на себя, накручивая тем, что увести парня у беременной — та еще подлость и гореть мне в аду тысячу лет. Но наступал новый день, Егор что-то писал, я отвечала. Он приезжал по какому-то делу, потом скидывал сообщение: «поедим вместе?» — «ладно».

Вот и все. Никаких поцелуев, прогулок за ручку или чего-то подобного. Если бы мы взглядами не срывали друг с друга одежду, можно было вполне решить, что дружба между мужчиной и женщиной — существует.

Сегодня он заказал гору роллов и вызвался приготовить мне коктейль.

— Есть повод?

— А как же, — заявляет весело. Егор не успел переодеться с работы, по-прежнему в брюках со стрелками, в строгой рубашке с галстуком, правда, последний развязан и висит, перекинутый через шею. Выглядит официально, но одновременно небрежно, по-домашнему. Если честно, когда он впервые приехал ко мне в бюро при полном параде, выбритый, собранный — я растерялась. Такому парню я бы вряд ли решилась вlepить пощечину. Не наговорила бы того, что осмелилась. Верните мне прежнего лохматого заросшего Егора, перед этим я тушуюсь.

— Сегодня официально объявили, что один из моих сериалов попал в номинации «Лучший сценарий» и «Лучший отечественный сериал», есть неплохие шансы на победу, — подмигивает мне, наливая в вычурной формы бокал martini, сверху щедро выжимает лимон.

— О, классно! Только я без платья и... без подарка.

— Подарок я купил себе сам. Знакомься, это Галина, — он подводит меня за руку к террариуму, в котором ползает самая настоящая черепашка.

— Ух ты! Живая! А почему Галина?

— А чем плохо быть Галиной?

— Ничем, так маму мою зовут.

— О. Значит, есть еще одна ассоциация, — не уверена, что это комплимент, но я решаю промолчать. — С недавнего времени черепахи вдохновляют меня на творчество. Вот смотрю на нее, так и прет текст, строчка за строчкой! Так что Галка теперь на твоей совести, Веро.

если я разобьюсь на самолете или на машине, или же откинусь от передоза, ты должна будешь связаться с арендаторами и забрать ее себе, — он обнимает меня одной рукой, прижимает к себе, а я делаю глоточек. Неплохо. Думала, без сока будет слишком крепко.

— Я тебе откинусь от передоза. Только попробуй свалить настолько тупейшим образом.

Он хохочет и чмокает меня в макушку:

— Шучу. Но, знаешь... всякое может случиться, а домашнее зверье — это ответственность. Я, к счастью, не бессмертный. Даже такие везунчики, как я,дохнут.

Меня словно кипятком ошпаривает. Я дергаюсь, расплескав на себя коктейль, и испуганно отлетаю в сторону.

— Что ты сказал? — впиваюсь в него взглядом.

Он непонимающе разводит руками:

— Даже такие, как я,дохнут?.. — проговаривает вопросительно. — Ты чего, Веро?

— Нет, не так. Скажи с другой интонацией. Пожалуйста!

На его лице отражается секундное замешательство, затем понимание, а следом губы расплываются в широкую, самую наглую, что я видела в жизни, улыбку:

— Да ну нафиг, Веро. Ты смотрела «Грешника и деву»? — приподнимает брови.

— Мать твою, конечно смотрела, Егор! — я не в силах следить за языком, эмоции прут наружу. Скрывать их — себя ненавидеть. Картинка сложилась в один миг. Сложная, измятая, как и вся моя жизнь по соседству с этим мужчиной. Как я не догадалась сразу? Боже, ну конечно же дело не в реинкарнации! Все банально: мой кумир говорит его голосом. — Да быть не может! Ты озвучивал Велиара в «Грешнике»! Это так? Скажи мне правду. Как такое могло случиться?!

— я хожу кругами по комнате, заламываю пальцы, Озерский открыто забавляется, скрестив на груди руки. Рубашка выбилась из брюк, но приводить себя в порядок он, судя по всему, не намерен. Вместо этого расстегивает на ней пару верхних пуговиц, закатывает рукава.

— Мой первый сериал, первая роль дубляжа. Отвратная работа. Провальная, с кучей тупейших ошибок, — чеканит слова, не сводя с меня глаз.

— Не смей! Это лучший сериал в мире!

— То-то его закрыли на середине второго сезона.

— Дебилы у них там сидят, вот и закрыли. Егор, с ума сойти можно, я эти несчастные двадцать четыре серии пересматривала раз пять. Мне жарко. Надо выпить. — и я допиваю свой коктейль. Беру со стола второй.

Почему-то Математик выглядит слегка смущенным.

— Ты же писатель... Каким образом ты озвучиваешь сериалы?

— Ну, у нас же не официальная озвучка, — пожимает плечами, и, кажется, немного стесняется. — Официально меня еще ни разу не выбрали, хотя голос есть в базе. Так, подрабатываем с друзьями. Веро, я же говорил, что мой отец — актер. Я тоже стремился к этому отсюда спорт — в планах ведь было стать не аки кем, а русским Рэмбо, ну, знаешь, душевным героем боевика.

— А почему не стал?

— У меня нет таланта. О, не расстраивайся, это нормально. Конечно, в театральный меня взяли без собеседования, просто по фамилии, и я даже там отучился пару лет. Кое-как. Можно было продолжать биться, но мне не настолько это нравилось, чтобы мучиться. А когда я ушел, испытал облегчение. Все же я из тех, кто предпочитает оставаться за кадром. Друзья, когда создавали канал, позвали меня, и я решил попробовать.

— У тебя потрясающе получается! А какие ты еще сериалы озвучиваешь? Как называется канал?

— «ФериТэйлФилмс», можешь загуглить. С «Грешника и девы» мы тогда ничего не заработали, кроме опыта. Какое-то время я даже жалел, что в нем звучит мой голос. До сегодняшнего вечера, — он поиграл бровями.

— А вообще это прибыльное дело?

— Ну, хватает на сигареты, — подмигивает. Ни разу его таким не видела — скромным, смущенным. — Иногда работаем на голом энтузиазме, когда сотни подписчиков просят сериал, а больше никто не берется и спонсора не находится. Ты чего, плачешь, что ли?

— Нет, просто, наконец, все встало на свои места. С нашего знакомства я мучаюсь, где могла услышать твой голос, он мне буквально снился ночами! Но так как «Грешника» я пересматривала в последний раз лет шесть-семь назад, то каждый раз упиралась в глухую стену. А сейчас, когда ты сказал фразу Велиара с его интонациями, меня осенило!

Мои слова ему льстят, Математик облокотился на подоконник, тянет свое пиво, поглядывая на меня.

— Дрянной сериал... — произносит как бы невзначай.

— Заткнись! — огрызаюсь. Именно огрызаюсь, на что он хохочет.

— Полный отстой, — расплывается в улыбке. — Он ужасно наивный и пошлый. Работать было — каторгой.

— Значит так, да? — я зажмуриваюсь, затем прищуриваюсь. — Забавляешься? — и после его самодовольного кивка действительно кидаюсь на парня с кулаками, он едва успевает отставить бутылку пива. Озерский смеется, приседает, закрываясь от ударов, а затем, когда ему это надоедает, нагло хватая меня за пояс, крепко обнимает, тащит несколько шагов и заваливает на кровать, придавив сверху:

— Елена, вы меня с ума сводите своей невинностью, — хрипло басит он, и я хохочу от души,

громко, звонко, до слез.

— Дурак ты, Озерский. Не было там такого, и героиню звали Ингрид.

— Бл*дь, — он тоже улыбается, но как-то загадочно.

— Надо будет пересмотреть вместе.

— Не-не-не! Я терпеть не могу слушать свой голос со стороны. Когда перепроверяю работу иногда по несколько раз, аж перекашивает.

— Обязательно посмотрим, — киваю я, глядя в его блестящие глаза. Чувствуя, как его руки обнимают меня. Ничего сверх, но я загораюсь даже от такой простой ласки. Я вообще не хочу с ним расставаться. Разве могут где-то существовать более простые и приятные отношения?

— Сучка, — шепчет он.

— Хорошие девочки не спят с женатиками. Самая настоящая грязная сучка.

— Ты тоже не спишь.

— Пока не сплю.

Мы переворачиваемся, и я сажусь сверху на него, наши пальцы переплетаются, его ладони немного влажные.

— Поедешь со мной за наградой? Ксюша не сможет точно, никто не узнает. Тусанем.

Как ножом по горлу. Лучше бы он меня ударил, ей-Богу.

— Отпросишь меня у дяди?

Он выгибает бровь, происходит заминка. Я эротично качаю бедрами раз, второй, распускаю волосы по плечам и смотрю на него томно, из-под опущенных ресниц. Приоткрываю рот.

— Ладно, отпрошу. Веро, когда ты рядом, черт, — одно движение, и я оказываюсь снова внизу, под ним. Опасно, знаю, но он нарушил молчаливое соглашение — упомянул жену, и я готова его уничтожить. Обвиваю ногами талию, он толкается будто в меня, и из моих губ вырывается стон. Он хрипло ругается, а я смеюсь громко, истерично весело и отчего-то низко, гортанно. Словно мне не больно делить его с другой. Словно я не ненавижу себя за то, что с каждым днем привязываюсь к нему все сильнее. — Когда ты близко, мои брюки словно становятся на размер меньше. Мне больно, родная, — он целует меня в щеку. — Они ужасно тесные и узкие, словно я, как гребанный педик, набрал себе шмоток в обтяжечку, что яйца зажимают.

— Представляешь, как бы тебе было узко и тесно во мне, — шепчу на ухо, зажмурившись, и он стонет мне в шею. — И горячо. У меня тысячу лет никого не было, я как девочка. — Он делает еще толчок и замирает, тяжело дыша, пытаюсь успокоиться. Понятия не имею, о чем думает, наверное, о чем-то поистине ужасном, раз это помогает ему погасить себя. Очень осторожно, словно боясь спугнуть, я глажу его лопатки, чуть царапая ногтями, чувствуя под пальцами влажную ткань — вспотел, хотя в квартире работает кондиционер.

— Егор, скажи мне, пожалуйста, только честно, ты ведь не спишь с женой? Ты можешь в этом поклясться? — я сжимаю губы, осознавая, что мой голос прозвучал жалобно и жалко, в момент

из уверенной безжалостной стервы я превращаюсь в скулящую жертву. Он приподнимается, смотрит мне в глаза совершенно серьезно, словно разгадал, как это для меня важно. Качает головой:

— Могу поклясться. Ты ведь сама прекрасно знаешь, я уже две недели, как съехал окончательно. Даже за вещами не заезжаю. Я бы не стал так тебя обманывать, — а потом он хмурится. — Веро, ты ведь понимаешь, что я не могу тебе ничего обещать. В плане... я не собираюсь начинать серьезные отношения, менять одно кольцо на другое. Нам с тобой клево вместе, но пока на этом все.

Он сказал «пока».

— Я не жду от тебя предложения, у меня сейчас период такой — хочется отрываться. С тобой — самое то. Замуж в ближайшие пару лет я не собираюсь точно. Но... если ты будешь фигачить на два фронта, я... не хочу конкурировать с беременной женщиной. Меня потом жизнь ударит за это, понимаешь? Сильно ударит.

— Ты не конкурируешь. С начала ее беременности мы не занимаемся сексом. Совсем. Никак вообще. Она знает, что развод — дело времени.

— Но оттягивает его изо всех сил.

— Верит, что ребенок мой, — он пожимает плечами и скатывается с меня на спину. Мне дурно. От этих тем меня тошнит. Я хочу к нему на грудь, вдыхать аромат его кожи, чувствовать тепло тела.

— Потерпи, — говорит он.

— Сам потерпи, — отвечаю, он в ответ смеется.

— Прекрасная белокожая Ингрид, твои поцелуи будят во мне зверя! — восклицает.

— Иди в задницу! — я встаю с кровати, иду проведать Галку, стучу ногтем по террариуму, случайно замечая в отражении свое лицо — пылающие щеки, рассеянный взгляд, взлохмаченные волосы. — Не было там таких банальных фразочек. Велиар прекрасен. Я мечтала, что он существует и придет однажды за мной.

Мрачно смотрю на своего Математика. Воистину боясь своих желаний. Впервые в жизни я испытала оргазм, думая перед сном о демоне из сериала и зачем-то трогая себя, не отдавая себе в этом отчета. И вот этот «демон» лежит сейчас передо мной. Явился, как я и просила, разрушать мою жизнь.

Мистер Математик

Привет, блог

Вероника мне мешает В плане... завела себе психопата-поклонника, переживай теперь. Камеры я ей починил, но она запретила налаживать трансляцию на мой сотовый. Надо работать, но то и дело скидываю ей: «норм?», она отвечает: «норм». Я пишу: «норм?», она присылает: «отстань». Я набираю «норм?», в ответ — «с прошлого «норм» ничего не изменилось». Ну, я ж писатель, оригинальность — мой конек.

«норм?»

Как бы вы себя чувствовали, если бы узнали, что правы оказались индусы и реинкарнация все-таки существует, а цель вашей жизни — исправлять ошибки, что допустили в предыдущей? Как бы вы отнеслись, если бы случайно, сами того не ведая, нащупали болезненное озарение? Ваши зрачки сузились бы от ужаса, потому что разум физически не способен осознать цель мироздания, он не для этого был, блин, создан, но вам приходится.

Вам больно.

В упор пялитесь на истину, а разделить открывшееся знание не с кем. Итак, вы — избранный. С какой-то стати утром в среду, пока чистили зубы, вы внезапно вспомнили, кем были в прошлой жизни. Вы смотрите вперед, но перед вами не ваше отражение в зеркале, а то, что случилась с вами, но до вас. Счастье, горе, поступки, которые совершали тогда, до своего рождения. Возможно, смерть. Возможно, ваша.

Этот человек, конечно же, не вы. Он другой. Полагаю, странный, моментами глупый или даже жестокий, одет и пострижен не по вашему вкусу. Он может быть не вашего пола и возраста. Не факт, что он вам нравится. Но вы платите за его просчеты. Платите, платите, платите каждым днем, каждой своей секундой. Вы плачете. Не должны, не умеете — допустим, вы консервативно воспитанный мужчина или женщина, сильная настолько, что способна нести ответственность за собственную жизнь сама, — но рыдаете навзрыд. Понимаете же, что еще платить и платить. И конца этому не будет. Кайтесь сколько угодно, всем на**ать. Пока не искупите до последней капельки, хреночки вам, а не избавление. Вы здесь, чтобы учиться, так займитесь, в конце концов, делом.

«норм?»

«отстань, Озерский».

Делаю большой глоток кофе и мечтаю о сигарете, пока смотрю в покрытое задорными веснушками декольте рыженькой, ее, кстати, зовут, как и мою сестру, Региной, и она превосходна. Ей жарко, уже минут пятнадцать мы в прохладной кофейне, а грудь собеседницы все еще покрыта крошечными капельками пота, соблазнительно поблескивающими в свете местного освещения. Регина приехала специально ко мне из Самары. Оказывается, она ждала, что я ей перезвоню после того, как усадил в такси, но я не позвонил, у нее не было другого выхода, кроме как отыскать меня лично.

— Это было несложно, я вбила в поисковик название канала, на котором ты работаешь, нашла внизу страницы номер телефона и позвонила по нему. У них, правда, оказалось, целых четыре сценариста по имени Егор Озерский, ты третий, с кем у меня свидание, — подмигнула мне, стараясь показаться забавной.

— А у нас разве свидание?

— А как же. Держи, — она протягивает мне конверт. — Бери, бери, ты очень выручил меня той ночью, а так как у нас даже секса не было, мне неловко.

— Прости... а как, говоришь, я тебя выручил?

Это ж надо было так напиться. Впрочем, Санни тоже повел себя неадекватно — вероятно, Илья давно продает нам большую дрянь, чем мы добровольно согласны в себя впихивать.

— Заступился перед моим конченным бывшим бойфрендом и погасил мой долг.

— А, ну пожалуйста. Странно, что я не согласился взять натурой, — отодвигаю деньги ей обратно. — Бери, тебе еще обратно лететь.

— Может, я тут захочу остаться, — пожимает плечами. У нее шикарная грудь третьего размера, а топик такой открытый, что я никак не могу сообразить, почему мы в этом кафе до сих пор не увидели ее соски. Интересно, какие они?

— Тогда снимешь на них гостиницу. Возьми себе номер с кондиционером, — она усмехается. — И пообещай, что больше не будешь тратить время на мудаков, ладно?

— Непременно, — она смеется, впрочем, деньги убирает в сумочку, более не настаивая. — Значит все же ты одумался и разрешишь отблагодарить тебя иначе?

Барабаню пальцами по столу.

Ты вообще слышала, что я только что сказал?

Вроде как я принял решение что-то менять в своей жизни — и бах, вот тебе искушение. Есть подозрение, что если я поддамся соблазну, то быстро вернусь к тому, с чего начал пару недель назад в полубратских объятиях Вероники. Стоит только начать, дальше — больше.

Один секс, одна таблетка, одна дорожка... в никуда.

— В прошлый раз нам помешал кокс, в этот раз мы будем абсолютно трезвые, Егор, — говорит она, уламывая на секс. — Ты даже можешь не трудиться насчет роли, которую мне обещал на своем канале, — смеется. — Я ведь понимаю, что это бред, но приятный.

— Я женат? — слышу собственный голос. Вопросительный знак там не случайно, у меня именно такие интонации. Она хмурится:

— Ты меня спрашиваешь?! — часто моргает, глядя на меня.

— Надо бы паспорт проверить. Не уверен, — взгляд снова ласкает ее грудь, я приподнимаю брови и лохмачу волосы, пытаюсь хоть как-то поверить в то, что произнес вслух.

— Ох, вот оно что, — она выпучивает глаза. Голос слегка дрожит: — Я думала, у тебя не встал из-за того, что ты унюхался, как последний наррик, а ты, оказывается, верный.

Мы оба в панике.

— Типа того? — черт, и снова я спрашиваю. Вижу, как шикарные веснушчатые сиськи покачиваются, пока их хозяйка садится в такси, за которое я щедро плачу. Мне физически больно ее отпускать, у меня не было нормального секса уже несколько недель. Напоследок с Региной мы долго смотрим друг на друга растерянно, она не из тех, кто легко соглашается спать с женатыми, я, оказывается, из тех, кто предупреждает о штампе заранее. Наконец, я улыбаюсь и говорю: «Удачи тебе». Она делает движение, намереваясь выйти, но я качаю пальцем:

— Ну-ну, договорились же, без мудаков, — и гордо указываю на себя двумя большими пальцами. Ей это нравится, она смеется. Кажется, она благодарна мне за то, что я отнесся к ней по-человечески. Это неприятно. В том плане, что настолько шикарная, милая девушка, как

Регина, достойна лучшего отношения, любви и, возможно, даже поклонения. А она искренне радуется, что я не стал ее использовать. Боже, девчонки, что же вы с собой делаете и зачем?

Такси отъезжает от обочины, чтобы встать в пробку десятью метрами далее. Закон подлости в действии. И все двадцать минут, пока машина с черепашьей скоростью плетется в направлении поворота, мы с Региной сверлим друг друга глазами. Я так и стою на обочине, она обернулась. Курю одну, вторую, третью просто жую, так как натошак — это перебор.

Москва, мать ее. Сам город, кажется, против моего пристойного поведения. Наконец, рыженькая отворачивается, не дождавшись знака, что я передумал. Я меня такая ярость охватывает, что припечатываю ладонью по столбу.

Окей, я совершил правильный поступок, но на душе от этого не легче. Трахаться — приятно, трахаться пьяным или обкуренным — чертовски приятно, так как становишься изобретательнее. Сейчас же я трезвый, неудовлетворенный и злой. В последнее время я постоянно злой, спокойно себя веду только при Веронике, и то только потому, что знаю — она подобное терпеть не станет. А оставаться в полном одиночестве мне совсем не хочется.

Ноутбук прилично раскалился, пока ждал меня в машине, поэтому некоторое время мрачно гляжу на черный монитор, пью еще более черный кофе в том же кафе, в котором отшил сумасшедшую красотку. Ее стульчик по-прежнему чуть отодвинут. Пальцы касаются клавиатуры, около часа я пишу сценарий первой серии, грызу одну зубочистку за другой. Не люблю работать в кафе, здесь нельзя курить, одна радость — музыка, что гремит в ушах.

«норм?»

«норм, Егор, но я проголодалась. Если тебе не с кем сегодня ужинать, то могу составить компанию». Еще одна динамщица. Но то, что происходит между мной и Вероникой — мне нравится. Чем больше я ее хочу, тем легче через некоторое время после облома становится на душе от того, что удержался. Рядом с ней я постоянно в... приятном настроении, но при этом становлюсь будто... чище. Ожидание добавляет остроты. Нервы накаляются, желание заостряется, но уже не жжет так, как поначалу. Самоконтроль. Наверное, все хорошее в нашей жизни начинается именно с него.

Потом, конечно, у нас все случится, но это будет позже, с ней я хочу по правилам, тем более, они не сложные.

Стульчик рыженькой занимает симпатичная, совсем молоденькая девушка, улыбается. Достаяю из уха левый наушник, вопросительно смотрю на нее. Не знакомы — это определено точно.

— Вы так быстро печатаете. Научите меня? — спрашивает она, обольстительно улыбаясь.

В туалете я подхватываю ее под бедра, рывком поднимаю вверх и прижимаю к стене. Я жадно целую ее шею, срываю с груди топ, и обхватываю губами сосок, под сладкие женские стоны втягиваю его в рот. Тише, красавица, заметят ведь. У меня нет терпения снимать с нее трусики, просто сдвигаю их в сторону. Я настолько положителен, что на секунду задумываюсь о том, что она исцарапает себе гибкую спинку о шершавую стенку, но через мгновение эта информация не имеет смысла, потому что...

Я встряхиваю головой, провожу руками по волосам, на ощупь они грязные. Кажется, галлюцинации у меня стали случаться уже без грибов. Криво улыбаюсь и отвечаю:

— Боюсь, что эти способности врожденные, — извиняюсь, пожимая плечами.

Девушка окидывает меня презрительным взглядом, поднимается с места и уходит. Интересно, а когда станет легче?

Базовые мужские инстинкты основываются на том, что необходимо стать самым сильным и привлекательным самцом, чтобы заделать детей как можно большему количеству лучших самок, воспроизвести себя в нескольких новых, более совершенных копиях. Окей, в чем заключается моя жизнь?

В чем моя цель?

В том, чтобы словить больше кайфа, обдолбавшись чем-то редким и особо дорогим?

Наверное, все же я достаточно умный для того, чтобы оценить этот путь как пропавший.

Остается искупление. Не спешите бросать блог, хотя сисек, и правда, что-то маловато стало. Допустим, реинкарнация действительно существует и жизнь не зря бьет Егора Озерского, я должен чему-то научиться, прежде чем сдохнуть. Я даже не сомневаюсь, что хэппи-энда в моей сказке не случится, все ведет к тому, что я помру от скуки в одиночестве, но прежде я хочу понять, как это — держать в руках что-то настоящее.

А для этого мне, как минимум, придется окружить себя настоящими людьми. И пару раз, ну, для разнообразия, поступить правильно.

«норм?»

«не знаю».

Черт. Ноут в сумку, сумку на плечо и через несколько минут я уже в бюро. Товарищ с переломанным носом, как ни в чем не бывало, общается с одним из менеджеров на предмет памятника, Вероника упоминала, что уже больше месяца никак не получается утвердить эскиз. Прохожу мимо него, оценивая долгим взглядом. Чуть меньше полумиллиона — вот сколько денег он принесет соседке после завершения работы, аванс уплачен, художник работает. Художник, честно говоря, задолбался, и мне его немного жаль.

Стучусь и заглядываю в кабинет к соседке, она разговаривает с какой-то женщиной, занята. Главное, что в порядке, не ревет и не прячется под столом. Вроде как второй раз бить по морде не за что, а жаль. Делаю знак, что все окей, я тут как тут, к бою готов. Занимаю место на диване в коридорчике, достаю ноут, поглядывая на Августа, который, кажется, прирос к стойке и уматывать нахрен не собирается. Но эта территория — моя, а график работы у меня свободный, так что пусть делает выводы сам. Минут через пятнадцать он проходит мимо меня в сторону кабинета Вероники, и я команду:

— Стоять.

— А я-то надеялся, ты через пару недель куда-нибудь денешься, — говорит, останавливаясь напротив. — У меня к Веронике Павловне сугубо деловое предложение, — он оглядывается и улыбается, — ничего больше.

Отрицательно качаю головой.

— Хорошо, понял, я подожду еще немного. Как насчет выпить чего-нибудь в соседнем баре и заодно поговорить о нашей общей знакомой и моем деловом предложении? Уверен, тебе будет очень интересно узнать некоторые детали.

— Как насчет того, что ты свалишь отсюда на*уй?

— Однако, видимо, неважный из тебя писатель, словарный запас до смешного убог. Без мата ни одной сформулированной мысли.

— А когда и он заканчивается, в дело идут кулаки. Так что... — дальше цензура, милый мой читатель.

— Да, яркая девочка, вижу, что зацепила, пасешь ее сидишь. И я даже знаю чем: она порочная. Вроде бы вся из себя правильная, но вместе с тем — чертовка, жрица. Сам повелся однажды, до сих пор забыть не могу. Наплевал даже, что ребенок передо мной и посадить могут, все мысли она мне спутала. И тебя, вижу, Озерский, из семьи уводит. Про жену совсем не вспоминаешь? Она у тебя тоже очень ничего.

Я откладываю ноут и рывком поднимаюсь, он с небывалой прытью бросается к выходу, ого. Плохой у тебя вкус, Вероника. Когда выбегаю из здания следом, он уже в машине. Курю, наблюдая, как автомобиль удаляется. Еще раз увижу, точно прибью гада.

Привет, блог.

Вот так — покупаешь квартиру, обставляешь ее, приводишь женщину, а потом сваливаешь в съемную нищевродскую хату, и еще переживаешь, как бы кто не узнал, опасаясь общественного порицания и презрения. На трезвую голову все это воспринимается даже забавно.

«Егор, к нам на завтрак приедут родители и фотограф, планируется фотосессия для журнала, мне по работе нужно. Приедь, пожалуйста, ночевать. Это важно». Ни одной ошибки, вау. Интересно, кто ей исправляет сообщения? А не должно ли мне быть пофиг?

Помню время, когда мы только начинали встречаться и почему-то находились в постоянных разъездах. Строчили друг другу пошлые смс-ки без остановки. Это было клево, но... Боже, до чего же ужасно быть гуманитарием... Представьте себе жаркий момент. Мы не виделись несколько дней. Я ей пишу, что бы с ней сделал, Ксюша охотно отвечает. Шлет фотки, у меня, ясное дело, стояк. Я комментирую, снова пишу, она отвечает, а я молчу. Она продолжает: «у тебя аразм?» Маразм, мать его! Я молчу, потому что хохочу, как ненормальный, над ошибками, которых она допускает по три штуки в слове. «Ты хочиш меня ещо рас?» Блин, лучше шли фото. Просто фото...

В первый раз мы поссорились, потому что она, заполняя какие-то бумаги, написала Егор Дмитриевич Озерксий. Рывкнул, что стыдно не знать, как пишется имя мужа. Как она обиделась! Небеса упали на землю, прямиком на мою грешную голову. Я месяц вымаливал прощения, спустил полмашины на безделушки. Простила. Почему-то в тот момент мне казалось, что орфографическая ошибка в моем имени — это высшая степень неуважения. Каким же наивным идиотом я тогда был, думаю сейчас, глядя на женушку, вынашивающую потомство какому-то другому мужику.

Завтрак проходит более-менее нормально, не считая нескольких глупых ситуаций. Когда наши отцы встречаются в неформальной обстановке, они начинают обсуждать другие каналы и сериалы, спорят иногда до крика и драки, каждый стоит на своем. Они неплохие друзья, мой отец — не обделенный регалиями актер театра и кино, Ксюшин — продюсер, сам Бог велел ладить.

Беременность Ксюше идет, она стала... мягче, нежнее. В розовом легком платье, расклешенном от груди, практически без косметики и украшений, она выглядит естественной и счастливой. Мы сидим рядом, создаем видимость идеальной семьи под одобрительные взгляды остальных родственников. Санни мрачный. Как бы он не сдулся и честно не сознался в измене Лесе, которая сидит рядом, не понимая, что случилось. Леся немного младше нас с Колей, она милая и положительная во всех отношениях девушка. Поглядывает на меня раздраженно, будто подозревает меня в чем-то нехорошем. О том, что я больше не живу дома, она вряд ли знает — вся соль в оттягивании развода в том, чтобы никто не знал. Если Ксюша сознается, мне больше нечего будет ждать.

Разумеется, не обошлось без репортера — какие могут быть фотографии для журнала без интервью. Ксюшу буквально заваливают вопросами о ее бизнесе, семейной жизни, которая — по рассказам Маленькой Санни — потрясающая. Сам себе завидую, сидя рядом с женой.

То, что мы делаем — для даже таких, слегка публичных семей, как наши — норма.

В какой-то момент Санни не выдерживает, поднимается и уходит на балкон, позвав с собой Лесю. Болван впечатлительный!

Извинившись перед женщинами, перебиваю их и спешу на балкон, где уединилась сладкая парочка. Хватаю Санни за плечо:

— На два слова, — говорю, кивая на дверь.

— Егор, мы вообще-то заняты, — грозно упирает кулачки в бока Леся. — Подожди пару минут.

— Это срочно. Пошли! — тяну друга за собой. — Я покурю, постоишь-подышишь.

А потом на улице я зажигаю сигарету и начинаю:

— Ты че творишь? Она тебя бросит.

— Как ты догадался?

— У тебя на роже написано, будто ты недостойн находиться среди всех цветов, что накупила Ксюха к сегодняшнему дню.

— Я пытаюсь забыть! Но... меня это гнетет! Что мне делать, Озер?! Не могу я молчать. Ты бы смог, вот скажи? — а потом сам же добавляет. — Не кому-то, а Ксюше врать?

Раньше — нет, не мог. Теперь... фиг знает, она не спрашивает. Спросила бы прямо, прямо бы ответил. Он прав, некоторым женщинам почему-то врать совсем не хочется.

— Ты разрушишь свое счастье. Это случайность, брат. Просто дурь. Ты ведь ее любишь до ус*ачки, а она уйдет. Ну представь, уйдет от тебя. Еще и отомстить захочет, найдет себе трахалю.

— Блин. Ну что за трындец!

— Вот на минуту представь, она будет с каким-нибудь ублюдком. Знаю, у людей, что постоянно получают в табло, с фантазией слабовато, но уж как-нибудь постарайся. Нарисуй в своем воображении, что он с ней будет делать. Тебя не спросив. Под ее разрешение. И не факт, что ей еще понравится. А ты уже не заступишься, потому что ты будешь пройденным этапом.

Дураком, который научил, что мужики — козлы. Леся — умненькая девочка, она учится на ошибках. Ты хочешь стать ошибкой?

— Не хочу.

— Я недавно познакомился с девушкой, она тоже умненькая, как Леся.

— Что за девушка?

— Соседка. Разговорились по-дружески, ее тоже один мужик научил уже... папаша ее. Такая броня, не пробиться. Слушай, Санни, не убивай Лесю правдой. Не перекладывай это на нее.

— Я практически уверен, что она меня простит.

— Тогда какого хера вообще это делать?! Живи так, будто она тебя уже простила, и прости сам себя. Все, забудь. Иди и обними ее. Это было не с тобой, а с кокаиновым Санни, которого мы больше на наши вечеринки звать не будем, — я треплю кабана по волосам, как в детстве, он отклоняет голову и улыбается. — Пошел ты!

— Сам пошел!

— Ты прав. Егор, черт, как ты вовремя.

— Мальчики! Егор, Коля, пора! — кричит с балкона мама.

Дальше мы фотографируемся всей нашей большой семьей, только Регины не хватает, моей сестренки, которая больше пятнадцати лет живет в Вашингтоне. А так — все в сборе. Хозяева утра — мы с Ксюшей, поэтому нас ставят в центр.

— Егор, блин, ну обними ее! Позируй хоть немного, — ругается отец. — Ты фиговый актер, но не настолько же. Или все еще хуже, чем я думал, — сокрушается. Вечная проблема отцов и детей. Кто-то вообще в этом мире дружит с родителями? Научите, а?

— Дима, прекрати, — шикает на него мать.

— А что я сказал? Обними ее хоть! Твоя фотосессия, вы детям эти карточки показывать будете, а ты стоишь, будто не папаша, а мимо проходил. Ксюха, как он умудрился тебе ляльку вообще заделать с таким уровнем тестостерона?! — смеется. Долго время у меня был вполне адекватный отец, но все изменилось после цифры шестьдесят, примерно в это время он заимел серьезные проблемы с потенцией, все это усугубилось начинающимся маразмом, и вылилось в то, что отныне ему интересно говорить только о сексе. Любую тему папа переводит в сторону потрахушек, причем его совершенно не смущает, кто находится рядом. Поначалу это настораживало, но затем все привыкли. Он даже на работе ставит условие, что не станет сниматься в сериале, если по сценарию не выпадет эротической сцены с какой-нибудь красоткой, лучше помоложе.

Наверное, в старости, если доживу, я буду таким же озабоченным гадом.

— С тех пор, как я в положении, Егора не узнать. Сама сдержанность и спокойствие.

— Ну и зря, беременность — самое время ублажать друг друга без всяких резинок. Вот когда Мария носила Егора...

— Дима! — шикает мама. Репортер улыбается слегка удивленно.

Обнимаю жену, Ксюша светится от счастья. Целует меня в щеку, стискивает мою руку. Обдумываю ее поведение и не могу поверить, что униживший меня настолько человек способен вести себя абсолютно естественно. Нет, я хоть и «фиговый», но все же актер и учился этому несколько лет, а она-то... Вон у Санни на лице написано, что он скотина. Леся, кстати, что-то подозревает, на «памятных карточках» она тоже будет невеселой.

Только молчи, друг, иначе это будет ваше последнее совместное фото.

Ксюша кладет мою руку себе на животик, и я чувствую, как мальчик пинается, невольно улыбаюсь, и фотограф успевает сделать несколько снимков.

— Это он ручками или ножками? — спрашиваю шепотом.

— Ножками, конечно. Ручки еще совсем малюсенькие, в них нет столько силы, — отвечает мне Ксюша с придыханием, порозовев от удовольствия. Ну а что я, мне не суждено когда-либо почувствовать ладонью, как тренируется в утробе матери мой родной ребенок, но мне же интересно. Это действительно невероятно. Магия. Он еще не родился, а уже живой. Вовсю показывает, что он там есть, старается, развивается изо всех сил. Не знает пока зачем, но учится управлять своим телом.

Толчки смещаются чуть в сторону, вся тяга к мазохизму, которая только есть во мне, бьет по мозгам и заставляет вести ладонью за ними, чтобы продолжать чувствовать. Мне это нравится. Честно. Я не лицемерю сейчас. Чтобы испытать такое, можно пойти на многое, в том числе согласиться на донора, хотя решиться на помощь в таком щепетильном вопросе чужого ублюдочного мужика... я вам честно скажу, очень непросто. Когда врач увидел мою потерянную физиономию — как бы невзначай, чтобы поддержать, упомянул о такой возможности. Дескать, об этом не говорят, но не зря процедура так востребована. Хотите знать мою реакцию?

НЕТ.

Конечно, нет.

Блин, с какой стати я все еще думаю об этом?

Но ведь рядом с ней (Ксюшей) так хорошо, светло и спокойно. Что если... чтобы быть рядом с ней...

Нет, бредятина. Я лучше сопьюсь в одиночестве.

Но ведь... рядом с ней так тепло и уютно.

Я думал на скользкую тему, когда собирался жениться на Ксюше, кое-что почитал. Санникова намекала, что уже не юная девочка и хочет семью. Я впал в панику. Для такого решения нужно переломить себя. Прямо сломать в одном важном месте (где находится гордость и берет истоки мужество) с хрустом. И еще... есть один момент. На такое можно согласиться, только доверяя любимой женщине на все сто процентов. Будучи уверенным, что она никогда даже во время пограничной ссоры не попрекнет недостатком и не разболтает остроумным подружкам. Хотите — смейтесь, но это... это так важно для того, чтобы продолжать осознавать себя мужчиной и рваться заботиться о своей семье.

Все же создавать семью — это уникальная сугубо женская способность. Неважно, чьи дети — женщина своей мягкостью, любовью, чуткостью способна сделать так, что ты будешь считать свое жилье — гнездом со своими родными птенчиками. Это практически прямая цитата из моей убогой книжки.

Мне казалось, что только лишь Ксюша, одна в целом мире, способна сделать так, чтобы я захотел прилетать в гнездо ежедневно, пусть даже там щебечут непохожие на меня птенцы.

Черт, ну и хрень я себе навывдумывал, будучи влюбленным идиотом, да? Самому сейчас смешно! Права Тереза, я как что придумаю, то примитивно, наивно и пресно. Каждый новый сезон — хуже предыдущего. И книжка моя — полный отстой.

Ксюша светится от счастья впервые за долгое время. После нашего скандала по теме форума она изменилась, стала тише. Будто не доверяет мне до конца, ждет подвоха (и не зря). Если бы не ее предательство, я был бы сейчас самым счастливым, я бы тоже светился.

Но ребенок не мой, а жена моя — шлюха. И сегодняшняя фотосессия — бутафорская и постановочная, как мой идиотский сериал, который ненавижу, но над которым вынужден работать, чтобы позволить себе жизнь, которую веду и которая меня убивает.

— Все хорошо? — шепчет Ксюша. Смотрит снизу вверх доверчиво и преданно. Ну как можно быть такой бессовестной? Я наклоняюсь и целую ее в лоб. Это максимум ласки, которую я способен оказать жене, не потеряв голову.

Мальчик затих, и я убираю руку с ее живота. Я не знаю, как мне поступить. Я бы мог сказать правду сейчас вслух, но тогда мы больше никогда не соберемся вот так вместе.

Репортер с фотографом долго благодарят за поздний завтрак и, наконец, сваливают. Наши отцы играют в шахматы, мамы увели Ксюшу и Лесю на кухню и сплетничают. Ксюха помогает Коле с Лесей готовиться к свадьбе, у них миллион общих тем. По сроку Ксюша должна родить сразу после свадьбы Санникова, что в моем случае — идеально.

Сейчас признаваться не время. Слишком много невинной крови прольется, а мальчик не виноват, ему нужно продолжать спокойно развиваться и тренировать ножки. Врач сказал, что очень многое зависит от состояния и здоровья матери. Я не могу иметь своих детей, но я не стану давить птенцов тех, кто на это способен. Я потерплю еще.

Взглянув на жену, я набираю сообщение кокаиновому тренеру: «есть че?» — «обижаешь. Запасайся сельдереем, брателло. Улетим дальше Марса». Минуту думаю, а затем пишу: «передумал». Следом сбрасываю подряд пять звонков дилера. Злится на меня. Лучше уж я поеду гипнотизировать свою порочную соседку с балкона напротив, любуюсь длинными, аж до задницы, черными, как ночь на юге, волосами.

О, точно! Я уговорю ее поехать со мной в Сочи и попытаюсь отвлечь от негатива на работе — всяко лучше, чем заливаться алкоголем в одиночестве, как вы считаете?

Веро

Озерский поскромничал. Группа Вконтакте, посвященная переводам и озвучке сериалов — «ФериТейлФилмс», насчитывает аж двести тысяч человек! Посты набирают бешеное количество лайков, комментарии закрыты. Забавно то (а в нашем с ним случае я давно

перестала удивляться чему-либо), что данный паблик обнаружился у меня в избранных. Правда, в последние годы я отдавала предпочтение не его сериалам. В социальных сетях моего Математика не оказалось, и вправду, лицо по всем статьям — не публичное.

Потратив двое суток на поиск информации, изучение разных проектов студии и сопоставление фактов, частный детектив Вероника Михайлова выяснила, что ник Егора на собственном сайте «ФТФ» — «Злобный», несмотря на то, что он часто выполняет работу бесплатно, то есть озвучивает проекты, которые не получили спонсорской поддержки, но победили в голосовании. Оказывается, Злобный резко реагирует на вопросы: «Как скоро выйдет очередная серия? Сколько можно ждать?! Всякую фигню переводите быстро, а мой сериал опять отложили?!», в его стиле специально психануть и на месяц оттянуть выход эпизода. Постоянные фанаты давно научены горьким опытом, и если кто-то в теме сериалов Злобного задает неправильные вопросы, сами толпой накидываются на бедолагу.

Я поежилась. Раньше не задумывалась об этом, но... пугающе непривычно слышать до боли знакомый голос из уст постороннего мужчины! Даже если звучит он исключительно из ноутбука — неважно. Особенно, если речь идет о вещах, другу моему не свойственных. А ведь Злобный озвучивает в том числе антагонистов.

В большинстве случаев Озерского узнать непросто, я промотала эпизодов двенадцать разных сериалов прежде, чем научилась безошибочно распознавать его голос, который для каждого персонажа звучал по-разному и был мало похож на привычный мне. Впрочем, иногда проскальзывали до холодка по спине знакомые интонации, особенно когда герой общался с женщиной или шутил, в эти моменты я подтягивала колени к груди и напрягалась всем телом. Сжималась в комочек, как испуганный котенок, одновременно впиваясь ногтями в ладони от злости и... той самой едкой ревности, на которую такая, как я, не имеет ни малейшего права. От слова «любовница» начало ощутимо потряхивать.

Да, я преуспела в попытках соблазнения, но от этого стало только хуже. Когда Егор перестал спать с другими женщинами и начал активно строить планы о нашем с ним феерическом первом разе, моя совесть поставила жирный крест на моем будущем, обзвав свою хозяйку шлюхой. Это удручало. Изо всех сил я держала его на расстоянии, стараясь проводить как можно меньше времени рядом, не привыкать самой и не позволять ему привыкать ко мне. Не готовить для него. Не делать подарков. Не заботиться. А ведь как хотелось! Боже, как мне хотелось каждый день, каждую минуточку окружать его лаской и нежностью. Вместо того, чтобы «кусать» обидными шуточками, — целовать тысячи раз. Не провоцировать красотой своего тела, жестоко обламывая, а давать по максимуму и любить без памяти. Стать для него всем, заменить мир. А когда он в минуты уныния повторял, что «у него, кроме меня, вообще никого не осталось», и вовсе сердце рвалось по старым ранам, заживало и — по новой.

Трудно вести себя как сука, когда на самом деле таковой не являешься. Внутри зреет конфликт, постоянно мечешься между здравым смыслом и чувствами. Он несчастен дома, его предали, унизили, растоптали. Каким он был до встречи со мной? Вечно с похмелья, редко не под кайфом. Без вдохновения на работе, без цели. Он не нужен той женщине. Она им пренебрегла., а потом заставила защищать ее же ради ее здоровья и благополучия. Не заботясь, что будет с ним. Может, он недостаточно для нее красив, умен или богат, я не знаю. Но каждый вечер, что мы проводили вместе, поднимал меня на седьмое небо. Определенно точно, для меня он достаточно красив и умен.

Я хочу готовить для него завтраки, обеды и ужины.

Хочу делать ему маленькие приятные сюрпризы.

Хочу о нем заботиться. И, о Боже, безумно хочу заниматься с ним любовью. И чем больше времени мы проводим вместе, тем сильнее я понимаю, что счастлива только когда он рядом или пишет. Каждый день немножко счастлива. Иногда пару часов, когда-то — всего несколько минут. Жизнь любовницы, без пяти минут шлюхи, не подразумевает большего. В прошлую субботу, читая от него сообщение: «Выходи со мной покурить. Покажешь «Достоевского»? Соскучился по красивым сисечкам», — я поняла, что бесповоротно влюбилась. Села на диван и горько заплакала, потому что виновата сама с первой до последней секунды. И единственный мой шанс выжить — если Ксюшин ребенок окажется не его. До этого момента — я всего лишь развлечение. Влюбленная, потерявшая всякий стыд и здравый смысл идиотка, мечтающая о том, чтобы женатик ради нее бросил семью и изменился.

* * *

Нетрудно догадаться, что, будучи двадцатичетырехлетней самодостаточной женщиной, которая несколько лет живет одна, я являюсь большим фанатом многосерийных фильмов. Одновременно смотрю три-четыре разных, редко меньше, поэтому искушение прикоснуться к «святому» приобрело сокрушительные масштабы. И вот он почти согласился. Почти-почти. Немножечко осталось дожать, и Математик возьмет меня на запись!

Пятница, шесть вечера. Сажу в машине рядом с ним, пока Озерский болтает по телефону с кем-то по работе, затаилась, сердце колотится от предвкушения. И вообще потому, что он рядом, сам позвонил, сам приехал. По обрывкам разговора можно сделать вывод, что продюсер утвердил какой-то проект, за который никто из сценаристов не хочет браться, и вот его перекидывают друг другу, ища жертву, которой Егор становится не намерен точно. На улице жарко, а в салоне — потрясающая прохлада, я направляю на себя поток охлажденного воздуха и блаженно прикрываю глаза. Счастье длится недолго — пока я пребывала в темноте и неге, Егор зачем-то отрегулировал подачу так, чтобы дуло куда угодно, но только не на меня. «Простудишься», — шепчет тихо, зажав рукой микрофон, затем снова возвращается к разговору.

— Ты же понимаешь, что это не моя тема. Ну какие школьники, Лев Семеныч, я понятия не имею, чем живут современные детишки. Давай я представлю тебе очередной проект на тему «вечно молодой, вечно пьяный»... Такая тема всегда хорошо продается... Да знаю я. Деньги-деньги-деньги, да, но... конечно, я буду на совещании в понедельник, но вряд ли... Нет, я могу пофантазировать, написать объемный синопсис, но сами увидите, что... Ладно, понял, до понедельника.

— Новая работа? — спрашиваю.

— Ага, от которой никак не откреститься. Каналу вдруг срочно понадобился русский вариант «Стыда» или «Молокососов», но что-то не уверен, что мне стоит поручать писать проект культа поколения.

— Почему?

Пару мгновений он смотрит на меня как на сумасшедшую.

— Писать для детей и подростков в сотни раз сложнее, чем для взрослых, — Егор, не торопясь, ведет машину, следуя знакомым курсом — в наш район. — На авторе якорем висит ответственность, потому что двенадцать-шестнадцать лет — это самый возраст становления

личности, деткам нужно вбить основы морали, чтобы они не превратились в скотов и не загубили свои жизни какой-нибудь нелепой фигней, но при этом подать так, чтобы было остро. Не скучно. Цепляло, понимаешь? Дать им то, в чем нуждаются. Самый возраст страдашек, самоубивашек на пустом месте. Это не моя целевая аудитория.

— А какая твоя?

— А ты угадай.

— Эм, подозреваю, что твоя публика — искушенная. Та, что уже устала от жизни — распутной или, наоборот, скучной-бытовой. Предпочитает комфорт, но жаждет, чтобы ее удивляли.

— В точку. Мои зрители отпахали полдня на работе, выучили с детьми уроки, помастурбировали в ванной или, в лучшем случае, занялись быстрым привычным сексом с партнером, и устроились перед телеком. Они хотят видеть перед собой красивую картинку, шикарных женщин с сиськами, которых любят без памяти, а также мужиков, которым дают абсолютно все по щелчку пальцев.

— Вау. Таких мужиков, как ты?

Он смеется.

— Ну, положим, мне «дают» не абсолютно все. Одна женщина пока упрямится.

— Ого! У нее, наверное, кто-то есть? Может, она влюблена?

— Нет, это как раз таки не проблема, — говорит важным тоном, и я закатываю глаза. — Все намного, намного хуже.

— Ты не в ее вкусе? — спрашиваю с наивными интонациями. Егор включается в игру, кладет лапу на мое бедро. — Не наглей, Озерский.

— Перепутал, — перемещает ее на рычаг переключения передач. — Нет, я уверен, что она от меня без ума.

— Так в чем же дело?

— Я думаю, она боится.

— Чего же?

— Всего. Мнения людей, меня, своих тараканов.

— У нее дома водятся тараканы?! — восклицаю в притворном ужасе, пытаюсь свести разговор в шутку. Мне не по себе. Слишком опасная, скользкая тема. О чувствах с Егором я говорить точно не собираюсь.

Впрочем, намек он понимает, бросает на меня довольно долгий внимательный взгляд, который может себе позволить, пока стоим на светофоре, затем возвращается к дороге. Рукава его рубашки, по обыкновению, закатаны почти до локтей, некоторое время я рассматриваю красивые часы на его запястье. Интересно, он сам их выбрал или подарок жены? Дарить часы — к разлуке, интересно, верит ли Озерский в приметы?

Волоски на его руках кажутся темнее, чем на голове, но в точности такие, как на груди. Их

много на предплечьях и в достатке на тыльной стороне ладоней, есть даже чуть-чуть на фалангах пальцев. Мужские большие, загорелые руки, так сильно отличающиеся от моих — светлых и гладких. Выглядят безумно сексуальными. Я немного краснею. Мой прошлый парень в этом плане походил на девчонку, тестостерона — едва ли, зато море необоснованной ревности и глупости! Таких мужчин, как Егор, в моей жизни еще не было. Внешне он совсем не похож на тонкокостного утонченного Велиара, мой демон — лучше.

— О чем задумалась? — спрашивает Математик.

О том, что ты красавчик.

— Да так, сегодня тяжелый день, очень много грустной работы.

* * *

Некоторое время мы едем молча, я уж и забыла, о чем шла речь, поэтому не сразу отвечаю на его вопрос-просьбу: «Расскажешь?». За окном пробрасывает дождик, но это, к сожалению, никак не спасает от давящей духоты. С тоской провожаю взглядом мороженщика, торгующего на тротуаре. Егор включает дворники.

— Эм, про работу? — спрашиваю и получаю в ответ кивок. — Нет, не хочу портить настроение.

— Милая соседка, я в курсе, что люди умирают. Всех возрастов и национальностей. Вряд ли меня этим можно шокировать. Ты, между прочим, делаешь важное дело, зря смущаешься, — я кивнула, соглашаясь. Но ему этого, видимо, показалось мало. — Вероника, ты не виновата в том, что у людей случается беда, ты просто помогаешь им пережить тяжелое время. Представь, что таких фирм, как твоя, не было бы? Ритуалы нам необходимы, чтобы в пограничной ситуации сберечь рассудок.

Я молчу. Понимаю, что нужно что-то ответить, но мне просто хочется продолжать его слушать.

— Кроме того, я видел, как ты работаешь. Не грузишь людей лишней информацией, не путаешь и не заставляешь выбирать между миллионом вариантов, а я полистал каталоги в твоём офисе — вот это разнообразие! Ты быстро определяешь, что нужно в данной ситуации, кому-то скромный вариант, кому-то с шиком. «Все сделаем», — и действительно делаешь после этого. Люди тебе благодарны.

— Я копирую дядю, стараюсь сохранить принципы его работы. Он всегда выглядел безукоризненно, но одинаково блекло, понимаешь? Без изюминки. Чтобы не бросаться в глаза, не вызывать эмоций. Наверное, на это перестроиться было сложнее всего. Тогда, сразу после школы, я ощущала себя яркой, во мне было столько энергии! Я мечтала ослеплять, привлекать внимание, выделяться. Пришлось учиться искусству быть незаметной.

— В гребаную взрослую жизнь редко вступаешь без боя с самим собой. Но если хочешь мое мнение, то ты очень яркая. В том, что ты не ослепляешь с первого взгляда, а открываешься постепенно — есть своя изюминка.

— Спасибо за комплимент, Егор. Согласна, что это детские страхи, но я никак не могу себя заставить даже потратить заработанные деньги! А их так много! Я никогда в жизни столько не получала, слишком крупные суммы для нас с мамой. Очень хочу купить новые сережки, у меня всего одни, и те — старые мамины, и я правда могу позволить себе красивые с бриллиантами,

но каждый раз, как захожу в ювелирку, мне становится не по себе. Кажется, я наживаюсь на самом страшном. Я боюсь смерти до ужаса. Дяде дают какие-то несколько месяцев, у меня остается только мамуля, и при одной мысли... я начинаю реветь. А как не думать, когда вокруг одни венки? — Боже, вот чего я разнылась перед ним? Поспешно вытираю уголки глаз, пока не потекла тушь. Всклипываю, принимая из его рук начатую минералку. — Получается, что живу в постоянном внутреннем конфликте.

— Ты занимаешься бизнесом, — он не собирается со мной сюсюкаться или жалеть, слова звучат сухо, но не равнодушно. Он абсолютно серьезен. — Бизнес обязан приносить доход, иначе зачем он нужен? Да и... другой, будучи на твоём месте, драл бы больше денег, поверь. А ты поступаешь честно. Ты заняла нишу и трудишься в её рамках, и ты имеешь право тратить каждую заработанную копейку так, как считаешь нужным. И получать от этого удовольствие. А родным твоим — крепкого здоровья и долгих лет жизни.

Мы уже приехали и остановились напротив моего подъезда. Сидим в машине, смотрим друг на друга.

— Знаешь, а я думала, ты сбежишь от меня, когда узнаешь. Творческий человек, зачем тебе негатив и такая подруга? Не ожидала, что поймешь. Ещё и поддержишь.

— Сундук с сюрпризами, а не я, — улыбается. — Ну что, до вечера, Вероника? Как обычно, курим в восемь на балконе?

Я сжимаю ладони в умоляющем жесте, смотрю настолько жалобно, насколько только способна. Не успевшие просохнуть глаза дополняют образ страдальцы.

— Ни за что, — отрезает он, в момент начиная злиться.

— Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, один разочек! Я буду, как крошечная зайка, сидеть в уголочке и помалкивать.

— Крошечная зайка? — переспрашивает он, против воли рассмеявшись.

— Ну да, незаметный комочек с длиннющими ушками, — активно киваю, показывая уши ладонями. Его это смешит ещё сильнее. — Я не могу упустить такой шанс. Я один из самых ярых фанатов сериальчиков.

— Я не люблю, когда кто-то меня отвлекает.

— Я не буду отвлекать.

— Или даёт советы.

— Никаких советов. Боже упаси.

— Или смотрит в упор.

— Я буду смотреть исключительно на Галину Егоровну!

— Фиг с тобой, — он жмет по газам, машина срывается с места, и через две минуты мы паркуемся в его дворе. А я сжимаю кулаки от предвкушения и пританцовываю, пока идем в подъезд и поднимаемся в лифте. Егор строит из себя цацу-недотрогу, стоит рядом с каменным лицом, скрестив руки на груди, всем своим видом показывая, что не рад. Но по заднице меня

шлепнуть не забывает, когда выхожу первой на лестничную площадку. И краем глаза я замечаю его улыбку. Пользуется моим смирением, подонок!

Это магия. Волнительно вот так прикоснуться к созданию сериала, пусть даже его переозвучке. После кофе и сигареты Егор садится за стол и работает, а мы с Галкой, как я и обещала, прячемся за ширмой. Черепаха ползает по коврику, меня обязали приглядывать за ней, чтобы занять хоть каким-то делом, пока мэтр творит. Он смотрит серию в оригинале, читает перевод, настраивает технику. А потом начинается самое интересное!

Передо мной по-прежнему Егор, но будто и не он вовсе. Пока Галка, ошалев от отсутствия стеклянных стен террариума, осматривается, я доползаю до края ширмы и осторожно выглядываю.

Может, конечно, Озерский и правда фиговый актер, но когда он озвучивает героя в кино, его мимика полностью совпадает с мимикой мужчины на экране. Он будто переживает все те же события, находясь в шкуре персонажа. Очень необычно. У меня щеки пылают от волнения и удовольствия.

Когда дело доходит до горячей эротической сцены и разговора во время и сразу после, Егор скидывает рубашку и... падает на пол. Он отжимается тридцать раз, садится за стол и продолжает говорить свои реплики, слегка запыхавшись. С первого дубля у него, видимо, не получается, поэтому он повторяет фокус. Частое поверхностное дыхание, пошлые словечки, а его канал допускает матерные выражения, полуулыбка... Я зажимаю ладонями рот, чтобы не произнести ни звука, не отвлечь.

Выдаю себя только тогда, когда он заканчивает и оборачивается.

— Все, отправляю озвучку, на сегодня свободен.

— Это было поразительно! Никогда не задумывалась над тем, как все это происходит.

— По идее, мы должны находиться в настоящей студии, но это слишком дорого.

Осмелев от его улыбки, я подхожу ближе и обнимаю со спины. Егор берет меня за руку, тянет к себе, заставляя упасть на его колени. Я меняю положение, перекидываю ногу, и мы оказываемся лицом к лицу, я сверху, оседлав.

— Счастливая, — говорит мне он, касаясь пальцем кончика моего носа.

— Еще бы. Спасибо тебе за то, что сделал исключение.

— Да не за что. Посредственная игра посредственного полуактера. Хобби.

— Помню-помню, нужны монеты на сигареты.

Я обнимаю его за шею, кладу голову на его плечо и долго вот так сижу, пока он на своем ноуте отправляет файлы, пишет какие-то письма или работает над очередным сценарием. Чем-то занят, в общем. Не прогоняет меня, не пристаёт, руками если и трогает, то машинально гладит по спине. Просто что-то делает, с серьезным выражением лица, а я и рада. Сижу с ним, на нем, слушаю дыхание, чувствую аромат кожи. Не нужно большего, мне просто очень хорошо вот так в тишине с ним вдвоем.

Когда Егор мягко просит меня подняться: «Веро, все классно, но у меня немного затекли

ноги», — и кладет ладони на мою талию, я будто просыпаюсь. Мы обнимались почти час.

— Прости, я задумалась. Задремала, — поспешно соскакиваю с него, он встает следом и разминает ноги.

— Знаю, не хотел тебя тревожить. Хорошо посидели, да?

Я смотрю на монитор и по длине заголовка понимаю, что на экране — его книга.

— А где черепаха? — его взгляд останавливается на пустом террариуме. Мы кидаемся на поиски и обнаруживаем беглянку на подходе к кухне.

Веро

Видеть Егора в квартире моего дяди более чем странно. Ситуация, которая началась как шутка, зачем-то превратилась в реальность, причем настолько неожиданно, что мы сами не поняли, как это случилось.

Вот мы с Озерским спорим взахлеб, я привожу в пример тридцать три причины, почему не должна ехать с ним на кинофестиваль, он — каждую из них бьет аргументом.

— У меня рабочие дни!

— Ты босс, отпросись у себя.

— У дяди.

— Отпросись у дяди.

— Нет, я не стану. Однажды пробовала, он дал понять, что не одобряет необоснованные прогулы.

— Вот трусиха!

— Сам такой.

— Я? Да я тебя мигом отпрошу хоть у папы Римского. Поехали.

И вот мы едем в его машине по указанному в навигаторе адресу. Вот мы паркуемся в дядином дворе. Математик — само спокойствие. Словно он не женатый гад, который хочет взять на юг без пяти минут любовницу. Идем к подъезду. Я — впереди, он не отстает. Когда доходим до подъезда, я оборачиваюсь, не зная, чего жажду больше — чтобы он сбежал или оказался на месте. Стоит.

— Ну? Чего мнешься? Я уже думаю, что ты завралась и никакого дядя не существует.

Я раздраженно прищуриваюсь и набираю номер квартиры. Римма Владимировна отвечает незамедлительно.

— Это Вероника с другом, мы к дяде по делу. Не очень важному, если он занят — то мы приедем в другой раз.

Мы в подъезде, потом в лифте. Егор непробиваем. Дядя не любит, когда к нему приходят без предупреждения, сейчас ему требуется достаточно много времени, чтобы встать с постели,

расходиться, одеться, и подобные сюрпризы, разумеется, лишние. Но когда дядя выходит из спальни с улыбкой и весело приветствует нас, я только и способна, что хлопать ресницами. Бесстыжий Озерский ведет себя как ни в чем не бывало, он вежлив и улыбочив, немного рассказывает о себе, впрочем, не спешит ставить в известность о том, что женат. Он подлец, и мне стыдно, что я привела его к себе домой под влиянием магии часовых невинных обнимашек.

— Мы с Вероникой — хорошие друзья, — говорит он. — Она оказалась рядом, когда все остальные меня возненавидели, и помогла пережить непростой период в жизни. Ничего не требуя взамен. Недавно я развелся с женой, которая привела в наш брак третьего. Не спросив у меня разрешения, — иронично шутит он, оставаясь при этом серьезным. Дядя понимающе кивает. — Не то чтобы я против экспериментов, но, понимаете, сюрпризы в данном вопросе — отстой полный. Приятными бывают не часто, — прикусывает губу. Выглядит абсолютно естественно. — И уж точно не прощаются. Редко какой развод проходит быстро и безболезненно. Разругались даже те, кто к нашему браку не имел прямого отношения. Столько грязи поднялось, сплетен, старых обид... Не верится, что все в прошлом.

— В любом разводе, слово даю, в девяноста процентах случаев винят только мужчину, — вдруг говорит дядя. И я понимаю, что совершенно случайно Егор попал в яблочко, на данную тему дядя может говорить часами, она большая, опыта предостаточно. — Мужик — козел, не важно, как повела себя женщина.

— Честно говоря, иногда я вообще не понимаю, как раньше справлялся без Вероники, она особенная.

Не слишком-то по-мужски, но дядя почему-то млеет от удовольствия. Осыпает меня комплиментами, моментами перебарщивая. Не могу поверить тому, что Озерский ему понравился.

— Мы просто друзья, Егор, прекрати. Я и ехать-то с тобой никуда не хочу, если бы ты только отвязался...

— Вот видите, — говорит Математик дяде. — Она крайне категорична. Не хочет со мной в небольшой отпуск. Для Вероники что разведенный мужчина, что прокаженный — одно и то же.

— Я догадываюсь почему. У нашей семьи непростая история, не всегда белая. Веронике в детстве досталось абсолютно незаслуженно. Не все могут противостоять слухам. Если так случится, что ты ее обидишь — поверь, не просто так я полжизни в бизнесе, знаю, где закапывать так, чтобы не откопали, — мрачно говорит дядя, а затем подмигивает и начинает смеяться. — Шутка. Черный юмор, куда уж без него в нашем деле, — добавляет весело, Егор тоже улыбается. — А куда вы планируете отправиться?

— Так на юга. Что еще делать в августе, кроме как загорать, купаться и лопать фрукты?

Егор спрашивает, можно ли украсть меня на три дня, дядя хмурится ровно две секунды, а затем выдает: «Разумеется». У меня отвисает челюсть.

— Но дядя, как же фирма? — пораженно спрашиваю. Но эти двое, судя по всему, заодно.

— Я тебя заменяю, ничего страшного.

— Но...

— Знаешь, Вероника, иногда нужно позволять себе развлекаться. Тем более, в твоем возрасте. Когда, если не сейчас? В мои двадцать пять я спал в неделю часов двенадцать, в остальное время находил дела поинтереснее.

Вкалывал в моем возрасте ты днем и ночью, дядя. Я вздыхаю, но спорить не собираюсь.

— И, кстати, мне пойдет на пользу ненадолго вернуться к делам. Езжайте, два дня уж как-нибудь протяну. Давайте-давайте, только не загорайте слишком много, южное солнце агрессивное, за час можно обуглиться... хотя ты не такая, как Белоснежка-Галя. Ты как Пашка — смугленькая. Но крем все равно купите.

Егор кивает, соглашаясь с каждым дядиным словом. А когда мы выходим из квартиры, я замечаю, что дядя впервые за несколько месяцев румяный и воодушевленный. Кажется, у него появилась надежда, что он не оставит нас с мамой на произвол судьбы. Волоски на теле встают дыбом от этой мысли, но разубеждать дядю я не возьмусь сейчас даже под пытками.

Мистер Математик

Привет, блог.

У Вероники круглые, остекленевшие от ужаса глаза. До посадки в самолет она держалась неплохо, но сразу после взлета перестала улыбаться. Смотрит теперь перед собой, иногда причитает, бормоча под нос: «все, я окончательно и бесповоротно сбрендила», «когда же я найду нормального парня, Господи, ну почему ко мне липнут одни придурки да маньяки», «ну что со мной не так?».

Моя ты хорошая. С нами, «маньяками», как минимум не скучно. А еще зачастую мы — сексуально активны, забавны и в принципе неотразимы. Как тут устоишь?

— Адреналинчик бушует в крови? Классно же? — говорю ей внезапно, девушка вздрагивает.

— Меняю адреналин в крови на скучный досуг перед телевизором.

— Ты бросишь нас с Галкой ради пузатого менеджера среднего звена с необоснованно раздутым эго, пустым кошельком и крошечным пенисом?

Получается поймать ее взгляд, Вероника закатывает глаза — дескать, ничего другого и не ожидала от меня услышать, — но мягко улыбается. Пытается типа снисходительно, но я же вижу, что ей смешно. Говорит:

— Посмотрим еще на ваш пенис, мистер. А то, может, зря я поставила на кон репутацию. Не почувствую ни-че-го. А был ли мальчик?

— Однажды ты донарываешься. Терпение мое лопнет, и капец тебе придет в том самом месте, на котором стоишь.

— Я убегу.

— Догоню, поймаю, поставлю рачком и...

— Ой, боюсь! — обхватывает ладонями лицо и хохочет надо мной. И чем острее я смотрю на нее, тем веселее ей становится. Ее подколки достигают цели, в следующий миг я осознанно

шлю нахрен контроль, делаю рывок и целую ее. В сладкие ярко накрашенные губы. И прежде чем она спохватывается и отпихивает меня, я успеваю просунуть язык в ее рот. Я успеваю лизнуть своим языком ее язык. Сделать несколько движений, обласкать, попробовать. Кожу покалывает от того, какой он у нее вкусный. Запретный, желанный. Он лучше, чем я мог представить. Как только мы закрутим романчик, я буду очень много целовать ее, хотя давно потерял особый интерес к этому делу. Потому что с Вероникой — доставляет удовольствие. Нравится.

Второе мгновение наполнено предвкушением и восторгом, а в третье я уже полностью готов к большому, но, увы, грубо оттолкнут, взвинчен и, судя по взгляду и улыбке проходящей мимо бортпроводницы, измазан в помаде.

— Еще раз так сделаешь — мы серьезно поссоримся, — говорит мне Вероника, тяжело дыша, но зачем-то прижимаясь. Я нежно обнимаю ее, целую в макушку.

— Знаешь ведь, что если догонишь и поставишь «рачком», я вырваться не стану. Но ты сделаешь из меня ту, кем я всю жизнь боюсь стать, — она на меня обижается. — И если я для тебя что-то значу...

— Если честно, после слов «вырваться не стану» я потерял нить.

— Да пошел ты в баню, Егор, — ударяет меня по ноге ладонью.

— Прости, я понял. Я все знаю. Но, понимаешь, когда ты говоришь, что тоже хочешь меня — перед глазами плывет. Бомбит. Для меня это — красная тряпка.

Вероника старательно вытирает салфеткой помаду с моего лица, приподнимает брови в немом вопросе, почему я так странно улыбаюсь, а я ловлю себя на мысли, что невольно залюбовался. У Веро запоминающаяся внешность: большие карие глаза, высокие скулы, смуглая кожа, и она совершенно точно не похожа на очаровательную девушку-соседку, которых мои друзья выбирают в жены и с которыми я обычно завожу серьезные отношения. Девушки такого типажа неоднократно танцевали мне стриптиз или развлекали на безумных вечеринках кокаинового тренера, они гибкие, уверенные в себе, им чужды скромность и застенчивость. Веронике тоже они чужды, и ее попытки загнать себя в рамки выглядят любопытно. Я даже не сомневаюсь, что в постели она — огонь. Я хочу сгореть вместе с ней. Для этого мне нужно, чтобы она начала доверять мне.

Вероника бледная. Ее грудь часто вздымается в коротком черном топе. Том же самом, в который она вырядилась на курсы по вождению, чем очаровала моего приятеля. Я немного напрягся, когда он лично вызвался учить ее давить на педали, хотя в штате персонала более чем достаточно. Знаю, что он проявляет подобный энтузиазм только в отношении тех девиц, с которыми не прочь продолжить знакомство. Намеков приятель не понял, пришлось сказать прямым текстом, чтобы отвалил. И по ответному взгляду я осознал, что совершил ошибку — приятель знаком с Санни.

«Она моя родственница», — пришлось солгать, на что тот, конечно, поддакнул, но при этом заговорщически подмигнул. Друзья никогда не сомневались, что моногамия мне не дастся без боя, делали ставки, как скоро под тяжелыми ударами верности и прочих прелестей семейной жизни я сдамся и брошусь во все тяжкие. И теперь радуются, что я тоже не справился. Проиграл. Ничего у меня не вышло.

Ее пальцы с короткими красными ногтями сжимают подлокотники.

— Хочешь чего-нибудь? — спрашиваю.

Она вздрагивает.

— Нет, спасибо.

— Может, валерьянки?

— Нас точно не заметит кто-нибудь из твоих коллег или знакомых?

— Да какая разница?

И, увидев ее испуганный взгляд, добавляю:

— Мои летят другим рейсом. Все, Веро, отдых начался, расслабься, — уже почти жалею, что взял ее. Слишком много нытья и проблем.

— Тогда можно водки с тоником? Побольше водки, поменьше газировки.

Смеюсь. А может, не жалею.

Прителю с автошколы я тебя, родная, не отдам, как, впрочем, и никому больше. А все почему? Потому что мне слишком сильно нравится видеть восторг в твоих глазах. Восторг от меня.

Сейчас объясню: мне никогда не нравилось быть средним. Средним актером, не особо выдающимся спортсменом, посредственным писателем. Не ниже первой десятки, но и ни разу не в пятерке. Меня это не устраивало. Я должен был стать лучшим. Постепенно жизнь в стиле «восхождение» вошла в привычку. Вечное карабкание в гору, подкрепленное пониманием, что вершины не достигнуть. А тут я каким-то образом пропустил момент, когда удалось, вытянув руку, коснуться пика. Пусть хотя бы для одной-единственной женщины.

Она проводит со мной время не потому, что я сын звезды Дмитрия Вепря, могу пропихнуть на канал через связи или же несколько раз на ринге отправлял противников в нокаут (что было лет десять назад, но какое имеет значение давность строка для юной и мечтательной сеньориты?). Вероника не высмеивает мое едва ли приносящее деньги хобби, вместо этого, как и я, обожает многосерийные фильмы. Ее глаза полны счастья, когда я соглашаюсь поговорить с ней о своей книге, к которой снова вернулся. Для нее мои увлечения — значительные.

Рядом с Вероникой каждая моя минута — это не бег наверх в попытке доказать, что я хорош. С ней я просто хорош, безусловно, отчего хочется бежать еще быстрее.

Она в высоких джинсах и в коротком топе. Пупок не видать, но от него и почти до груди — открытая полоска кожи. Соблазнительный, но не пошлый вырез, слегка приоткрывающий небольшую, но высокую и упругую грудь. Раньше мне не то чтобы не нравились такие девушки, как она — скажем, я был спокоен по отношению к спортивным фигуркам. Мое сердце всегда принадлежало хрупким барышням, я мгновенно влюблялся в круглые животики и тонкие ручки. Вероника же, при необходимости, даст фору некоторым моим друзьям, может, поэтому поначалу я так легко согласился дружить с ней.

Например, недавно с этой девушкой мы соревновались, кто сможет отжаться больше раз. Вообразите только вечерок. То пиво с ней пьем, ужастики смотрим, то соревнуемся. Разумеется, она быстро продула, но заставила меня вспотеть. Затем села сверху и прошептала, что даст потрогать и даже поцеловать ее сисечки, если я смогу исполнить еще шесть раз с ней,

сидящей на моей спине. Никогда себе не прощу, что сдулся на пяти. «Ну вот, а не нюхал бы дрянь, точно получил бы свой приз», — заявила она, как ни в чем не бывало пожав плечами. «Просто признайся, как сильно ты занервничала, когда я выдал пять! Признайся хотя бы себе: обрадовалась ведь?» — тяжело дыша. Она фыркнула, но щеки порозовели.

— Да не бойся ты, все пройдет хорошо, — говорю ей, по-дружески пихая плечом, когда мы спускаемся с трапа самолета и оглядываемся. Возле вокзала возьмем такси и направимся в одно сумасшедшее, старинное место. Оно без прямого выхода к морю, но зато с видом на уходящую за горизонт синюю гладь, а территория этого местечка походит на кусочек сказки. Здоровенные, подпирающие небо дубы, двухсотлетние буки и кипарисы, тут же пальмы и хвойные кустарники, каменные лестницы, вымощенные брусчаткой пятьдесят лет назад дорожки, а также корпуса с белыми колоннами — утопающие в природе благоустроенные островки современности. С этим санаторием у меня связаны самые теплые детские воспоминания. По-моему, отличный знак, что удалось там разместиться.

Надеюсь, Вероника будет не против провести время вдаль от людей. Светиться на центральном пляже или в казино действительно не хочется, да и... кроме того, прошедшая неделя оказалась адовой, и дело даже не в работе, не в настоящей-бывшей жене, в очередной раз решившей от скуки сделать ремонт, или в чем-то подобном. Тренер окончательно слетел с катушек, с друзьями пытались донести до парня суть проблемы, но — бесполезно. В итоге нам пришлось объявить бойкоты и закрыть свои абонементы, которыми пользуемся с десятков лет.

Илья обиделся смертельно. Его отец, владелец клуба, позвонил мне через несколько часов после того, как я освободил кабинку, мы встретились, пообщались. Очень хочется верить, что семья поможет Илюхе. Раньше он был хорошим человеком. Ну, пока не заменил завтрак кокаином, а ужин — экстази.

— Скажи честно, зачем ты наврал моему дяде? О том, что уже развелся, — переводит на себя внимание Вероника. Все-таки хорошо, что я ее взял с собой, не представляю кого-то другого на ее месте, кто бы смог так же легко и приятно отвлекать меня.

— Я не наврал, просто чуть забежал вперед. Просто не называй ему пока мою фамилию, — мы выходим на улицу, оглядываемся.

— Уж точно не собираюсь. Здесь воздух совсем другой, и запахи классные, — оглядывается она.

— Ты про самсу из того ларька? Купить? Шучу. Будешь смеяться, но эта дурацкая награда имеет для меня важное значение. Может, потому что первая.

— Она откроет новые горизонты?

— Возможно. Я буду... — приобнимаю Веронику за талию и зачем-то сообщаю правду. Шепотом, словно кто-то нас подслушивает. Если честно, я впервые озвучиваю свои планы вслух: — Я буду увольняться. Скоро.

— А как же новый проект? Зачем?!

— Угадай. Потому что продюсер канала — родитель моей без пяти минут бывшей жены. И если меня сейчас отметят на фестивале, появится крошечный шанс получить другую работу. Вероника, у меня осталось не так много времени, чтобы подготовить солому. Упадем все, но разбиваться насмерть лично я уже не намерен.

Давайте будем реалистами: скорее всего я больше не смогу общаться с отцом Санниковым. Не

уверен, будет ли он вставлять мне палки в колеса в дальнейшем, но если да — то мой отец, вероятно, примет мою сторону и тоже уйдет с канала. И раз уж я принял решение перестать тонуть, то нужно искать способы выжить в надвигающийся шторм. А тут уже одного умения плавать — мало. Плавники придется отращивать, если не жабры.

— Логично, я поняла, Егор. Ты обязательно победишь, я так, глянула мельком сериалы твоих соперников, — она морщит нос и качает головой. — Если ты проиграешь, то в комиссии явно одни кретины сидят! — говорит мне.

— Нет, на самом деле у всех конкурсантов достойные работы, — отвечаю я с улыбкой.

— И хорошо, что достойные, оттого твоя победа будет весомой. Таким и проиграть не стыдно, а уж выиграть — особенно приятно. Но ты все равно — лучший.

Вот об этом я и толкую вам которую страницу: от нее исходит абсолютная поддержка. А ведь Веро не лицемерит, правда так думает. Говорит искренне. Ксюша тоже меня поддерживала, в некоторых спорах ругалась до хрипоты, защищая мои интересы, безоговорочно на людях занимая сторону родного супруга, но, будучи далекой от киноиндустрии, она полностью зависела от мнения своего отца, который всегда считал меня более чем посредственным. И в поддержке Ксюши, Санни, моих родителей — это чувствовалось. Они давали мне аванс.

Веронике плевать на мнение продюсера Санникова, она, разумеется, читала рецензии критиков, отзывы на «Кинопоиске», видела прогнозы, до которых ей нет никакого дела. Мой папа взял в жены женщину далекую от кино. Женщину, которая вообще не смотрит фильмы, предпочитая им книги и музыку. И прожил с ней до старости не просто так. Теперь я вижу одну из причин.

— А где мы будем жить? — спрашивает Веро.

— Это сюрприз! Тебе понравится.

— Я переживаю, что будет, если нас заметят вместе твои знакомые или репортеры. Давай будем выходить из отеля по очереди и встречаться где-то за углом, на безопасной территории? Я вовсе не против, ты только скажи, как сделать правильно.

— Я обо всем позаботился.

— Ты сам мне говорил, что в сентябре выйдет статья, посвященная Ксюше и тому, какая у вас чудесная семья. Не очень-то мне хочется попасть в опровержение.

— Я не дам тебя в обиду журналистам, а ты не позволяй мне упиться в хлам после того, как приз вручат другому, и вместе мы чудесно проведем время.

— Как же там Галка, интересно, — вздыхает Веро, меняя тему.

— Римма Владимировна и твой дядя, уверен, о ней позаботятся.

— Дядя одно время много путешествовал, помнится, он обожает черепаший супы, — говорит Вероника задумчиво.

— Вот теперь и мне страшно. Успел прикипеть к животинке, ее меланхоличному настроению и вечно блуждающему в поисках еды взгляду. Будет жаль, если ее в итоге тупо съедят.

— Да-а, Галка классная, — соглашается Веро.

Вероника

Разумеется, он победил. Хоть и не верил, хоть и утверждал, что не за что его поощрять.

Да и какие вообще могли быть сомнения, разве бы я влюбилась в неудачника? Этот мужчина умудрился заинтересовать, будучи пьяным, под кайфом, рассказывая о катящейся в ад жизни. Помню, смотрела на него и думала: «классный какой, но ему бы не помешала передышка». Небольшая изоляция от прошлого. Как только он окончательно съехал от жены, начал меняться — может, в лучшую сторону, может, превращаясь в себя прежнего. Я не знала его до Ксюши, но мне очень нравится наблюдать за тем, как он «выздоровливает» от многолетней больной любви, так сильно его разочаровавшей.

В костюме на сцене Егор смотрелся эффектно и ничем не уступал находящимся в прекрасной физической форме актерам. Жанры его сериала — комедия, мелодрама с эротическим уклоном, нетрудно представить, какие там мужчины снимаются. Жаль, что у него самого не получилось стать актером, но, уверена, Егор ни разу не пожалел тех лет, что потратил на подготовку к боевикам. Бить морды — это явно не его, но то, что он это дело умеет, придает образу творческого человека некий шарм и притягательность. «Черт, а этот писателишка горяч», — поделилась со мной соседка слева, и я охотно согласилась с ее утверждением.

Женская аудитория с любопытством рассматривала моего безукоризненно одетого Математика, поэтому я могла себе позволить то же самое, не опасаясь случайно скомпрометироваться.

Получать награду вышла почти вся команда во главе с молодым режиссером, Егор задвинул небольшую речь на пару-тройку предложений, после чего микрофон принялись делить остальные и его собственная минута славы закончилась. Я видела все это вживую. Сидела, правда, среди незнакомых людей, — Егор ведь не идиот, в конце концов — притащить подружку на фестиваль и представить законному тестю, — но зато почти в первых рядах, откуда хорошо просматривалась сцена. Полагаю, Егор банально опасался, что мне станет скучно и я незаметно уйду с последнего ряда, а так — весь вечер на его глазах, попробуй смойся.

Все еще находясь на сцене, он нашел меня взглядом и улыбнулся. Я держала кулачки, показывая, как сильно за него рада, как горжусь его достижением! Происходящее можно было бы назвать слишком романтичным и прекрасным, если бы не крошечные «но», не позволяющие наслаждаться по полной: наши отдельные появления и уходы, еда на вынос, остановка в закрытом на ремонт санатории.

Я повторю, не утруждайтесь перечитывать. Через знакомых Егор договорился, чтобы нам подготовили номера в санатории, который все еще закрыт на реконструкцию. Громадная территория, несколько корпусов, личный шикарный пляж через две остановки, и... ни единой души в радиусе километра, не считая сторожей и нескольких горничных, рассредоточенных по периметру. Когда я увидела наше временное молчаливое прибежище, на ум пришло единственное слово — заброшенный.

В этом месте смотреть ужастики я бы не осмелилась точно.

Поначалу на меня напала ревнивая тоска, граничившая с такой мучительной безнадеей, что

под ее тяжестью я едва передвигала ноги. Пугала давящая тишина, как будто случился конец света, рванула ядерная бомба или людей уничтожил хитрый вирус. Вокруг лишь по- южному гигантская сочная зелень, мертвые фонтаны, пустота и... несколько развалившихся под пальмами толстых кошек. От обиды хотелось плакать. Да, я недостойна появляться с ним на людях, я и не претендую, но можно было хотя бы снять квартиру! Обычную, уютную, подальше от центра.

Что-то мне подсказывало, что жену свою он возил в совершенно другие местечки.

На деле же все оказалось не так плохо. Номер нам достался без лесов и запаха краски — полностью готовый, просторный, с прекрасным видом. Белоснежное постельное белье, чистота и даже бесплатные шампуни в наличии. А в отсутствии людей, кстати, можно отыскать множество плюсов, если, разумеется, забыть о перечеркивающем их всех главном минусе — я существую исключительно на задворках его жизни, в укромных местечках, о которых никто не должен узнать.

Команда канала «Выходной» спускалась со сцены, Егора крепко обнял Ксюшин папа, а мне вновь стало грустно и обидно за себя, поэтому я принялась от нечего делать изучать соседей, искать глазами знаменитостей. Справа беседовали два солидных незнакомых мужчины, и один другому заметил: «Перспективный автор, через пару лет, если не обленится и не зазнается, станет успешным».

Припомнив недавний диалог по пути из аэропорта, я наострила уши. Хм, а может, я неслучайно оказалась в это время в этом месте? Озерского запросто обсуждают за глаза, понятия не имея, что сидящая рядом девица провела с ним прошлую ночь в одной постели. Ничего не подумайте, как так получилось — расскажу позже. Просто... вы бы согласились одной ночевать в комнате, расположенной в пустом корпусе «заброшенного» санатория?! Да я от страха его в «покурить» одного не отпускала, не то что прогуляться!

— Я тоже на него обратил внимание еще на дипломной работе Вяточкина. Это Озерский писал сценарий к короткометражке, помнишь? — ответил собеседник.

— А, да? Так это он? Почему бы не отправить ему предложение?

— Пока мы раздумывали, он умудрился жениться на дочери Санникова, еще и лялю ей заделал, так что, считай, пожизненно на «Выходном», — махнул рукой.

— Жаль, было бы интересно с ним поработать.

— «БК» — хороший канал? — первое, что я выпалила Егору, едва тот сел ко мне в такси. Пришлось хорошенько пройтись, чтобы вызвать машину к дому, затерявшемуся в ближайшем к Зимнему театру жилом массиве, и мои ноги немного пульсировали от усталости.

Озерский назвал водителю адрес нашего санатория, попросил ехать побыстрее, выключил мобильный и повернулся ко мне.

— Недавно появился, пока непонятно, что его ждет, но денег в него вливают немерено. А что?

— Они тебя хотят! В смысле — взять тебя на работу, ты им понравился, — я быстро пересказала подслушанный диалог, чувствуя себя вестником, принесшим на хвосте благие известия.

— Забавно, нужно подумать, — он ничем не выдал эмоций, но мне показалось, что выглядел

польщенным. Не пропадем с голоду, Егор. Ты, главное, плыви, как умеешь, не ленись. И не забывай грести руками, тогда точно не потонем. — Ты поэтому мило кокетничала с одним из их режиссеров? — склоняет голову набок.

— А. Ну мы же сидели рядом, смеялись над шутками Вани Урганта, я что-то дополнила, он подхватил... затем, когда выступала эта старушка, как ее...

— Угу, старушка, я понял, — он откровенно забавлялся, но я действительно забыла, как звать актрису, которая затянула получасовую речь ни о чем.

— Извини, забыла имя. Ей же хорошо за девяносто, да? Ну вот, стало скучно, он предложил прогуляться, ты ведь уже побывал на сцене, что мне сидеть в зале. А потом ты написал, чтобы я шла ловить такси — догонишь, и вот я тут.

— Еле успел перехватить, а то бы остался победитель без приза.

— Тебе ведь вручили что-то блестящее и круглое.

— Все нервы мне в этом платье уже вымотала, — он окинул меня обиженным взглядом. А вот и комплимент, первый от него за день. На самом деле я специально купила черное облегающее платье для этой поездки. На первый взгляд оно простое и даже скромное, но брендовая одежда потому и стоит таких денег, что сидит — безупречно, притягивает взгляды. Изумительная ткань подчеркнула все нужное, аккуратный вырез оказался настолько удачной формы, что моя грудь смотрелась выше и больше, чем есть на самом деле. Длинное, ниже колен, не в пошлый обтяг, но изгибы в нем читались прекрасно и выглядели весьма соблазнительно — как заметили подруги в один голос с персоналом магазина.

Егор приревновал меня к режиссеру, а каково было мне видеть, как он общается с тестем все перерывы? Один из способов привлечь к себе внимание Математика на подобном мероприятии — заинтересовать кого-то еще. Почему нет? Кстати, это был второй раз, когда Егора раздражало, что я общалась с другими мужчинами, и мне нравилась его реакция. Раньше за ним такого не замечала. До того дня, как он сломал нос Августу, если я писала Егору, что «занята», или «у меня встреча», он отвечал: «удачи». Если и спрашивал «с кем?», то действительно из любопытства, потому что интересно «с кем», но никак не в смысле «с кем это? С какой стати?!». А тут вон как ошетинился весь. Аж холодок по спине прокатился от удовольствия видеть его таким.

Добавлю пару слов о сегодняшнем утре. Когда мы собирались пойти позавтракать, а затем захватить в плен безлюдный пляж, мой сотовый неожиданно завибрировал, экран показал незнакомый номер. Егор рассматривал покрасневшую от загара спину в зеркале и не обращал на меня внимания, пока я не спросила:

— Ты не против?

— Что не против?

— Меня хотят пригласить на свидание, — я сбросила звонок и вопросительно посмотрела на Математика. Безумно хотелось узнать, что именно он ответит на мой вопрос, но я не дождалась ответа. Струсила. Банально испугалась фразы: «да мне пофиг», или, что еще хуже — совет, как нарядиться. Это бы испортило настроение на все выходные. Вдруг ему нет дела, что я буду спать с кем-то еще? Или же он мог бы воспринять мой вопрос как давление, намек на статус наших отношений... Я разволновалась, запугалась в собственных эмоциях и поспешно

добавила: — Я уточняю, потому что это один из твоих друзей. Думаю, так правильно.

— Моих друзей? Из автошколы, что ли? — хмурится.

— Нет, другой. Илья, он работает тренером в спортзале и выглядит... ну, очень впечатляюще. Он как-то приходил в автошколу, пока я сдавала экзамен, наблюдал за моими попытками припарковаться, потом мы втроем, вместе с Алексом, немного поболтали за чашкой кофе. Они подвергли меня ожесточенному допросу, через какое колено я тебе родственница.

— Ты не рассказывала.

— Я тебе рассказываю не о каждой секунде в своей жизни. Не переживай, ты троюродный племянник моей мамы.

— Так ты дала ему свой номер? — проигнорировал он последнюю ироничную шутку.

— Он не спрашивал. Вот я и удивилась, что позвонил сейчас. Так что, Егор? Один-два свидания, ничего такого, узнаем друг друга поближе, ты не...

— Скажи «нет». Без обсуждений. Доступными фразами, чтобы понял раз и навсегда. Не намеками, у него в голове серого вещества маловато, может не догнать сути, — шутить он не намерен. Злитесь.

— Ух ты, — не ожидала столь резкой реакции. Я ведь про свидание говорю, первую встречу, не больше.

— Он теперь плохой человек. Поверь мне, лучше с ним не связывайся.

— Алекс себе на уме, с Ильей лучше не связываться. Да у тебя все друзья плохие, ты один хороший. Может, ты просто ревнуешь? — я засмеялась вслух, но Егор веселья не разделил.

— Дело даже не в этом.

— А в чем?

Несколько секунд он колебался, затем, видимо, решил, что мне не стоит знать правду. Сухо завершил тему:

— Пожалуйста, просто держись от него подальше.

— Ладно, как скажешь.

Он не хочет отдавать меня друзьям, потому что... с каждым днем заинтересовывается все больше.

И вот сейчас, в воскресенье утром, я проснулась в шесть утра, привела себя в порядок и хотела уже добраться до пляжа, но не справилась с искушением и снова нырнула в постель. К нему.

Утренний частный пляж выглядит изумительно. Восход солнца, мерный шум набегающих волн. Каменная галька под ногами еще не раскалилась, приятно холодит вечно закованные в обувь ноги, а вода, наоборот, теплая, ласковая. Бредешь по бережку и рождаешься заново. Кайф. Ощущения полета, вечности. Полный внутренний восторг и гармония.

Все это удовольствие я променяла на дрыхнувшего Егора. Но я пойду к морю, честное слово.

Две минуты полежу и пойду. Совсем капельку понежусь среди его простыней.

Горячий, крепко спящий и такой вкусный. Лежит на боку ко мне спиной в одних боксерах. Ночью обнимал меня, но спать в таком положении невозможно, поэтому все же пришлось ограничиться позой спина к спине.

Мы отмечали весь вечер и всю ночь его награду, проматывали отрывки сериалов на ноутбуке, он травил байки со съемочной площадки, рассказывал о ругани с режиссером, делился хитростями, на которые шел, чтобы сохранить сюжет неизменным. Упомянул алкоголизм Ксюшиного отца... Я тоже говорила о себе и своей жизни. Нашлось время и погрузиться, и повеселиться. Одни же! Прямо на улице! Тепло, красиво вокруг: природа, фонарики. Комаров нет, интернет прекрасный, куча еды, мягкий газон под ногами и одеяла. Мы даже успели покувыркаться по траве, Егор пытался ходить на руках, я выдала ему безупречное «колесо», затем опустилась на мостик, но дало о себе знать колено, и пришлось повременить с акробатикой. Мы сходили с ума, курили травку и хохотали. И целовались. Он вел себя безупречно, не оставляя мне ни малейшего шанса продолжать обижаться.

Безумие — находиться рядом с ним. Безумие — так долго сопротивляться влечению.

Я прижалась к нему всем телом, прикрыла глаза и поцеловала в плечо.

— Представь, что мы в будущем. Оно наступит. зуб даю. — Не хочу возвращаться. В будущем хорошо. Вот бы остаться здесь... — Мы ненадолго. Ни одной лишней минуты в настоящем не задержимся.

Мистер Математик

Привет, блог

Хоть моя профессия и записана в трудовой книжке синонимом слова писатель, в наличии на данный момент имеется явно недостаточно слов, чтобы передать происходящее. Словарный запас рассыпался по кровати, спросонья нащупать удалось лишь: «Бл*ть», а телу жарко. Рядом со мной пожар разгорается. Не в прямом, конечно, смысле. Все намного хуже.

Эта женщина меня с ума сводит.

То доверчивая и будто беззащитная перед жесткими реалиями этого мира, без макияжа, в спортивном костюме, со связанными в хвост за спиной волосами; то точно знающая, чего хочет от жизни, уверенная искусительница. Многие женщины совмещают в себе эти, казалось бы, противоположные качества. Вчера я понял, что именно расщепило Веронику.

Так сложилось, что начиная с отца, брата-психопата и заканчивая любовниками — ей встречались не лучшие представители нашего рода. Ее дядя — святой человек, нужно будет сделать для него что-то хорошее. Он сохранил нам Веронику.

Утро обрушилось внезапно, прошлым вечером я не был готов к очередной проверке, которые мы, не уставая, устраиваем друг другу. Одну за одной. Не зная жалости.

— Я так боюсь, что у нас ничего не получится. В смысле... мы переспим, ты вернешься к жене, а я буду жить с этим. Меня это раздавит.

— То, что между нами сейчас — куда важнее, чем секс.

— Разговор по душам простить легче, чем секс. Да и секс бывает разным. Ты ведь понимаешь, о чем я? Наш секс подарит такое удовольствие, которое простить невозможно. Не знаю, как у мужчин, но женщине забыть измену любимого намного легче, если та для него ничего не значит, если подробностей он даже не помнит. А вот жить и подозревать, что на стороне он словил экстаз... догадка закопает заживо. Экстаз с другим человеком простить невозможно в принципе, это никогда не забудется. Всегда будешь сравнивать себя с ней. Теперь я знаю — любовницы живут лишь пониманием, что с ними мужчине лучше. Иначе не справиться. Сдохнуть можно иначе.

Трэш.

Не шевелюсь, растягивая агонию, а она, сучка, приносит боль во всем теле. Я не знал, что можно вот так хотеть женщину. Хотеть бесконтрольно. Знать ее досконально, уважать, и жаждать каждой клеткой своего тела. Умная такая Вероника, принципиальная, прижать бы ее к кровати и взять. Я бы не сдерживал себя. Сразу сделал бы это жестко, и ей бы понравилось. Ей именно так и хотелось бы.

Трэш.

Слушаю, ощущаю, наблюдаю сквозь ресницы. Наше обожание друг друга не оставляет шанса на сопротивление. Это выдержать невозможно. Видит Бог, мы пытались. Но природа ломает, требует своего. Видимо, Веронике тоже больно, иначе она бы не...

Длительная, растянутая на целые недели прелюдия. Нужна разрядка.

Вероника лежит рядом со мной и ласкает себя, пока я, перевернувшись на спину, делаю вид, что сплю. Не знаю, как она на это решилась, как долго это продолжается, я почувствовал движения и проснулся, но, будучи все же больше чудачком именно на букву «м», не прерываю. Вчерашний вечер прошел отлично, мы гуляли по санаторию, наслаждаясь тишиной и удовольствием, когда ступали босыми ногами по густому зеленому газону, еще влажному после вечерней поливки. Чуть позже отыскали сухую лужайку и валялись прямо на траве, пили красное вино из пластиковых фужеров, разбавляя его льдом из сумки-холодильника, курили и бесконечно долго говорили на личные темы. Иногда обнимались, несколько раз я ее целовал, но почему-то без страсти, а просто в удовольствие. Без намека на продолжение. Губы сладкие, манящие, на языке вкус вина, почему бы не целовать? Под кайфом Вероника казалась мне такой хрупкой и нуждающейся в защите, что я и мысли не допускал стянуть с нее трусики. Она ведь не для этого со мной поехала, она давала мне намного больше. Если бы на фестивале я потерпел фиаско, наверное, она единственная, кого бы мне хотелось видеть.

А одному в этом санатории свихнуться можно.

Я просто знаю, что она меня поддержит. И я хочу сделать что-то особенное для нее. Не трахать — увы, в этом заключается главное и самое сложное к выполнению требование.

Все выходные мы баловались, измывались друг над другом то в купальниках, то в белье или в парадной одежде, мы довели себя до такого, что... сейчас я притворяюсь спящим, боясь спугнуть ее удовольствие. Еще немного — и мое сердце разорвется. Вероника смотрит опьяневшими от возбуждения глазами, совсем рядышком прижалась, вплотную, но я чувствую ее нетерпеливые движения. Она жадно вдыхает мой запах, возможно, это показалось бы странно в любой другой момент, но сейчас принимается как естественная потребность. Я тоже

нуждаюсь в аромате ее кожи и ее возбуждения, во вкусе ее тела. Я адски хочу лежащую рядом женщину. Хочу целиком, до упора. Целовать, терзать, трогать везде, чтобы не смела помешать мне. Хочу рассмотреть ее, будучи спереди и сзади, хочу, чтобы она вспотела, стонала и кричала. Я хочу, чтобы она со мной кричала.

Вероника осыпает невесомыми поцелуями мое плечо. Я чувствую прикосновение влажного язычка, и его вкус мгновенно всплывает в голове. Я помню ее губы и будто чувствую их на своих пересохших.

Влажный след тянется по груди, поцелуи касаются соска.

На моем месте сейчас не проснулся бы только мертвый.

Но я притворяюсь для нее. Я хочу, чтобы она кончила. Мне нужна ее разрядка. Не знаю, никогда не испытывал подобного, я жажду увидеть женский оргазм, не находясь внутри и не планируя оказаться внутри секундой позже.

Моя порочная красавица думает сейчас обо мне, сминая свою грудь. Я пытаюсь сглатывать слюни незаметно. Одна ее рука опускается ниже по ее телу, я чувствую движения ее бедер, черт, самому бы автоматом не начать толкаться. Боже, как же нам это нужно. Одно мое движение — накрыть ее своим телом. Еще одно движение — направить и толкнуться. Где горячо, влажно.

От запахов кружится голова, мой стояк — каменный и болезненный, его уже невозможно не заметить, но Вероника слишком занята собой. Мы не так часто ночуем вместе, но, возможно, она это делает не впервые рядышком? Почему-то эта мысль возбуждает еще сильнее.

Она, видимо, решила, что прошлым вечером я упился вусмерть и не чувствую ничего вообще, проводит рукой по моей груди, слегка царапает ноготочками. Касается пальчиками моих губ, потом снова опускает руку. Переворачивается на спину, раздвигает ножки. Давай, девочка, для меня.

Она все еще очень близко, полжизни бы отдал, чтобы узнать, что именно себе фантазирует. Смелая. Безбашенная. Хочет и делает это. Она прекрасна.

Просто без ума от нее.

Она очень часто дышит. У нее изумительные маленькие темные сосочки, похожие сейчас на узелки. Я больше не прячусь, плююсь во все глаза, но ее веки опущены, не замечает свидетеля.

Кровь пульсирует в висках, когда движения ее пальчиков становятся быстрее и ритмичнее. Я смотрю зачарованно, не в силах оставаться в стороне, по какой-то причине неспособный вмешаться.

А когда она выдыхает «Егор», у меня перед глазами красная дымка. Рывком приподнимаюсь и кидаюсь на нее. Жадно целую в губы. Я убираю ее руку, заменяя своей. Она пугается, пытается остановить, но я хватаю ее пальцы и сую себе в рот — единственный способ занять как-то. Пальчики свободной руки впиваются в кожу на моей шее.

Если я сейчас войду в нее, наш секс будет длиться половину секунды. Сделайте скидку, у меня воздержание несколько недель!

Сразу двумя пальцами проникаю в нее, ладонью кверху, технику я знаю. Вероника отпускает

себя. Обе ее ладони на моих плечах, а губы приоткрыты. Поцелуй. Опять поцелуй. Ей так нужно, что она сжимает меня до боли.

Сильнее, малышка, мне нужно прийти в себя. Отвлеки меня от себя хотя бы на секунду.

Жалеть ее не собираюсь, я ведь чувствую, какая она... готовая. Несколько движений, сразу быстрый темп, который она сама себе никогда бы не смогла позволить. Мой темп. Со мной всегда будет так, как сейчас. Она напрягается всем телом и кончает, выгнувшись, застонав, приоткрыв рот. У меня голова кружится, перед глазами темнеет. Я ее целую, сразу углубляясь языком, хотя бы это могу себе позволить.

— Боже... — стонет она пораженно.

— Ты позвала меня, я точно слышал. Я... сейчас приду... просто я не в состоянии это сдержать... — хочу успеть до ванной.

— Стой, — она задерживает меня за руку. Быстро приспускает мои трусы, наклоняется, приоткрыв губы. Но минета не следует. Едва ее ладонь крепко обхватывает ствол, язык касается головки, представление феерически заканчивается. Чувствуя себя ошеломленным и вымотавшимся, я падаю на подушки и прикрываю глаза. Вероника забирается на меня сверху, и я ее обнимаю. Хорошо, что не уходит в душ или куда-то еще. Рядышком.

— Что теперь будет? — спрашивает она шепотом.

— Ш-ш-ш. Представь, что мы в будущем. Оно наступит, зуб даю. Захотели сильно и оказались в осени. За окном дождь, слышишь? Осенью всегда идет дождь, — там и вправду льет, небо упало на землю, как бы говоря: «ну, неужели?»

— Не хочу возвращаться обратно. В будущем хорошо. Вот бы здесь остаться... Что нам в настоящем делать? Ждать, сомневаться, да и только.

— Мы ненадолго. Ни одной лишней минуты не задержимся. Сделаем все необходимое и сразу сюда.

— Давно ты не спишь? — спрашивает Вероника через некоторое время.

— Давненько, — отвечаю хрипло. Надо бы попить, но кто знает, где взять воду? Осталось ли что-то в мини-баре?

— Боже, как стыдно.

— Все прекрасно, — я целую ее пальчики, и, почувствовав особый вкус на них, снова облизываю. Вероника прячет лицо на моей груди. — Спасибо. За финал. Это намного лучше, чем забрызгать тут все в попытке добежать до душа.

— Финал был безупречно красивым и вкусным, — она целует меня в грудь. — Но, Егор, я сама тебя спровоцировала, нужно было продолжить по-нормальному. Моя вина, я бы не стала тебя прерывать и предъявлять что-то после.

— Знаю, но так будет лучше. Я сам хочу сделать все правильно. Я тебе пообещал и сдержу свое слово.

— Вчера мы так хорошо поговорили по душам, я все испортила, да?

— Мы просто заглянули в будущее, помнишь? Да и, поверь, это совсем не то, что бы я хотел с тобой сделать. Просто помогли друг другу разрядиться, подумаешь.

Она устраивается поудобнее, закидывает на меня ножку.

— Если бы мы встречались и ты помог так разрядиться какой-то другой бабе... — говорит возмущенно, я поглаживаю ее по волосам, тяну «ш-ш-ш», и девушка замолкает. А через несколько минут, проведенных в тишине, — и вовсе спит. Наш самолет только вечером, поэтому я тоже не собираюсь бороться с усталостью. Кстати, если после секса спать хочется только вам, а ваша женщина полна сил и энергии, пересчитайте мысленно ее оргазмы, возможно, сто процентов из них — имитированные. Тщательно отлюбленная девочка спит, как убитая. Она как минимум румяная, вялая и довольная.

Сон не идет. Мне мало, никак не могу успокоиться. Нужно подумать о чем-то малоприятном. О, у меня же на такие случаи всегда есть недоразвалившийся брак.

Боже, дай мне сил сдержаться с Вероникой свое обещание. Не так долго осталось — Ксюша вчера звонила, сказала, что по УЗИ плод созрел, крупный, роды могут начаться чуть ли не на месяц раньше, и врачи не видят к этому препятствий. Наоборот, советуют сильно не тянуть, учитывая обстоятельства. Я тоже родился раньше почти на месяц с весом в три с половиной килограмма, так что Ксюша полна энтузиазма в ближайшие две недели подарить мне наследника. Две-три недели плюс месяц на развод... Надо терпеть. Вероника рассказывала вчера, как над ней издевался один ушлепок — сын ее папаша, сколько крови выпил в детстве и юности. Жалко ее. И больше мне не хочется использовать Веронику как бы то ни было. Пусть после нашего романа у нее останутся высокая самооценка и приятные воспоминания.

Мне нравится делать ее счастливой. Мысль приходит внезапно, и выглядит в данной ситуации ожидаемой и закономерной для любого другого человека, но только не для меня. Дежавю тут же закручивает в водоворот. Я не хочу повторения.

Ни за что на свете. Чувство самосохранения кричит немедленно вставать и бежать отсюда. Что же я делаю? Заменяю один эшафот другим?

Голова проясняется, и я осознаю, что произошло на самом деле. Не по себе от этого. Осторожно перекидываю Веро на подушку, укрываю простыней и, натянув брюки, выхожу покурить на балкон.

Кажется, это первое утро за много лет, которое я начал не с мысли о Ксюше. Сначала они, мысли о ней, просто были. Я прокручивал в голове ее короткие фразы, намеки, вспоминал улыбки, пытаюсь отыскать в них надежду. Обдумывал ее проблемы в бизнесе... В общем, лишь бы крутиться около Санниковой. Потом, когда она стала моей, я радовался по утрам, что она все еще моя. Еще один день — удержал. Уже ставшую привычной радость внезапной новостью сменила утренняя злость, через некоторое время уступившая место тоске. Долго злиться я не умею. А вот тосковать — напротив, способен сколько угодно.

Как-то все не так у нас было с Ксюшей. Излишне идеально, что ли? Я прекрасно знал, что делает ее веселой и счастливой, и делал для этого необходимое, а она снова и снова удивлялась, что друг ее младшего брата, наконец, к двадцати пяти годам вырос и превратился в интересного мужчину. Когда успел только? Как она не замечала раньше?

Женитьба стала важным этапом в моей жизни. Не только Ксюша признала, что я вырос. Окружающие также пришли к данному выводу. Беда-беда.

Весь мой брак — словно глупейшая попытка осуществить детскую абсурдную мечту стать космонавтом тогда, когда самое время отказаться от полетов в космос с теплой улыбкой, положить пластмассовый скафандр в шкаф, рядом с деревянными мечами и модельками машин. Некоторые мечты должны оставаться мечтами, иначе — претворившись в тошнотворную реальность — они перечеркивают все годы, подчиненные этой самой мечте.

Регина, моя сестра, просила одуматься, она сколько угодно могла перечислять причины «против» этого брака. А может, мы с Ксюшей должны были пройти через него, чтобы чему-то научиться? У нее скоро будет малыш, Маленькая Санни сама на себя не похожа: домашняя, мягкая, от нее в буквальном смысле пахнет уютом — пирожками и свежестью.

Но какие же непростые уроки раздает жизнь! Опасные! Слишком много месяцев каждый мой день начинался паршиво, первое желание — совершить что-нибудь, хоть что, лишь бы стереть из памяти свой грандиозный фейл. Помните про жизнь-восхождение в гору? Есть вершины, до которых не дотянуться. И беременная от другого человека родная жена — ежедневное визуальное тому подтверждение.

А сегодня я о ней не вспомнил. Вообще. Пока ассоциативный ряд не привел к разводу (поскорее бы!)

Поворачиваюсь спиной к морю и лицом к окну, смотрю на улыбающуюся во сне Веронику и понимаю, что мне до ус**чки страшно пережить еще раз все то, что оставил позади с Ксюшей.

Опять молчать до последнего? Рано или поздно правда вылезет, попробуй скрой такое: не получают птенцы и все, пустое гнездо, сколько ни вей да ни обустройвай.

А если признаться?

Пройти по знакомому пути снова. Я уже прусь от Вероники, а что потом будет? Еще немного, и начну ее обожать, вопрос встанет ребром — встречаться или отдать другому. Придется признаться. Интересно, каким образом? В какую-нибудь среду случайно ляпнуть между делом или преподнести весть торжественно?

Наберусь смелости и скажу вслух. Днем. При свете, чтобы лучше видеть, как гаснет восторг в ее глазах. От того, что ее мозг уже анализирует, взвешивает. Материнский инстинкт победит. В лучшем случае она спросит про альтернативные возможности, а я ничего конкретного сказать не смогу, потому что правда не знаю!

Не знаю я, блин! Это трудно.

Это то же самое, что основать семью на троих взрослых.

Мне нужно время, чтобы решиться, а даст ли она мне его, если нет никаких гарантий?

В итоге мы договоримся по-хорошему, что не стоит тратить время друг друга и доводить до самого больного. И останемся друзьями. Вот только дружить очень сложно, когда причина расставания в том, что ты бракован.

А когда ты доверяешь человеку свою самую щекотливую тайну, и получаешь в ответ приглашение в злополучную френдзону, хочется обнюхаться и лечь поспать на рельсы.

Она проснулась и одевается. Красивая, гибкая девочка. Совсем еще юная. Ей ведь не тридцать с чем-то, как Ксюше. Вероника в синих хлопковых трусиках и в черном топе без бретелек

выходит ко мне на балкон, запрыгивает на угол бортика попой, я тут же подхожу вплотную, обнимаю ее за талию — этаж третий, упадет, не дай Боже, спросонья. Крепко держу ее одной рукой, продолжая курить.

— Достань еще одну мне, — прошу помощи. Веро пробегает пальчиками по моей спине, вытаскивает из заднего кармана штанов пачку сигарет, вдруг шлепает меня по заднице, да с таким огоньком, что от неожиданности я роняю на пол недокуренную. Смеюсь, она тоже хитро улыбается. Еще ничего не сказала, а с ней уже весело.

В наказание приходится не больно цапнуть ее за плечо зубами. Девушка возмущенно ойкает, скорее, по привычке.

Пока я кусаюсь, Вероника долго выбирает одну из трех оставшихся сигарет, словно они чем-то отличаются, наконец, подносит к моему рту, по всей видимости, лучшую и чиркает зажигалкой. Я затягиваюсь, выдыхаю густой дым сразу изо рта и носа.

— Блин, я поцарапала тебя, — шепчет сонная девица, рассматривая мои плечи.

— Не больно, — по-прежнему крепко обнимаю ее двумя руками, Вероника держит сигарету, по требованию подносит к моим губам, позволяя сделать затяжку.

— Я не о том, что не больно. Она заметит, — говорит мне.

— Похрен. Скорее родит — всем счастье будет.

Утыкаюсь носом между ее грудей и прикрываю глаза. Вероника еще совсем молоденькая, может, у нее есть немного времени, чтобы потратить его на меня?

Главное — не давать ей повода планировать большее. Потому что... в этом случае я ее обману, просто скрыв правду.

Ну не говорят такие вещи при знакомстве! Попробуйте ради интереса сами, хоть раз, хотя бы ради шутки.

Черт, если я буду заполнять анкету на сайте знакомств, впишу свое бесплодие первым пунктом.

Если без шуток, то как-нибудь осторожно подниму эту тему, возможно, Вероника сможет удивить меня.

— Что будем делать? Совсем рано еще, — говорит она мне весело. — Я так хорошо себя чувствую! Столько энергии! Отключилась буквально минут на десять, а будто еще одна ночь позади.

— Предлагаю взять где-нибудь завтрак и поехать на пляж.

— М-м-м, блинчики! С вареньем, — мечтательно тянет она. Точно — Мечта, вот она кто. Я глажу ее ноги, оставляя светлые быстро проходящие полосы на загорелой коже. Совершенно не в моем вкусе. Но отчего-то так нравится, что не хочу расставаться.

— А потом что будем делать? Вариант посмотреть телевизор в номере — не принимается, вдруг ты снова начнешь приставать. Нам нужно куда-то в люди, Егор.

— Давай на месте обсудим? Голова не соображает на пустой желудок. Была бы Галка рядом, ее бы стрескал, — широко улыбаюсь, глядя на Веронику снизу вверх. Она хохочет, откинув голову, грозит мне пальцем:

— Ужас, Озерский. Придется следить, чтобы ты хорошо питался, а то страшно вас двоих оставлять на ночь.

— Если с ней что-то случится, ты никогда не простишь себе, я тебя знаю.

— Да ну тебя. Ладно, двигаем, а то я тоже голодная.

Часть III

Вероника

Проявив завидную выдержку, мама ни разу до сегодняшнего дня не заговорила о моем новом молодом человеке, хотя точно знала, что мы планируем совместную поездку на юг. Удивительно даже. В том, что дядя не сдержится и расскажет ей о внезапном знакомстве, я даже не сомневалась, впрочем, как и в том, что после нашего ухода Озерского они обсудили вдоль и поперек.

Поначалу я переживала, что она начнет задавать прямые вопросы и по моему смущению обо всем догадается, но та медлила, и это могло означать лишь одно — Математик дяде понравился, получил одобрение родителя. И мама... попросту боялась спугнуть счастье. Она приглядывалась ко мне, прятала улыбки, когда я взахлеб о чем-то рассказывала.

«Дочка, какая ты свежая и красивая. Не знаю, что с тобой происходит, но продолжай в том же духе!» — вот и все, что она позволила себе в одну из наших встреч. От искренних слов и улыбки я и вправду расцвела, почувствовав молчаливое одобрение и поддержку. Мама никогда не была навязчивой, и обычно доверяла мне. Стояла горой, когда я попадала в переplet. И этот раз не станет исключением. Ох, мамочка, что же будет...

«Наконец-то у тебя кто-то появился! Как же я рада!» — ее слова перед нашим с Егором отлетом на фестиваль, когда я забежала повидаться накануне. Во время самого отдыха родственники также ограничились несколькими однотипными сообщениями: «молодцы!», в ответ на мои скупые: «все хорошо, купаемся», «погода отличная, гуляем по набережной». Только сейчас, увидев мамино воодушевление, полные энтузиазма глаза, я осознала, что она на самом деле сгорает от нетерпения узнать подробности. Ей хочется вызнать о моем мужчине абсолютно все, как и о нашем с ним романтическом путешествии.

— Ника, да ты светишься вся! Вижу, южное солнце и новый роман пошли тебе на пользу. Ну, как все прошло? Расскажи.

— Очень хорошо, мам, — отвечаю, немало смутившись. И это правда, я не ожидала, что мне настолько понравится проводить время с Егором.

— Покажешь его на фотографии? — спрашивает осторожно, я отрицательно качаю головой. — В смысле «нет»? Не покажешь или нет фотографий?

— Да как-то не до этого было. Есть несколько снимков, где я на фоне моря, сейчас найду. Вот,

смотри. А его фотографировать и в голову не пришло. Зачем он нам нужен, — пытаюсь рассмеяться, отмахнувшись. Ну вот и все, Егор стал полноценной частью моей жизни, я говорю о нем с родными.

— Как же так, нет ни одной общей фотографии? — она даже не пытается скрыть, как сильно расстроена. Пытаюсь выдавить из себя извинительную улыбку — не суждено женщинам нашей семьи хранить на полке семейный альбом. — Он не очень симпатичный, да? Вова сказал, что ничего вроде бы.

— Он очень ничего, мама. В другой раз, может быть. Не все сразу.

— Порядочный, что самое главное. Знаешь, это показатель, что Егор не побоялся познакомиться с твоим дядей, который, считай, как отец тебе. Говорит о серьезных намерениях.

А чего Озерскому бояться человека, который неделями не выходит из квартиры и живет на обезболивающих? Но мысли вслух, разумеется, не озвучиваю. Родным не стоит знать ничего про Егора, по крайней мере, пока наши отношения не перейдут на какой-нибудь другой уровень.

— Он самый. Мама, он правда хороший и очень талантливый. И мне он понравился с первого взгляда, хотя поначалу одна мысль о том, чтобы встречаться с ним, казалась безумием! — не в силах удержаться, я рассказываю ей про своего соседа, который слишком симпатичен и слишком часто курит на балконе, чтобы остаться незамеченным. Большую часть подробностей, разумеется, упускаю. Тут с Егором сложно не согласиться: иногда близких лучше беречь от правды. — Рядом с ним время бежит незаметно. А еще он мне помогает. Например, по работе: частенько заходит в бюро, стоит рядом, когда я спрашиваю персонал, почему тот не выполнил поручения. Поначалу мне казалось, что меня игнорируют.

— Да, Вова заезжал в бюро, удивился, какой бардак ты там устроила, — она не ругается, наоборот, пытается поддержать. — Но ничего, все получится. Не сразу.

— Егор так же говорит. В первый месяц я наивно верила всему, что говорят. Теперь стала умнее. И знаешь, когда за спиной стоит кто-то сильный, слушают лучше. Но это ничего, я научусь обходиться и без него, просто... Егор считает, что задатки у меня есть, осталось набраться опыта.

— Расскажи, чем занимались в Сочи? Куда ездили? Что видели интересного?

Что же рассказать маме? С чего начать — глаза разбегаются. Что он ни разу, помимо фестиваля, не вывез меня из заброшенного санатория, в котором бессознательно ежеминутно ожидаешь появления маньяков, потому что половина фильмов ужасов начинаются именно так — группа людей в полном одиночестве поперлась туда, где никто не услышит, как они вопят?

Или — что он все же уломал меня разделить с ним косячок, лежа под открытым небом прямо на покрывале, после чего каким-то непостижимым образом я пришла к мысли, что мы слишком далеко от моря, а для меня это смертельно опасно... потому что... о Боже, я русалочка. Представьте себе, морская принцесса. Я села, принялась ощупывать свои ноги, разглядывать их, и, с одной стороны, как бы понимаю, что ничего не изменилось, но с другой — четко осознаю, что вместо ног у меня хвост. Огромный, зеленый, как у Ариэль. Плотно стискиваю ноги и плачу от того, что я чертова Ариэль и именно по этой причине никогда не смогу быть с находящимся на расстоянии руки принцем. Я отдала так много, чтобы быть с ним, но ничего не получилось, время истекло. Не успела влюбить его в себя как следует. А это

значит, что очень скоро я умру.

Он все-таки женился на ведьме-обманщице, а я опять полурыба-получеловек. Никогда мы не сможем любить друг друга физически, ведь... раз нет ног, нет и того, что между ними.

Мне одновременно смешно и грустно от нелепости и несправедливости происходящего. Надо же было такой беде приключиться! Кому нужна женщина без вагины? Горе-горюшко.

Удивления, впрочем, не испытываю, ведь догадывалась — разрыв с Егором всегда был вопросом времени. Судьба не щадит ни сильных, ни слабых. Знала, на что шла, лишь бы хоть немного побыть с ним, почувствовать себя принадлежащей одному ему.

Боже, оно того стоило. Я лежу рядом со своим не то принцем, не то демоном и смеюсь от того, что наша поучительная сказка закончилась. Ну почему? Почему любовь не всесильна? Диснеевский вариант истории мне нравился определенно больше!

Ему ведь, когда я умру, тоже будет плохо со злодейкой-ведьмой. Кто ему расскажет, что лучше него попросту нет и что я запросто изломала всю себя, отказалась от своей истинной сущности морской владычицы ради того, чтобы сделать его хоть чуточку счастливее?

Егор спрашивает, что случилось, я торопливо объясняю: у меня вместо ног, блин, самый настоящий двухметровый хвост в чешуе, — и вытираю слезы, которые катятся сквозь смех. «Вот это тебя вставило, — округляет он глаза. — Не ожидал, крошка. Тоже хочу. А впрочем, ладно».

Егор широко улыбается и заявляет, что вспомнил старинный способ, как сделать так, чтобы я точно почувствовала, где у меня находится то место, что между ног. А заодно и сами ноги отыщем. Он забирается на меня, целует мою шею, его руки ласкают мое тело, опускаются к бедрам. Он массирует мои ноги и резко раздвигает их. «О, смотри-ка, я сделал тебя женщиной», — смеется над двусмысленностью фразы.

— Да уж лучше бы ты, — отвечаю, разделяя его веселье и наконец приходя в себя. Даю себе слово, что больше ни одной затяжки в жизни. Надо ж такому привидеться.

Его губы покрывают поцелуями внутреннюю сторону моих бедер. Сам Озерский при этом серьезный такой, делом важным занят. Два взрослых человека обкурились и с важными лицами переписывают «Ариэль» на свой лад. Обнимать его так сладко, как и кататься по траве, не отпуская. Выдыхать дым изо рта, поглядывая, как в полуметре от меня он делает то же самое. Чувствовать свою ладонь в его руке. И просто знать, что он жив, здоров, что он не принц из сказки, а вполне реальный мужчина. А они могут больше принцев. Поучительной моралью их запястья не связаны.

Расскажешь тут маме.

— А давай мы тебе ремонт на кухне сделаем? — внезапно перевожу тему. — Мне кажется, давно пора, а денег у меня сейчас много, поехали завтра после работы куда-нибудь в мебельный, выберем гарнитур? И в строительный заскочим, нужны обои. И плитка. Надрывать не будем: ты работаешь, я работаю — поэтому найдем специалистов.

У мамы такая крошечная трешка, что не развернуться, небольшая перепланировка не помешает точно. Переезд планировать бессмысленно, мама выросла в этих стенах, все ее подруги живут поблизости, больница, парикмахерская, магазины — все под рукой. Я тоже

здесь выросла, и тоже не хотела бы продавать эту квартиру, несмотря на то, что в ней случилось много как хорошего, так и грустного. Но ведь печальные воспоминания тоже нужны, они делают нас способными к состраданию и эмпатии. Неправильно забывать прошлое, несправедливо безжалостно вычеркивать его, опасно игнорировать. Не уверена, что человек, ни разу не страдавший, сможет по достоинству оценить такое счастье, как взаимная любовь. А я действительно счастлива сейчас, ни о чем не жалею и отчего-то верю, что удача встанет на мою сторону. Отказываюсь думать, что эти выходные ничего не значат и что я терплю боль лишь ради новой порции боли. В будущем меня ждет обязательно много хорошего.

* * *

Вот так, бывает, приедешь чуть позже, чем обычно, и ни одного свободного парковочного места во дворе. Лето подходит к концу, вместе с горячими периодами отпусков, жизнь входит в привычную колею: работа-дом, кто успел захватить vip-места напротив подъездов, тот — молодец. Сегодня моя соседка, которая не умеет парковаться — молодец, а я — не очень, оттого наворачиваю три круга вокруг своего дома, выискивая более-менее приемлемое для дядиной здоровенной тачки местечко. Хоть Алекс неплохо натаскал меня, рисковать пока не хочется, и я ищу несколько пустых квадратных метров, на которых уж точно никому не помешаю.

Рабочий день прошел неплохо, затем — еще лучше — поездка к маме на чай, а впереди ждет шумная вечеринка с подругами. Очень шумная вечеринка в битком набитом гостями ночном клубе, куда уж точно не пойдет беременная Ксюша, оттого беспокоиться не о чем. Ведь меньше всего на свете — после того, что произошло в выходные — мне хочется смотреть в глаза его жены. Я планирую не видеть ее целый месяц, вплоть до родов и какого-то решения со стороны Егора. Так всем будет легче.

Богатый на события понедельник принял эстафету у выходных, не желая давать передышку. Жизнь по всем параметрам налаживается. Мои друзья снова только со мной, мой мужчина ведет себя безупречно, изучает информацию по каналу «БК», размышляя, стоит ли отправлять им резюме, а также доделывает объемный синопсис по своей книге, который будет переводить на английский его сестра — Регина. В выходные он тоже занимался им, пока я загорала на пляже. Егор вовсю «стелет солому». Я чувствую себя тоже позади него, готовой обнять и поддержать, если пошатнется. Это не страшно. Когда веришь в человека, таких мелочей, как «плохое время», не боишься.

Наскоро навожу порядок в квартире, из одежды выбираю белый топ с открытой спиной и черные брюки, не успеваю сделать что-то особенное с волосами, поэтому оставляю высокий хвост. Даю себе слово, что еду ненадолго, потому что завтра рано вставать, но несколько часов отдыха в кругу друзей и бокал вина — лишними не кажутся. Слишком редко мы видимся в последнее время, чтобы пренебрегать подобным сабантуями.

Отвлечься будет полезно, я все еще не пришла в себя после превращения в Ариэль, а затем — более чем откровенных ласк Егора следующим утром. Не думать об этом. Не должна об этом думать. И уж точно не должна так счастливо улыбаться и краснеть, вспоминая наши запретные шалости. Будущее. С каждым днем оно манит все настойчивее. И видится четче. Что значит месяц в сравнении с целой жизнью? А вдруг он захочет... со мной... навсегда?

Нет, не время мечтать. Рано. Но когда чуток себе позволишь такого запретного постыдного дела, как планирование совместной жизни с пока еще не влюбленным в тебя мужчиной, сразу становится легче. Жить легче, бороться и справляться.

В Сашином «Опеле» минут двадцать мы болтаем взахлеб, делимся новостями. Приходится упомянуть, что со своим молодым человеком мы чертовски классно провели время; Полина, как без пяти минут официальная жена, радуется, кажется, больше меня. Ей кажется, что раз она выходит замуж, то и всем нужно поскорее связать себя узами брака. А потом Саша пропускает поворот на нужную улицу. Ладно, возможно, она, послушав совет навигатора, едет в обход, но почему-то кажется, что я услышала первый паникерский звоночек. Пропускаю его. Второй поворот мимо — и второй звоночек громче. Когда я, наконец, спрашиваю, не заблудилась ли подруга, получаю в ответ этим самым трезвонящим колоколом по башке да со всего маха. Я болтаюсь на его язычке, пока кто-то безжалостно трезвонит. Этот грохот в моей голове. Рука шарит в сумке в поисках обезболивающего, а я мысленно ищу способ избежать надвигающейся катастрофы.

— Я же тебе говорила, что мы перенесли вечеринку к Ксюше. Она уже не состоянии ходить по барам, но очень хотела поучаствовать в девичнике. И-и-и-и обещала позаботиться о «баре» для тех, кто в состоянии, — смеется Василиса.

— Не помню такого, — пытаюсь сделать свой голос ровным.

— Что-то не так, Веро? Ты в лице изменилась.

— Я думала, мы пойдем в бар. Приготовилась строить глазки какому-нибудь... — говорю в свое оправдание. — Я на макияж почти час убила.

— Да? Точно дело только в этом? Такое чувство, что ты не хочешь ехать именно к Ксюше. Это из-за Егора? — и тишина после этих страшных слов. — Он тебе все еще нравится?

— Что?! Какого Егора? Ее мужа, что ли? Нет! Да он-то тут при чем, я бы надела что-то поудобнее просто, раз планируется пижамная вечеринка, — говорю я, чувствуя, как начинают пылать щеки. Благо, в машине темно, и мое смущение не бросается в глаза. Такой подставы я не ожидала.

— Понятно. Неловко получилось, что ты видела его в окне, но... мы решили, что тебе надо себя пересилить. Не можем же мы поехать без тебя снова, это было бы нечестно.

— Это точно.

Нужно бежать. Но как? Какой предлог выбрать? Выйти из машины на половине пути — после того, как объявила, что с нетерпением ждала встречи?

— У тебя голова болит? — спрашивает Саша. — Уточняю потому, что у меня тоже. Сегодня какие-то магнитные бури или что-то в этом роде, — Саша кидает мне спасательный круг, который с благодарностью принимаю.

— Да, плюс женские дни: и живот, и голова. Все у меня болит, — закусываю губу. И сердце особенно, но об этом молчок.

— Ксюша переделала детскую, хочет показать нам.

— У нее потрясающий вкус.

Да уж не сомневаюсь.

Я не должна бывать в гостях у Ксюши. Это противоестественно. И... более того, это превращает

меня в чудовище. Пожалуйста, Боже, не заставляй меня проходить через все это. Не заставляй нас всех проходить через это. Но подруги не дают и шанса на побег, они уверены, что пикантные подробности забудутся, и мы будем дружить как раньше, только еще и с Ксюхой. Я чувствую себя виноватой, поэтому любая отмазка начинает выглядеть притянутой за уши.

На воре и шапка горит. Ох, как точно сказано. Пылает синим пламенем.

Когда мы поднимаемся в лифте, я едва не плачу. Пытаюсь отыскать внутри себя какой-нибудь резервный источник сил и черпануть из него хоть немножко. Я вспоминаю Егора в первое время нашего знакомства и стараюсь разозлиться на нее за то, что сделала с ним. Как ни странно — начинает получаться, через несколько секунд я медленно глубоко дышу и чувствую себя увереннее.

Наш дружный женский отряд перед входной дверью, а я практически спокойна, только сердце колотится как бешеное. Если бы я знала, что Ксюша тоже будет на вечеринке, я бы ни за что не поехала.

Ничего, побуду немного, возьму такси и уеду. Я ведь в любом случае не планировала задерживаться.

Когда щелкает замок, я понимаю, что с радостью готова преподнести ей своих подруг на блюдечке, лишь бы нашелся хотя бы один разумный предлог убежать отсюда, спрятаться в одиночестве своей квартирке. Совесть гудит в висках, она кричит о том, что я последняя дрянь. Муж этой женщины чуть больше суток назад кончал мне в рот, а я иду к ней домой, источать этим самым ртом комплименты ее новым шторам.

Я ненавижу себя. И Егора — за то, что заставляет меня проходить через это.

Ужасная у нас сказка, Андерсен бы никогда не написал ничего подобного.

Ненавижу так сильно, что мне уже все равно, кто что подумает и какие сделает выводы, вынести это невозможно.

Какая из меня Ариэль, я злая, страшная ведьма.

Пошатнувшись на месте, я бормочу, что из-за месячных у меня сильный спазм в животе — сгибаюсь пополам для верности — нужно скорее снять его, я до аптеки на одну секунду...

— Что? — переспрашивают девочки, не расслышав. Дверь открывается, а на пороге Егор. Озерский собственной персоной.

О черт. Все еще хуже, чем я могла представить.

Из глубины квартиры доносится звонкий голос Ксюши:

— Это они?

За спиной у Егора незнакомая мне девушка приветливо машет и улыбается.

Вероника

— Ага, собутыльницы твои пожаловали, — весело говорит Озерский, а у меня комок в горле и сердце ноет Мой Математик снова на расстоянии вытянутой руки, вот только находимся мы за пределами магии двух балконов и заброшенного санатория.

Однажды это должно было случиться.

Но подготовиться я не успела. Да и можно ли вообще почувствовать себя готовой к тому, чтобы твоего мужчину на твоих глазах обнимала другая женщина?

Понимала ведь все. Экзамен могла сдать по своей жалкой роли — правам и обязанностям — на пять с плюсом. Но вот она — реальность, а я растеряна, способна лишь испуганно озираться по сторонам.

Здесь по-другому пахнет. Знаете, у каждого дома есть собственный запах, где-то — едва уловимый, иной раз — довольно узнаваемый, в этой квартире пахнет приятно — чистотой, какими-то духами и едва заметно — выпечкой, но меня подташнивает, потому что кажется, я чувствовала нотки этого жилища раньше, и они ассоциируются с Егором.

Нужно уходить немедленно, но я не могу отказать себе в том, чтобы увидеть Математика в новых для меня декорациях. Слишком поздно прятаться.

Озерский отступает, давая возможность зайти. Девочки смеются, спорят, что никакие они не собутыльницы, а очень даже скромные и тихие, их голоса заполняют все пространство, словно нас не четверо, а с полсотни.

А потом его взгляд падает на меня.

Его глаза округляются, лишь на долю секунды лицо выдает эмоции. Не ожидал. Боже, он не знал, что я тоже поеду. Подружки — и подружки, уверена, он не уточнял, какие именно, а у Ксюши их миллион. Егор склоняет голову чуть набок, словно недоумевает, зачем я приперлась. Его скулы напряжены, губы сжимаются. Он пытается просчитать мотивы.

И отчего-то мне кажется, что приходит в бешенство.

К такому я оказалась не готова абсолютно.

Я ведь... не знала! Клянусь, не специально подставила его.

В следующую секунду Егор раздает несколько стандартных комплиментов, просит в этот раз не спускать его бар в унитаз и вообще вести себя прилично.

— Это Леся, знакомьтесь. Невеста Санни, то есть Коли — Ксюшиного брата. Леся глупости не совершает, будьте во всем как Леся, — представляет он девушку, подходя к ней ближе и положив руки на ее плечи. По-братски встряхивает, отчего она айкает и отпихивает его — заметно, что знают они друг друга сто лет. Затем он поворачивается и уходит на кухню.

Так, перед нами та самая невеста, которой Санни случайно изменил. Милая и приятная девушка, среднего роста, волосы чуть ниже плеч темно-русые. Первое впечатление — простая и добрая и действительно совсем не похожа на ту, что творит черное, не думая о последствиях. Буду стараться вести себя как она, раз дали указание.

— Я думала, у нас девичник, — шепчет Саша Лесе, кивая в сторону кухни.

— Не переживайте, он скоро уйдет, — быстро отвечает та. — У него много работы, а печатать он предпочитает в одиночестве. Гости сбивают гения с мысли, — беззлобно закатывает глаза и приветливо улыбается.

Ксюша выбегает нас встречать. Обнимает каждую по очереди, меня в том числе, чмокает в щеки. Она в желтом расклешенном от груди платье, без макияжа, с распущенными по плечам пышными волосами. Моя боевая раскраска перед естественной красотой женщины в положении терпит грандиозное фиаско.

Я бы тоже не отказалась быть такой: замужней и в положении. Мы следуем за Ксюшей по коридору, пока она красочно хвастается наградой мужа, даже записала видео с фестиваля на приставку к телевизору и обещает показать.

И я прихожу к выводу, что хозяйка квартиры меня бесит с первой секунды. Радуюсь, что трезвая, иначе бы точно не сдержалась, и в ответ на ее щебетания высказала бы все, что думаю на самом деле.

Это не твоя награда, Ксюша. никоим образом она тебе не принадлежит!

Конечно, гордиться им легко, любоваться им, когда он стоит рядом — здоровый, уверенный в себе и успешный — одно удовольствие! Где ты была, когда он месяцами бухал и обкуривался, храня твой секрет, пытаясь смириться с тем, что любовь всей жизни вытерла об него ноги? Где ты была, когда он доверил свою беду мне, постороннему человеку, понятия не имея, как выбраться из кошмара, в который ты его окунула? Он безумно тебя любил, возможно, как никогда никого не полюбит. Он бы сделал для тебя все что угодно. А ты берегла себя от стрессов, от скуки снова и снова перекрашивая стены и потолки, радуясь, что он не может отказать тебе даже после того, как ты предпочла ему другого, обрушив его самооценку до нуля, не задумываясь, как много для творческого человека значит уважение. Знала ведь, какую власть над ним имеешь. А теперь гордишься его достижениями? Да он на несколько месяцев даже озвучку сериалов заморозил, я почитала историю сообщений на форуме.

Просто пропал отовсюду. А ты чем занималась в это время? Неужели... просто не заметила, что твой мужчина едва не спятил?

Он никогда не говорит о ней плохо. О поступке — да, о ней — нет. И, с одной стороны, это делает ему честь, но с другой... как же хочется знать, что она раздражает его так же сильно, как и меня.

— Ксюш, ну все, я, наверное, поехал. Не буду вам мешать, — говорит Егор, оглядывая кухню. Как я поняла из взглядов и коротких реплик, он помогал доделывать ремонт, и перед самым нашим приходом — вешал шторы.

— Да оставайся, Егор, — говорит Саша. — Что было, то прошло. Для нас главное, что Ксюша с тобой счастлива. Мир? — весело подмигивает ему и протягивает руку. Он закатывает глаза, и все смеются. На рукопожатие отвечает, затем рывком притягивает девушку к себе и обнимает, потрепав по макушке.

— Эй! — возмущается Саша.

— Та блондинка — моя коллега по работе, все было совсем не так, как показалось со стороны, — озвучивает стандартную отмазку, и все понимают, насколько она убога, но вместе с тем в данный момент — уместна. В браке при измене нужно врать до последнего, тогда у того, кому изменили, появляется надежда, за которую можно ухватиться. Если тебя застучали прям

в постели — притворяйся, что спишь пьяным, мертвым сном. Тебя опоили. Обманули. Подставили. Ври до истощного скандала, до хрипоты и до последней капли крови. Если выдержишь поединок с собственной совестью — тебя простят. Если хотят, разумеется. Ксюша простила, а значит, мы, ее подруги, обязаны тоже.

Ксюша не знает, что Егор снимает квартиру для развлечений напротив моей, или же делает вид, что не знает.

— И как зовут твою модельной внешности коллегу по работе? — спрашивает Василиса, подкалывая его.

— Людмила Афанасьевна, — отвечает, не задумываясь. Вот негодяй.

— Лжешь, — отрезаю я, отчего-то решив вмешаться. — Слишком быстро ответил, — проходя мимо, стучаю по воздуху у его виска пальцем и улыбаюсь. Плюхаюсь на стульчик у стола. — На будущее — нужно было потратить хоть пару секунд на то, чтобы якобы вспомнить, — подмигиваю ему, краснея. Он усмехается:

— Забудешь тут, до сих пор каждый день эту тему обсуждаем, — моментально выкручивается, глядя на меня. Хмурится. Мне кажется, что наши взгляды слишком очевидны, еще капелька — и нас раскроют. На секунду раньше, чем станет слишком поздно, Егор отводит глаза, обрубая зрительный контакт, отчего мне становится неудобно и тоскливо. Мое нахождение здесь определенно точно его нервирует. Он не знает, чего ожидать от меня.

Что, устроить тебе скандал, мой Мистер? Практически хочется это сделать.

— Девочки, это и правда девица с работы, я видела ее в офисе несколько раз, — неожиданно заступает за Егора Ксюша. — Более того, она — лесбиянка. Родной, откроешь нам вино? - просит, доставая из холодильника первую бутылку.

Практически сразу, как мы появляемся, Егор пытается свалить, но отпускать его не очень-то собираются: находятся различные предлоги, темы для разговоров. Ксюша выглядит довольной жизнью. Позитивная фея, которая никак не отлепится от своего любимого муженька. То приобнимет его со спины, то поцелует в щеку, то погладит по руке. Позабыв о конспирации, я зорко слежу за его реакцией, но не нахожу ничего, к чему можно было придраться, будучи на моем месте. Да, он ее не отпихивает и не грубит ей, но это было бы действительно странно и некрасиво с его стороны. Если он и касается ее, то исключительно такими жестами, которые мог бы позволить в отношении, например, кого-нибудь из нас. С заботой, но ни грамма лишнего.

И тем не менее, этого более чем достаточно, чтобы вновь почувствовать себя ходячей по ножам русалочкой. Я ревную его к прошлому и к иллюзорному настоящему. Ревную к этой кухне, на которой он знает, где что лежит. К шторам, которые он только что вешал. К каждой вещи, что не принадлежит мне.

Каждый раз, когда она к нему обращается, меня словно током прошибает, волосы на теле встают дыбом. И в какой-то момент начинает казаться, что она обо всем догадалась и решила испытать нас. В груди больно. Весь вечер тупая ноющая боль в районе сердца. Но уйти при этом нет никакой возможности, потому что понимаю — я должна их увидеть своими глазами. Понаблюдать, сделать выводы.

— Егор, а ты знаком с актерами сериалов, над которыми работаешь? — спрашивает Василиса

будничным тоном, а сама пальцы сцепила и под стол спрятала.

— А как же, — отвечает он, разливая в очередной раз вино по бокалам. Ксюше — яблочный сок.

— А тебя с кем нужно познакомить? — спрашивает напрямую, глядя ей в глаза, от прямоты Василиса теряется, начинает заикаться. Мы улыбаемся. — Дай угадаю. Ласточкин? — кривится.

— Нет, с чего ты взял! Просто интересуюсь. Что, спросить нельзя? А... можешь? — с надеждой, густо покраснев при этом. Теперь мы смеемся в голос, вспоминая ее старое увлечение. Василиса возмущенно смотрит на Ксюшу, которая тут же начинает оправдываться:

— Я ему ничего не говорила!

— Да конечно! — раздражается Василиса. — Ты вообще не умеешь держать язык за зубами!

— Я помочь тебе хотела, вот и все!

— Могу, но не советую, — прерывает их Егор.

Все смотрят на него в ожидании продолжения, он усмехается:

— Его постоянные депрессии задолбали всю команду, — качает головой, а затем обещает в следующий раз рассказать пару забавных случаев, жаль, сегодня ему пора бежать.

Девочки расстраиваются, потому что не терпится узнать, какой именно информацией он может поделиться. Начинают умолять остаться еще немного.

Мучительные двадцать минут позади, а по ощущениям — часов десять. Егор так и не садится за стол, стоит, облокотившись о столешницу.

Одет он в джинсы и рубашку, я стараюсь не пялиться на его руки и губы. На него всего. Мы расстались вчера вечером, и я жутко соскучилась по его объятиям. В мою сторону он практически не смотрит. Абсолютное равнодушие. Судя по всему, конспирация этому парню дается без каких-либо проблем. Чертовски он хороший актер, как и все мужики-мудаки, впрочем, бери любого в киноиндустрию. Если нужно откреститься от любовницы, каждый претендует на Оскар.

— Ксюш, у тебя нет но-шпы? — спрашивает Саша. — У Вероники живот болит. У нее даже лицо сероватое, погляди только.

Теперь все внимательно смотрят на меня — потрясающе.

— Сходить купить? — хватается за предлог удрать Егор.

— Да нет, я сама, — подрываюсь с места. Еще чего, это мой способ выбраться! Без боя уступить его не собираюсь!

— У меня все есть, одну минуту, — хлопочет Ксюша. — У меня всегда все есть, не сомневайтесь даже. Сейчас принесу. Куда же я переложила аптечку...

Сославшись на плохое самочувствие, я мрачно сижу в уголочке, наблюдая за тем, как Ксюша строит из себя идеальную жену, и гадаю, кто в нашей троице самый главный идиот?

Ревность вновь проложила дорожку в ад, и я бегу по ней вприпрыжку, как с горы вниз, зная, что, скорее всего, споткнусь у подножия. И шею сломаю. Пытаюсь, но не могу остановиться. Пью. Много.

«Ты мой единственный настоящий друг», — в голове звучат его слова. Я помню его дрожащие руки, когда он вливал в себя виски в первый вечер нашего знакомства. Я помню, как он отходил после какой-то дряни всю ночь в моих объятиях.

С ее легкой руки.

Чувствую, что начинаю злиться. Алкоголь лихорадит, делая мысли в голове шальными.

Смотрю на них и догораю. Любовь должна нести собой счастье. Что не так с нашей? Возможно, моя задача — помочь ему пережить трудный период, не больше.

Он ее не целует, первый не обнимает, но я и так задыхаюсь. К концу вечера от меня на стульчике останется горстка золы. Чем счастливее он делал меня в эти выходные, тем больше ранит сейчас, просто касаясь этой женщины, позволяя ей касаться себя.

Я займу место Математика в аду, когда он вырвется оттуда обратно... к ней. Кто-то же должен. Ад не будет пустовать. Не тогда, когда дело касается любовного треугольника.

Я слабая, слишком сильно люблю его, чтобы покинуть чистилище первой.

Вечер кажется бесконечно долгим, а прошло каких-то минут сорок, прежде чем Егор все же уходит, пожелав нам хорошего вечера.

— Вероника, тебе точно стало лучше, может, подвезти домой? — спрашивает он нейтральным тоном на полпути в коридор, смотрит на меня внимательно. Тысячу баллов за выдержку. Я практически ненавижу его за то, что он так спокоен, тогда как я извелась вся.

— Нет, Веро еще не пробовала закуски, которые я приготовила, — обрубает Ксюша. Без нажима, но таким тоном, что всем становится очевидно — девица против того, чтобы ее муж катал на машине подружек. Категорически. Что ж, ее можно понять.

— Поедем через часок на такси вместе, хорошо? — спрашивает Полина, наклонившись ко мне. Киваю.

Настаивать неудобно, я заявляю, что побуду еще немного, кажется, таблетка начинает действовать. Егор пожимает плечами и уходит, Ксюша на несколько минут исчезает — проводить его, они о чем-то шепчутся, после чего мы слышим хлопок входной двери.

На несколько секунд наступает пауза, кажется, подонка Озерского будто не хватает — все же, стоит отдать должное, скучно с ним не бывает, хотя он вел себя более чем сдержанно.

Некоторое время болтаем на общие темы, смотрим обновленную детскую, которая выглядит до слез прекрасно. Ксюша станет отличной мамой, уже сейчас она обустроила каждый сантиметр квартиры, сделав ее безопасной и практичной. Всюду пеленальные столики, гамаки; колыбелька так и вовсе, как из сказки. Невозможно не растрогаться и не прийти в восторг от увиденного.

Примерно через час я снова пытаюсь унести ноги, но Полина просит подождать минуточку, так как разговор пошел на личные темы, а именно — на тему секса. Куда уж без него.

Щекотливо, интересно — кто не любит посекретничать. О нем, родимом, поговорить интересно абсолютно всем, это вам не экология да не нехватка питьевой воды в Африке. Даже скромницы-монашки навострят уши, уж поверьте.

Полина рассказывает о своем женихе несколько пикантных подробностей, после чего Ксюша забирает инициативу разговора:

— Это ладно, многие мужики оправдываются, лишь бы не стараться. Но иногда бывают реальные проблемы... По секрету: знаете, какая отмазка для быстрого секса у моего брата? Леся, ты не против?

— Конечно, против! — шикает на нее Леся. — Ксюша, ты совсем, что ли, — потрясенно шепчет она.

— А что такого? Это же физиология, он не виноват.

— Ну и что, не надо все равно. Неудобно же, — некоторое время девушки препираются, в конце концов Ксюша соглашается молчать, а Леся говорит: — Ксюша, ты не в себе, раз решила обсудить Санни сейчас, — мягко, но строго. Мы пытаемся возмущаться, потому что заинтригованы ужасно, но Леся наотрез отказывается выдавать секреты любимого. Нет так нет, сидящие за столом уже начали забывать о животрепещущей теме, но тут Леся отправляется на несколько минут в ванную комнату, а Ксюша без предупреждения шепчет:

— У него аллергия на женские оргазмы, представьте, — и показывает нам «тс-с-с».

— Как такое может быть? — поражаемся мы так же шепотом.

— Ну, не прям на оргазмы, а на... на то, что выделяется при возбуждении у женщин.

— Смазка, что ли?

— Ага. Так что если его девушке никак — Санни в порядке. Но если увидите, что у Кольки лицо пятнами, он чешет руки и шею, глаза покраснели — знайте, где-то поблизости находится счастливая Леся, — смеется Ксюша. Она выглядит такой забавной, ведет себя просто и домашнему, что обижаться на нее ну никак не получается.

— Офигеть! Не знала, что такое бывает!

— Ага, я тоже. Мы с Егором постоянно их подкалываем по этому поводу, Санни психует, но привык уже.

— Зато уж точно не симитируешь.

— Да уж. Тихо, она идет.

— О чем говорите? — возвращается к нам ничего не подозревающая Леся.

— Рассказываю, какие упражнения мне посоветовал доктор, чтобы скорее родить.

— У тебя гинеколог — извращенец, по его мнению, любую женскую болячку можно вылечить сексом, — отмахивается невестка. — Никогда больше к нему не пойду, — округляет глаза и содрогается.

— И зря, во многом он прав, между прочим. А еще от акта любви получаются малыши, — она поглаживает себя по животу. — Так что не нужно стесняться этой темы. Дети — это огромное счастье. Вам с Санни тоже пора задуматься.

Мы с девочками осторожно переглядываемся, бросая взгляды на Лесю. Надо же, она выходит замуж за человека, с которым секс — проблема. Либо твоё удовольствие, либо его здоровье. Наверное, она его очень любит. Мне хочется познакомиться с Санни, посмотреть на лучшего друга Егора и на мужчину, который стоит того, чтобы ограничивать себя в этом интимном деле.

А потом мы снова возвращаемся к главному вопросу вечера, когда рядом Ксюша: как скоро ей рожать?

Я делаю большой глоток вина. Дожили, в последнее время меня мало что волнует больше.

— Ох, девочки, не хочу жаловаться при Егоре, но я уже едва живая. На работу езжу не каждый день, за рулем не помещаюсь. Егор появился на свет месяцем раньше, молюсь, чтобы мальчик последовал его примеру. Врач посоветовал регулярно заниматься сексом и ходить по лестницам, но пока что-то ни первый, ни второй способы не помогают.

Я чуть вином не давлюсь, услышав ее слова. Поднимаю глаза и ошалело переспрашиваю:

— Сексом?

— Ну да. Или ты думаешь, такую корову хотеть невозможно? — Ксюша разводит руками.

— Нет, я не к тому, просто... Ты чудесно выглядишь, какая еще корова.

— Пятнадцать уже набрала. Не знаю, что там Егор себе думает, но справляется, — она смеется, — очень хорошо. Каждый день не отхожу от него, пока не получу от него, что хочу. У него выхода нет. Но мне кажется, ему даже нравится. С фестиваля вернулся — сразу домой. Соскучился та-а-ак, — она улыбнулась и порозовела. — Как же жарко! Вам точно нормально? Может, убавим сплит? Мне постоянно то жарко, то душно. Когда уже это закончится, — она хнычет. — Последние недели что-то совсем тяжелые. Спина болит, ноги болят. Спать тяжело.

— Вероника, ты в порядке? Ты чего побледнела? — спрашивает меня Леся. — Снова спазм?

— Не обращайтесь внимания, — салютую своим бокалом. — Я сегодня сама не своя.

Просто нет слов. Вообще ни единого.

— Девочки, может, рано еще рассказывать, но не могу удержаться. На свадьбе я пить не буду, потому что... кажется, у меня тоже задержка! — спасает меня Полина, после чего все кидаются ее обнимать и поздравлять. И дальше говорим только о ней, спасибо Господи.

Домой я приползаю, едва перебирая ногами. По мне проехался грузовик. Дважды. Или поезд. Или поезд, груженный грузовиками. Я не думаю о работе, о завтрашнем дне. Я мечтаю утонуть в синем море.

Не может она врать с такими искренними глазами. Не могут беременные девушки быть такими суками. А это означает только одно. Боже.

Не знаю, кому и чему верить. Похоже, в нашем любовном треугольнике главный идиот — это

все же я. Руки дрожат. Она говорила уверенно... будто это само собой. Не вижу ни единой причины, кроме глупой девчачьей наивности, почему я не должна ей верить.

Наверное, мне полезно было испытать все это, чтобы осознать, куда вляпалась. За все надо платить. Каждый украденный у судьбы миг счастья в один момент становится таким тяжелым, что ухнет вниз, утащив за собой на дно.

Ксюша все же в очередной раз убавила сплит, отчего я продрогла до костей на ее чертовой новенькой кухне. Несколько минут отогреваюсь под обжигающе горячим душем, а затем, разозлившись на себя, меняю положение крана, сделав поток воды ледяным. Я вскрикиваю от шока и боли, когда вода обжигает разгоряченную кожу. Приседаю, обнимая себя руками. Кусаю губы. Я хочу сделать себе больно, наказать себя за все, что сделала. Мне нужно искупление.

Когда я, наконец, выбираюсь из душа — покрасневшая и почему-то пятнами, слышу нетерпеливые звонки одновременно в дверь и на мобильный. Его номер на дисплее, он сам на лестничной площадке. Зачем? Стоит, смотрит прямо на меня, будто видит через глазок. На сотовом десять пропущенных. Настроен решительно, и что-то мне подсказывает, что явился ругаться. Мириться так усердно не рвутся. Наспех одеваюсь и открываю:

— Зачем ты пришел? — спрашиваю настороженно, потому что догадываюсь о цели визита. Он злится, что я приперлась к нему домой и говорила с его женой. Дядя Паша однажды сильно поругался с мамой, когда узнал, что она ходила беседовать с его законной супругой. Женщины пытались найти выход по-хорошему, потому что по-плохому годами не получалось. Это не лучший мамин поступок, но маму осуждать я не имею права. Зато себя — сколько угодно.

Он пришел сказать, что меня стало слишком много в его жизни. Что я переступила черту. Хватаюсь за косяк, пошатнувшись.

Жадно его рассматриваю, словно в последний раз вижу. Самый короткий роман в моей жизни. Самый болезненный и уж точно самый яркий. Люблю ведь, дурака. Безумно его люблю.

— Зайти можно? — спрашивает, глядя на меня. Выглядит бесстрастным.

— Поздно ведь, — я отступаю на шаг, пропуская его в квартиру. — Извини, чай-кофе не предлагаю, хочу поскорее лечь спать.

— Надо обсудить сегодняшний вечер, — он прикрывает за собой дверь, поворачивает замок, закрываясь.

— Давай обсудим, что ж теперь. Но я хочу, чтобы ты знал, я не планировала проводить его именно так. Ничего из случившегося не планировала.

— Ты очень красивая сегодня была, — говорит. Тянется и обхватывает ладонью мою шею, но не душит, а вместо этого большим пальцем проводит по губам, подбородку. Я выпрямляю спину, терять-то уже нечего, руки по швам, жду, что будет дальше. На секунду прикрываю глаза от той нежности, которую он вкладывает в движение. Пытаюсь распознать, пахнет ли от него Ксюшиным домом, но чувствую лишь табачные нотки и привычную туалетную воду.

— Прости меня, — говорит он. — Прости меня за этот вечер.

О Господи. Он пришел не ругаться.

От облегчения колени становятся мягкими. Едва не падаю от усталости. Ссориться нет сил, как и выяснять, фигачит ли он на два фронта. Мне так плохо... грустно и одиноко. Уголки моих губ опускаются, выдавая обиду, он делает шаг и обнимает меня, а я прижимаюсь.

— Она сказала, что вы постоянно спите вместе. Ей врач посоветовал для здоровья не ограничивать себя.

— Ну, может с кем-то она себя и не ограничивает, но уж явно не со мной, — с юмором в голосе.

Я громко всхлипываю, когда по телу пробегает волна облегчения. И, спорю, он на это улыбается.

— Она сказала, что после фестиваля ты сразу поехал к ней, потому что соскучился.

— Да, на семейный обед. Ты же знаешь, мы это практикуем. Но потом... хочешь секрет? Я закрылся в ванной и трахал кулак, представляя тебя и твои черные трусики, в которых ты была утром в воскресенье. Кстати, какие на тебе сегодня, покажешь? — он пытается нащупать через шорты контуры белья, оттягивает резинку и заглядывает под них на мою голую задницу — спешила ведь, что первое в руки попало, то и напялила. Из моего рта вырывается смешок, когда он выдыхает: «потрясающе, такое воспоминание тож лишним не будет».

— Да ну тебя. Боже, как же отвратительно д*очить на меня, находясь в ванной жены.

Он целует меня в лоб.

— Ага, все три раза. Так отвратительно, что остановиться невозможно. Только о тебе и думаю эти дни, никак не могу успокоиться.

— Не смешно, Егор.

— Да знаю, — голос становится серьезным. — Ужасная ситуация, малышка. Прости меня за нее.

— Но она сказала, что вы занимались сексом, — упорно повторяю, как попугай.

— Не друг с другом.

— Интересно, про кого она тогда рассказывала? — спрашиваю у него. Может, выяснил?

— Да пофигу, — он подхватывает меня на руки и несет в комнату, опускается на диван и сладко целует в губы. — Такты меня простишь? Я это слово произнес уже пятнадцать раз.

— Три только. За что именно тебя простить, Егор? Так много обид накопилось, я путаюсь в приоритетах.

— Что из-за меня тебе приходится врать. Сомневаться, — он чеканит слова, я понимаю, что его настроение меняется. Вот теперь он действительно злится, но не на меня. А на себя и ситуацию, в которую нас всех поставил. — Пожалуйста, потерпи еще. Бросить и разрушить наши отношения — легко. На данном этапе — все еще легко. Я не знаю, стою ли я того, более чем уверен, что не слишком, но если ты можешь допустить, что да, — пожалуйста, прости меня. Когда я согласился покрывать Ксюшу, я не догадывался, что у меня появишься ты. Что страдать будешь именно ты. Я просто... с детства привык за нее заступаться, и продолжаю это делать по инерции. Мы росли вместе, поводов было до **пы. А сегодня я смотрел на тебя и

осознавал, что в защите ты нуждаешься ничуть не меньше. Если не больше. Вероника, зря ты себя накрутила. История твоих родителей — не наша история. У нас все по-другому.

— А как у нас?

— Узнаем, если продержимся еще немного.

— Думаешь, кто-то догадался? Я совсем не могу скрываться... Прости. Я старалась тебя не подставить.

— Ты не подставила. Мне жаль, что тебе было плохо, наверное, это знак, чтобы ты держалась от меня подальше. Знакам надо верить, — а сам обнимает крепче. — Пока я в тебя не влюбился, тебе нужно вычеркнуть меня из жизни. Только скажи одно слово — и я съеду из квартиры напротив. Пока еще есть время принять правильное решение. Потом от меня так просто будет не избавиться.

— От тебя уже фиг избавишься, — обиженно заявляю.

— Значит, поздняк метаться, — говорит он мрачно. — Дальше будет сложнее, — а сам продолжает гладить. Попробуй тут прими решение — оттолкнуть, когда он крепко обнимает и прижимает к себе.

Я сижу у него на коленях, наши лица так близко, но дело вовсе не идет к интиму. Я вижу, что ему плохо. Не знаю из-за чего: по-прежнему из-за Ксюши или уже из-за риска потерять меня. Лучше бы второе, конечно. Пришел-то он снова ко мне, а не к ней.

— Это будет очень долгий сентябрь, — говорю, а сама сжимаю его плечи, целую в шею и чувствую, как волоски на ней встают дыбом, ему нравится. Улыбаюсь. Хороший мой, как же ты вляпался.

— Задолбался я уже, — отвечает мне.

— Мне нужно что-то, за что я бы могла держаться, Егор. С каждым днем ты просишь больше, но ничего не обещаешь взамен.

— Что бы ты хотела?

— Для начала твою книгу. Ты дашь мне ее почитать?

— Конечно. Я же озвучил условие.

— Я хочу раньше. Хочу быть исключением.

Некоторое время он думает. Потом соглашается:

— Хорошо. На этой неделе я закончу работу и пришлю тебе файл. Может, все само собой и решится.

Мистер Математик

Привет, блог

Секунду назад я выблевал завтрак в раковину Тренера, схватился за кафель руками, чтобы удержаться на ногах. Перед глазами потемнело. А эта гнида конченная глаза открыл, лежит в красной жиже и ржет, будто я его развлекать явился.

— Сука, я думал, ты вены себе вскрыл! — в голове одна мысль — утопить нахрен, всем легче ведь станет. Тренер подтягивается на руках, устраивается поудобнее; как ребенок ногами шлепает по воде, отчего брызги во все стороны, волны через край переливаются. Веселье в самом разгаре.

— Ты бы свою рожу видел, Озер! Всю ванну мне заблевал, ублюдок! Но, клянусь, оно того стоило!

— Бл*ть, ты прикалываешься теперь таким образом? Это мода новая в твоём наркоманском притоне? — оглядываюсь. На зеркале надпись: «Все предатели», полванны кровящи, и голый Илья в ней с закрытыми глазами.

— Давно ли ты, дружище, сам приходы ловил в моем «притоне»? — разводит руками. Мы оба говорим об этой его квартире.

— Ты имеешь в виду ту пару случаев, когда впарил своим ближайшим друзьям какую-то хрень, от которой едва потом оклемались?

— Чистый кокс сейчас большая редкость, — улыбается он. Бледный, на трупака похож. Щеки впали, под глазами круги жуткие, еще и мешки, как у старика. Буквально неделю назад он выглядел не в пример лучше.

Вытираю пот с лица. Если секунду назад я злился на себя, что не смог помочь другу, пока не стало слишком поздно, теперь — на него.

— У меня сердце остановилось, идиотина.

— Я тут узнал недавно, что большинство самоубийств происходит на рассвете. Раньше никогда не задумывался. Решил — туфта, ан нет. На меня такой депрессняк напал между четырьмя и пятью утра... Озер, ты даже не представляешь. Перекрыло, хоть убейся. Думаю — а че бы и нет? Если и вскрываться, то сейчас. А потом представил себе ваши вытянутые физиономии, когда узнаете. Ржал, как конь. Понял, что никогда себе не прощу, если не увижу их вживую. Оно того стоило. Мне даже приятно, что ты так любишь меня, — он садится и демонстрирует мне свои целенькие руки со всех сторон: — Да нормально все, невредимый я, хвалит пялиться. Пошутил!

— Че за хе*ня в которой ты купаешься?

Он зачерпывает ладонью и выпивает:

— Томатный сок — мм-м. Хочешь? Ты любил, я помню. Правда, уже вкус какой-то странный.

— Нет слов, — выхожу в коридор, вновь набираю Санни, которому уже успел позвонить между первым и вторым рвотными позывами:

— Живой. Прикольнуться решил.

— Че?! — орет Санни. — Озер, я в купальных мокрых плавках лечу на полпути!

— Лети, лети. Мозги вправлять будем. Снова.

Заглядываю к Тренеру, который все еще плавает в томатном соке. Выдавил в воду шампунь, пытается пену взбить.

— Выбирайся, придурок, замерзнешь.

Не спорит. Послушно встает в полный рост, но при попытке перекинуть ногу через бортик поскользывается, падает, едва успеваю отпрыгнуть, пока он не окатил меня с головы до ног. Воняет так, будто он и вправду откинулся. Ударяется затылком и... отключается, благополучно уходит с головой под воду. Вздыхаю — судьба его все-таки догнала. Через секунду вытаскиваю засранца на пол, он выплевывает красную жидкость, кашляет — зрелище чумовое.

— Озер, ну как ты мог сдать меня отцу? — начинает рыдать. Понятия не имею, под чем он сегодня, но, видимо, что-то тяжелое. Таким я его еще не видел.

— Тебе надо лечиться, дружище, — помогаю подняться на ноги и, перекинув его по-прежнему мощную руку через свое плечо, тащу парня в спальню, где он плюхается на кровать и послушно ждет, пока я хожу за полотенцем и наскоро обтираю его. Замерз, трясется всем телом.

— Надо, наверное, — отвечает после целой вечности молчания. — Я тебя ненавижу, Егор.

— Я тебе не телочка, любить меня не обязательно. Ты, главное, с фигней этой завяжи. Реально, мужик, че дальше будет?

— Если бы ты оказался в таком дерьме, я бы порадовался. Сука, как ты меня бесишь, особенно на сцене. Я монитор разбил, когда ты там речь толкал часовую. Колотило меня от отвращения. Трепался и трепался без остановки...

— Ага, мне двадцать секунд выделили, сказали, не уложишься — на работе можешь не появляться в понедельник. Отстрелялся в итоге за пятнадцать.

Он смеется, но теперь не истерично, а естественно. Не меня он ненавидит, а сцену. Вернее, свое на ней отсутствие. Ругаться сейчас с ним бесполезно, пусть сначала проспится.

Из коридора доносится шум, торопливые тяжелые шаги — Санни исследует квартиру: ванную, кухню, наконец, заглядывает к нам.

— Ну что?

— Принцессу спать укладываю, — говорю, подтыкая одеяло. Тренер смеется, неуклюже пытается меня пнуть, уворачиваюсь. Он прячет ногу под одеяло, натягивает его до подбородка. Дрожит. Сок в ванне оказался ледяным, хранился, полагаю, ночью в холодильнике, а разбавить кипятком умишка не хватило.

— Обдолбанную? — спрашивает Санни, смотрит настороженно. Он действительно в мокрых купальных плавках и в спортивной футболке. Все еще ошалелый после новости о псевдосуициде Тренера.

— А то как же, — говорю ласково.

— Иди нахрен, — психует Илья, снова рассмеявшись. — Вот не телочка ты, Егор, а люблю все-

таки тебя всем сердцем. Ненавижу и люблю одновременно.

— Ого, — поднимаю руки вверх. — Это че за хрень сейчас была?

— Ты понял, о чем я. Мы не педики, мы братья! Ребят, спасибо, что не бросаете. Боже, кроме вас у меня никого не осталось. Озер, я хочу, чтобы ты знал: если бы я вправду решил покончить с собой, то, честное слово — первым бы позвонил именно тебе. Если бы ты не взял трубку, то, Санни — тебе.

— Польщен, — говорим с Колькой мрачно, почти хором, понимая, что Илья уже не слышит. Повернулся на бок и сопит. Поскорее стягиваю с себя мокрую вонючую рубашку и, пройдя на кухню, утрамбовываю ее в мусорное ведро. По полу разбросаны пустые пачки сока, кругом грязные разводы, заметно, что Илья несколько раз поскальзывался и падал на пролитом, пока готовил презентацию для тех, «кого любит и ненавидит всем сердцем».

— Думаешь, репетиция была или показательное выступление?

— Не знаю, но когда увидел — черт, сразу поверил. Даже единого сомнения не возникло. Еще и прощальную записку наката на зеркале, видел?

— Обратил внимание. Родителям звонил?

— Сейчас буду звонить. Первому тебе набрал, потом хотел в полицию, но он очнулся. Писец. Наверное, я ожидал чего-то такого, но от того не менее жутко. После случая с девочкой в спортклубе, уже ничему не удивлюсь.

— Замяли, кстати?

— Да, заплатили ей. Куда-то в Европу их с мамкой отправили восстанавливать нервную систему. Он же ничего ей не сделал, просто напугал.

— Не успел.

— Возможно.

— Так ей хоть шестнадцать есть или нет?

— Есть вроде бы. Я подробностей не знаю, с его отцом долго тогда разговаривал, но ты ведь помнишь Руслана Евгеньевича? Он кругами ходит, часами воду льет, а по сути — два слова в лучшем случае.

— Трудно ему.

— Да, это ж не ребенка под замок посадить, мужику под тридцать, в нем силы немерено.

— Может, и не надо было отмазывать?

— Не по этой статье только.

— Да, ты прав.

— Все время повторяет, что ненавидит нас. Затем просит не бросать — и по новой. Сколько лет общаемся, все детство на сборах в одном корпусе прожили. Жалко.

— Да больше — на соседних кроватях спали. И мне жалко его, пока был в адеквате, он ведь очень много для нас сделал. Помнишь? Всегда поддерживал, ради того, чтобы просто поорать в толпе на моих первых соревнованиях — через океан перелетел.

— Что делать, Санни?

— А что мы можем? Предлагаешь похитить его и запереть на пару месяцев на какой-нибудь даче?

— Ага, как у Троппера, — улыбаюсь.

— Не читал я твоих книжек. Егор, он напал на ребенка. Это финиш. Не знаю, что может быть хуже.

— Как очухался, сам испугался, но я согласен — это финиш.

— Не знаю, испугался он или нет, меня там не было.

— А я был. Слушай, если я когда-нибудь пойду по стопам, дай слово, что скажешь мне правду в лицо. Не станешь игнорировать.

— Тебе я при первом прецеденте нос сломаю, причем таким образом, чтобы нюхать ты больше вообще ничего не смог бы, даже лютики-цветочки. Придется через задницу кокс загонять, во прико! — он захохотал, я тоже. Наверное, это нервное у нас. — Даже не сомневайся.

— Его сломанный нос вряд ли удержит, — мы вернулись в спальню и смотрим на спящего друга.

— Как ребенок: пока дрыхнет, сама милота и благоразумие.

— Упустили его. У меня соревнования последние полгода, раз решил уходить — надо это красиво сделать. Ты, как Ксюха забеременела, совсем пропал с радаров. Даже я неделями тебя не видел. Это не в претензию, просто констатирую факт.

Глупо упираться, понимаю, что он в мразь превратился, и мало того, что сам подсел на тяжеляк, еще и нам с Санни подмешивал тайком. Плевать ему было, что Санни скоро женится, а у меня жена беременная. С*ать он хотел на наши жизни, всеми силами тянул за собой. И я ведь начал поддаваться. Под наркотой мир совсем другой. Красивый. Меня так крыло поначалу из-за Ксюхиной измены, что если бы продолжил плыть по течению, сам был бы близок к тому, чтобы плавать в ванне, правда, не среди выжатых помидоров. Сколько раз я вот так же просыпался на полу в ванной в обнимку с унитазом, с настолько убийственным похмельем, что башку от пола не оторвать. К счастью, Ксюша рано утром уходила из дома, давая мне возможность привести себя и квартиру в порядок к ее возвращению. Позор такой.

Не я это был. Сейчас вспоминаю, и осознаю — не я. Чмошник. Баб других не хотелось. Писать тексты не хотелось. Первые два месяца, как узнал правду, вообще не помню.

Все лучшее, что когда-либо сочинялось, создавалось либо в периоды жесточайшей депрессии, либо на бешеном подъеме. Долгие годы я интуитивно искал то первое, то второе — боль и удовольствие, которые выплескивал в текстах. Как на качелях: подъем-провал-снова вверх «да вот же звезды!» — снова вниз, на исходную. А потом я ударился об дно, от которого оттолкнуться не получалось. Зыбкое, засасывало. Творчество во мне умерло, я подыхал следом за ним. Секс-дурь-секс-дурь-секс-кокаин-секс-тяжелаяк... Вероника.

Утром меня разбудила смс-ка от Тренера: «Надо поговорить. Приедешь сейчас?». Но я потратил минут пятнадцать на пустую болтовню с сонной Вероникой. Вел пальцами по ее обнаженному бедру, задирая шелковую ночную сорочку, а они, пальцы, — натуральным образом дрожали. От эмоций. И это была не похоть. Не только она.

Кружевной вырез открывал грудь. Черные волосы растрепались из нетугой косы, что, кстати, минус — за ночь буквально объелся ими.

Мы перекинулись несколькими фразами ни о чем, лениво обнимались. Было хорошо. А ведь знаете, жизнь всегда на грани — разрушает. Иногда хочется, чтобы было просто — хорошо.

— Завтракать будешь? — спросила она.

— В пять утра встанешь печь мне блины?

— Все мы такие хорошие, пока на нас не женишься, — подмигнула, поднимаясь первой. — Пойдем кушать, Озерский.

— Ты хотя бы этого не скрываешь, — сказал, усмехнувшись.

— Потому что у меня нет цели окольцевать тебя.

А дальше я сидел на стульчике в ее кухне, наблюдал, как она, зевая, жарит яичницу и лепит бутерброды, и думал о том, что всего этого могло бы не быть, поведи мы себя вчера иначе. Было опасно. Но мы выиграли еще как минимум одни сутки.

Признаюсь честно, поначалу, увидев Веро на пороге своего дома, я взбесился. На ум пришли очевидные выводы — явилась во всей красе, чтоб меня испытать. Спровоцировать на какой-то поступок и посмотреть, как отреагирую. Договорились ведь заранее, что не будем обострять. Но потом своими глазами наблюдал, как ей было непросто, к тому же Леся позвонила после ужина, мы проговорили около получаса по телефону. Она в красках передала мне некоторые Ксюшины реплики, и реакцию на них Веро. Не знаю, что нашло на Леську, но каким-то образом Ксюха умудрилась ее выбесить, а тут еще постараться нужно.

Наша связь с Вероникой приносит много боли ей, неудобств мне, но при этом мы охотно усугубляем ситуацию, потому что иначе просто не можем.

Леся сказала напрямую: «Как бы она не влюбилась в тебя. Так на тебя смотрит, что у меня желудок ноет. Я не знала, что на тебя вообще можно так смотреть. Разберись со своими женщинами, Егор, потом ведь один останешься».

Влюбилась в меня.

Эта красивая, смелая, одновременно с этим — ранимая девочка ради меня переступила через совесть и моральные принципы. От одной мысли об этом хочется сорваться с места, отыскать ее, схватить и целовать бесконечно долго. Можете меня возненавидеть, но ситуация трындец как заводит.

Вероника. Я довел себя до того, что от одного ее имени волоски на теле встают дыбом. Моя. В пять утра я ласкал ее тело, чуть позже лез под сорочку на кухне, понимая, насколько это неправильно. А ведь это еще даже не секс.

Мне нравятся все ее прошлые ошибки и проступки, они сделали ее именно такой, какая она есть. Да, она отчаянная настолько, что способна припереться домой к жене любимого мужчины. А потом удивить наивностью, поверив на слово в верность, и стонать, пока я посасываю ее соски, сжимая пальцами бедра. Да, с Вероникой мы переступили через все грани морали, но она — вероятно, единственная причина, почему Санни сейчас ломает голову, как спасти Илью, а не нас с ним обоих.

«Знаешь что?» — пишу Веронике сразу после того, как переговорил с мамой тренера, стараясь популярно донести, насколько все серьезно. Нагнетать я умею, иначе кто ж будет читать мои тексты.

«А ну-ка», — отвечает она мне. В шкафу удалось отыскать чистую одежду, которая мне подошла, застегиваю пуговицы на груди.

«Бесит, что ты находишься в поиске. Давай эту тему как-то закроем?»

«Чего?»

Отправляю ей скрин сообщения, где она мне в очередной раз писала, что, конечно же, все у нас будет, если к тому времени она не повстречает настоящую любовь. Она ж верная, не то, что я — му*ачье. Она не изменяет.

«Того. Спать только со мной будешь. Ни с кем больше».

«Ты, видимо, умом тронулся, Озерский. Я с тобой не сплю. Я вообще с женатиками не сплю».

«Не спишь. Всего лишь задрно кончаешь».

Она молчит с минуту, потом отвечает:

«С тобой только».

Наверное, ее грудь я мог бы целовать вечность. Санни делился как-то, что переспав однажды с Лесей, мог думать только о том, чтобы повторить это. А когда они расходились на время, жаловался, что финиша с другими достигнуть очень трудно. Звучит бредово, но красиво.

Санни должен будет меня понять, когда правда вылезет наружу. Я напомню ему о том разговоре.

Я больше не люблю жену. Совсем. Видимо, слишком ярко горело чувство — выжгло все светлое. И вспомнить-то хорошего будто нечего.

Человек не может помирать бесконечно, либо конец ему наступит, либо отболит.

Я по-прежнему ее уважаю. Сильная личность, красивая женщина. Ксюша сумела, несмотря на дислексию, получить образование и открыть свадебный салон, а в следующие десять лет преуспеть в этом бизнесе. Она осталась бойкой и уверенной в себе несмотря на то, что ее нещадно ущемлял и даже бил отец. Он запрещал ей носить нескромную одежду, тусоваться с друзьями, мальчики — так вообще табу. Все это звучит не так ужасно, если у вас нет Ксюхиного темперамента и неугомонности. Она — пожизненный центр внимания, где бы ни появилась — тут же становилась незаменимой. Вся ее юность — битва неугомонной натуры со старомодными устоями.

Где-то здесь, кстати, берет истоки моя многолетняя дружба с Санниковыми. Однажды ее отец явился домой намного раньше обычного и застучал дочь с поклонником. Санни тарабанил в мою дверь, как ошпаренный, орал, что надо спасать сестру, отец слетел с катушек. Но моего папы дома не оказалось. Мать бросилась к соседке его вызванивать — у нас телефон не работал в то время, а я — в соседнюю квартиру. Ухажер свалил пулей, в итоге мы с Колькой — два тринадцатилетних сопляка — стояли между Ксюхой и ее отцом — моим нынешним работодателем, он грозился ее избить до смерти, из серии: сам породил шлюху, сам и убью. Страшно было писец, чуть не обоссались оба. Мамка кое-как дозвонилась до отца, он, к счастью, работал в Москве, бросил съемки и пулей домой. Успел, скрутил Санникова-старшего. Через какое-то время приступ агрессии прошел, подъехала и Ксюшина мама, в итоге Маленькая Санни отделалась домашним арестом на три месяца. После этого она, конечно, стала хитрее и подобных промашек не допускала, а я почувствовал себя героем.

Наверное, наши семьи слишком идеальные с виду, а также успешные и дружные. Если рассказать, что творилось на самом деле, у людей уши трубочками свернутся. Сразу после школы Ксюха сбежала в общагу, но не думайте, что голодала. Ее мама тайком переводила на ее счет кругленькие суммы, возле общежития стоял единственный мерс — угадайте чей.

Этот этап в моей жизни длился полтора десятилетия. И закончился. Да, болезненно, признаю, я не хотел его отпускать, противился, чуть не подох сам вместе с этим, блин, этапом.

Удивительно, но следом за ним пришел новый. Возможно, он будет еще длительнее, и имя ему — зрелость.

И знаете, мне сейчас комфортно. Пережитое — громадный жизненный опыт, который было необходимо получить, чтобы испытать те эмоции, которые сейчас разрывают изнутри.

«Норм?» — пишу Веронике.

«Норм», — отвечает. Я курю на балконе, смотрю вниз на парковку. Двадцатый этаж — однажды этот наркоман сообразит, что можно не вены резать, а просто сигануть вниз.

— Посмотрим, кто у него сейчас дилер? — выходит ко мне Санни. — Я разблокил отпечатком пальца телефон, пока дрыхнет. Что так смотришь? Не ты ли его отцу слил инфу только что?

— Ладно, давай. Только быстро.

Мы листаем сообщения, ничего, разумеется, не находим. Несколько раз в день он чистит сотовый. Открываем исходящие, и я замечаю знакомый номер — угадайте чей. Сам долго не заносил в телефонную книжку, потому выучил. Тренер звонил Веронике позавчера, вчера. Входящих, впрочем, нет. Плохо, что он о ней знает. Придется рассказать девушке, на что способны мои друзья. Напугать. Увы, он ей понравился: еще бы, он — тренер, она — бывший тренер. Миллион общих тем!

Над телеком Ильи прибита длинная полка, на ней фотографии, где хозяин квартиры разных возрастов с родителями, братьями, а вот мы втроем: он, я и Санни. Нам тут лет по шестнадцать. Мы тогда примерно на равных были. В течение следующих пары лет Илья ушел в культуризм, Санни остался в смешанных единоборствах, а я завязал со спортом. После одного случая. Рядом куча кубков и наград. Фото, где он на пике своей формы — на различных соревнованиях: Европа, Штаты... А сейчас я боюсь, как бы он снова, потеряв рассудок, не набросился на кого-нибудь беспомощного. Поговорю с ним, как проснется, на тему: тронет Веронику — убью без единого сомнения. Я ведь мог бы его сегодня не вылавливать.

Страшно? Мне тоже не по себе от этих мыслей. Я мог бы просто сказать, что пришел, когда он уже утонул. Шутить со мной не стоит, Илья. Я, конечно, парень добрый, но за свое глотку перегрызу, не задумываясь.

Вторникам сам Бог велел получаться насыщенными, они ведь не понедельник, когда мир только раскачивается (и ты вместе с ним), пытаюсь включиться в рабочую неделю после очередных незабываемых выходных. И хотя профессия писателя в принципе не подразумевает отдыха — даже когда я занимаюсь чем-то личным или отстраненным, то мысленно выстраиваю сюжеты, прикидываю, как будут смотреться эпизоды на экране, — тем не менее, вышеописанное правило распространяется и на меня.

Что-то переломное, из ряда вон выходящее, частенько сваливается на голову именно во вторник, и сегодняшний день — не стал исключением. Проснуться рядом с женщиной, которая, сама того не желая, стала незаменимой, следом испытать шок от понимания, что некогда близкий друг не справился с проблемами и добровольно отказался от борьбы, а следом получить неожиданную весть о том, что мальчик что-то сильно активничает, надо бы к врачу!

Ксюше показалось, что она рожает, вернее «что-то как-то ей не так». Это нормально? Откуда ж мне знать?! Рисковать не стали, поскорее к ней, потом в роддом, где девушку внимательно осмотрели, а затем отправили домой отдыхать. Состояние плода отличное, все показатели в норме, врач объяснил, что торопить процесс смысла нет, тем более что времени по срокам достаточно, а природа сама знает, когда пора. Я, конечно, немного понервничал.

Предстоящий развод — событие судьбоносное, и очевидно, что не могли долгожданные роды случиться внезапно и вот так запросто. О нет, подозреваю, всю душу мне ближайший месяц вымотает.

По дороге туда Ксюша в основном молчала, прислушивалась к ощущениям, переписывалась с врачом, обратно же — повеселела, благодарилась, что быстро откликнулся, бросил дела, и вообще за все, что для нее делаю. А что я, в общем-то, делаю? До появления Вероники мой вклад в наш брак можно было назвать ничтожным. Не за что, Ксюша. Теперь же игра в счастливую семью стоит тысяч спасибо, несмотря на то, что исходные обстоятельства не изменились.

Так что — да, пожалуйста. Я же обещал прикрывать тебя.

Затем она немного поплакала, признаваясь, что тяжело, устала и физически, и морально. Одиноко ей. И деваться некуда — к родителям не хочет, отец курит прямо на кухне и в туалете, что невыносимо. А маму к себе позвать нельзя, тогда ведь придется объяснять, почему любимый муж не ночует дома.

Ксюша выдыхается, какой-то нерв в боку защемило. Другими словами, роды — явление долгожданное не только для меня, но и для нее тоже.

Пообедали в ресторанчике, расположенном по пути, болтая о том о сем. Я был настолько голоден, что поначалу просто кивал — шутка ли, дело к вечеру, а мой организм лишился даже обещанного завтрака, спасибо Тренеру. Вторник, мать его — перекусить некогда!

А потом, сжав салфетку пальцами, Ксюша вздохнула и, взглянув мне в глаза, серьезно спросила, не надумал ли я возвращаться. Ее упорное нежелание признать, что между нами все кончено — удручает. Теперь, глядя на ситуацию из другого угла трезвым взглядом, в обход призмы смертельной обиды на природу за неспособность самому дать потомство — я понимаю,

что, вероятно, нужно было разводиться сразу. Сейчас бы уже отболело. Сделал бы вид, что мне наплевать. Но тогда казалось, что она в настолько нестабильном состоянии, что прижми девушку к стенке — или потеряла бы ребенка, или сама бы от него избавилась, лишь бы не оказаться виновной.

Сейчас Ксюша другая. Заметно, что она обожает своего малыша. Вероника права, ради ребенка женщина готова на удивительные вещи. Будем считать, что ей помогли эти месяцы передышки и подготовки.

Освещение в ресторанчике довольно невнятное, к тому же мы сидим практически в углу, где нет окон, а ближайшее загораживают тяжелые шторы, поэтому Ксюша, убедившись, что никто из персонала на нас не смотрит, быстро опускает лямку платья и быстро показывает свою полную грудь, по которой сегодня утром поползли белые растяжки, отчего Маленькая Санни рыдала час в одиночестве. Вздыхаю. Что на это сказать? Я давно не в том возрасте, когда отталкивают мелкие дефекты женского тела. Хотя, если подумать, захотев женщину, я бы вряд ли остановился из-за подобной фигни в любом возрасте. Скорее всего, я бы или не заметил, или бы просто отметил мимоходом: о, растяжечки — и дальше занялся бы своим лучшим в мире делом.

Она ищет моего ответа.

— Да это ж ерунда, — успокаиваю ее. По глазам вижу — не верит, но облегченно выдыхает. — Нашла из-за чего слезы лить. Самое главное, что ты мамкой будешь. Обалдеть, Ксюх, — улыбаюсь. — Каких-то несколько дней — и будешь гонять с коляской по всем детским площадкам района.

— А ты папкой, — упорно повторяет она. Не спорю. Ни к чему обострять. — Егор, а у тебя есть кто-нибудь?

— Мы же договорились, что наш брак — фиктивный. Разумеется, у меня кто-то есть.

— Нет, я не про шлюх, — качает головой. — Отношения с кем-нибудь.

— А какое это имеет значение? — спрашиваю довольно жестко, ее губы начинают дрожать. -

Ксюш, в беде-голоде я тебя не брошу, — беру ее за руку, успокаивая. — Я перебесился. Поначалу смотреть на тебя не мог, не мечтая придушить, — она улыбается. — Но время лечит. Или, знаешь, притупляет. В критической ситуации можешь на меня рассчитывать, в остальном

— уверен, справишься сама.

— Раз ты сам об этом заговорил... Я все думаю, давай отложим наш развод еще ненадолго?

— Нет.

— Если ребенок откажется твоим... да он точно окажется, тогда...

— Без разницы.

— Но почему?! Я не понимаю тебя!

— Слишком много женщин со мной случились за последние месяцы, чтобы продолжать играть в любящего мужа.

- Для меня это не имеет значения. Пожалуйста, только возвращайся.
- В этом-то и дело, Ксюш. Тебе плевать, с кем сплю я, меня давно не заботит, кто развлекает тебя. Это не брак. Разве только от слова «бракованный» по всем параметрам.
- Идеалист ты, Егор. Откуда только в тебе взялось это дерьмо. Мы подходим друг другу. Столько лет маялись и все равно поженились. Первая любовь — самая сильная.
- То, что тысячу лет назад ты мне сделала минет из жалости, не значит, что я был твоей первой любовью, — смеюсь, допивая вторую чашку кофе.
- Первый минет в моей жизни. И в твоей, кстати, — поднимает вверх палец.
- Нет, Ксюш, — качаю головой. — Этого маловато будет. Мы ведь обсуждали ситуацию тысячу раз, сразу после рождения мой адвокат начинает заниматься разводом, для тебя это не должно стать сюрпризом.
- Даже если он твой?
- Тогда мы сделаем усилие и договоримся, как будем воспитывать его, живя отдельно.
- Ясно. Все понятно, — она дергается. — Больше можешь ничего не говорить. Дело в женщине. Расскажешь, кто она?
- Ты же только что сказала, что я могу больше ничего не говорить, — развожу руками.
- Егор!
- Тебя это не должно сейчас беспокоить.
- Но ведь беспокоит! — она поднимается насколько только может расторопно. Вилка звякает о тарелку и падает на пол, на нас оборачиваются. Смотрят на меня укоризненно. Окей, как обычно.
- Тихо, Маленькая Санни. Поехали, я отвезу тебя домой, — приобнимаю ее за плечи и, расплатившись, вывожу на улицу. Свежий ветерок остужает Ксюшин порыв, она шмыгает носом, пока идем на парковку. Хорошо, что становится прохладнее. Духота плохо влияет на людей, от нее плавится мозг, поступки, о которых потом жалеешь, совершаются сами собой. Зиму я люблю намного больше: в тепле батарей пишется лучше. Чем морознее за окном, тем уютнее дома. И когда я думаю о доме, то имею в виду свою квартирку «для траха», это ли не показатель?
- Я всегда знала, что бы ни случилось — у меня есть ты, который бросит всех и вся ради меня. А теперь ты говоришь, что с кем-то тебе лучше, чем со мной.
- Возможно, пришло время нам обоим начать жить без запасного аэродрома, коим мы являлись друг для друга. Я понимаю, это страшно, но другого выхода нет.
- Господи, ненавижу, когда ты такой: пришибленный своей моралью. Ты ведь гребанный наркоман, который столько баб переимел, что страшно представить! Че вы только не творили с Санни у Тренера, мне за вас страшно было! А теперь ты говоришь мне о том, что слишком хорош для меня?
- Я тебя больше не люблю, — говорю ей уже в машине. От этих слов она вздрагивает. Ведет

себя, ей-богу, будто не трахалась с другими за моей спиной. Мой голос звучит натянутой, чем я рассчитывал. — Я не знаю, что еще добавить. Извини меня, — развожу руками. Не получается сказать ей в лицо, что теперь она у меня ассоциируется с самым гнусным периодом в моей жизни. Возможно, какая-то любовь способна такое выдержать, моя — определенно точно — нет. Ее попытки вернуть отношения вызывают даже не злость, а раздражение. Плохая эмоция. Рядом с ней любовь умирает быстрой легкой смертью.

— Что прикажешь делать мне с моей любовью к тебе?

— Переключись на кого-то другого. Ребенка своего. Будь хорошей девочкой, не обостряй. Я и так сделал для тебя много. Больше, чем кто бы то ни был другой на моем месте.

* * *

Леся спрашивает в ватсаппе, какого хрена я творю. В Ксюшином инстаграме фотки, где мы вместе обедаем с хештегами «папочка_вывел_мамочку_покушать_сладкого», «отмечаем_первую_репетицию_родов», «а_вы_родили_с_первого_захода?». И сотни лайков.

Ненадолго забегаю на работу — нужно переговорить с режиссером по некоторым моментам следующего сезона «Денечков», а затем направляюсь по знакомому маршруту к бюро.

Паркуюсь неподалеку и, прикупив пару кофе, захожу в здание.

Вероника, как обычно, серьезная и сосредоточенная в своем похоронном костюме в громадном кресле работает за компьютером. Хмурится.

Тут прохладно и тихо. Всегда очень тихо. Идеально.

— О, кофе! Ты лучший! — восклицает, увидев меня.

— Сдохнуть хочу, — говорю ей с порога. — Вдохновения нет. Вокруг одни идиоты. Три серии нужно озвучить до утра, а в горле першит. Че делать?

Она моргает.

— Ложись поспи, — кивает на один из гробов, стоящих на полу. Утром планировался крупный привоз, видимо, не все вошли на склад.

— Этот уже продан? — спрашиваю с интересом. Серенький такой, но симпатичный.

— Не-а. Еще даже не расценили, — она подходит ближе, встает на цыпочки и целует меня в щеку, обманом забирает оба стаканчика, пробует кофе из каждого, почему-то кривится, решительно выбирает один из двух одинаковых, второй возвращает мне. Делаю жест — поставить на стол.

— Тогда примерю, — пожимаю плечами и укладываюсь полежать в ящичек. Ощущения — скажем так... странные. Но отрезвляющие. Тесно. И будто холоднее, но это скорее мозг бастует. Вероника закрывает дверь на ключ, подходит ко мне. Присаживается на корточки рядом.

— Что-то случилось? Или просто творческий кризис?

— У друга беда, потом расскажу. Не сейчас.

— Ясно. Хочешь отвлеку? Сегодня весь день просидела на черепашьем форуме, ты знал, что мы Галочку не тем кормим? В общем, заказала я самый лучший корм, теперь у нее не будет болеть животик.

— С чего ты взяла, что у нее живот болел?

— Так глазки слезились. Ну, в смысле, нерадостными были. Неважно. И еще, Егор, нам неправильно сказали в магазине, малышей черепашек нужно кормить утром, а не днем. Утром им полезнее.

— Ты покормила, кстати?

— Конечно! Кстати, нужно ключи тебе отдать, пока не забыла.

— Оставь, я на днях в Питер сметаюсь на пару дней, присмотришь за ребенком?

— Конечно, мог бы не спрашивать.

— А сиськи покажешь?

— Галке-то?

— Я соскучился, — говорю умоляюще, не реагируя на шутку.

— Да запросто, жалко, что ли, — она задирает одной рукой топ, под ним белый кружевной. Я выпучиваю глаза, вытягиваю вперед руки и рывком сажусь, будто зомби. Поворачиваю корпус в ее сторону «Сиськ-и-и, я иду-у-у». Вероника залиvisto хохочет:

— Боже, вся моя жизнь с тобой — сплошной фильм ужасов.

— Порнофильм ужасов, — улыбаюсь ей, облокотившись на руки.

— Долго он раскачивается, твой порнофильм, не боишься потерять аудиторию? — она проводит рукой по моей щеке, хитро прищуривается, вглядываясь в мои глаза. Рядом с ней даже в гробу лежать прикольно. Нужно будет включить подобную сцену в сериал. Интересно, как отредактирует режиссер?

Открываю рот, чтобы сказать что-то пошлое и романтическое одновременно, как она добавляет серьезным тоном:

— Егор, дяде стало хуже, он хочет повидать детей. Ехать придется в другой город, потом покажу на карте. И я решила его сопровождать. Одного даже с Риммой Владимировной не отпущу.

— Помощь нужна?

— Да. Если правда готов помочь. Не обещай попусту.

— Окей, говори, что нужно.

— Ладно. У нас одни женщины, а он тяжелый. Ехать на машине часов восемь. На электричке примерно столько же. Пока маршрут в процессе обдумывания.

— Понял, свозим.

— Спасибо. Для меня это важно. И, кстати, меня тут снова позвали на свидание. Представь! Вообще в последнее время будто сезон охоты открыли, обострение у мужиков, хотя осень на носу. Когда за рулем еду — подмигивают, жестами просят номер телефона, в столовой знакомятся. Даже на улице оглядываются, догоняют! А сегодня, сразу после того, как ты мне написал о своих серьезных намерениях, — она подмигивает мне, — мужчина с маминой работы — я его знаю — кинул смс, что мечтает со мной встретиться. Открой секрет, вас заводит, когда женщина не свободна? Каким местом вы это чувствуете? На каком-то инстинктивном уровне? Просыпается азарт — увести у другого самца? Почему раньше хоть бы кто-то подошел, блин!

— Не понял, кто позвал? Какой еще мужчина с маминой работы? — выбираю из потока слов главное.

— Ты его не знаешь. Так что мне сказать, Егор?

— Что тебе будет неудобно надевать платье, когда одна рука в гипсе, — беру ее руку и не больно сжимаю, она смеется.

— А если серьезно? Меня немного нервирует, что моя жизнь зависит от биологических часов ребенка Ксюши. Я все понимаю, но изначально уговор был — что если, — она делает упор на это слово, — у меня никто не появится, мы позажигаем.

— Назначаю вас, — говорю торжественно, с интонациями ее любимого Велиара, Вероника в момент розовеет от удовольствия. С большим трудом борю улыбку, — назначаю вас, Вероника Павловна, официальной своей любовницей. Другими словами, сходишь налево — башку откручу.

— Любовницей от слова «любить»?

— Как филолог заявляю — слова абсолютно точно однокоренные, — подмигиваю ей.

— Не многовато ли у вас женщин, Егор Дмитриевич? — улыбается она. — Не жирно ли и жену иметь, и любовницу? И мелку не натрешь?

— Ой, бл*ть, — тяну. — И жена, и любовница, а толку ноль от обеих.

Дальше мы хохочем вдвоем. Я, наконец, вылезаю из гроба, настроение становится не в пример лучше. Сажая Веронику на стол, обнимаю ее. Она облизывает губы. От минетов и безудержного секса всяко и всюду нас отделяет каких-то несколько недель. Я глажу ее волосы, будто она маленькая девочка. Они гладкие и блестящие, мне нравятся. Бывает любовь с первого взгляда, а бывает так, что пульс рядом с человеком держится стабильно шестьдесят ударов на протяжении недели, двух, месяца. Даже когда человек спит рядом, особо не напрягаешься. А потом раз — и она просто сидит в полуметре в строгом костюме, а в груди ноет, сердце на разрыв аорты колотится.

Глаза у нее большие, в них плещется огонек желания. Пристойное поведение, сдержанность учат нас ценить простые вещи. Прижимаю ее ладонь к своей груди, посасываю мочку ее уха, жадно ласкаю шею, перехожу на плечо:

— Плевать, как наши отношения выглядят со стороны, какие ярлыки на нас повесят. Я буду с тобой.

— Нас сожгут на костре, Егор.

— Пока будут жечь, я буду тебя отчаянно трахать. В этом самом гребаном костре. Полагаю, это несколько скрасит процесс сожжения.

— Вот чокнутый. Ну конечно же, скрасит! — она обнимает меня руками и ногами. Нежно гладит по лопаткам, шее, зарывается пальчиками в мои волосы. — Я такая дрянь, что, думая об этом, возбуждаюсь еще сильнее.

— С ума свела. Не верю, что еще полгода назад тупо хотел сдохнуть. Как хорошо, что не преуспел в этом желании.

— Ты полчаса назад хотел сдохнуть, примеряя на себя один из моих гробов.

— Это была шутка. Вероника, если серьезно, то я не буду, разумеется, ломать тебе руки. Я даже скандалы не стану устраивать, не стоит испытывать меня на прочность. Я не приемлю измен, меня не возбуждает ревность. Узнаю, что будешь с кем-то еще — я просто все оборву. Обстоятельств не существует. Никогда не поверю ни в единое. Я не стану мстить, не бойся.

Пример у тебя перед глазами. Но меня ты потеряешь сразу.

— Хитрый какой. Сам женат, а требуешь полной верности? — шутит, но не реагирую на ее слова. Полностью серьезен, смотрю в ее глаза. Она часто дышит, немного дрожит. Улыбка спадает с ее лица. Вероника сжимает губы, а потом крепко-крепко меня обнимает. — Даже не сомневайся, — говорит мне. — Уж я не упущу свой... — замолкает, оборвав себя.

— Шанс? — переспрашиваю, с улыбкой.

— Заткнись, — отвечает мне резким тоном.

Вероника

На свадьбу Полины мы с Ксюшей Озерской обе являемся без пары — наш мужчина очень вовремя свинтил в срочную командировку, избавив себя от трудности выбора и множества пикантных ситуаций, которые вполне могли бы произойти, добавив празднику элементы скандала, слезных истерик и грязных разборок. А в том, что троица Ксюша-Егор-Вероника могла бы сделать торжество незабываемым в худшем смысле этого слова, я даже не сомневаюсь — напряжение между мной и Математиком, по ощущениям, достигло апогея: он на меня так смотрит что я сама не своя. Одновременно мрачно и с огоньком, отчего сердце каждый раз сладостно сжимается в предвкушении.

Ожидание его бесит. Струна натягивается. Каждый день я готовлюсь к тому, что он сорвется и накинется на меня. А я... понятия не имею, чего жажду больше. Мы оба на взводе, каждый может потерять тормоза в любой момент времени.

Вот ведь дрянная женская натура! Чем больше получаешь, тем сильнее растет аппетит. Если изначально я мечтала просто надеть чертовы лаковые туфли на шпильке, которые из-за колена навеки теперь под запретом, и пошалить с ним, не думая о последствиях, то сейчас мне обязательно нужны отношения. И чувства. И вообще он весь целиком каждый день.

Нам никогда никто не поверит. Не планировали мы влюбляться, он просто переждал время в более приятной компании, чем губительные для организма алкоголь и наркотики, а я боролась

с собой за чистоту совести. Проиграли оба. Несмотря на то, что мы пока не спим, дураку понятно — я его любовница, его женщина. Господи, как он на меня смотрит, как трогает! Я всякий стыд теряю. А эти поцелуи... мучительно сладкие, тягучие, чтобы не разогнаться мгновенно, как могли бы, но и оторваться невозможно. Все его внимание — мое. И делиться с кем-то я больше не намерена.

Бывает ли такое, чтобы вторая женщина в жизни мужчины являлась по всем признакам первой? Слишком мало времени мы вместе, рано судить. На сколько нас хватит? Как мы переживем грядущие трудности? Что нас вообще ждет впереди?

Иногда мне страшно. Так сильно, что я мечтаю убежать на край света и спрятаться. Станет ли он защищать меня? Насколько его хватит в противостоянии с родными и друзьями?

Когда он прижимает меня к себе, я думаю о том, как зыбки и одновременно прекрасны наши отношения. Егор прав, пока их слишком легко разрушить. Между нами в тысячу раз больше «но», чем между большинством влюбленных. Схвати любое из них покрепче, круши и ломай на здоровье.

Так нет же, мы этого не делаем. Напротив, ревностно бережем наш хрупкий мирок двух балконов. И смотрим друг на друга частенько мрачно, исподлобья. Потому что сил уже практически не осталось. Потому что уже любим.

Он сам виноват. Слишком многое дал мне, чтобы в будущем требовать нейтралитета. К черту нейтралитет. Если он засомневается в выборе между мной и Ксюшей — я сделаю все, чтобы он остался со мной.

Смешно. Каждая любовница стопудово уверена, что ее история — особенная, каких раньше не случалось, и ее поведение, обман, подлость — оправданы уникальностью сложившейся ситуации. Вранье. У всех одно и то же. Втрескаться в мужчину так сильно, что забыть себя — вот она, единственная причина, которая, по сути, не оправдывает ничего. Достояна ли я счастья — после того, как уведу из семьи Математика? Решать не мне. Егор не верит в Бога, а я — да. Он единственный свидетель моих метаний, борьбы с собой, он видит, как тяжело мне достаются минутки счастья. Я вверяю себя грядущему, мне или помогут, или уничтожат.

Свадьба получилась замечательная! Несмотря на приличное количество гостей, не покидало ощущение уюта и доброжелательности. Молодых любят — что с одной стороны, что с другой, одинаково сильно желают счастья. Душевные бесконечные тосты, щедрые подарки, талантливый тамада и активная публика — в общем-то, что еще нужно для отличного праздника?

Поля блистала в белом потрясающей красоты платье, ее жених светился от счастья, а мы пили за их здоровье и прекрасное будущее!

Ксюша в конкурсах не участвовала, и вообще она довольно сильно изменилась. Если в понедельник девушка выглядела неземной беременной феей — легкой, улыбчивой, жизнерадостной — в пятницу в ресторане не смогла досидеть даже до одиннадцати. Такое чувство, что за каких-то пару дней она набрала несколько килограммов. Она могла говорить только о том, как сильно мечтает родить, какие прогнозы дают врачи.

Моя мама ее успокаивала — дескать, на последних сроках всегда так. Мама пошутила, что природа словно специально делает последний месяц беременности невыносимым, чтобы изгнать страх перед родами. В итоге ты не боишься уже ни боли, ни самого факта того, что из тебя вытащат человека, ты просто мысленно приближаешь это событие всем сердцем.

Ксюша смеялась, отвечая, что в этих словах что-то есть.

Странно, что на протяжении всего торжества Саша ни разу не отошла от меня, и, по ощущениям, будто игнорировала Ксюшу, Василису и даже с Полиной общалась слегка натянуто. Мы договорились в выходные вместе покататься на велосипедах в парке, взять навывнос кофе и пончики, как в старые добрые времена. Я бы очень хотела с ней поделиться своей непростой ситуацией, может быть, она бы смогла понять меня.

— У тебя все нормально? Ты не поссорилась с девочками? — спрашиваю я у Саши, понимая, что мы вот-вот разойдемся, потому что такси уже прибыли.

— Немного, не обращай внимания, — отмахивается.

— Когда ж вы успели? Или снова встречались без меня?

— Нет, когда ты уехала в понедельник, мы ж еще остались. Прошу, не обращай внимания. Все наладится. И... прости, если я мало уделяла тебе времени в последние месяцы, мне так жаль, — и она крепко обнимает меня. Подозрительно. Чувство, что поссорились они из-за меня, вдруг неприятно сдавливает грудь.

Глупости, если бы подруги о чем-то догадались, меня бы скорее всего попросили не приходить на церемонию. Дело в другом. Так в чем же?

После свадьбы я еду не к себе, а к Егору. Почему бы и нет? Все равно утром кормить Галку, хоть выплюсь. Хочется, конечно, чтобы именно он разбудил меня внезапным появлением, но этого не происходит. Озерский работает. В Питере, помимо дел по текущему проекту, ему предстоит встреча с представителями канала «БК», из-за чего Математик изрядно нервничает. С одной стороны, он вовсе не хочет оказаться предателем канала, который его «вырастил», но и разрушать свою жизнь тоже не собирается. Ему нужна работа, где бы он мог продолжать карьеру и зарабатывать деньги. Когда мы накануне обсуждали собеседование Икс, он начинал говорить серьезно и резко, уверенно. От дурашливости или насмешек над собственным скудным талантом не оставалось и следа. Озерский намерен продать свой труд подороже, и мне очень хочется, чтобы у него получилось. Нельзя принижать значение самореализации в жизни мужчины.

Подозреваю, что потеря работы — одно из самых крупных предстоящих испытаний для Егора.

Пока он планирует свое будущее, мне остается ждать, болеть за него, подбадривать. Обещать в случае чего похоронить его врагов по-богатому! Это мало, но что еще я могу сделать? У меня нет связей и довольно размытое представление о сути профессии сценариста.

* * *

Некоторые наброски Егор делает от руки. С тех пор, как он вернулся к работе, на его столе стопки листов А4, одни исписаны стремительным нечитаемым почерком от кромки до кромки, на других — буквально пара слов в центре, кружком обведенные имена, стрелочки. И даты, даты, даты!

Он купил рулон обоев — весьма страшненьких, кстати — отрезал три куса в несколько метров, на каждом маркером провел линию посередине, на которую нанес временную шкалу. В первом случае деления соответствовали годам, во втором — месяцам, в третьем — дням одного года. Егор потратил много часов, отмечая на своих импровизированных календарях события —

сравнивая, стараясь не допустить ошибок. В его на первый взгляд простом сериале огромное количество персонажей и событий, судьбы героев, их родителей и детей крепко переплетены.

Однажды я пришла к нему вечером после работы с едой навынос и застала в спортивных шортах в комнате на полу посреди кучи бумаг. Забавный такой — задумчивый, серьезный. Лохматый. «О, отлично. Ты-то мне и нужна», — заявил он, бросая в меня подушки, требуя сесть напротив. А затем устроил блиц-опрос из нескольких десятков каверзных вопросов, на которые нужно было отвечать, не задумываясь. Вот некоторые из них:

- Ранняя беременность или связь со взрослым мужчиной?
- Второе.
- Полная сирота или неполная семья?
- Неполная, конечно! Жалко же девочку!
- Лишний вес или проблемы с учебой?
- Насколько лишний?
- Ну, чтобы проблема была.
- С учебой, наверное. Пусть здоровенькая будет.
- Веро, мы создаем проблемную героиню, хватит упрощать ей жизнь!
- Ничего я не упрощаю. Наоборот, возможно. Какая-то уж сильно похожая на меня героиня получается, ты не заметил?

Он оторвался от своих записей и начал меня внимательно разглядывать. Прищурился.

- Что ты так смотришь? Егор, или ты рассказываешь, о чем думаешь, или я спрячусь от тебя за ширму!
- Лучше ты расскажи-ка мне подробнее про свое детство.
- А иди-ка ты нафиг, — засмеялась я, распечатывая палочки и открывая контейнер с лапшой.
- Значит, учитель математики... — протянул он задумчиво, настала моя очередь грозно прищуриваться. — Про похоронку только уберем, это испугает аудиторию. У твоего дяди будет секс-шоп, это вызовет резонанс среди родителей, а подобного рода шумиха сделает «Черепашку не ниндзя» запретным плодом. И, что самое главное, популярным!

Я показала ему средний палец, он мгновенно вернул мне жест, после чего мы враз облизали губы.

Вот черт.

Не представляю себе, чтобы они с Ксюшей вот так часами сидели на полу, периодически обмениваясь факами. А может, я ошибаюсь, и именно так все у них и начиналось. Озерский выходит покурить на свежий воздух, я следую за ним. Смотрю на свой одинокий балкон, с которого плавно переключалась сюда, Егор стоит позади, его руки на бортике по обе

стороны от меня.

— «Черепашку не ниндзя»? — переспросила через некоторое время с улыбкой.

— Да, это черновое название. Говорю же, прет меня от этих упоротых на вид земноводных. Расскажи подробнее про Августа. Что тебя в нем зацепило?

На некоторое время я задумалась:

— Сложно понять девочку-подростка. Сейчас, оглядываясь назад, я склоняюсь к тому, что просто пыталась убежать от отчаяния. Переходный возраст, сам понимаешь. Любая мелочь кажется концом света, а завал экзаменов — это далеко не мелочь. Просто он вовремя обратил на меня внимание, и этого оказалось достаточно.

— Кто бы вложил в голову мальчишкам эту простую истину, — хохотнул Егор: — Не стоит бояться, девочки ждут, чтобы просто хоть кто-нибудь обратил на них внимание.

— А потом, уже курсе на третьем, я познакомилась с Генкой, такая дура была, даже из армии его ждала год.

— А потом?

— Не сошлись в итоге характерами. Когда отношения стали серьезнее некуда, оказалось, что мы слишком разные.

— Он тебя обидел?

— Не знаю, кто кого обидел сильнее. Я вообще совершила достаточно много ошибок в своей жизни. Иногда мне не по себе от мысли, куда меня может завести моя бездумность.

— Все совершают ошибки. Главное — не допускать фатальных. Ты страстная натура, но это не мешает тебе оставаться хорошим человеком. Вот увидишь, ты понравишься зрителям.

— Егор, не вздумай!

— Тебя будут любить десятки тысяч людей, а я — сильно ревновать, — он обнимает меня, а потом нахально заявляет: — Я сделаю тебя блондинкой.

— Это еще почему?!

— Потому что вот такая ты — только для меня.

* * *

Позднее утро после Полькиной свадьбы мы с Галкой проводим за изучением его набросков,

нашли кое-что по новому молодежному сериалу, которым он активно занимается параллельно с основной работой, хотя знает, что скоро будет увольняться. Пять девушек, трое парней — основной состав главных героев. У каждого своя борьба, своя правда — пусть детская, но отсюда не менее заслуживающая внимания и уважения. Ребята все до единого — сильные личности, жаль, что пока путаются, частенько выбирая неправильную дорожку. Ведет их то влево, то вправо. Все как в жизни: большинству везет, они справляются с пубертатом, но некоторым — не очень. Егор обмолвился, что из его восьмерки не повезет двоим, но пока

держит в секрете, кому именно.

— Представляешь, он о нас напишет, — разговариваю я вслух с черепахой, — о тебе тут тоже есть. Но тебе он имя сохранил, а мне — нет. Я буду Валерией. Красивое имя, как ты считаешь?

В дверь стучат — наверное, это курьер привез Галке особый корм, идеальный для ее породы черепах. Ни о чем не задумываясь, я открываю замок, толкаю дверь и замираю.

Целую секунду мы с Ксюшей смотрим друг другу в глаза, я моргаю первой, она следом. Шок такой силы, будто мы с этой женщиной действительно обитаем в разных вселенных, которые каким-то непостижимым образом пересеклись.

В точке «Егор» они пересеклись, мать его, засранца!

Случись такое неделю назад, я бы умерла на месте. Но с тех пор произошло многое: заброшенный санаторий, визит Математика ко мне домой с целью помириться, практически официальные признания в любви. Однокоренные слова, ага, Егор, как романтично!

Я не буду умирать на месте перед без пяти минут бывшей женой.

Ксюша оглядывает меня с ног до головы — а я в спортивных черных штанах с лампасами и в коротком топе без белья. Босиком. На голове нелепый пучок из волос. Другими словами, чувствую себя как дома.

— Егор? — зовет Ксюша громко.

— Его нет, — отвечаю я на контрасте шепотом. Голос куда-то улетучился. Сбежал.

Она переступает порог, а я пропускаю ее домой, не имея ни единой возможности закрыть перед носом дверь.

Так тихо... Мысленно я ожидаю скрежета или чего-то в этом роде. Целые вселенные сталкиваются, должен быть невыносимый рев! А в реальности слышатся лишь Ксюшины шаги по квартире да мое сердце, колотящееся в висках.

Ксюша оценивает обстановку, затем говорит предельно спокойно:

— Стоило раньше догадаться, что это ты, — она ходит туда-сюда, осматривается. Мое бедное сердце однажды не выдержит всего этого и просто остановится. Отпираться глупо, бессмысленно. Полностью моя ошибка — не стоило здесь находиться весь день. Утром покормить Галку — и сразу домой. Я пораженно прикрываю глаза. Прячу руки за спиной.

Что же делать?

Ксюша часто дышит, выпучила глаза. Между нами всего метра два и ужасное знание, которое больше не получится скрывать.

Неделю назад я бы убежала. Хорошо, что мне дали эту неделю перед очередным испытанием на прочность!

— Интересно, когда ты вызвалась вернуть ему мое кольцо, вы уже спали? — спрашивает она натянуто.

— Нет, в этот вечер мы как раз и познакомились. Он, кстати, тогда и рассказал, что ты

непонятно от кого залетела, поставив семью в весьма пикантную ситуацию, — говорю так же безэмоционально. Она чуть прищуривается, больше ничем не выдавая гнева. Даже непонятно, задела ее мои слова или нет.

— Ясно. И ты своего не упустила, — говорит она, и добавляет: — тварь, — смакуя это слово.

Ну что ж, тварь — так тварь.

— По крайней мере, не я трахалась за его спиной на стороне.

— Убирайся.

— С какой стати?

Ее глаза расширяются, такой дерзости она не ожидала.

— Это квартира моего супруга.

— Он ее снимает полгода, а ты только сейчас об этом узнала? Зачем ты пришла, Ксюш? Между вами давно все кончено.

Она делает шаг ближе:

— Я даже не буду тратить на тебя нервы — как только родится малыш, ты вылетишь из нашей жизни, как смывтый в унитазе кусок дерьма. А уж я позабочусь, чтобы все твои друзья и знакомые узнали о том, как ты себя вела.

Мое сердце сейчас выпрыгнет из груди. Пальцы сжаты в кулаки до боли. Я выпрямляюсь в полный рост, расправляю плечи. Поздно скрываться, прятаться. Да, я такая, какая есть. И я не собираюсь отдавать Егора этой женщине без боя.

— Ты это расскажешь до того, как все узнают, что ты в браке родила не от мужа, или уже после?

— От мужа, — огрызается Ксюша. — Я каждый день молюсь о том, чтобы от мужа. И так и будет. Я вообще по жизни везучая.

Я теряю тормоза:

— А я каждый день молюсь, чтобы не от него. Посмотрим, у кого связь с небом налажена лучше.

Она вспыхивает, не ожидая удара. Тебе хоть раз в жизни давали отпор, Ксюша? Я позволяю себе улыбку. Наслышана, что Коля и Егор с детства тебя защищали и жалели. Еще бы, брат — чемпион, попробуй кто слово скажи поперек! Ты хоть раз оказывалась в ситуации, когда на голову обрушиваются небеса в виде позора такой силы, что не подняться, и заступиться некому?

Так вот, я в этом всем живу с рождения. И тем не менее, Егору со мной в тысячу раз лучше.

— Сука, — тянет она, — какая же ты сука!

— Я тебе не Егор, жалеть тебя и твои чувства из-за беременности не собираюсь. Хотя, знаешь,

все-таки жалею. Я бы могла настоять, заставить его лаской уйти от тебя немедленно, но я этого не делаю. Потому что понимаю, для Егора важно сделать все правильно с моральной точки зрения. В курсе ты или нет, но когда любишь — думаешь о чувствах своего мужчины.

— Я ему прощу тебя, — говорит она, взяв себя в руки. — Уже скоро. Тренерша из похоронки, тьфу ты. Недолго тебе осталось спать с моим мужем. Ты пожалеешь, Вероника, что перешла мне дорогу.

— Давай, напади. Я даже жду этого. Настрой его окончательно против себя. Жги мосты! Мне только это и нужно.

Она подходит и толкает меня в грудь. Изо всех сил. Я отставляю ногу назад, но не успеваю — и ударяюсь затылком об стену.

— Он бы никогда от тебя не ушел, если бы ты сама все не испортила, — выплевываю слова, пытаюсь проморгать слезы. — Ты просто еще не поняла, что все кончено. Скажи мне одну вещь: что заставило тебя изменить ему? Ведь не единожды это было! Если ты так сильно его любишь, что готова простить все на свете, и знаешь, насколько он ревнивый, как ты допустила ситуацию, что не знаешь от кого беременная? Как такое вообще возможно?

— Ты думаешь, что он влюбился в тебя? Дурочка моя! Поверь мне — нисколько. Дружить с ним — весело, встречаться — уже не так. Если бы он реально влюбился в тебя, ты бы почувствовала изменения в его поведении и уже не радовалась бы так сильно. В своей тупейшей ревности он просто невыносим! А я старалась! — она кричит. — Видит Бог, я пыталась сохранить наш брак, но он сам не оставил мне выбора.

— Каким же образом? Тем, что был против загулов?

— Своим щенячьим обожанием! — всплеснула руками. В глазах появился лихорадочный блеск. Ее прорвало, Ксюша словно забыла, с кем разговаривает и на какую тему. На время мы перестали быть врагами. — Ты когда-нибудь встречалась не с мужчиной, а с фанатом? Преданным поклонником! Его настырная забота, идиотские попытки сделать меня типа счастливой портили абсолютно все! Это ужасно!

— Ужасно, когда мужчина заботится о своей жене?

— Да мне не этого хотелось! А обычного мужика! С которым не задыхаешься. Который может наорать, в конце концов, стукнуть кулаком по столу! Обычного мужика, который бы не любовью со мной занимался, — она брезгливо кривит губы, — а просто взял за волосы, нагнул и... поимел так, чтобы ноги дрожали. Егор бесил меня, ты себе даже не представляешь, как сильно он меня бесил своей преданностью каждый наш Божий день!

— Так зачем ты вообще за него замуж вышла?

— За тем же, почему и сейчас не отпущу. Из-за любви. Я по-прежнему его люблю, несмотря ни на что, — она прижимает руку к груди. — Ты себе даже не представляешь, какой он... бывает...

— Хороший, — заканчиваю за нее. — Отлично представляю.

— Да, несколько раз я срывалась на интрижки, но он сам в этом виноват! Я пыталась... он, как гребаный осел, считал наш союз идеальным, а я мечтала только о том, чтобы разорвать нимб на голове в клочья! Боже, какая я была дура, — она присаживается на краешек кровати и трет глаза. — Набитая идиотка! Как я жалею... Мне хотелось... понимаешь, доказать ему, что я

обычная женщина — с пороками, слабостями! Он ведь... что ни говори, очень хорош в постели.

— Не то слово, — киваю я.

— С другими было не в пример хуже, но... я все равно это делала просто ради того, чтобы досадить ему. В некоторые месяцы это было единственной моей целью!

— О Боже мой, — я закрываю рот ладонями. Она делает то же, испугавшись. Ей хотелось выговориться, и она нашла слушателя. Боже, мне становится так обидно за своего Математика, что если бы она не была в положении, я бы ей все волосы на голове нахрен повыдергала!

— Но это в прошлом, — быстро добавляет, взяв себя в руки. Поднимается на ноги. — Не ценила, не понимала. Сейчас расхлебываю. Аукнулось еще как! И эти девять месяцев равнодушия стали мне уроком.

— Ксюша, он не урок тебе преподает. Ты добила чего хотела, он разлюбил тебя.

— И полюбил тебя?

Мы будто говорим о разных людях. Описанный Ксюшей Егор сильно отличается от того мужчины, которого я видела на подоконнике с другими женщинами, и от того, что знаю лично, поэтому несколько секунд я растерянно моргаю, не зная, что сказать. Тем не менее, молчать не намерена:

— Ксюша, может... вы просто-напросто не подходите друг другу? И никогда не подойдете. Зачем ты его удерживаешь? Ведь вы оба не счастливы в этом браке.

— Дело было во мне. Но я исправлю ситуацию. Ребенок окажется его, он вернется ко мне, и больше уже я его никогда не обижу.

— Ты в этом так уверена?

— Сегодня уйду я, — она направляется к выходу, я провожаю, — но знай — недолго тебе осталось с ним спать. Очень скоро он откажется от этой квартиры и от тебя вместе с ней. Вот увидишь. А если не откажется... очутившись на моем месте и хлебнув с ним «семейного счастья», ты поступишь точно так же, как я, сама увидишь. Счастья тебе не будет.

— А тебе удачных родов, — говорю ей вслед с улыбкой. Как только за Ксюшей закрывается дверь, я сползаю по стеночке в коридоре и закрываю голову руками, словно сверху падают камни. Сжимаюсь в комочек и часто дышу. Тихие слезы оставляют дорожки на лице. Через секунду дверь распахивается вновь — снова эта змея. Мгновение она смотрит на меня, кивает, делая какие-то выводы:

— И это только начало, — говорит мне, а затем уходит окончательно. Я подскакиваю с места, бросаюсь к двери и проворачиваю ключ в замочной скважине, чтобы нежданных гостей больше не последовало. Беру подушку и со всей силы швыряю на пол. Рычу от злости и бессилия. Экстрима ей в жизни не хватало! Аа-а. чуть не угробила, сука, мужика, потому что удобно с ним жить, а теперь чувствует себя жертвой ситуации! Не может такого быть, чтобы ей снова повезло. Чтобы малыш оказался от мужа! Черт, не верю в это!

Как же я зла! Просто в бешенстве! И на себя в том числе, что она вернулась — и увидела меня побежденной. По ощущениям — это самое обидное! Я прыгаю по подушке, затем иду на кухню, открываю холодильник и достаю бутылку вина, с помощью штопора мастерски — ни одного

лишнего движения, сама себе удивляюсь — откупориваю ее с громким хлопком и делаю большой глоток прямо из горлышка

С этой, мать ее, Ксюшей точно спиться недолго.

Несколькими минутами позднее я успокаиваю земноводное, которому по большому счету вообще безразлично, что происходит вокруг, — наверное, таким образом я пытаюсь справиться с собственными эмоциями. А потом ухожу к себе домой, гадая, как отреагирует Егор, чью сторону примет. Страх практически нет — в понедельник он меня удивил, сейчас же я даже не сомневаюсь в том, что он не примет вражескую сторону.

Днем мы с Сашей катаемся в парке на самокатах. Часом ранее пробежал по всему району небольшой теплый дождик, поэтому мы гоняем прямо по мелким лужам, вспоминая детство. Мои икры забрызганы крупными и мелкими грязными каплями, синие кеды наполовину мокрые, у Саши ситуация немногим лучше. Мы крадем у лета последние теплые денечки, боюсь, не привидится уже в этом году возможности пощеголять в коротких шортиках. А может, и с Сашей вот так потусить больше не получится.

Утомившись, мы вытираем влажными салфетками ноги, едим мягкое мороженое и взахлеб обсуждаем недавнюю свадьбу — как ни в чем не бывало — из чего мимоходом делаю вывод, что Ксюша держит язык за зубами, информацией пока не делится.

Чувство вины потихонечку гложет, и чем больше времени проходит с утреннего разговора с Озерской, тем сильнее я о нем жалею. Уговариваю Сашу сходить после парка в кино, а затем поехать ко мне. Общая подруга — важный источник информации, мне страшно, что наша ссора спровоцирует внеплановые роды. Я солгала — не молюсь я о том, чтобы ребеночек оказался не от Егора. Дело ж уже сделано, хоть молись, хоть нет — ДНК не поменяется. Но я прошу у Бога здоровья ее малышу который не виноват в том, что его мать не думала о последствиях, мстя мужу за то, что он любил ее не так, как ей этого хотелось бы. Малыш вообще ни в чем не виноват, и Егор прав — он должен родиться в атмосфере мира, никак не ненависти.

Ни он, ни я просто не сможем быть вместе, если над нами нависнет настолько сильное чувство вины.

Весь вечер прокручиваю в голове утренний разговор.

Вина Егора очевидна, он слишком широко распахнул перед Ксюшей «дверь», впустил во все уголки своей жизни, что окончательно испортило ее отношение к нему. Теперь от Ксюши сложно избавиться. Он заперол этот брак не меньше, чем она сама. Им обоим нужны свобода и новый шанс.

— Как там у Ксюхи дела? — спрашиваю, не выдержав, в один из моментов вечера у Саши. — Не родила еще?

— Понятия не имею, — пожимает та плечами.

— А что так? Я думала, вы крепко дружите.

— Она... изменилась за те годы, что мы не общались. А беременность, видимо, добавила, — Саша закатывает глаза и крутит у виска.

— Гормоны.

— Наверное. Но язык все равно нужно держать за зубами.

— Она что-то обо мне сказала, да?

Саша смотрит на меня внимательно:

— Я не хочу рассказывать. Но... она отвратила от себя тем вечером если не навсегда, то надолго. И Леся смертельно обиделась, и мне стало неприятно.

— Что-то про мой бизнес ляпнула? — улыбаюсь. Та кивает и, вздохнув, сдается:

— Попросила не приводить тебя больше, потому что у тебя плохая аура и ты можешь плохо повлиять на ее ребенка.

— Саш, да я даже покойных зачастую не вижу! Я просто продаю их родственникам атрибутику.

— Если она не хочет видеть тебя, то я не хочу видеть ее. Шутки шутками, я никогда не скрывала, что всем сердцем надеюсь, что однажды ты продашь этот кошмарный бизнес и откроешь магазин бижутерии, — она подмигивает мне, и мы обе смеемся, — но я никому не позволю высказываться о тебе в подобном тоне.

— Спасибо, Саш. Это очень много для меня значит.

— Пф-ф, это даже не обсуждается! Ну ее в баню.

Мистер Математик

В последнее время я часто думаю о контексте. Интересная вещь, знаете ли, — буквально несколько вступительных предложений могут кардинально изменить представление о ситуации. Ангелочкам оборвать белоснежные крылья, а бесам, например, приляпать на рогатую голову потертый, погнутый нимб, который, в общем-то, им и не идет вовсе, но зрителям так больше нравится. Зрителям всегда виднее, поэтому задача автора — покоренный металл по возможности выправить, почистить, какие-то пятна непонятные, биологического происхождения, оттереть в первую очередь, а само сомнительное украшение на липучку посадить. Перья, опять же, ангельские не помешает туда-сюда повтыкать. Лишь бы не в задницу. Красота. Никогда не ведитесь. Разделения на добро и зло не существует, все мы одинаково виноваты, просто в каких-то ситуациях заслуживаем больше понимания, чем остальные.

А еще контекст может, например, заставить сочувствовать мужику, крутящему бурный роман за спиной беременной жены. Ей рожать со дня на день, а у меня березки за окном, деревеньки полузаброшенные. Дорожная глухая романтика. С каждой минутой я все дальше от Москвы, помогаю другой женщине свозить ее больного дядюшку попрощаться с семьей, которая его терпеть не может, на письма-звонки не отвечает. Вот нафига мне эти сложности?

Две минуты назад, сразу после того, как проводница притащила стаканы с чаем, Вероникин дядя заявил, что я — хороший человек. Боже, снимите с меня этот ангельский символ, уши натирает, которые, кстати, горят со вчерашнего дня по непонятной причине.

Владимир Иванович, до вас мне, по большому счету, нет вообще никакого дела; если бы я не

млеет от улыбки вашей горячей племянницы и не пытался эту улыбку вызывать всяческими способами, очень сомневаюсь, что вы бы остались обо мне столь же высокого мнения. Сам того не понял, как вместо офиса в период горячки оказался в этом тесном вагоне, и под равномерный стук колес по рельсам выслушиваю ваши бесконечные истории из шальных девяностых. Сам, блин, не понял.

Вы меня практически не раздражаете. Даже больше, я чувствую признательность за Веронику, так что продолжайте болтать, черт с вами, послушаем.

Веро смотрит в окно, хмурится, о чем-то задумалась. А в вагоне уютно просто от того, что она здесь находится, причем не то чтобы в принципе, и не кому-то другому, а именно мне. Эксклюзивное право на уют рядом с этой женщиной. От одной мысли пульс учащается.

Контекст может спасти, а может уничтожить. Всегда есть причины, даже суд вынужден с ними считаться, терпеливо выслушивать различные версии и выносить вердикт на основании общей картины. Но реальный мир — это вам не какой-нибудь суд, пусть даже и продажный, в простой бытовой жизни мы предпочитаем делать выводы, основываясь исключительно на собственном опыте. Я изо всех сил стараюсь не делать этого. Мне хочется начать все с начала с женщиной, которая меня любит. И ради которой я творю глупости, подобные сегодняшней.

Мыслей в голове — осиный рой, и вроде бы слушаю дядю, но постоянно переключаюсь на собственные проблемы.

..И тогда я решил, что куриных окорочков с меня хватит! Все, никаких продуктов! Руки лучше мне отрежьте по локти обе! По этой самой причине, между прочим, Европа для меня, Егор, закрыта, только сунусь — ей-Богу, двадцатка минимум светит. Денег оставалось совсем ничего, я понятия не имею, как выживать, за долги отобрали дом, машину... ночью по трассе еду, снег валит, морозец жмет. И, как на зло, семерка заглохла. Вокруг темень, ни души. Посветил фонариком и понимаю — кладбище. Прямо через дорогу! Не лгу, так и было! Слезы по щекам катятся, замерзну ведь тут за ночь, вот она остановочка моя. Судьба настигла. Смотрю на кресты, а потом осеняет — знак. Свыше даден! Падаю на колени и..

Это все, конечно, звучит захватывающе, но мне тоже есть чем поделиться, жаль, слово не вставишь. Ребята из «БК» встретили вашего покорного слугу как родного. Рот не дали раскрыть, потащили на экскурсию по офису, затем запихали в автомобиль и вывезли за город. Нет, руки не вязали, пистолет к виску не прикладывали. Наоборот, конечной целью часовой поездки оказалась загородная дача — такая вполне себе представительная, квадратов в семьсот, а на даче, как несложно догадаться, полным ходом шла вечеринка. И я как бы понимаю, что мне на следующий день с пожилым человеком в одном вагоне ночь ехать, но совсем отказаться от алкоголя — не получается.

Праздник, к счастью, оказался не в мою честь, попал я на него случайно и вроде как — удачно, сразу со всеми, возможно, будущими коллегами перезнакомился. А потом кое-как слинял. Вечерний воскресный «Сапсан» пропустил, на утренний в полшестого — опоздал. Жесть. Только забрался в поезд, нашел свое место — моментально вырубился, глаза закрыл-открыл — Москва, родимая. Свежо на вокзале, воротник куртки поднял, бегом к такси, на котором, разумеется, встаем в бесконечную пробку. В «Сапсане» мобильный на зарядку поставил, но совсем забыл, что телефоны сами по себе не включаются. Только на подъезде к дому вспомнил о сотовом — в итоге десять пропущенных от Ксюши, два от Вероники и три миллиона с работы. О да, планерка. Вот черт. Решил разгрести проблемы по мере их поступления.

Ксюша не родила. А Вероника говорила как-то... странно. Голос подозрительный, вопросы задавала разные... Словно почувствовала, что не только работал, а вечеринкой дело закончилось. Смысл скрывать? Было — было. Ну выпил, но не вусмерть же.

Дома Галка меня проигнорировала, как обычно. Хотя в чем-то есть постоянность. Душ привел в чувство — дальше яичница — чашка крепкого кофе.

«Егор, сегодня все в силе?» — смс от Вероники.

«Конечно, я же обещал».

И вот, после часового ора Санникова-старшего на тему, что я «самый бездарный и ненадежный писака на его канале», мы в поезде. Вероника молчит. Или напридумывала себе чего-то, или сама напортачила.

Покурить со мной выйти отказывается, а не буду же я ей наводящие вопросы задавать при дядюшке и сиделке? В итоге наедине нам удастся побыть, только когда дядя засыпает около десяти. Силком выволакиваю девушку в тамбур, она сквозь зубы объясняет, что безумно хочет спать, но если намотать косу на кулак, то идет как миленькая.

— Ай, больно же! Придурок! — шипит на меня. Обнимаю и прижимаю к себе. Наконец-то.

— Выключай уже, — получается раздраженно, хотя, клянусь, не планировал ссориться. Просто устал.

— Что? — глядит на меня во все глаза, моргает.

— Режим «динамо», вот что. Я ведь молодец: пообещал помочь — помогаю. Дядю твоего на машине привез, до поезда довел, погрузил. Что не так? Чего ты меня морозишь весь день? Где провинился?

— Егор, а ты не знаешь? — пронзает взглядом.

— Эм. Да прекрати, честное слово, я вел себя лучше всех. Бабы были, кокс был, я рядом с этим всем замечен не был, — шепчу ей на ухо, исследуя руками тело.

— Какие еще бабы?! — она отпихивает меня и выпучивает глаза. — Это че за работа такая новая? Еще не устроился, а уже бабы?! — впивается ногтями в мои плечи.

— Ай! Да ладно тебе, на библии клянусь — ничего не было. Медийная работа, медийные вечеринки. Ты решила, мы там в «монополию» рубились весь вечер?

— В «мафию»!

— Вероника, они меня ничем не удивили. Все это я уже видел. По тебе скучал, — мои руки на ее талии, незаметно, палец за пальцем, проникаю под облегающие джинсы. Я ведь правда скучал, приворожила, вампирша.

— Мать твою. Егор, мы вчера из-за тебя с Ксюшей чуть не подрались! А ты в это время... какие-то новые бабы?!

— Чего?!

* * *

Младшему сыну Владимира Ивановича лет десять на вид, а он говорит так, будто каши в рот набрал, проглотить забыл, да так и хранит ее на случай внезапного голода. Подмывает сказать — прожуй сначала! Удивляет то, что столь сильный речевой дефект замечаю я один, остальным до пацаненка нет никакого дела. Люди, очнитесь, в этом городе есть хоть один логопед? Давайте их познакомим.

Последние два часа народ общается на кухне, дела семейные, смущать своим присутствием не хочется, поэтому курю на балконе и смотрю сериальчик на телефоне, никого не трогаю. Терпеливо жду, когда можно будет отчаливать в гостиницу, как вдруг заглядывает этот. Мелкий. В руках гелевый шарик. Подкидывает и ловит, отбивает ладонями — привлекает внимание всевозможными способами. Шарик перелетает через борт балкона, едва успеваю поймать в прыжке и возвращаю.

— О, спасибо, дядя...

— Просто Егор. Праздник какой-то у вас, что ли? — спрашиваю я. — Полагаю, не в рамках подготовки к визиту нашей миротворческой делегации?

Пару раз он моргает, переваривая услышанное, потом пожимает плечами и отвечает:

— Так днюха вчера была. У меня. Квартиру украшали, — закатывает глаза, дескать, мама есть мама, — полопали с друзьями шары, некоторые выпустили из окна, а этот на шкаф запрыгнул, запутался там, я только сейчас случайно обнаружил. Можно к тебе? — спрашивает он. — Надоело сидеть в тишине и слушать это, — указывает на окно кухни.

— Да пожалуйста, если мамка не заругает, — киваю парнишке. Тощий, рыжий, совершенно не похож ни на дядю Вову, ни на Веронику. Еще и шепелявит так, что у меня уши кровоточат. Вот как так можно? Ладно, близкие родственники — привыкли и не замечают, верю, но в школе-то почему не бьют тревогу? Через слово ж не понятно, о чем лепечет.

— Все еще выясняют отношения? — спрашиваю.

— Да. Мамка гордая, не хочет деньги брать. А отцу, брат говорит, совесть перед смертью нужно почистить. Приехал сказать, что в завещание нас вписал, а мамка еще по телефону ему заявила на той неделе, что не будет вступать в наследство. И пошло-поехало.

— А ты что думаешь по этому поводу?

— А мне-то что? Как мама скажет. Жили ведь раньше без него, и сейчас справимся.

— Зря она. Если хочешь мое мнение — никогда нельзя отказываться от денег. Не знаешь ведь, что ждет впереди. Вдруг пригодятся? Мне бы сейчас заначка точно не помешала бы.

— Он ее обидел очень. Нас всех обидел. Пять лет не общаемся, а тут вдруг мириться решил!

— Она тоже ведь «хороша». Запрещала вам общаться, кто так делает?

— Запрещала — значит, надо было, — отрезает малой. — Он себе другую нашел.

— Но вы-то ему менее родными от этого не стали, — он отбивает шарик от стены, я ловлю, машинально начинаю крутить в руках. — Ладно, дело ваше. Вот тебе идея на «подумать» —

недвижимость не портится, купили бы что-то и пусть стоит, сдается. А потом ты вырастешь, и будет куда невесту привести.

Он пожимает плечами.

— А ты жених Вероники?

— Типа того.

— А как понять «типа»? В смысле, как и мой отец? Маму любит, но не только ее одну?

— Нет, не в этом смысле, — улыбаюсь, — других я не люблю, но и жениться не собираюсь.

— Дебилизм, — вздыхает он.

— В точку, — повторяю. — Прояви милосердие, обними старика напоследок, он уйдет с легким сердцем, и ты потом не будешь всю жизнь к этому моменту возвращаться. Родители ведь одни, и их не выбираешь.

— А твои родители тоже чудят?

— Поверь, у всех чудят. Просто по-разному. И в коллективе таким хвастаться не принято.

— Расскажешь?

— Давай я тебя лучше фокусу научу, — начинаю развязывать нитку на шарике.

Интересный разговор получается, но десятилетнему пацану рано знать о разного рода кризисах, которые случаются у людей при размене очередного десятка лет. И мама с папой, к сожалению, не исключение.

Мать вчера звонила прямо на вечеринке, то-то батарея у меня и села, больше часа с ней проговорили. На папу снова жаловалась. Скажете, не стоит о таком знать сыну? Наверное, не стоит, а кому она еще позвонит? Регине? У нас такая разница во времени, что попробуй еще поймай сестрицу бодрствующей. Хотя в этот раз мама поставила в тупик даже меня. Папа снова начитался всякой хе*ни или порно насмотрелся, или поделился с ним кто-то особыми знаниями... вот спасибо за услугу. В общем, решил он на старости лет наверстать все эротические извращения, которые во времена его молодости были не приняты. И страшно, и хочется. Получил зарплату, набрал на нее игрушек в секс-шопе — причем, судя по маминой истерике, — с консультантом ему явно повезло. Припер мешок с подарками домой, вывалил к ногам своей любимой и давай требовать экспериментов. И смех и грех, они с мамой через столько прошли вместе, и оказывается, через столько еще пройти предстоит...

Понимаете, у моих родителей такая любовь, что все знакомые поражаются. Сорок лет вместе, отец ни разу на измене замечен не был. Мама-то понятно — любит его до безумия, но и он молодец — не помню, чтобы когда-то мотал нервы по этому поводу. По его мнению, «все бабы — шлюхи, кроме моей матери», за нее и держался. А сейчас, когда у папиных друзей- ровесников бурная молодость осталась за плечами и настало время спокойной тихой старости, у него, наоборот, резьба слетела: требует старый х*ен от мамки всяческого, еще и угрожает, что если не разрешит, то пойдет искать приключений на стороне. Типа сама виновата. Она в слезы. Звонит, спрашивает, что делать. Начала мне названия перечислять... всякие, интересуясь, не опасно ли это. Писец.

О таком не то что десятилетнему мальчику не расскажешь, самому знать не хочется. Родители ведь... Ладно, я взрослый дядя и понимаю, что родители мои сексом занимаются, ну как минимум делали это дважды, раз у меня есть сестра, но... не хочу я вообще об этом думать!

А приходится. Поговорил с мамой, потом с отцом. Дал ему... пару советов. После этого сам Бог велел набухаться. Но, честное слово, никакого порошка, дури и прочего. Вел себя исключительно пристойно.

— А звать-то тебя вообще как? — спрашиваю у двоюродного брата Вероники.

— Максим. Ты уже спрашивал.

Минут через пятнадцать к нам заглядывает Вероника и застаёт нас с Максимом сидящими на полу и смеющимися до слез.

— Что здесь происходит? — спрашивает она настороженно. И показывает мне знак, что если я накурился, горло мне перережет.

— Покажи ей, — хохочет мелкий. — Ну же, Егор, давай!

— Дверь закрой, — хрипло говорю ей. Слушается, но смотрит строго. Я прочищаю горло и говорю быстро: — В недрах тундры выдры в гетрах тырят в ведра ядра кедров. Выдрав с выдры в тундре гетры, вытру выдрой ядра кедра, вытру гетрой выдре морду — ядра в ведра, выдру в тундру, — и замолкаю. Мелкий хохочет, аж закатывается.

— Чего-о? — тянет Вероника, расслабившись и улыбаясь. Выдыхай, девочка, я ж не совсем идиот — курить при детях.

— Попробуй сама. В недрах тундры...

Она повторяет эти три слова. Я хапаю гелия из шарика и добавляю:

— Выдры в гетрах тырят в ведра ядра кедров!

Мелкий хрюкает, Вероника хохочет в голос. Я тоже улыбаюсь, люблю, когда ей так сильно весело. Из-за меня.

— Как ты это делаешь? — она складывается пополам, вытирает уголки глаз.

— А ты попробуй, иди сюда, малышка, — двигаюсь на коврике, и она падает к нам в середину, после чего мы втроем по очереди пытаемся выдать скороговорку, не запутавшись. Полностью, правда, выходит только у меня. Макс совсем плох, нужно ему прям работать часами-месяцами, если не годами. Вероника значительно лучше, но язычок пока слабоват.

— Я не знал, что тренировать дикцию может быть так весело! — вопит Максим.

— Это ты еще не слышал Ломоносова в его пьяном исполнении, — заверяет Веро. — Меня он этим просто покори́л. Едва на ногах стоял, но читал... мм-м-м, безусловно! С выражением.

— А как же! У тебя просто не было моей бабули, — делюсь я воспоминаниями о тяжелом детстве. — Однажды она белила потолок, а я рядом читал стихи. И в какой-то момент что-то отвлекся и то ли концовку съел, то ли строчки перепутал... она не сдержалась и, следуя порыву, впечатала мне валиком по физиономии! Щипало капец.

— Известкой? О Боже! — сочувствует Вероника.

— Понятия не имею, почему девчонки лучше клюют на бойцов миксфайта, чем на филологов. Не уверен, кому успех давался сложнее, — усмехаюсь. Вероника незаметно проводит пальчиками по моему животу, руке. Ловлю их и стискиваю.

Она хапает гелия и пробует:

— В недрах тундры выдры в гетрах тырят кедров. Выдрав выдру в тундре, вытру ядра...

— Выдрав выдру, вытру ядра, ага, — гогочу, повторяя за ней. Кажется, у меня начинается истерика. Она густо краснеет и ругается:

— Вот черт! Егор! — стучит мне по груди кулачками. — Боже, я не это...

— Выдрав с выдры в тундре гетры, вытру выдрой ядра кедра, — заканчиваю за нее.

— Потрясающе, — мелкий смотрит на меня в восхищении.

— Тренируйся, пацан. Ты ж мужик, будущий победитель по жизни. А победители раздают указания четко и понятно. Прости, но твой лепет... — я хапаю гелия, чтобы не вышло слишком жестоко: — только смех вызывает.

Он багровеет вслед за Вероникой, но хихикает. Видимо, я угадал — попадает в школе.

— Это работа. Научиться правильно говорить — тяжелый труд. У меня тоже была кошмарная дикция, но все поправимо. Бабушка заставляла часами читать стихи и скороговорки! Я ненавидел к ней ездить, но в итоге благодарен, что не пустила на самотек.

— В недрах тундры выдры в гетрах тырят в ядра ведры кедров... блин! — психует Вероника. — Еще раз, — она закрывает глаза и, сделав глубокий вдох, медленно проговаривает правильный вариант первого предложения.

— О, у нее получилось! — говорит Макс.

— Да, вторую часть разучим сегодня ночью, — будничным тоном, Вероника не больно щипает меня за руку. Но выводы для себя делает. Может, мой намек подействовал таким образом, а может, встреча с Ксюшей — неприятная ситуация, конечно, и меня, как назло, в городе не было, — но как только вечером мы попадаем, наконец, в наш номер, она тут же обнимает меня за шею и целует в губы.

— Ух ты, — улыбаюсь и кладу руки на ее талию. Кажется, ей уже приятно, девочка эротично выгибается, льнет к моей груди.

— Спасибо за сегодняшний день, — шепчет она мне и водит пальчиками по моим плечам, — и вообще спасибо за все. Я так рада, что дядя с Людмилой помирились, а мы с Максом контакт наладили именно благодаря тебе.

— Егор Дмитриевич кто-о-о?

— Большой молодец! Знаю, что дядю выносить непросто, но ты продержался мужественно и заслужил свой приз, — она стягивает с себя топ через верх и бросает его на кровать.

— Ух ты, — повторяю снова. — Ты краснеешь.

— Я не краснею, я сияю! — восклицает она с улыбкой. — Твоя жена как только меня не обозвала, и, кажется, я готова заслужить каждое слово.

— Подожди, — она задирает мою майку, нежно гладит, отчего пресс напрягается сам собой. Сердце мгновенно разгоняется с полуоборота до максимума. Вероника сжимает мой стояк через джинсы, расстегивает пуговицу на ширинке. — Тихо, тш-ш, ты что? — останавливаю ее. — Малышка, чего вздумала? Завалить наше пристойное поведение сегодня?

— А что толку-то, все к тому идет. Днем раньше, днем позже...

— Нет, так не пойдет.

Она замирает, а затем отдергивает руки, будто ее ошпарили. Отскакивает от меня и прикрывает лифчик руками. Хватает с кровати кофту, крутит ее в руках, но в спешке никак не может сообразить, где лицевая сторона, а где изнаночная.

— Подожди, Веро, не обижайся, все хорошо. Детка, ну ты чего, — хватаю ее на полпути в ванную за руку, тяну на себя, а затем на кровать. Падаю на нее сверху. Отбивается, пытается выкрутиться, кусаться. В итоге прижимаю своим весом, держу крепко.

— Мне больно! — рычит.

— Что случилось? — спрашиваю строго.

— Тебе виднее. Ты ведь меня больше не хочешь.

— По мне видно, что я тебя не хочу? Ты бредишь сейчас?

Некоторое время мы часто дышим, глядя друг другу в глаза, потом она отворачивается и обиженно надувает губы.

— Я просто устала ждать. И эта сука... Боже, Егор, она столько мне про тебя наговорила! Я была в таком бешенстве, ты себе даже не представляешь! А еще я боялась, что ты примешь ее сторону. Что она разыграет перед тобой сцену — упадет в обморок или что-то такое, и ты кинешься ее спасать, обвинишь меня... Да твоя жена — терминатор! Я ночь не спала, переживала, а она утром выставила фото из бассейна, счастливая и здоровая, как лошадь!

— Тебе разве не все равно, что она делает и чем занимается? Веро, я уже договорился с адвокатом: ребенок рождается, тут же берем кровь на анализ, сутки уходят на получение результата, что я не отец, затем адвокат передает бумаги в суд. Все. Он мой хороший друг, грамотный специалист, я ему полностью доверяю. Гриша обещал, что из кожи вон вылезет, но за месяц разведет меня.

— А если ребенок твой? — спрашивает она. Я откидываюсь на кровати, она садится рядом.

— Ну, значит, буду говорить с Ксюшей. Если встанет в позу, то придется год подождать, но это ничего не значит. Тем более, я практически уверен, что он не мой.

— Откуда? — спрашивает она и впивается в меня взглядом. Становится не по себе.

— Интуиция, — отвечаю. Вероника склоняет голову набок.

— Слушай... ты извини, если я ляпну лишнего, но твоя уверенность в этом ставит в тупик. Поначалу я думала, ты так пытаешься меня успокоить, но недавно вспомнила... Я же

прочитала несколько глав твоей книги, там герой рассказывает, что у него не может быть детей, — говорит она тише. — А ты намекал, что книга автобиографическая. Насколько много в ней тебя, Егор?

Я подтягиваюсь на руках, присаживаюсь. Отличный момент, скажи ей. Кивни.

Просто скажи ей правду, и ты обо всем узнаешь. Поймешь, стоишь ли в ее глазах того, чтобы пережить ради тебя скандальный развод и пройти через весь этот писец, который предстоит. Бракованный человек, серьезные отношения с которым — ошибка, трата времени. Ничего никогда не изменится.

А может, все же стою? Смотрю на Веронику, она так и не надела свою кофту, в низких джинсах и в розовом полупрозрачном лифчике. Ее взгляд прожигает, у меня сердце в груди ноет. Я просто... не могу ее испугать сейчас. Я так мало давал ей все эти месяцы, в основном грузил собственными проблемами, никак не облегчал участь любовницы, а ведь знаю, что больше всего на свете она боялась повторить судьбу матери.

Стоит ли бесплодный мужик таких жертв?

И в этот момент, когда я впервые так четко ощущаю, что могу потерять ее, — осознаю, насколько сильно влюбился в эту девушку. Я ей скажу, она отвернется, и на этом все закончится. Боже, я люблю ее. Но ведь лгать — тоже неправильно. И без того мы с ней напортачили, строим отношения на руинах моего брака, не самый устойчивый фундамент. Выдержат ли они контрольный в голову?

Криво улыбаюсь.

— Меня там много, — отвечаю уклончиво, внимательно следя за ее реакцией. Ничего. Просто смотрит, никаких эмоций. — Но не на сто процентов, разумеется.

— Тогда почему бесплодие?

— Я действительно пережил нечто подобное, — говорю медленно, она не моргает. — В прошлом. В шестнадцать лет проходил взвешивание, и случилась потасовка. Ты вообще знаешь, как организовываются бои?

— В общих чертах.

— Ну вот, за день до боя проходит такая процедура, как взвешивание. Собираются спортсмены, журналисты, судьи... короче, все. Бойцы встают на весы, их вес фиксируется, если все окей — в категорию проходим — то... как сказать, будущие соперники грозно друг на друга смотрят, типа напугать перед завтрашним днем. В это время их фотографируют. Психологическая атака. Драк обычно не случается.

— Но в тот раз случилась?

— Ага. Мы там с одним чуваком несколько лет находились в контрактах, на ринге он меня уложить не мог, а тут сорвался. Причем получилось... эм, некрасиво, я ему кое-что сказал тихо, позлить, он дернулся и зарядил мне в пах, что запрещено даже на ринге. Я не ожидал, был вообще не готов. Разумеется, без защиты.

— О Боже мой! — Вероника хватается за лицо, на ее глазах блестят слезы.

— Да не переживай так сильно, больше десяти лет уже прошло. Он просто понимал, что любой другой удар я отражу. Это был единственный способ меня вырубить. Ну и его, разумеется, дисквалифицировали сразу же.

— А ты?

— Я тогда впервые в жизни сознание потерял от боли. В чувство пришел быстро, но боль... бл*ть, была адской. Скорую вызывать не стали, так как хотелось попасть все же на соревнования, мне всадили обезболивающее, под которым я даже на следующий день умудрился выступить. Ну, и как-то за несколько дней потихоньку прошло. Наш врач тогда рвал и метал, настаивал на госпитализации, но мы с тренером решили, что бой важнее, нашему клубу тогда нужна была победа. Врач в сердцах заявил, что после таких травм дети не рождаются, но я забил. Мне тогда детей совсем не хотелось, как раз на днях с подругой почудили и ждали ее красные дни, как манну небесную. Но слова в памяти отложились, и периодически в голове всплывали. Потом, через несколько лет, я встретался с девушкой очень серьезно, и мы особо не предохранялись, после очередного пролетного месяца она назвала меня счастливым. И я забеспокоился. Сдал анализы. Нервничал ужасно. Благо, все обошлось, но знаешь... пока ждал, надумал себе разного. Отсюда родился сюжет «Божьего ягненочка».

— Фух, какое счастье, что обошлось! — радуется она.

— Ага, — отвечаю я, жадно шаря глазами по ее лицу. Я никогда не трусил на ринге и не пасовал перед трудностями, можете спросить у Санни, он приведет в пример миллион историй. Но... когда дело касается этой темы, я теряюсь, не могу сказать правду. И, видя колоссальное облегчение в глазах Вероники, осознаю глубину ямы, в которой нахожусь. В двадцать лет не париться из-за отсутствия резинки — счастье, в тридцать — это проблема. Тут становится не важно, насколько я успешен и как отношусь к женщине. Что бы ни делал для нее, всегда автоматом буду проигрывать любому алкашу, у которого семеро голодных по лавкам.

Автоматом проигрываю папаше Ксюхиного ребенка, да кому угодно! С точки зрения биологии, я — пустое звено, и ни одна женщина в здравом уме не предпочтет меня тому, кто способен зачать. Что бы я ни делал, чего бы ни достиг, я буду проигрывать, потому что когда-то давно по тупости получил травму и долгое время ничего с ней не делал. Пока не стало слишком поздно.

Вероника обнимает меня, а затем снова отстраняется и говорит серьезно:

— Значит, твой герой получил в отличие от тебя печальный диагноз?

— Ага, — киваю.

— А как же ЭКО? Может быть, какое-то лечение?

— Не поможет, он узнавал, — подмигиваю. — Я ведь не с потолка это взял, обговорил с врачом возможные варианты. Я попал в те пятьдесят процентов, которым повезло, мой герой — соответственно, в противоположные.

— Ясно. Какой кошмар, Егор. Никогда своего ребенка не отдам в спорт, я даже не представляю, какая это боль для мальчика.

«Своего ребенка». Будут у тебя дети, Вероника, обязательно.

Я ее обнимаю, прижимаю к себе и целую в макушку. Хорошая она, сочувствует мне,

переживает сильно.

— Спорт нужен, просто, может, не такой. Возможно, я сам виноват, за языком не слежу. С Санни ведь подобного не случилось.

— В твоей книге не будет хэппи-энда? — спрашивает она. — Может же случиться чудо, родной? Пожалуйста.

— Это такое дело, знаешь... у моего врача стаж работы больше тридцати лет, он узнал, что я пишу книгу, и согласился пообщаться вне стен больницы. Рассказывал разные случаи из практики. Например, однажды к нему приходит чувак, который не мог зачать детей с молодой женой. Оказалось, что у него проблема, как у моего героя. Мужик пришел в бешенство, у него ж с первой двое ребятшек, более того, женился по залету. Закатил скандал, сделали тесты: оба ребенка — его. Чудеса.

— Ого! Вот знаешь, так ему и надо, старый козел, нехрен жену бросать ради молодой... дырки! — негодует Вероника, я смеюсь.

— Ага, нефиг. Так что всякое случиться может, но на месте своего героя я бы не надеялся особо, — заканчиваю эту тему.

— Не терпится уже прочитать. Скорее бы ты закончил.

— Так уже. Немножечко осталось. Я тебе не говорил, но синопсис Регина почти перевела на английский, процентов семьдесят готово. Она, конечно, умничка, очень мне помогает. А еще у нее чутье есть, нескольких сейчас очень популярных авторов в Америке открыла именно она.

А нам с тобой после моего развода немного денежек не помешают.

— Там хорошо платят авторам?

— Неплохо. Особенно по нынешнему курсу — с голоду не помрем точно, лишь бы получилось. В любом случае ответ редактора получим до зимы. Такая — важная судьбоносные решения — нам предстоит осень.

Вероника

— Не обижайся. Веро... Ве-ро-ни-ка-а-а, — тянет он лениво, смакуя гласные в моем имени. От хрипотцы в голосе кожу покалывает и вроде бы на ухо шепчет а эффект, словно касается моих губ, шеи, плеч... Вот ведь чудеса. Неловко немного и приятно одновременно.

— Ну что, Егор? — хмурюсь через силу.

— Не обижайся, ладно?

— Ладно.

— Точно?

— Не точно.

Мне нравится делать вид, что дуюсь на него. Он чувствует себя виноватым и старается усерднее, чем обычно. Я вновь королева, несмотря на скромные декорации в виде стен единственной и скорее отталкивающей, чем уютной гостиницы этого небольшого городишки,

вынужденного стать нам приютом на несколько дней. Глупая королева в белье за сто евро на застиранных простынях в цветочек. Ну и ладно, главное, что он не замечает ничего вокруг, смотрит только на меня, любит. А мне большего и не нужно. Распустила волосы, нанесла легкий макияж перед сном, чтобы выглядеть привлекательнее. После визита Ксюши я чувствую себя перманентно расстроенной, виду не показываю, а внутри — буря, метания. То я готова к войне и ударам со стороны этой обиженной умом суки, то переживаю, что не справлюсь с грузом вины, который она на меня обрушит.

Он должен смотреть на меня вот так, как сейчас. Целовать мою шею очень нежно, медленно, чтобы не потерять контроль над ситуацией. Дышать на меня, до дрожи хотеть мое тело и, конечно же, думать только обо мне. Коварная искусительница Вероника вернулась, она умело соблазняет Математика. Не дает ему ни секунды покоя, держит в напряжении. Егор охотно ведется, сам полюбил эту игру, выучил правила. Одновременно где-то внутри, в самом укромном тайнике меня, настоящая Вероника забила в кладовку и до смерти боится, что если упустит его внимание хотя бы на минуту, снова почувствует себя лишней, третьим с*аным углом жестокого треугольника, становится частью которого не планировала. Она трясется от страха, что он вернется к жене, не оставив бедолаге ничего, кроме стыда и позора.

Тепло и ласка. Я так нуждаюсь в его заботе, нежности, в его шепоте и заверениях в том, что я первая. Лучшая. Его единственная.

Не могу остановиться. Благодарю природу за свое тело, которое лепила последние пять лет вопреки травме колена. Длинные стройные ноги, плоский живот, высокую грудь. За отличную растяжку и особую плавность в движениях, свойственную людям, отлично владеющим своим телом. Открыто пользуюсь каждым козырем, не щадя его самоконтроль.

А еще я понимаю, что одних обжимашек давно мало. После выходных ситуация накалилась, мы не живем — по битым стеклам ходим. Чтобы привязать его сильнее, мне нужно нечто большее. Мне нужен секс с ним. Такой секс, чтобы он думать забыл о других женщинах. Чтобы с ума сошел в моих объятиях, чтобы охренел от того, как можно трахать. Соревноваться с законной семьей — адский труд, у меня ничтожно мало шансов, но я использую каждый из них по максимуму. Зубами вгрызусь в крохотную возможность сделать любимого мужчину счастливым. И если до прошлой субботы я корила себя за подобные мысли, его жена развязала мне руки.

Я дам ему все и больше, превзойду себя, я дам ему такое, чего он не получал прежде ни с одной из любовниц. Я смогу. Он будет поражен. У меня выбора другого нет. Егор не сможет забыть нашей с ним близости. Любо я стану его наркотиком, либо погибну.

— На что ты готов сейчас ради меня? — шепчу Математику. В комнате полумрак, за окном поздняя ночь, атмосфера располагает к разговорам на личные темы.

— На все, — отвечает, не задумываясь. Улыбается, подонок. Или подыгрывает, или правда так думает. Выгибаюсь в его руках, кладу его ладонь себе на грудь. Целую его в губы так, что он стонет. А потом он меня отталкивает, чмокает в лоб и строго обрубаёт дальнейшие попытки соблазнения:

— Ты будешь моей женщиной после развода, — он предельно серьезен, я сама затаила дыхание. — Когда в ближайшее время тебя доведут до ненависти ко мне, ты вспомнишь эту ночь, мой отказ и засомневаешься — а может, в этом парне все же имеется нечто хорошее? — подмигивает. — Ты хотела гарантий? Вот тебе мои гарантии. Других у меня нет. Если бы мне

было на тебя ровно, мы бы давно переспали. Терпи, Вероничка, — он снова улыбается, минута откровения закончилась. Я отворачиваюсь, а он обнимает со спины, прижимает к себе. Мои бедра плотно прижаты к его паху, его ладони на моей груди, пальцы касаются сосков, отчего я захлебываюсь в удовольствии. Он признается мне в любви. Улыбаюсь, как дурочка. Он мой. Мой. Родной, хороший, самый лучший. Я нужна ему просто спящей рядом. Ему нравится сама мысль, что я буду его женщиной. Наши чувства выдержат. Мы порушим нахрен статистику.

Я не хуже его жены. Лучше. Пусть я буду спать с чужим мужчиной, но сделаю это по большой любви, а уж никак не назло кому бы то ни было, тем более — мужу.

* * *

Лошадка подо мной старенькая, усталая от жизни, взгляд у нее практически такой же флегматичный, как у Галины Егоровны. Всем своим видом животинка как бы говорит: «Чего? Да я скорее усну стоя, чем пушусь в галоп и сброшу тебя у обрыва. Дайте поесть».

Идеально. Мне это подходит. Для верховой прогулки по местному природному заповеднику я выбрала самую безопасную на вид кобылу, как гарантию возвращения из экскурсии в целостности и сохранности. В детстве папа водил меня на ипподром. Он и сейчас любит лошадей, частенько заглядывает на скачки, умеет неплохо держаться в седле. И пусть из-за страха высоты данный вид развлечений меня скорее отталкивал, чем привлекал, — помню, изо всех сил делала вид, что разделяю его увлечение, пытаюсь понравиться. Потом привыкла. Несколько раз с удовольствием ездил верхом с подружками, но это было давно, лет десять назад. Уверенности, что я не забыла, как управлять лошадью, нет, поэтому мы с Маркизой и оказались в одной команде.

Озерский, разумеется, верхом чувствует себя весьма уверенно, нетрудно догадаться почему. Когда-то в детстве он был в восторге от наших «Неуловимых мстителей», а хороший актер — универсальный актер. Вдруг бы решили запустить перезагрузку, а он не подходит для роли из-за отсутствия соответствующих навыков? Маленький Егорка Озерский учился всему, что могло пригодиться для роли. Его упорству стоило бы позавидовать.

— А петь ты умеешь? — спрашиваю.

— Что? А, нет, слуха нет, не получилось развить даже малейшие музыкальные способности. Но у меня неплохое чувство ритма.

— Вальс?

— А то, — наши лошадки шагают параллельно, проводник в нескольких метрах впереди, не мешает беседовать. Егор выглядит немного рассеянным, подозреваю, мыслями он на работе.

— Ритм кроется повсюду, важно увидеть его, почувствовать, — он щелкает пальцами, затем еще раз и еще. — В жизни, работе, сексе. Когда еголовишь — все получается.

— На свадьбе вы... танцевали вальс?

— Танцевали, — отвечает он. Вот дура, сама спросила — сама расстроилась.

— Хорошо получилось?

— Хорошо.

— Понятно.

— Я не люблю танцевать, — говорит он мне примирительно. — Есть вещи, занятия которыми доставляет удовольствие, а есть те, которые выполняешь ради денег. Хорошо, что я вовремя ушел из актерского. Когда учился танцевать, я думал о деньгах и славе, а теперь, когда пишу тексты — получаю кайф. Это та работа, ради которой просыпаешься с радостью. Мне нравится сидеть часами, днями в одиночестве, а потом перечитывать написанное, а после видеть отзывы людей. Рейтинги. В этом я весь. Иногда мне кажется, если я перестану писать, меня разорвет изнутри. Красиво, да?

Я моргаю, пытаюсь переключиться на новую тему. Он не хочет говорить о творчестве, я понимаю почему — переживает из-за карьеры.

Виды вокруг, действительно, завораживающие. Если в Москве все еще пахнет летом, здесь — немного севернее — давно царит теплая, золотая осень. Под ногами шуршит никем не потревоженная листва, воздух влажный, сладкий на языке. Дышишь свободно, полной грудью. От количества кислорода голова кружится, но это приятно, я сама словно становлюсь сильнее, насыщаюсь энергией, которой щедро делится дикая природа. Спокойствие, размеренность — иногда нужно оставлять шумный город ради нескольких часов единения с чем-то естественным и настоящим. Не хочется? Даю себе слово впредь заставлять себя. Мне нравится рассматривать листву причудливые толстые кроны деревьев и тяжелые, нависающие над головами их ветви, слушать пение птиц. Стыдно признаться, но я не узнаю голоса пернатых лесных жителей, приходится то и дело уточнять у мужчины-экскурсовода. А раньше ведь различала, мы с бабушкой часто ездили на дачу за город, ходили по грибы, искали ежей.

Тропа относительно легкая, мы выбрали средний маршрут, рассудив, что опасно начинать с чего-то трудного, да и нет подходящей спортивной одежды. Кто бы мог подумать, что, захотев всего лишь убить время, мы окажемся в сказке. Снова в будущем, где успела наступить глубокая осень.

Двигается наша троика в направлении небольшого озера, в которое впадает быстрая горная речка, прозрачная, как хрусталь. Каких-то три часа, включая небольшие перерывы, в седле, несколько мозолей на заднице и вот он — долгожданный привал.

— Вау, — тянем с Егором хором, замерев на несколько секунд. На расстоянии в пару километров — никого. Ни души. Только горы, покрытые густым лесом, да вода, в которой отражается полуденное солнце, да так ярко, что глаза режет.

Костер, сосиски, наскоро обмытые в речке овощи. Обожаю такую простую, натуральную романтику.

Убедившись, что вокруг никого, Егор решает, что настало время искупаться. Голышом.

— А что? Это полезно! — заявляет он, стягивая футболку, расстегивает ремень. — Здесь же купаются? — Озерский вопросительно глядит на экскурсовода, тот пожимает плечами и отвечает: «Вполне».

Этому ненормальному большего и не нужно. Вниз опускаются брюки вместе с трусами — мы с гидом едва успеваем отвернуться. Проводник хохочет, я краснею.

— О, кайф! — кричит Озерский, шлепая по воде. — Веро, иди ко мне!

— Я приду за вами через полчаса, отдохайте, — хохочет над нами экскурсовод, показывает знак Егору, что он в сговоре, затем забирается на коня и резво удаляется в сторону леса.

— А-а-а! — вопит Егор, заходя по пояс в ледяную воду. Наскоро обмывается, а затем ныряет. — У-у-у, хорошо! Иди же сюда, трусиха!

— Да ни за что! — разувшись, кончиком большого пальца на ноге я опасливо проверяю воду.

Несмотря на осень, с погодой нам повезло, в воздухе уверенно держится градусов двадцать пять. Озеро прозрачное, значительно теплее впадающей в него речушки. Егор заплывает на середину, встает в полный рост, вода едва достает ему до груди.

— Ну же! — кричит он.

— У нас даже полотенце нет!

— Не будь занудой! — он брызгает в меня водой, и хотя капли физически не в состоянии долететь с такого расстояния, визжу и отпрыгиваю. А затем... да к черту все! Хочется ли мне этого? О да! Еще как. Так чего ломаться? Оглядевшись и убедившись, что поблизости по-прежнему только лошади да белки с ежиками, я торопливо снимаю с себя одежду, аккуратно складываю стопочкой. Затем под одобрительный оглушительный свист Егора — все-то он может и умеет — стягиваю белье, прячу его в рукав кофточки, и, соорудив из косы шишку на макушке, очень медленно и осторожно захожу в воду.

Он ждет. Глядит на меня, не отрываясь. Не подгоняет. Просто молча стоит, пока привыкаю и настраиваюсь. Это длится несколько минут, после чего, наконец, решаюсь и плыву.

Не так ужасно, как можно было себе представить. Терпимо.

Доплываю до Математика, скольжу ладонями по его горячему телу, а он в ответ обнимает меня. Мои зубы стучат так громко, что внятно говорить невозможно в принципе, тут покорителю «выдр в тундре» не совладать с речью, куда уж мне! Замечаю, что его губы тоже посиневшие. Мы оба улыбаемся, отбивая челюстями замысловатые ритмы. Неуклюже целуемся, стучаясь зубами. Я обвиваю его бедра ногами, щипаю ягодички. Нам обоим безумно холодно. И хорошо.

— О, я голая, а у тебя едва стоит, — нащупываю его под водой. Озерский смеется.

— Я вообще удивлен хоть какой-то реакции в нечеловеческих, абсолютно не приспособленных для размножения температурных условиях.

Закатываю глаза. Замерз, а все равно выпендривается.

— Я от тебя без ума, — говорю ему невнятно. Он пытается разобрать слова, не может. — Выдры в тундре, блин!

Снова целуемся, а после посылаем романтику к черту и с дикими воплями пульей вылетаем на берег, сжимаясь от адского холода, растирая плечи и бока, покрывшиеся мурашками.

— Псих, мы заболеем! — ругаюсь я, дрожа всем телом. Он протягивает мне свою футболку, которой я поспешно обтираюсь, превратив ее в мокрую тряпку. Натягиваю трусы, штаны, сверху кофту. Егор отжимает свою майку и по возможности обтирается ею, после чего тоже одевается. Его джинсы с трудом налезают на еще мокрое тело. Озерского бьет крупная дрожь.

Рискуя затушить костер, мы бросаем в него сразу кучу веток, а потом сидим рядышком, греемся, наблюдая, как он разгорается, потрескивая. От лежащих рядом шампуров пахнет сосисками. Математик обнажен по пояс, его футболка сушится на ветке ближайшего дерева.

— Замерз, — шепчу, растирая его плечи, осыпая их поцелуями.

— Согреешь?

— А как же.

Прежде чем снова обниматься, мы долго дышим друг другу на ладони. У Егора в рюкзаке чудом обнаруживается четушка виски, и мы по очереди делаем несколько глотков. Это так... глупо, по-детски. Но и хорошо одновременно. Удачно мы своровали у судьбы еще один уютный денечек, не думая о последствиях. Не думая ни о чем на свете. Егор прав: ни окружающие люди, ни даже его жена, которой в браке не хватало острых ощущений, не смогут нас разлучить. Только мы сами, придавая некоторым вещам большее значение, чем следовало бы.

В гостиницу возвращаемся уставшие, вымотавшиеся, но довольные. Решаем посмотреть перед сном фильм, но вырубаемся в первые полчаса.

На рассвете Егор уезжает на вокзал — в обед ему необходимо появиться перед Санниковым-старшим — а я побуду здесь еще сутки с дядей, после чего его старший сын поможет нам сесть на поезд и проводит до Москвы. Непостижимым образом дяде удалось помириться с бывшей женой и детьми после более чем пятилетней холодной войны. Уж не знаю, простили они его из-за обещанных в наследство денег или просто пожалели, своими глазами увидев, насколько плачевно стал выглядеть некогда могучий и уверенный в себе мужчина. Независимо от причин, я благодарна им за согласие пойти на мировую. Когда уход неизбежен, очень важно сделать это правильно, чувствуя поддержку близких. И любовь.

Егор пообещал, что после работы заскочит к маме, поможет договориться с прорабом — мы, наконец, начали ремонт, и помощь мужчины, даже если он просто помелькает перед глазами рабочих, лишней не станет. Мама слишком мягкий и скромный человек, всю жизнь проработала медсестрой в поликлинике, несколько раз отказывалась от повышения, уверяя, что не справится. Она успешно училась на врача, но на третьем курсе родила меня, после чего сразу пошла работать, бросив учебу. За это время, в том числе благодаря отцу, растеряла амбиции и уверенность в себе. Перед мужчинами она робеет, и я переживаю, как бы прораб этим не воспользовался. Недюжинную силу мама показывает, только если дело касается меня — тут уж она любого разорвет в клочья. В отношении же себя готова терпеть любые обиды и унижения, принимая их как должное, и я презираю отца в том числе за то, что ни разу не поверил в нее, не подтолкнул к успеху. Умом понимаю, что ее вины не меньше — давно бы разорвала с ним отношения, которые мало того, что не приносят радости, так еще и загоняют в угол, — но мне, как дочери, проще обвинять именно отца. Я точно знаю, что мама всегда примет мою сторону, что бы ни случилось, и я для нее сделаю ровно то же самое.

Следующий день проходит неплохо, напоследок дядю провожает куча родственников. Первая жена удивляет, поцеловав его в щеку на прощание. Максимка машет рукой и передает привет Егору, который, судя по всему, очаровал его.

Ночь в поезде получается бессонной из-за храпящих соседей, поэтому, проводив дядю, его сына и Римму Владимировну, я сразу беру такси до дома, где засыпаю, едва голова касается подушки. Будит звонок с мобильного. Егор. Черт, я же ему не отписалась, что все хорошо. А на часах полшестого вечера! Понимаю, что проспала весь день. Наверное, он злится.

— Да? — отвечаю на вызов. — Сейчас все объясню, не ругайся только.

— Вероника, — говорит непривычно серьезно, — помнишь, ты рассказывала про своего парня? Генка, кажется. Так из-за чего вы расстались? Кажется, не упомянула.

Резко сажусь на кровати, отчего слегка кружится голова. Неожиданно.

— Эм, ты позвонил ради этого? Спасибо, Егор, добралась без приключений. Так и знала, что будешь волноваться.

— Ты ему изменила? — рубит он будто не своим голосом. Холодным. Я мерзну сильнее, чем когда купалась в горном озере.

— Погоди, я объясню. Там не все так просто, — спросонья подбираю слова.

— Да или нет?

— Егор, не по телефону. Приезжай, я расскажу, — сама начинаю злиться. Что он себе позволяет, в конце концов?

— Да или нет, мать твою? — рычит.

Давящий тон обижает до слез. Я такого не заслужила. Он не имеет никакого права говорить со мной настолько неуважительно. А еще — откуда он узнал? Рылся в моем прошлом? Собирал информацию?

— Иди в задницу, — отвечаю сквозь зубы.

— Просто скажи мне, что «нет», — смягчается. — Пожалуйста. — Я молчу, сердце разгоняется. Несколько секунд в трубке тихо. — Вероника? — он переспрашивает. — Ты здесь?

— Егор, там долгая история, — я не могу ему лгать, но и правда совсем не такая, какую он может себе надумать. — Давай не по телефону.

— Ясно, — он кладет трубку. И его «ясно» мне совсем не нравится. Более того, слова приводят в ужас. Я тут же перезваниваю, но он сбрасывает. А потом недоступен.

Несколькими часами ранее

Мистер Математик

Привет, блог

К тридцати годам остается совсем немного вещей, что задевают по-настоящему. Бесят, бомбят изнутри, да так, что либо действуешь, либо крыша рвется. Выдержать невозможно, загасить в себе самостоятельно не получается. Да и не хочется. Фитиль подпалили, несколько секунд на обдумывание — и взрыв, как реакция в ответ. Раньше я частенько творил глупости, на горячую голову принимал решения. Потом это изменилось. Сейчас меня задеть практически невозможно — первой включается голова, затем уже сердце.

Философия спорта помогла, кстати, хотя и давно бросил драться профессионально. С семи лет

тренер (не кокаиновый, а настоящий) вбивал в мою бестолковую голову правила, и вроде бы знания сохранились, но смысл их дошел не сразу. Блуждал где-то, прятался. Есть даже подозрение, что здравый смысл осознанно обходит стороной подростков мужского и иногда женского пола, предчувствует что зря потеряет время. Намучается с ними.

Можешь убежать — беги. Убедился, что не можешь — бей. И лучше первым, потому что если драка неизбежна, остается всего два варианта: ты или тебя. Пропускаешь первый удар, второй может не понадобиться. Поверьте мне, я знаю силу, с которой можно ударить. Это правило касается не только физики: чем дольше живу, тем сильнее убеждаюсь — на нем основан сам принцип выживания. Существуют исключения — женщины. Опять же заветы тренера — девочек не бить. Никогда, ни при каких обстоятельствах, что бы ни случилось. Они априори слабее, и добытая таким образом победа именно снимает очки, а никак не добавляет. Осознаешь, что не можешь сдержаться? Уйди. Убеги. Из окна, блин, выпрыгни.

Но, Боже, кто бы знал, что чаще всего бомбит именно из-за женщин. Причем не каких-то там мимо проходящих, а родных, любимых. Тех, кому по-настоящему доверяешь. И тех единственных, которые способны сделать из тебя идиота.

Так вот, сейчас меня мало что цепляет по-настоящему, даже на критика-Терезу не злюсь, ну пишет себе там что-то — флаг ей в руки, человек самореализуется как умеет. Благодаря ей у меня Галочка появилась, мое вдохновение и опора.

Но кое-кто все уже умудрился раскачать корабль. Понимаю, что писатель должен быть непременно несчастным и лучшие вещи рождаются в период жесточайших депрессий, когда жить не хочется. Судя по всему, одним «Ягнечком» я не отделаюсь. Сука, как же бесит!

А началось все с чего? Позвонила Леся и сообщила, что не собирается больше скрывать этого. Чего «этого»?

— Приезжай и взгляни сам. Голословно обвинять никого не стану, самой потом боком выйдет.

Окей, время относительно свободное в наличии имеется, ехать не так далеко, сажусь за руль и выжимаю педаль газа. Маршрут незнакомый, конечная цель — гостиница, в которой ни разу не был и которая расположена довольно далеко от моей привычной зоны обитания «дом- работа- второй дом-родители-друзья»...

Припарковался напротив главного входа, вышел из машины, огляделся. Убогий район, в такие только за наркотой гонять. Облокотился на капот, скрестил руки на груди и стою, выжидаю.

Скорее всего, это Ксюхин бывший. У них большая любовь длиною в десять лет, то расходились, то помирились. Мой основной соперник в прошлом. Как только этот неоднозначный мужик окончательно отвалился, она и пошла за меня. Он довольно известный в определенных кругах аналитик, вечно в дороге, живет где-то под Барселоной. Ксюша то ездила к нему с чемоданами, то возвращалась. Кстати, видел его как-то пару месяцев назад мельком, но транспортный поток нас разделил, и убедиться, что в пролетающем мимо «Мерсе» именно тот самый... как его? — Артуро — не получилось. Подумал, может, показалось. Да и пофигу уже, если честно. Отболело.

«Ты только не нервничай», — пишет мне Леся.

«Сама устроила подставу подружке, теперь переживаешь?»

«Она мне не подружка, — отвечает тут же. — И вообще я случайно узнала. И обещала не

говорить тебе, но... так неправильно, да и Регина попросила за тобой приглядывать. Теперь, когда у тебя появилась Вероника, я уверена, что ты не натворишь глупостей. Не натворишь ведь?» — пишет мне.

«Глупости в прошлом. Спасибо», — отвечаю.

О как у нас все запутано, да? Так вышло, что за невестами мы с Санни далеко не ходили — влюблялись в тех, с кем росли. Старшая сестра Леси — Виктория — много лет числилась лучшей подругой моей сестры — Регины. И когда родилась Леся, девчущку буквально повесили на Вику и Регинку, а те и рады в нянек поиграть, гуляли с ней, развлекали, пока родаки впихивали в три смены. Прошло много лет, Регина давным-давно обосновалась в Штатах, а с Лесей и Викой они по-прежнему поддерживают связь. Это, кстати, удивительно, учитывая, что у Леси особо нет подруг.

В школе Санни не интересовался Лесей, даже не замечал ее — еще бы, с такой разницей в возрасте: мы одиннадцатый класс закончили, а она в пятый перешла. Начали встречаться ребятки, когда Регина с Мартином — ее мужем — прилетали вместе в Россию в первый и пока единственный раз. Родители устроили грандиозный праздник, собрали всю семью и друзей.

Леся, разумеется, тоже приехала, хотя жила где-то под Питером, и тут они с Санни встретились. Ба-ба-бах! Через полгода она уже перебралась в Москву.

Хорошая пара получилась, они стоят друг друга. Вместе варят гречку кастрюлями, потом уплетают с салатом из свежих огурцов и отварной курицей. Санни помешан на правильном питании, и, наверное, только Леся способна вытерпеть его причуды, переходящие в занудство и многочасовые бойкоты. Поначалу они ссорились только из-за того, что она покупала домой конфеты, а он требовал их выбросить немедленно. В итоге ему пришлось уступить. Понимает ведь, что мало кто сможет терпеть его смехотворную аллергию, да и прикипел душой к девушке. Потому, наверное, его измена стала для меня шоком. Последней каплей. Если и они расстанутся, то какжить-то вообще?

Тучи набежали, а по прогнозу дождя не предвидится. Проверил на нескольких сайтах — скучно ведь, стою маюсь. Чем еще заниматься?

В принципе, я отдаю себе отчет, зачем приехал. Леся в курсе, с кем крутит роман моя жена. Пора об этом узнать и мне.

Момент идеальный. Я действительно готов к этому. А еще я полностью спокоен. Просто пришло время, вот и все. В тридцать лет мало что выводит из себя, и я настолько психологически оправился от большой первой любви, что измена собственной жены — не входит в их число.

Глупость несусветная, но, карауля у мотеля Ксюшу с любовником, я чувствую себя победителем. Потому что с этим жизненным этапом — справился.

Вероника недоступна, видимо, в дороге без связи.

«Ты давно в курсе?» — пишу Леське.

«Догадывалась, но ты бы слушать не стал. И... ты бы меня не простил».

«Я не из тех, кто казнит гонцов с плохими вестями».

«Ты бы не поверил, а враждовать с лучшим другом своего любимого — худшее дело».

«Что же изменилось?»

«Ты изменился. Перестал вести себя как баран».

Поверить трудно, но в реальности ситуация, когда о рогах на башке последним узнает сам рогоносец — случается часто. Просто влюбленные лохи не смотрят по сторонам. И в зеркало. Никогда.

«Санни знает?» — спрашиваю.

«Нет. Я пыталась ему сказать, но ты ведь знаешь, какой он. Про Ксюху — либо хорошо, либо никак. Вы оба такие».

«Были».

«Как меня бесит эта коза, кто бы только знал, — и следом добавляет: — Удали переписку. Санни не должен ее видеть! Поклянись, что удалишь».

«Удалю, не очкуй. Все будет нормально. А как ты узнала адрес?».

«Приехала в салон уточнить насчет украшения зала, смотрю, Ксюша садится в такси, а там уже есть один пассажир, который мне знаком. И проследовала за ней».

«Ты следила? Ого, Леся».

«А что такого? Я ей говорила, если не перестанет трепаться об аллергии Санни, я ее проучу».
«Вижу, ты сильно разозлилась».

«Не то слово! Уже все знают! Это только наше с Колей дело — я ее предупреждала много раз. Наша проблема громадных масштабов, а не повод для шуток всяких ТП».

«Ладно, я понял».

«Если бы они поехали в кафе, я бы направилась домой. А они — в мотель на другой конец города. Только ты с ней полегче, все же беременная».

«Я спокоен».

Ждать остается недолго. Выходят голубки вместе, даже не по очереди, а за руку держатся. Не боятся. Совсем охренели.

Ну что, друзья, это писец. Даже злиться не могу, мне смешно.

Замирают оба, плятятся на меня, как на исчадие ада. Между нами узкая проезжая часть в две полосы, трафик свободный. Наверное, сильнее меня унижить просто невозможно. Я благодарю Бога за то, что не заикнулся Ксюше о своем диагнозе, не выставил себя на посмеище. Уж эти двое не упустят возможности лишний раз вытереть ноги.

По-настоящему больно ранят только те, кто близок. Родные люди охотно пользуются этой привилегией.

Они стоят, я подхожу сам. Ксюша бледнеет, Тренер тоже растерялся. Не ожидали.

— Да он же на героине сидит, — развожу руками, — тебе не страшно, кто там рождается, а? — показываю на ее живот. — От наркомана! Ты почему не в клинике, кстати?

— Так запасы закончились, приехал пополнить, — скалится он.

— Егор, это не то, что ты подумал, — бормочет Ксюша, хватая ртом воздух.

— Че правда, бл*ть, с ним? Я все понимаю, натура у тебя бл*дская, но... Ксюша, с моим другом? Ты вообще меня не уважаешь?

— Не-не, брат. Одно дело — трахнуть твою бабу, а потом глядеть на твою довольную физиономию влюбленного идиота, другое — подписаться на пеленки. Не мой ублюдок, она мне позвонила пару месяцев назад. Я тут ни при чем, — поднимает руки вверх, будто под прицелом.

— Черт, интрига сохраняется, — брезгливо морщусь. Рвотные позывы подкатывают к горлу. — Ксюш, а мы вообще когда-то выясним? Или придется половине Москвы сдавать ДНК? — меня несет.

— Егор, прекрати! Все совсем не так! — не могу понять, она злится или оправдывается.

— В машину, — гаркаю я, — чтобы не слышала того, что сейчас будет.

— Только не деритесь!

— Ты упала, что ли, драться еще из-за тебя?

Тренер хохочет:

— Я тебе говорил, шлюхи они все. А ты не верил — кому, если не мне, доказать.

— Ты когда в следующий раз тонуть в собственной моче будешь, не звони мне больше. Будь уверен, не приеду.

Удивительно, но я совершенно спокоен. Думал, когда столкнусь с правдой, буду рвать и метать, орать, как припадочный, и размахивать кулаками. Но нет. Мне просто легче. С каждым новым днем становится легче, потому что совершенно не жаль прошлого. Похе*ить его хочется поскорее, забыть, будто не было. Такая жизнь мне не нравится, о другом будущем мечтаю. Не хочу грязи, опостылело испытывать отвращение к себе. Мне нужен мир, чертова гармония внутри. Я... может, когда-то меня подобное заводило. Возбуждение на грани, переживания, раздирающие душу. Грязный секс, групповые отрывы под наркотой, секс назло и в качестве мести. Секс, за который потом стыдно. Возможно, раньше бы я оценил поступок этих двоих. Сейчас уже нет. Смотрю на парочку перед собой и осознаю, что каким-то чудесным образом из всего этого умудрился вырасти.

Я не стану бить, потому что могу убежать. Туда, где меня ждут и где мне комфортно.

Ксюша все еще топчется рядом, ну что ж, тогда уйду я. Поворачиваюсь в сторону своей машины, как слышу в спину:

— Не приедешь, значит? — Илья басит сквозь зубы. — Да и похрен, Озер! У меня на этот случай скидочная карта в похоронку имеется.

Рывком обращаюсь. Слишком быстро, чтобы это не бросилось в глаза, и жаждущий сцен Тренер хватается за новую возможность достать меня. Понимает, что нащупал слабое место.

— Ты этот адрес раз и навсегда забудь, увижу рядом — убью, сука. Ты понял? — вот теперь я в бешенстве. Подхожу почти вплотную и смотрю ему в глаза. Я сам себя боюсь в этот момент, но еще больше — за Веронику.

— Мы как раз по поводу Вероники твоей и говорили, кстати, — говорит Илья тише, его улыбка становится нервной. Уголок губ дергается. Я не моргаю.

— Мы из-за нее и встретились, — вякает Ксюша где-то сбоку — а не то, что ты подумал. Мне просто было не к кому обратиться!

— Ага, в мотеле, — обрываю ее. — Ты меня понял? — смотрю на Тренера в упор. Давай, скажи, что нет. И писец тебе. Ляпни что-нибудь, я этого даже жду. Да, я хочу этого. Пальцы сжимаются в кулаки, тело напрягается, я готов к атаке.

Он снова поднимает ладони вверх, сдаваясь.

— Боюсь-боюсь! Полегче, Озер! Да понял я, любовь-морковь у вас. Она сама меня бреет в последнее время. Говорит, что не может со мной общаться, — пытается скопировать ее интонации, — дескать, Егор не разрешает. Она послушная, не переживай. Вцепилась в тебя намертво. То, что мы перепихнулись разочек, ничего не значит.

Красная тряпка.

Я бью прежде, чем осознаю, что делаю.

Вранье. Не верю ему, а все равно бью, потому что за слова отвечать надо, даже пустые, даже сказанные бывшим другом.

Сам факт того, что он позволяет такое сказать о Веронике, выбешивает до такой степени, что перестаю себя контролировать. Вспышка перед глазами. Одна мысль о том, что эта тварь когда-то с ней говорила, смешила ее, знает номер ее телефона и адрес работы — срывает резьбу. Я бью изо всех сил. Снова и снова. А потом бьют меня.

И если еще какой-то год назад писатель тренеру был бы не соперником — даже часто посещающий спортзал писатель — сейчас наркоман терпит поражение. Ярость перекашивает его физиономию, но без толку, потому что кипящий адреналин в крови придает мне бешеной силы. Я бью, потому что защищая свое, я априори сильнее. Очухиваюсь, когда понимаю, что сверху, а перед глазами его окровавленная рожа.

Он пытается хрипеть, что не было ничего. Я припечатываю его затылком об асфальт.

— Было или нет? — ору.

— Не было! Не было! — в ответ. — Клянусь! Чем хочешь клянусь!

— Егор, прекрати, ты его убьешь!

— Сука, чтобы я больше ни разу не слышал, что было, ты понял? — я бью его. — Ты понял? Чтобы ни мне, ни кому-то еще... Шутки, бл*ть, ради или в качестве отомстить. Ни единого, сука, раза!

— Егор, он понял!

— Ничего с твоей Вероникой у меня не было! — стонет он, захлебываясь. — Я просто пошутил!

— Советую именно так отвечать кому бы то ни было, — а потом добавляю, чтобы раз и навсегда расставить приоритеты (Ксюша рядом, это даже на руку): — Илья, вне зависимости от правды, — он смотрит на меня, я — на него. Я больше не ору, я говорю спокойно, даже тихо, но он отчетливо слышит: — Убью тебя. Я просто убью тебя, если еще раз ты позволишь себе раскрыть пасть в отношении этой женщины. Ты понял?

Отчаянно кивает в ответ. Пошел пятнами, глаза косые.

Я поднимаюсь, тяжело дышу, оглядываюсь. Перекрыло на эмоции, не ожидал от себя такого. Ух ты. Накопилось, видимо. Черт его знает.

— Егор... — Ксюша подходит ближе, смотрит на меня вытаращенными глазами. Она тоже не видела меня таким. Я при ней не дрался. Она хочет взять меня за руку с целью успокоить, но я грубо выдергиваю ладонь.

— Не трогай меня! — гашу себя и продолжаю спокойнее: — Никогда. Больше никогда меня не трогай. И лучше не попадайся на глаза, — поднимаю палец выше в предупреждающем жесте.

Тренер перекатывается на живот, поднимает зад и встает на четвереньки, кашляет, силится встать на ноги. Кто-то кричит: «Ментов вызывать?», мы втроем хором: «Нет!»

— Она, по-твоему, лучше? — Ксюша плачет. Кажется, до нее только сейчас дошло, что между нами все кончено. — А что мне оставалось делать? всю беременность я хранила тебе верность, ждала, пока ты одумаешься, но ты... ты ни во что меня не ставил! Трахал всех вокруг, унижая меня перед подругами! Ты игнорировал меня! Думаешь, легко ходить на УЗИ, когда все с мужьями, а мой вечно занят! А когда я хотела показать тебе фотографии, что ты мне ответил? «Позже»!

Да потому что это не мой ребенок, дура! Но я сдерживаю себя, не произношу этого вслух. Лжет она, смотрел я фотографии. И в больничку ее катал — может, не так часто, как делал бы это с женщиной, беременной от меня, но специально не пытался обидеть.

— Всегда сама, всегда одна! А потом, оказывается, ты себе шалаву нашел, с которой живешь! А я, как дура...

— Не я это начал, Ксюша.

— Да какая разница, кто первый! Ты начал трахать мою подругу — я, извини, отомстила с твоим другом. Один-один, Егор.

— Ты е*анутая, — качаю головой, а зачем снова направляюсь в сторону машины.

— Я? А ты поинтересуйся у своей обожаемой Вероники, из-за чего ее бросил жених! — кричит вслед Ксюша. — Не поленись, мой милый любимый муженек! Она ничем не лучше меня! Вот только я рожу тебе ребенка, а она тебя кинет, как только мой папа вышвырнет тебя на улицу.

Ага, пошли угрозы. Ожидаемо.

Я вытираю разбитые губы, глаз, кажется, заплывает. Адреналин рассасывается, на смену ему

накатывает волнами боль.

— Уж папа позаботится, чтобы никто в России тебе никогда не дал работу! В школу пойдешь детей учить литературе!

— И пойду, не обломаюсь.

— Ради еще одной шлюхи, которая точно так же изменила своему парню, как я тебе когда-то?! И изменит снова. Почему ей можно, а мне нет? Ее ошибку ты прощаешь, а меня вышвыриваешь из жизни?! У меня есть доказательства. Давай я тебе покажу!

Я в машине, поворачиваю ключ и жму на педаль газа. Уношусь прочь с этой проклятой улицы, ставшей свидетельницей позора всей троицы. Боже, как же стыдно. Как же стыдно.

Впервые в жизни я оставляю Ксюшу вот так в слезах одну на улице. Да еще и с непредсказуемым наркоманом рядом. Но стоять с ним рядом явно не опаснее, чем спать. В голове не укладывается. Но ожидаемо. Следовало предугадать нечто подобное. Начинили курить траву и нюхать кокс все вместе, а потом Санни взялся за ум, следом женился я. А Тренер решил, что мы его предали.

Минут пять я целиком и полностью в своих мыслях, а не на дороге, благо рефлексy не позволяют куда-то вляпаться. А когда включаюсь в трафик, с лету не получается сообразить, где нахожусь и как отсюда вырлиться на знакомую улицу. Паркуюсь у какого-то магазина, достаю мобильный, открываю навигатор. Медлю. Сири ждет команды, но вместо просьбы сформировать маршрут «домой» я говорю: «набери Веронику». Понимаю, что и Ксюша, и Тренер — лгали мне. Но... меня гнетет страх, что уже поздно. Не выберусь никогда. Что я такой же, как они, и... попросту недостоин чего-то чистого и настоящего.

В новых жизнях мы расплачиваемся за ошибки в предыдущих. Что, если у меня их было слишком много? Искупление невозможно.

Я будто хочу убедиться, что Вероника реальная и готова поддержать меня. Что... она хорошая, и я вместе с ней становлюсь лучше. Спрошу у нее один раз и все.

Некоторое время девушка не берет трубку, наверное, спит. Не хочу пугать ее, спрашивать резко, но мне позарез нужно услышать ее «нет». Два «нет», если быть точным: что она не спала с моими друзьями, и что никогда не изменяла своим парням.

Это же не так много?

Мне просто нужно услышать «нет» из ее уст. Больше я никогда не заведу этот разговор. Одно лишь короткое слово. Я хочу уйти к ней. Я... брошу литературу к хе*ам и буду помогать ей продавать гробы, если потребуется, но я хочу убедиться, что она не такая, как все эти люди, которыми я сознательно окружил себя. Клянусь, я даже проверять не стану. Поверю на слово. Одно ее слово и все. Черт, я по-настоящему люблю эту женщину, и я до ус*ачки боюсь ошибиться снова.

Задаю вопрос в лоб, потому что нет сил на прелюдии. Я так устал... Боже, челюсть болит, глаз заплывает, вижу в зеркале, что капилляры полопались. Левая рука пульсирует, по ощущениям — кисть вывернул, но это неправда, просто ушиб.

Ну же, девочка моя родная, скажи, что тебе можно доверять.

Пожалуйста, малышка.

Она молчит.

Она не хочет мне лгать, поэтому молчит. Вот черт.

* * *

Что же делать?

По-хорошему следует взять тайм-аут. Девчонок нельзя атаковать. Никогда и ни при каких обстоятельствах.

Даже тех, кого любишь?

Даже если суть твоя — му*ак обыкновенный?

Вон мое прошлое, только что видели все. Неспроста я женился на такой женщине. Видимо, сам не лучше.

Потратив на поиски не меньше пятнадцати минут, все же отыскиваю за резиновым ковриком под пассажирским сиденьем обручальное кольцо. Полагаю, однажды доставал что-то нужное из бардачка, колечко вывалилось и закатилось туда, да так и лежало непонятно сколько времени, никто и не заметил потери. Оно легко налазит на безымянный палец правой руки. Как тут и было. А оно тут и было, пока я принимал желаемое за действительное, не задумываясь, в какой трэш превращаю свою жизнь.

Три-четыре раза в неделю на протяжении многих лет я посещаю спортзал, отсюда привычка хранить воду в машине. Несколько бутылок питьевой негазированной всегда под рукой. Умываюсь, привожу себя в относительный порядок. Убеждаюсь, что одежда кровью практически не запачкана. Выгляжу сносно.

Адрес, где живет Галина Ивановна, помню назубок, заедем в гости к теще номер два. Познакомимся поближе. Вчера я представился не своей фамилией, а лгать нехорошо. От лжи одни проблемы. Проверю, как идет ремонт, заодно оставлю визитку, вдруг что понадобится.

Чувствую себя роботом, бездушной сволочью, которая действует по заранее спланированному сценарию, и ничего не могу поделать, хотя внутренне с ним в корне не согласен. Я в бешенстве. И кажется, это состояние становится нормой, так как пребываю в нем уже второй час подряд.

Безукоризненно вежливый. Улыбаюсь. Действую спокойно.

— Ничего страшного, это после дружеского спарринга, — объясняю свою помятую физиономию. Она в замешательстве, но не осмеливается сказать и слова поперек.

Галина Ивановна нервничает, но держится достойно. Ее губы поджаты, глаза пустые, а вчера в них читались интерес и даже озорство, вчера она не скрывала, как радуется знакомству.

Внезапно она говорит, что рассечение на брови глубокое, хорошо бы швы наложить. Отказываюсь, конечно, но чувствую, как по лицу скользят капли. Проверяю — красные. Галина Ивановна поспешно достает аптечку, уверяет, что опыта у нее много. Быстрыми точными движениями обрабатывает рану, накладывает два шва и дает несколько советов, чем мазать,

чтобы быстрее зажило. На бумажке пишет название и протягивает мне. Беру.

Ее доброта осаживает, ясно вижу пропасть между ней и собой. И мои поступки лишний раз доказывают, где мое место.

И все же нет! Доброта, полностью неуместная в данной бредовой ситуации, бесит! Тоже мне, нашлась мать Тереза, едва семью не разрушившая! Не нужно на меня так смотреть — живу как умею. Кто бы говорил.

А потом я еду домой, но на самом деле — к Веронике, потому что паркуюсь напротив ее подъезда, тогда как до своего — две минуты пешим шагом.

Честно, не знаю, зачем к ней иду сейчас. Ни одной идеи. Ругаться и ссориться, обвинить во всех своих бедах? Умолять на коленях о прощении?

Склоняюсь к тому, чтобы просто увидеть. Потому что люблю. Любовь ведь не проходит мгновенно. Чем крепче успела вьестись в душу, тем сильнее после нее фантомные боли.

Все просто. Я иду к Веронике, потому что мне сейчас плохо. И пофиг, что из-за нее в том числе. Я... просто всегда в последнее время еду к ней. И понимаю сейчас, как сильно, оказывается, был счастлив все это время — просто потому, что было к кому ехать. Снимаю кольцо и выбрасываю, но слишком поздно.

Взлетаю по лестнице на нужный этаж и жму на звонок.

Просто хочу ее увидеть.

Покажите мне мою Веронику.

Осознание того, что мы все натворили, накатывает волнами. Мы все натворили — хреновы недоделанные циники, выросли из милых детей в идиотов и устроили полнейший беспредел, мешая себя и других с грязью. Кто, бл*ть, еще чистенький? Кто? Подходите!! Всем достанется!

С нашего телефонного разговора прошло не больше двух часов, а по ощущениям — так долгие годы. По крайней мере, когда я вижу ее, взволнованную, на пороге ее небольшой уютной квартирki, ощущаю, как сильно соскучился.

По всем параметрам я не должен чувствовать себя виноватым, такие, как я — вообще никогда не чувствуют себя виноватыми, но почему-то не получается смотреть ей в глаза.

Я пялюсь в пол.

На свои ботинки. Вижу на них кровь Тренера. Или свою.

Не могу даже слова ей сказать обидного, вместо этого тяну лапы, хватаю девушку и крепко прижимаю к себе, она едва успевает ойкнуть, как уже тут, со мной.

Два часа назад я узнал, какая же бл*дь моя жена, а потом она провела параллель с Вероникой и я не смог с ходу увидеть разницы. Вот она разница. В моих руках же сейчас. Обнимает меня, целует в плечо, родная, хорошая. Вот и вся, бл*ть, разница.

Но поздно. Я ведь позвонил и спросил: «Изменяла?» — своим молчанием она ответила положительно. Бешусь от того, что Ксюша провела параллель, а я не смог найти

опровержение. Да, из-за своей ущербности я помешан на верности, я вижу угрозу в каждом встречном мужике, я чертов ревнивый козел, который требует стопроцентной преданности, мне жаль, но я ничего не могу с этим сделать.

Я обнимаю Веронику, а понимание, что своими же руками я по*ерил свой шанс, продолжает давить на виски.

— Боже, что с тобой случилось? — пугается Вероника, разглядывая мои ссадины.

— Спарринг, — отвечаю медленно. — С Санни. Все хорошо.

Разочаровываться в ней — смерти подобно. Я люблю ее, но больше не могу восхищаться, потому что, оказывается, она... ничуть не лучше таких, как Ксюша?

— Тебе больно, Егор? — ее взгляд мечется по моему лицу.

Она же мне говорила, что совершила ошибку. Я крепко зажмуриваюсь, а Вероника снова обнимает меня. Она в обтягивающих спортивных лосинах и майке на голое тело, волосы собраны резинкой, которую стягиваю и распускаю черную копну. Гладкие, блестящие, безумно красивые волосы, которые обалденно пахнут. Мои руки на ее упругой заднице, я глажу ее спинку, попку, я не могу остановиться.

— Я тебя люблю, — говорю ей.

— Егор, как же хорошо, что ты приехал. Я испугалась, когда ты выключил сотовый. Ты звонил? Прости, я сама психанула и тоже выключила... Но... Ты говорил со мной жестоко! Я все тебе расскажу, просто дай мне немного времени. Я растерялась. Это непросто и болезненно для меня.

— Ты говорила, что ошиблась в прошлом? — у меня еще теплится надежда.

— Да, чудовищно ошиблась, мне так жаль, что ты узнал об этом. И жаль, что таким образом. Надо было самой рассказать тебе раньше, но я боялась, что ты не сможешь понять.

Ошибка — это не поздравить с днем рождения, перепутав даты. А знать, что человек тебе доверяет, но поехать к другому, снять трусы и позволить вставить в себя его гребаный хрен — это никакая не ошибка. Это писец, Вероника.

— Бедный мой, хорошо тебя отколошматили. Тебе больно?

— Нет.

На самом деле — да.

Но я не могу просто уйти. С Ксюшей — мог. Уходил, не оглядываясь, когда ситуация давила особенно сильно, и возвращался, чуть успокоившись. А сейчас пытаюсь, а не получается, слишком сильная эмоция. Слишком сильно я влюбился, чтобы оставить ее в покое. Сильнее всего ранят близкие люди, но иногда они — просто не могут остановиться. Я не могу остановиться. Все еще на взводе, и единственное, что мне сейчас нужно — это стоящая передо мной женщина.

— Проходи. Ты голодный?

— Голодный. До тебя. Хочу тебя, — говорю ей и улыбаюсь.

Сердце рвется в груди.

Вкус ее поцелуя потрясающий. Никогда не было так вкусно целоваться с кем-либо. Я могу это делать бесконечно.

Целую ее, наступая. Она делает шаг назад, потом еще один. Цепляется за мои плечи.

Мы оба дрожим, переплетая пальцы.

— Боже, Боже, Боже, — шепчет она, когда я лапаю ее. Стягиваю свою майку и снова рвусь к ее губам. Я атакую с таким напором, которому невозможно сопротивляться. Ее колени становятся мягкими, она практически висит на мне, в моих объятиях.

Она кусается, но не пытаюсь остановить меня. Ей вкусно, как и мне.

Льнет ко мне, моя девочка.

Губами жадно ласкаю ее шею, облизываю, покусываю. Я нуждаюсь в ней, мгновенно загораюсь просто от мысли, что больше не нужно себя останавливать. Никогда не хотел женщину столь же сильно.

Если она меня остановит, сдохну на месте. Но вместо этого Вероника помогает снять с себя топ с тысячей дурацких бретелек, оголяя свою прекрасную грудь, в которую я тут же впиваюсь поцелуем. Втягиваю в себя ее соски по очереди, лижу, слегка прикусываю. Она стонет. Чуть сильнее сжимаю зубами и она кричит от удовольствия.

Тише, мы только начали.

Ее пальцы стягивают волосы на моем затылке. Мы передвигаемся в комнату, действуя наощупь, врезаясь в косяки, спеша, будто соревнуясь показать, кто жаждет сильнее.

Не соображаю, что делаю. Без плана. Только инстинкты. Получаю ее, потому что хочу до безумия. Она долго играла со мной. Доигралась. Ее лосины летят нахрен, а следом трусики.

Но какая же она красивая. Самая лучшая. Во всем. Уже влажная. Когда я прижимаюсь губами между ее ножек, когда начинаю целовать там, она громко стонет и дергается. Она не может оставаться на месте, я вынужден применить силу. Держу ее бедра, чтобы дала себя попробовать. А я хочу попробовать. Мне нужен этот вкус, нужна она вся.

Избавляюсь от остатков своей одежды и падаю на нее, закидываю ее ножки себе на спину.

— Презервативы? — стонет она мне в губы. Румяная, горячая. Ее голос охрип, хотя мы на самом старте. Понимание того, как сильно она меня хочет, превращает действие в нечто совершенно потрясающее. Я жадно хватаю ртом воздух, потому что задыхаюсь.

— Я чист, — на выдохе, раздвигая рукой ее складочки. — Я проверялся перед женитьбой. Мы с Ксюшей проверялись, и сейчас ее тоже проверяют постоянно. Не беспокойся.

— А дети? — улыбается она, не реагируя на мой укол о штампе в паспорте.

— Если ты родишь мне детей, не сомневайся, брошу к твоим ногам весь, мать его, мир, — толкаю пафосную речь со злой усмешкой. Но она не придает ей значения. Послушно обнимает меня, и я вхожу в нее одним уверенным движением.

Вероника

Сколько раз представляла себе, какими будут занятия любовью с этим мужчиной. Планировала, как буду себя вести, чтобы понравиться, чтобы свести его с ума — оказалось, бессмысленное дело. Пустая трата времени. Едва это началось, я забыла обо всех своих шикарных идеях.

Одно его «хочу» — бдыщ — и ни одной мысли в моей голове. Пусто. Какое-то безумное, животное желание. Дикость. Я не знала, что секс может приносить такое удовольствие. Я... глупая была, я ничего не знала. Увидела Егора давно, из окна, с другой женщиной, и поняла, что хочу его. Сразу поняла. Но сейчас между нами не просто трах. Это единение какое-то. Он словно душу мою на части режет, а мне от этого только лучше становится. И больше хочется. С ним ведь на простынях, с родным, любимым.

Его движения резкие, толчки глубокие, сильные, и каждый отправляет меня в чертов Рай или ад. Заниматься сексом со своим мужчиной, со своим любимым мужчиной — это по-другому.

Аромат его кожи, ощущения от того, как он, поначалу медленно, а потом уверенно растягивает изнутри, жар от его рваного дыхания, нежные поцелуи вкупе с безжалостными движениями — рождают внутри исключительное наслаждение. И от приближения оргазма, и просто от самого факта, что это происходит.

Наконец-то вместе.

Я хочу кричать, царапаться, я бьюсь под ним, как птица, сгорая от жажды. Не стыдно, не страшно, наоборот, кайфово от того, какой он твердый и сильный, слетевший с катушек. Ну конечно же, он не выдержал, и так молодец, и так ведь боролся до последнего.

Ничего не боюсь, лишь бы он продолжал, лишь бы любил меня так, как ему этого захочется. Полностью растворяюсь, отдаюсь ему. Я... просто кричу от того, как мне хорошо, внутри горячо, влажно, внутри меня пожар разгорается. Там все до боли чувствительное от бесконечного многонедельного ожидания, распаленного хождениями по тонкой грани, от убийственного «нет», когда так необходимо «да»!

Задолбало благоразумие. Внизу живота я настолько напряжена, что не узнаю собственное тело. Будь на его месте другой, постыдилась бы, насколько мокрая.

Чувствую приближение разрядки. Крепко обнимаю его ногами, сжимаю изо всех сил, не боясь причинить боль. Не боясь раскрыться. Все мое тело — одна туго натянутая струна, каждая мышца в тонусе, каждая клеточка ждет эту разрядку. Эту чертову разрядку, без которой сердце не выдержит, клянусь вам. Я сплошной комок нервов, оголенный провод, пустите по мне ток.

— Егор! — и тут же получаю в ответ глубокий поцелуй с обещанием. И бесконечным одобрением.

С ним я такая, какая есть на самом деле. Счастлива от того, что не страшусь показаться уязвимой, признаться, как хорошо быть под ним. Так быстро колотится сердце, что через минуту я просто умру, если Егор не поможет мне.

И он дает мне то, что необходимо. Ускоряется. Совсем меня не жалеет — мощные, почти

грубые движения. Он сжимает меня в своих объятиях. Весь мокрый, капельки пота на висках мешаются с красными каплями от снова раскрывшейся раны — наверное, я случайно царапнула, пока гладила его. Он не замечает. Не щадит нас, а уже и не нужно, я ведь его женщина, я сильная, я выдержу все, что он захочет дать мне. Я кончаю ярко, волна наслаждения обрушивается ожидаемо, но все равно поражая своей силой, я откидываю голову и продолжаю держаться за него, умоляя не останавливаться. Умоляю продолжать.

Он целует меня. Тысячи раз целует, словно наш лимит ограничен, словно нужно успеть. Дурачок, я никуда не денусь. Улыбаюсь от того, что понимаю — он сам в восторге.

— Боже, я не знал, — шепчет мне, как будто растерянно. Глаза дикие, взгляд безумный. Он снова целует меня, пихая язык в мой рот, поцелуй выходит нежный, влажный. Я дрожу.

— Так по любви же, — шепчу ему, вытирая пальцами кровь с его щеки, — наверное, по любви всегда по-особенному.

— Я не знал, что так бывает, — он делает еще несколько толчков во мне, но намного медленнее и будто продляя удовольствие.

Я улыбаюсь. То же мне искусительница, планировала подарить мужику незабываемый секс, а сама даже не поняла, когда он кончил, так увлеклась собственными ощущениями.

Его грудь быстро вздымается, мы оба дышим часто, поверхностно. Мы спятили.

Он делает толчок, и мы одновременно зажмуриваемся от удовольствия.

Он снова шепчет, что не догадывался, представить себе не мог, а я глажу его спину, его бедра. Хочу, но не понимаю, каким образом можно отблагодарить за то, что случилось. Как дать понять, что мне никогда так хорошо не было.

Он ложится на спину, я рядом. Как здорово, что он приехал. Как хорошо, что он в моих объятиях. Если нас пыталась разлучить эта чокнутая сука, то пусть она захлебнется собственным ядом.

— Самая красивая, самая потрясающая, — он лениво показывает на меня пальцем, говорит тихо. — Я просто... ошеломлен сейчас. Спасибо.

— За секс? — улыбаюсь. Он не соображает, что говорит.

— Не знаю, за тебя. За все. Я сейчас, — он поднимается, вижу, как на животе вырисовываются кубики, когда он напрягает пресс. Минуту его нет в ванной, я тоже поспешно привожу себя в порядок. Он заходит в комнату и сообщает, что хочет еще. Беру его за руку, веду к кровати.

— Ложись, я сделаю, — улыбаюсь ему и опускаюсь ниже. Я чувствую себя хитрой. Особенной. Уверенная в себе женщина может удивить саму себя.

Впервые у меня есть возможность рассмотреть его обнаженного без спешки. Лаская Математика ртом, я думаю о том, что если и есть какие-то следы после травмы десятилетней давности, они незаметны. Очень жаль, что ему пришлось испытать эту боль. Я готова целовать его сколько угодно, чтобы залечить раны, чтобы он никогда больше не вспоминал о том, как плохо ему тогда было. И в следующий раз не побоялся доверить мне свой секрет, потому что я практически уверена, что в гостинице Озерский солгал. Да, наверное, удары по яйцам мужики помнят долго, но вряд ли рассказывают о них таким тоном, словно делятся кодами к ядерному

чемоданчику. Бесплодие — это очень страшно, пока что я не в состоянии оценить масштабы трагедии, но именно сейчас мне кажется, что если я права, то беда Егора в какой-то мере... спасла его от жизни с женщиной, которая его не любит, не ценит, более того — ни во что не ставит.

Некоторое время он падает у меня во рту, а потом снова просыпается. А когда я понимаю, что мой мужчина готов, сажусь сверху, позволяя любоваться собой, двигаюсь медленно, затем быстрее. Наши пальцы переплетаются, мы смотрим друг другу в глаза, пока я доставляю нам удовольствие, позволяя ему отдохнуть. Сначала он кайфует, а затем серьезнеет, в какой-то момент выражение его лица начинает пугать, я останавливаюсь, но Озерский тут же садится и, прижав меня к себе, берет инициативу в свои руки. Двигается так, что умираю в его объятиях и возрождаюсь снова. И снова. И снова.

Необходимо некоторое время, чтобы прийти в себя. Я лежу на нем сверху, пока его пальцы легонько скользят по моей спине. Так нежно и приятно, что волоски встают дыбом. Кажется, на несколько секунд мозг отключается, отказываясь работать. Засыпаю или просто ухожу в себя, причем так глубоко, что не замечаю ничего вокруг, пока Егор не начинает осторожно будить меня.

— Я принесу воды, ладно? — говорит мне хрипло.

— Да, конечно. А мне не мешает освежиться. Срочно, — мы враз встаем с кровати, он идет на кухню, а я — в ванную, где наскоро привожу себя в порядок. Ну, более-менее относительный. Щеки красные, глаза блестящие, улыбка какая-то подозрительно шальная — я ли в отражении?

Пока расчесываюсь, натыкаюсь взглядом на телефон, стискивая который, не так давно слонялась по квартире, не находя себе места, и психовала, обижаясь на Озерского за грубость. Нам предстоит непростой разговор, в арсенале обоих имеются секреты, которым не место в честных отношениях. Выхода нет. Нам попросту не дадут их сохранить «добрые»

люди.

Включаю мобильный. И правда ведь выключила, в какой-то момент решив, что не хочу Егора ни видеть, ни слышать. Пропущенных от него — нет, что немного обидно, зато есть два от мамы и смс следующего содержания: «Дочка, а когда ты собиралась мне сказать, что Егор женат и вот-вот станет отцом?»

Так. Стоп. Что?!

Боже мой! И первая мысль — Ксюша ей рассказала. Господи, что же делать? Волна стыда накрывает с головой, отчего бросает в пот. Если жена Озерского настолько обнаглела, что не постеснялась выяснить мамин адрес и заявиться с визитом, клянусь, я ей врежу. Из роддома выйти не успеет. Это наше с ней дело. Мама ни при чем! Этот поступок — за гранью. Ксюша переступила мыслимые границы!

А может, статья в журнале вышла, и мама каким-то чудом на нее наткнулась? Вроде бы на октябрь перенесли публикацию, чтобы не сглазить удачные роды, но кто ж их знает, журналистов этих.

«Мам, а как ты узнала?» — пальцы не слушаются.

Выхожу в коридор, обнаруживаю Егора в комнате со стаканом воды в руке, который он тут же

мне протягивает. Принимаю и осушаю залпом. Тем временем Егор застегивает ширинку на джинсах, поднимает с пола свою майку и выворачивает на лицевую сторону.

— Блин, представляешь, мама узнала, что ты женат, — морщит лоб. — Сейчас ответит, кому следует сказать спасибо. Так надеялась, что обо всем расскажу ей, когда ты уже станешь свободным.

Он отвечает лаконично:

— Выходит, что мне.

И тут же входящее сообщение: «Все банально, дочка. Он забыл снять кольцо».

Ладони потеют. Я вскидываю глаза, не понимая, как такое могло случиться.

Нет, чушь. Егор не может забыть снять кольцо, потому что не носит его, причем так давно, что даже следа от загара не осталось.

Ничего не понимаю.

Или... начинаю догадываться.

— Ты специально? — прищуриваюсь. — Ты мне так отомстил за ошибку в прошлом?

Его лицо непроницаемо. Разводит руками:

— Веро, я готов тебя выслушать. Хорошо, давай поговорим, я постараюсь тебя понять. Я согласен попытаться.

Я делаю шаг, а по ощущениям — проваливаюсь в пропасть. Долго лечу, все ниже и ниже, у ямы позора, кажется, вообще дна не бывает, соответственно, и конца моему падению не предвидится. Сердце останавливается, поэтому, наверное, кровь в жилах остывает, и меня бросает в холодный пот. Я просто не могу понять, не могу поверить, как так можно? Только что ведь... вместе были, говорил, что любит и доказывал действиями. А на самом деле...

Смотрю ему в глаза, вижу, что Егор тоже нервничает, секунда на раздумья... и меня охватывает небывалой силы гнев, превратив в какую-то... бешеную фурию!

— Ты... что? — теперь наступаю я, захлебываясь от ярости. — Что сделаешь? «Постараешься»?! Одолжение мне хочешь сделать? — у меня шок, на языке сплошные междометия. Мой тон пугает меня саму. — Да я... да ты... да не пошел-ка ты на*ер? Постарается он! Ты действительно решил вот так поступить со мной?!

И от мамы следом приходит: «Только не говори дяде Вове, он лежит с самого утра, как приехал. Не смей, дочка, он не переживет».

Последняя капля. Меня затрясло, но уже не от сладкого счастья, а от негодования. В исступлении я, как полоумная, начинаю орать на Озерского, швырять в него вещи. Требую немедленно убираться. Я кричу, что он последний му*ак, и чтобы катился к дьяволу. Что ненавижу его! И что так больно, как он, мне никто никогда не делал! А у меня в прошлом есть такие экземпляры, как Август и Генка.

Дура! Какая же дура! Связалась с женатиком! Мало мне мамино примера?!

Я растеряна, уязвлена. Я глубоко несчастна.

Поначалу он пытается меня успокоить, потом сам начинает злиться — судя по всему, не особо считает себя виноватым. Он говорит: «трусы сначала надень, истеричка».

Я посылаю его от души далеко и надолго. Может, зря, но не могу остановиться. Оказывается, я такие слова знаю, что удастся задеть даже филолога.

— Если я сейчас уйду, то уже навсегда, — угрожает он мне. Озерский полностью спокоен, призывает остановиться, остыть и не жечь мосты.

А где, мать твою, были твои умные советы, когда ты ехал к моей маме с кольцом на пальце?! Я топаю ногами.

Натянув майку и трусы, иду к входной двери и распахиваю ее настежь.

IV часть

Мистер Математик

Привет, блог

*опа.

Именно это нецензурное слово произносит на второй минуте первой серии нового сезона «Веселых денечков» главный герой, глядя в камеру. Выражение его лица, по задумке, должно вызывать у зрителя восторг (от встречи с полюбившимся обаятельным неудачником) и снисходительную улыбку (опять, дескать, вляпался, болезный; и на минуту тебя оставить нельзя без присмотра!). Камера едет назад, и мы видим, что у него за спиной. А картина там следующая: разъяренный лысый качок в бронежилете с битой в руках на фоне мигалок полицейских тачек. Вокруг темнота и деревья. А герой наш голый, прикрывается блюдцем, которое мгновением позже падает и разбивается вдребезги (камера, понятное дело, на блюдце). И герой, взгляд которого мечется между преследователями и осколками, мрачно повторяет:

«Вот *опа!»

— Руки вверх!

И курсивом: «Тремя днями ранее...»

Каждый мой день начинается теперь с того же слова, потому что тремя днями ранее... я занимался сексом с женщиной своей мечты, до этого сделав все возможное для того, чтобы сей половой акт больше никогда не повторился.

Эпический провал.

Вот жил человек один, нормально ему было. Собачек себе завел, черепашек всяких, например. По хозяйству успевал, какие-то планы у него были, скажем, дрова заготовить на зиму, грибов засушить, мяса заморозить. А потом дали ему друга, который поначалу не особенно-то восхитил, потом вроде как незаметно притерся, открылся. Друга не в том смысле, в котором

трактуют соцсети — у Егорки Озерского триста семьдесят друзей, добавляйтесь-с меня лайк аватарке! — нет: чтобы душа с душой соприкоснулась, а не больно и не шершаво от этого, хоть каждый день контактируй. Вот дали этому человеку друга, а потом отобрали. Друг не тем оказался, за кого себя выдавал. А душа-то уже привыкла. Ну, человек взял да и умер.

Ладно, коротко о том, что произошло за последние дни.

Наконец, закончил работать над «Ягнечком». Долгое время не получалось прийти с самим собой к согласию насчет последних страниц книги. В итоге только сегодня отправил Регинке окончательный вариант рукописи вместе с синопсисом, она тут же отложила дела, прочитала и прислала в ответ короткое: «фигня».

Сама ты фигня.

«Егор, книгу мы продадим дорого, обещаю. Редактор, с которым я работаю, сможет показать синопсис кое-кому из Голливуда, но только если ты поменяешь концовку. Сейчас положение дел такое, людям нужна надежда, а издателям — деньги».

«Иной концовки быть не может».

«Ты пугаешь меня, братик».

«Не может быть иной концовки. Все. Работу я закончил. Если ничего не получится, то не получится. Спасибо за попытку».

«Егор, Егор, Егор. Что же мне с тобой делать?! Почему ты вечно сам роешь себе могилу? Тебе нравится над собой издеваться, да?»

«Да, душевная боль меня возбуждает. Кто-то душит себя, пока д*очит, а я вот ищу поводы оттолкнуть от себя людей, люблю, знаешь ли, с размаху мордой о бетон. Прикольно».

«Егор, я вижу перед собой самую смелую книгу в жанре мужской прозы с начала века. Ты понимаешь, что она порвет аудиторию? Поднимет бурю. После публикации тебя будут любить и ненавидеть миллионы, гарантирую. Люди отвыкли от таких текстов. Это так глубоко, что многие утонут, не нащупав дна. О литературе подобного масштаба, о такой... прямой душевной откровенности в нашем веке попросту не принято разговаривать. Оттого подобные книги нужны сейчас, как никогда раньше. Но концовка — прости, полный отстой».

Молчу, она продолжает:

«Хочешь, расскажу, как будет? Прочитав рукопись до конца, тебя либо пошлют, либо купят авторские права, но только для того, чтобы превратить текст в сценарий, который испоганят какой-нибудь пошлятиной. В таком виде, как сейчас, «Ягнечка» в производство не пустят».

«Пофигу».

«Рр-р-р! Столько времени ждала, пока ты вырастешь и сумеешь завершить эту историю, ты вырос и что в итоге? Нифига ты не вырос! Если честно, я расстроена до потери пульса».

«Прости. Мне жаль».

Накосячил по всем фронтам. Глаза окружающим открыл на действительное положение дел, вроде как благое дело совершил, но радости и легкости взамен не получил. Деечонок нельзя

бить, их слезы потом тебя изнутри разъедят раскаянием.

А еще... кажется, купание в горном озере дало о себе знать. А может, накопилось просто, третий день сижу дома с температурой, работаю, вроде бы терпимо, но слегка как в тумане. Держался на одном энтузиазме, а как отправил Регине рукопись, голова затрещала. Не лечусь медикаментозно, потому что не привык болеть. Даже не знаю, что там жрать надо, парацетамол какой-нибудь? Выпил кофе, думал — поможет, в итоге хуже стало.

Возможно, у меня какой-то хитрый азиатский или африканский грипп. Кто его знает.

Попросил у Леси осторожно уточнить, как себя Веро чувствует, потому что есть вероятность, что я ее заразил той невиданной дрянью, от которой страдаю сам. По ощущениям — череп расслаивается и тяжелеет, думать совершенно невозможно.

Сплю. Долго. Не могу пошевелиться, башку от подушки не могу оторвать. Вечером понимаю, что надо бы до ванной добраться, а потом попить, горло дерет адски. Может, скорую вызвать? Интуиция подсказывает, что на данном этапе кофе уже не поможет. Интересно, а есть ли у меня чай?

Не помню, когда в последний раз было настолько плохо физически, разве что в глубоком детстве.

На полпути к холодильнику голова внезапно начинает кружиться так сильно, что хватаюсь за стену, сажусь на корточки в коридоре, прислоняюсь затылком к дверному косяку и закрываю глаза. От света они слезятся, нащупываю выключатель и вырубая лампочку. Сижу некоторое время в темноте. Черт, надо в «скорую» звонить или хотя бы кому-нибудь, вряд ли это нормально.

Радует, что Вероника в порядке. Тайный агент под прикрытием Леся, без одной недели Санникова, ежедневно умудряется осведомиться о здоровье Веро. Мы вроде как... расстались, а я продолжаю тревожиться за соседку. Чушь какая-то. Не моя больше проблема. Но это происходит на каком-то другом уровне. Вот с Регинкой мы редко общаемся, в некоторые годы едва с днем рождения друг друга поздравляем, а мне все равно она не безразлична. Но Регина-то родная, сестренка с которой рос, а Вероника? Еще одна в моей жизни... Сколько таких было? Сколько еще будет? Десятки. Третий вечер сижу в темноте и пялюсь в окно, чтобы увидеть... не знаю — силуэт, цвет одежды, движение какое-нибудь.

Вот лампочка зажглась — вернулась с работы. Мелькнет то на кухне, то в комнате. Штора дернулась.

Что в ней особенного? Точно так же, как и Ксюша, была поймана на измене, а после встречалась с женатым мужиком. Все ее железобетонные принципы удалось сломать за каких-то пару-тройку недель. Один за другим. Легко. Вскрыть по щелчку пальцев. А были ли они вообще?

Она бросила вызов, я победил, как и планировалось, но победа не доставляет удовольствия. Я думаю о том, что она, наверное, плакала после того, как я ушел.

Болеть премерзко. Был бы под рукой пистолет с сигнальной ракетой, применить его самое время. Но пистолета нет, а сотовый в комнате. На некоторое время выключаюсь.

Как по волшебству, слышится щелчок, входная дверь открывается. Прикидываю, у кого могут

быть ключи — арендодатель или Вероника, не так много вариантов. Настраиваюсь на то, чтобы позвать на помощь. Челюсть не слушается, не шевелится. Мгновенный путь сигнала от мозга к телу вдруг видится сложным и тернистым, я посылаю команды, но не могу их выполнить.

В прихожей включается свет.

— Егор? Ты дома? — зовет Вероника.

Я дома. Пройди по коридору и найди меня. Я кое-что понял, и я тебе об этом расскажу. Или напишу, потому что язык в кои-то веки не слушается.

— Отлично, так и знала. Галочка, ты где, малышка? Ну и бардак он тут устроил, кошмар какой. А, вот ты где, привет, ребеночек. Он тебя хоть кормил? Или просто забыл и бросил? О да, верю, от него можно ожидать всего, чего угодно. Я сама до сих пор под впечатлением. Жаль, что ты не умеешь разговаривать, думаю, тебе есть на что пожаловаться. Три дня света в квартире нет, гадаю — неужто забил на тебя? Как я рада, что ты жива! Знаешь, а я уже ничему не удивляюсь. Иди ко мне. Так, отлично, вот твоя корзинка. Все, валим, Галюсик. Бежим отсюда, пока не застукали. К черту Математика, без него справимся. Мамочка тебя не бросит.

Затем шаги, свет в комнате гаснет, хлопок двери.

Капец, эта женщина только что украла у меня черепаху!

Сомнений больше не остается, я болен чем-то смертельным, не может быть, чтобы обычный грипп парализовал тело и тормозил мысли. Мне кажется, у меня галлюцинации.

Тем не менее, упорно не помираю. Некоторое время собираюсь с силами, затем, наконец, добираюсь до комнаты, в кровати нахожу мобильный, перебираю номера и звоню единственному человеку, который мне поможет несмотря ни на что:

— Мама, привет, — она тут же хватается за мой голос, подмечает интонации всего лишь двух произнесенных слов. Мама есть мама. Крошечного «привет» ей более чем достаточно, чтобы насторожиться. Она тараторит без остановки, едва успеваю вставлять слова: — Слушай, я... что-то не так делаю. Хуже становится. Нет, не волнуйся. Не пьяный. Не, не обдолбанный. Честное слово. Вызови мне скорую. Нет, не вздумай ехать сама. Мама! Я прошу не приезжать потому, что боюсь — вдруг это заразно. Блин, да клянусь, что не передоз у меня! Ну ты чего?! — молодец, Егор, родная мать тебя дерьмом считает! Есть чем похвастаться к тридцатнику. Так держать! — Адрес... я писал тебе, помнишь? Адрес студии, где работаю. Вызови скорую, ладно? Мам, мне так жаль. Годы идут, а позвонить, кроме тебя, по-прежнему некому. Что ж я такой сволочью вырос, а?

А потом я долго лежуна одеяле и тупо улыбаюсь факту, что Веро утащила мою черепаху Галину. Стырила! Из-под самого носа! Я в восхищении. Злюсь по-прежнему на себя и окружающих, но продолжаю одновременно с этим посмеиваться. Во дает девка!

А знаете, наверное, быть сволочью не так уж плохо, когда находишь своего человека, пусть даже не многим тебя лучшего. Ключевое слово — «своего». Да, Вероника не идеальная, далеко не образец для подражания. Но вместе мы становились лучше. Честное слово, становились. Рядом с ней не было стыдно. Вообще никогда. Чтобы бы мы ни делали, получалось как-то... правильно и естественно.

Может быть, это трудно понять человеку другого образа жизни и иной комплектации элементов сознания, но поверьте такому, как я, попробовавшему разное, — жить без чувства

стыда — волшебно. Затягивает. И находятся поводы для гордости. Маленькие и большие. На пристойное поведение можно подсесть. К нему тянет.

Пусть между Веро и Ксюшей есть нечто общее — возможно, немало — и я прав, посчитав, что натываюсь на те же грабли с тем же энтузиазмом, но... разница в том, что Вероника меня полюбила. Идиота такого. Действительно полюбила, а я полюбил в ответ.

Теперь уже дико смешно. Нет, мне не нужна праведная монашка-девственница. Что мне с ней делать, вы на меня поглядите. Мне нужна девушка из моего же жесткого, с прожилками подлости теста, пусть она будет с нечистым прошлым, неидеальная, порочная. Но любящая меня. Мне нужна та, что не побоится сразиться с миром за свои чувства. Та, что одновременно сильная и слабая. Ставлящая меня выше собственных идеалов.

Мне нужна моя Вероника.

В дверь стучатся. Искренне надеюсь, что прибыл Айболит с подмогой, потому что, кажется, мне очень захотелось вернуть черепаху домой. И воровку, ее утащившую.

Вероника

По прогнозу к вечеру должен был завладеть городом порывистый сырой ветер, я расстроилась, что придется сидеть взаперти у батареи, а нет, наоборот, на улице свежо в лучшем смысле этого слова. Пасмурно, прохладно, но пока не настолько, чтобы лезть на верхнюю полку шкафа за шапкой.

Достаю спортивный костюм, любимые кроссовки, которые не надевала много месяцев после операции на колене. Все вышеперечисленное — моя вторая кожа. Удобная, комфортная одежда, лучше не придумаешь. А еще в ней я чувствую себя уверенной. На своем месте.

Я в порядке. Если не считать того, что за последнюю неделю разговаривала в основном с родственниками почивших да с черепахой, можно с уверенностью заявить — держусь достойно.

Утром, правда, проревелась, и сейчас такое чувство, что если не сделаю хоть что-нибудь, разорвет изнутри от ожидания и бездействия! Ни в коем случае не сидеть на месте! Не из-за Егора плакала, еще чего. В бюро поступил заказ на миллион, и, прочитав, что за семья и что у них случилось, слезы лила, как маленькая, весь договор заляпала. Прямо при родных начала хлюпать носом. Люди в невменяемом состоянии передо мной сидят... умом понимаю, что могу их раскрутить на сумму в полтора, два раза больше — подпишут, потом будут платить кредит десять лет. А сама вместо этого скидку делаю огромную, бизнес-леди недоделанная. Как только они ушли, на прощание обняв меня, как родную, — бывает же так: совсем чужие люди дарят и забирают частичку тепла, и сразу всем немного легче становится от этого простого человеческого жеста, — так вот, они ушли, и Август пожаловал. Давненько не было видно моего давнего знакомого. Как почувствовал, что у меня период непростой.

Впрочем, нападать или оскорблять незванный гость не стал, более того, совершенно спокойно, вежливо предложил продать ему дядин бизнес, причем стоимость предложил приличную, неплохие деньги. Попросил подумать, потому что видно же — тяжело мне, не справляюсь.

Прогнала его, но визитку не выбросила.

Бегу по парку и чувствую, как пружинит почва под подошвами «найков», ноги в кроссовках — как в колыбели, и мышцы на ногах приятно отзываются, благодарят за долгожданную нагрузку. Легкие включились в режим, их практически не обжигает с непривычки. Вот она я на своем месте, пусть по состоянию здоровья фитнес противопоказан и, увы, это и не та профессия, в которой бы я смогла реализоваться и зарабатывать столько, сколько сейчас, но каждый час в режиме «спорт» — укол счастья прямо в сердце.

А, чуть не забыла, еще с Лесей периодически переписываюсь. Девушка упорно зовет на свой девичник. Подруги и приятельницы, словно сговорившись, выскакивают замуж одна за другой! И зовут же их, берут в жены! Меня вот никто не зовет. В чем секрет? Что я делаю не так? Почему с одними женщинами кайфуют, спят и веселятся, как в последний раз в жизни, а с другими связывают судьбы?

Ускоряюсь.

Каждый день аккуратно отказываю Лесе, она спрашивает «почему?», не приболела ли я часом? Как мое здоровье? Температура не повышена? Пф-ф-ф. Она, наверное, из тех паникерш, что надевают в метро марлевые маски, опасаясь, что на них чихнут. Вдруг простудится и сорвется свадьба? У всех свои причуды.

В ушах наушники, проводок от которых пропущен под спортивным лифчиком, чтобы не болтался.

Хорошо, что дядя подарил мне машину. В моем районе побегать негде, за рулем же я добралась до парка буквально за каких-то двадцать минут.

Не думайте, что поздно, не переживайте за меня. Здесь горят фонари. Море фонарей! А еще газоны подсвечены, и парочки на них расположились, подстелив пледы. Милуются.

Не украдут меня. А еще здесь столько спортсменов и просто любителей ЗОЖа, что душа поет!

Немного размявшись, врубаю музыку на полную и снова бегу, теперь уже по-серьезному. Километр, два, два с половиной... для первого раза достаточно. Запыхавшись, подхожу к освободившимся турникам и приступаю к растяжке.

По ощущениям, за эти полгода связки задеревенели. Закидываю ногу на турник и тянусь к ней грудью, а она, бедная, дрожит от напряжения. Расслабляюсь и наклоняюсь ниже. Несколько секунд жду, привыкаю к ощущениям. Хватаюсь за турник и притягиваю себя еще ближе. Боль Терплю, расслабляюсь. Жду. Как только ловлю кайф, снова подтягиваюсь. Боль, расслабление, кайф. И снова.

Теперь вторую ногу. Ну что ж, коленка, не подведи.

А после я расправляю плечи, чувствую, как колотится сердце в висках. Сажусь на шпагат, затем долго работаю со шведской стенкой. Занимаюсь каждой своей мышцей. Ни одну часть тела не оставляю в обиде. И ощущения такие приятные, как после массажа. Ловлю взгляды мимо пробегающих и проходящих. А что, пусть смотрят на бывшего тренера. Как только научишься получать удовольствие от физических упражнений, от мышечной боли, понимая, что с каждой секундой мучений становишься чуть лучше, чем до этого, — считай, подсел на наркотик, которым можно заглушить иного рода боль. Наверное, не всю. Но ту, что доставляют мужчины, — определенно точно да.

А еще я начала танцевать по вечерам. Вот и сегодня вечером, сразу после тренировки в парке, включила музыку и отдалась на волю быстрого ритма. О нет, я совсем не танцовщица, не обладаю ни особым талантом, ни тягой к этому делу, но кое-какие движения в рамках фитнес-программ с элементами стриптиза, тверка, спортивного танца — знаю.

Галина Егоровна занимается своими делами в коробке, пока я танцую, тянусь, тренируюсь до приятной боли, с которой мы хорошо знакомы. О, у нас отличные отношения. Одна боль прогоняет другую. Нельзя одинаково сильно страдать морально и физически, один вид мучений обязательно окажется сильнее, вытеснит слабака, и я ставлю на фитнес. Я всегда ставила на фитнес и еще ни разу не ошиблась.

А потом, еще до душа, но уже со стаканом смузи в руке, выхожу на балкон подышать, остыть, и натываюсь взглядом на Озерского. Стоит на своем балконе, как и раньше, курит и пялится на меня. Надеюсь, он никогда не догадается, что именно я забрала Галочку, по крайней мере, собираюсь отрицать до последнего. Пусть думает, что она уползла куда-нибудь под шкаф или нашла способ добраться до вытяжки под потолком.

Он же писатель, в конце концов, пусть включит фантазию!

Не по себе от этой встречи. Почему-то я думала, что он съехал. Неделю ведь не появлялся, и свет в квартире не горел, особо не следила, но и не замечала. Думала, может, к Ксюше вернулся, почему бы и нет? Отличный повод семье воссоединиться. Победили шлюшку-любовницу, вывели на чистую воду мерзавку.

Сжимаю пальцы в кулаки.

Мы смотрим друг другу в глаза мгновение, после чего он меняет положение тела, выпрямляется, будто хочет что-то сказать или сделать какой-то жест, но я резко отворачиваюсь и закрываю за собой дверь. Плотно задергиваю шторы. Его номер телефона занесен в бан. Да я и не думаю, что он станет что-то писать после всего, что случилось.

В итоге он ведь получил, что хотел. Отличненько потрахались. Пусть даже не лжет, что не понравилось. Не могло не понравиться, я видела его глаза, слышала стоны.

Я бы съехала к маме ненадолго, но у нее ремонт в самом разгаре, а сама она у дяди живет.

В первые пару суток после разрыва с Егором мама у меня ночевала. Мы держались вместе, друг за дружку, опасаясь, что этот му*ак вздумает припереться, готовились дать отпор. Но этого не случилось. Как обычно, я ожидала от него большего, чем он готов дать или предпринять. У мужиков всегда все проще. Ну, ошибся, оступился, змеюга околдовала, попыталась увести из семьи, но вовремя же одумался, вернулся к жене. Долбаный хэппи-энд.

Швыряю с психу подушку в угол.

Ненавижу! Все одинаковые — что папаша мой, что этот писатель.

С мамулей мы встретились в тот же вечер после того, как я прогнала Егора. А кто еще меня поддержит? Проговорили несколько часов. Я не собиралась плакать, но иначе не получилось. Она меня жалела, хотя отлично представляю, что чувствовала при этом. Заплетала мне косы, как в детстве. Боже, да что за карма лежит на наших женщинах! У бабушки двое детей от разных мужей, один военный был, погиб, любила его до безумия, а второй — пьяница, выгнала, и воспитывала в итоге одна, у мамы — сами знаете, и вот... я, в итоге, двигаюсь тем же маршрутом.

Может, и прав Стас насчет меня — мой сводный брат, если кто-то забыл, — считающий, что из-за внебрачной дочки папочка любит его меньше, чем следовало бы. Всегда виновата женщина, она добровольно ноги раздвигала, ей и рожать-воспитывать. И знаете, я готова. Если бы месячные не пришли в срок, не побежала бы на аборт, стыдливо потупив глаза, не искала бы поддержки в равнодушном взгляде гинеколога.

А потом мы с мамой весь вечер просидели в обнимку на диване и смотрели «Любовь и голуби». Обычно у нас традиция — мы пересматриваем этот фильм каждое восьмое марта, но здесь случайно поймали по одному из центральных каналов и не стали переключать. Наша самая любимая история.

Мама грустила вместе со мной. Что поделаться, мама, если притягиваем мы идиотов. Что ты, что я. Вроде не дуры, а копни глубже — они самые.

— Я забуду его. Честно слово, смогу. Немного только в себя приду и сразу забуду. Просто... я так сильно его полюбила, мама. Прости меня, я не хотела нас всех подставить. Я... правда его полюбила, да так, что даже сейчас, когда поняла, что ублюдок, — внутри болит. Душа болит, рвется к нему, словно отныне не мне принадлежит, а подонку этому женатому! Он ведь с детства меня преследовал, у меня... мне кажется, у меня шансов не было, — и я рассказала ей все. Про демона Велиара, который говорил голосом Озерского, про Мистера Математика, который мне нравился в школе и на которого внешне похож Егор. Про то, каким он был заботливым и внимательным, смешным. Как он смотрел на меня, как преследовал, прохода не давал! Каждый день выделял среди других, внушая, что я совершенно особенная в его жизни. Что таких женщин он не встречал.

Я много ей рассказала, потому что накипело. Наболело. Ведь никому ни слова все эти месяцы — не дай Боже, подружки догадаются. А ведь хорошего тоже было много. Просто хоть и любимый, но чужой мужчина, и я не имела права быть рядом с ним счастливой.

* * *

Трагедии на личном фронте нередко выливаются в стремительный карьерный рост. Вдруг появилось столько свободного времени, которое необходимо куда-то деть, иначе тоска загрызет, сомнения замучают, а жалость к себе так и вовсе может привести к чему-то непоправимому.

Поэтому я с головой ушла в дела похоронные.

Изучила конкурентов, сменила парочку поставщиков, уволила бухгалтера, потому что, посидев с документами не без помощи нанятого со стороны спеца, обнаружила, каким образом эта хитрая тетка меня обворовывает!

Не побоялась! Вызвала ее в своей кабинет, спокойно объяснила ситуацию. Та, конечно, побледнела, потом покраснела, попыталась меня запутать, называла «своей девочкой, которая не ведает, что творит». Дескать, она с моим дядей пять лет работала душа в душу, знает бизнес как свои пять пальцев. Судя по всему, слишком хорошо.

Я все это выслушала с равнодушным лицом и попросила написать заявление по собственному, а затем разметила вакансию на «hh».

Остальной народ как-то сразу приутих. Ходит по помещению, втянув головы в плечи,

шушукается по углам.

Сижу в своем кабинете, работаю, только что клиента отпустила. Стучатся. Поднимаю глаза — явились, родимые. Весь коллектив в полном составе, даже Нину Арсеньевну подговорили, нашу любимую уборщицу — тихая приятная женщина за шестьдесят, у сына которой сеть аптек в нашем районе. Работает она, как все уже поняли, не ради денег, а просто потому, что дома скучно сидеть. Одевается дороже, чем я, приходит на работу с сумочкой от «Майкла Корса», потом меняет платья известных брендов на серый халат, передник и убирается. Чистюля страшная. Иногда мы с ней долго разговариваем о том о сем, она моего дядю очень уважает и за меня болеет, кое-какие сплетни рассказывает.

Обидно, что заняла не мою сторону.

— Извините, Вероника Павловна, мы пришли просить за Ольгу Валерьевну, — самый смелый Сергей выступает.

Стоят на меня смотрят, а Нина Арсеньевна — на окошко. Потом она вздыхает, достает откуда-то из-за спины тряпку и направляется протирать пыль в шкафу у меня за спиной.

Аж камень с души падает. Я расправляю плечи и прищуриваюсь. В этот момент мне не двадцать четыре года, я не брошенная женщина, не трусиха, и вовсе не та, кто ненавидит свое дело, тайком рыдая почти над каждым договором. Я босс. И требую к себе соответствующего отношения.

— Что именно? — спрашиваю.

— Ей три года до пенсии осталось. Нельзя же так.

— Я никому не позволю воровать у себя, — произношу довольно резко. Да, они не виноваты, что меня предал любимый человек, но на правах начальницы имею полное право отыграться. Кроме того, именно они ко мне явились, а не я к ним.

— Тогда мы уйдем все, — говорит Серега и смотрит мне в глаза. О, мужик, оказывается! Напали все на меня дружно, решили, что сильнее.

Открываю папку, беру образец заявления на увольнение и протягиваю.

Спина вспотела, нервничаю ужасно, дядя будет в шоке, если узнает, что я уволила весь наработанный годами коллектив! Прямо вот вообще всех, кроме уборщицы! А что делать? Я не уверена, но нутром чую: стоит сейчас прогнуться — на шею сядут. Да и Егор всегда говорил, что у меня получится, чтобы верила своей интуиции.

Забирают заявление, уходят молча, выпучив глаза от шока. А потом весь день по одному бегают, украдкой заглядывают, лебезят. Таскают сладости и извиняются, просят не горячиться. А я что? Я милостивый человек, бухгалтер пусть собирает манатки, остальных на первый раз прощаю.

Таким образом неделя пролетает практически незаметно, в хлопотах и беседах. Я все время при деле, отвлекаю себя, сознательно избегая опасного одиночества. Вечер среды застает врасплох. Возвращаюсь домой и, кстати, ловко паркуюсь перед соседкой, которая, как и обычно, ждет своего парня в машине. Мы пересекаемся взглядами и киваем друг другу, натянуто улыбнувшись. Забавная ситуация — в данный момент она завидует моим способностям водить, не догадываясь, как сильно повезло именно ей.

Забираю пакеты из магазина с заднего сиденья, направляюсь к подъезду. И вижу на своем пути Озерского собственной персоной. Как обычно, лицо непроницаемое, актеришка недоделанный.

Екает в груди, разумеется. В первую секунду, увидев его, я начинаю сутулиться, едва ли не физически ощутив, как на плечи обрушилось все прекрасное, что между нами было. Как он закидывал меня сообщениями, забирал с работы и обнимал, рассказывая о своих делах и планах. В том числе вспоминается потрясающий секс, во время которого я чувствовала себя любимой. Не просто получала удовольствие от движений умелого партнера, я любила и ощущала себя особенной и необходимой ему.

Следом накатывает злость. Сильная эмоция, столь же мощная, как и нежность к этому придурку!

Я бы прошла мимо, но ублюдок облокотился спиной на дверь в подъезд. Руки на груди скрестил. Егор подстригся, немного другой с короткими волосами. Чужой мне человек.

Слово «чужой» повторяю мысленно раз за разом, пока подхожу к нему. Смотрю в глаза.

— Привет. Пройти можно? — спокойным голосом. Моя цель — показать себя бесстрашной.

— Привет, — отвечает. — Поговорим?

— У меня пакеты тяжелые.

— Тогда, может, сядем где-нибудь?

— Мы уже поговорили, больше мне добавить нечего. Извиняться перед тобой, Озерский, я не созрела. Как созрею, непременно напишу, даже не сомневайся.

Он усмехается, понимая отлично, что напишу я ему «никогда» и не минутой раньше.

— Я не о нас. Давай подержу твои пакеты, отойдем хотя бы в сторону.

Пожалуйста, соседи, кто-нибудь выйдите на улицу или вернитесь домой. Но, как назло, никого вокруг. В моем подъезде живу только я, не иначе.

— Ладно, я скажу быстро, — говорит он мне, понимая, что никуда идти с ним я не намерена. — Недавно я поссорился с одним из своих ранее близких друзей. С Ильей, ты его знаешь. Тренер, вспомнила?

— Конечно. И что? Ты мне говорил, что он сидит на героине и чтобы я держалась от него подальше. Несколько раз он мне звонил, я его отшила. С тех пор от него тишина.

— Я боюсь, что он может захотеть мне отомстить.

— А я при чем? Устрой охрану своей жене.

— Вероника, если он придет к тебе домой — не открывай. Ни за что. Человек неадекватен. И не ходи одна вечерами, — он говорит полностью серьезно. — Мы с друзьями начали следить за ним, потому что Илюха все еще силен, как гребаный боров, а поступки не контролирует. Не сомневаюсь, что в этом году он или сядет, или в дурку угодит, но я не хочу, чтобы из-за тебя. Если вдруг что — не храбрись, сразу звони мне. Или в полицию. Кричи, зови на помощь.

Мне становится не по себе, и затрудняюсь ответить, что испугало больше: слова или тон, с которым Егор произнес их. Не думаю, что Илья станет меня преследовать, мы виделись-то всего пару раз в автошколе, столько же по телефону говорили, причем недолго. Но интуиция подсказывает, что на пустом месте Егор бы не стал разводить панику.

— Я поняла, Егор. Спасибо, что предупредил.

— Извини, что впутал тебя в это. К сожалению, он понимает, как много ты для меня значишь, он может попытаться ударить меня через тебя. Он сейчас в клинике, но в прошлый раз успешно оттуда свалил. Я не могу отвечать за его поступки и за то, что творится в его башке.

— Ясно.

— У тебя все хорошо?

— Да, прекрасно. Только руки устали.

— Понял, — он отступает, пропуская, но при этом касается меня, проведя рукой по моему плечу. — И если что-то понадобится... по любому вопросу и поводу... ты звони, хорошо?

— Непременно. Ты у меня на быстром наборе, — улыбаюсь и захожу, наконец, в подъезд.

Я смогла. Прошла мимо него, закрыла дверь в подъезд и замерла на одну секунду. А потом продолжила свой путь домой.

Дрожу. Нижняя губа дергается, и слезы подступают. Разумеется, Егор, буду при каждом удобном случае именно к тебе обращаться! Как ты мне сказал напоследок? «А как ты хотела — трахаться с женатиками и требовать к себе уважения?»

О да, я требую себе уважения. И ты задел мою гордость.

Встреча взбудоражила. Весь вечер не нахожу себе места, то стук в дверь мерещится, то просто скучаю в одиночестве. В итоге решаюсь посмотреть, что там у Ксюши в инстаграме, не родила ли наша красавица. Нет информации уже несколько дней. Открыла ватсап, в который практически не захожу с тех пор как в чат, в котором мы болтали с подружками, добавили Ксюшу. Обычно там сотни сообщений, а сейчас — всего пятьдесят. А внизу надписи:

«Саша вышла».

«Ксюша вышла».

«Василиса вышла».

«Полина вышла».

Одна я осталась. Такой вот чат, из одного человека состоит. На даты посмотрела — в тот вечер все случилось, как мы с Егором расстались.

И первая мысль — написать Озерскому, попросить защиты. Первая мысль, которая обгоняет понимание, что мы больше не вместе. Да, все намного хуже, чем я думала. Забыть его непросто, мне потребуется некоторое время, чтобы перестать прокручивать в голове минуты, проведенные вместе.

Что же делать? Как же мне быть?

Достаю снова спортивный костюм, но тут получаю сообщение от Леси, она пишет: «Вероника, как ты себя чувствуешь? Сможешь прийти завтра на девичник?»

«Хорошо чувствую. Пиши адрес и время».

Я больше не буду прятаться. Если подруги, с которыми мы плотно общались годами, больше не хотят меня видеть, пусть скажут это в лицо.

В прилично увеличившемся с новой должностью гардеробе имеется совсем новенькое черное облегающее платье с открытой спиной, надеть которое никак не находилось повода. Под него давно куплен особый лиф с застежкой спереди. Наряжаюсь и вызываю такси. Повеселимся.

Никогда не считала себя скандальной, но, черт побери, сейчас мне хочется именно этого!

Подружки приготовили для Леси сюрприз, понятия не имею какой, я всего лишь гостя с сертификатом в магазин нижнего белья — незамысловатый подарок, но ничего лучше за сутки просто не смогла придумать. План таков: встречаемся у Леси дома, выпиваем и едем веселиться!

Думаю, Леся предупредила народ, что я приняла приглашение, но, или она до последнего не верила в мою абсурдную смелость, или же подруги посчитали мое согласие блефом, едва я переступила порог и расцеловалась с невестой в изумительном фиолетовом платье и фате, в квартире воцарилась полная тишина.

Неловкое молчание.

А тут уютненько, между прочим. Ремонт пока не закончен, плитуса не прибиты, но уже нарезаны и разложены по периметру. Занавески на окнах висят, мягкая мебель новенькая, заметно — только-только распаковали. Кресло все еще в целлофане.

Санни отсутствует. Ксюши тоже нет. Зато Саша, Василиса и Поля тут, и еще одна незнакомая девушка, которая представляется Викой, родной сестрой Леси, и кидается меня обнимать и целовать, будто мы дружим давно и крепко.

Леся с Викторией настолько добры ко мне, что я чувствую себя растроганной. Не ожидала. Я рассчитывала на довольно прохладный прием. Вообще не знаю, зачем ехала! Меньше всего на свете хотелось испортить Лесе праздник руганью, тем не менее, я эгоистично приняла приглашение и нарисовалась в назначенное время, опоздав всего лишь чуть-чуть. Наверное, просто не хотела мириться с той ролью, которую мне, сговорившись, определили подруги.

Но они просчитались: я не такая, как мама. Когда мне указывают на «место», я не занимаю его послушно, даже не надеясь на адвоката и амнистию. Возможно, поначалу мама тоже бунтовала, но, отвергнутая замужними подругами, не одобряющими ее роман вроде как из-за высоких моральных ценностей, а на самом деле из-за тупого животного страха потерять своего мужика из-за вот такой же свободной, красивой женщины, замкнулась и перестала верить в возможность собственного женского счастья.

Этот страх жалок. Мне хочется кричать: девочки, не вздумайте! Вы прекрасны настолько, что достойны если не поклонения, то безумной любви и заботы. В глазах мужчин я ничуть вас не привлекательнее! А вы боитесь. Меня. Ту, с которой более десяти лет дружили душа в душу. Ту, что ни разу не предала и не подвела. Готовую ринуться на помощь в любую секунду.

Смотрите на меня, как на дрянь, хотя слова грубого ни разу не услышали. Не претендую я на ваших мужей и ваши семьи. И на Ксюшину не претендовала, сама она ее развалила.

Когда женщина начинает так явно и открыто ненавидеть любовниц, причем не тех, что спят с ее партнером, а в принципе, — появляется ощущение, будто она бессознательно ставит себя на ступеньку ниже. А это совсем не так. Женщина не перестает быть желанной даже после штампа в паспорте. Подружки родненькие, поймите, вы — лучшие, именно вас выбрали, потому что вы — особенные. Гордитесь этим и никогда не бойтесь. Благодаря вашей уверенности в себе, внутренней гармонии, уюту, который вы создаете вокруг себя, благодаря нежности и ласке, которую вы согласились отныне и навсегда дарить своему единственному, ни один мужчина даже не подумает взглянуть в сторону мимо проходящей. Если он не дерьмо последнее, конечно.

— Привет, девочки, как дела? — спрашиваю, оглядывая присутствующих. Поля смотрит на Лесю, потом поднимается и, покраснев, как острый перчик, говорит сдавленно, глядя в пол:

— Если бы я знала, что придет она, я бы осталась дома! Вероника, тебе лучше уйти, — так и не решаясь взглянуть мне в лицо. Столько лет вместе, а она даже видеть меня не может.

— Меня пригласили, вот я и пришла, — а сама на Лесю поглядываю. Надеюсь, она не решила меня проучить таким безжалостным образом: сначала пригласив на встречу, а затем выгнав с позором. Но Леся спокойна, как сто танков.

— Вероника остается, это не обсуждается даже, — говорит настолько уверенно, что всем становится понятно — решение обжалованию не подлежит.

— Все ясно, — фыркает Поля, направляясь к выходу. На полпути оборачивается: — Ксюша будет рада услышать. Вы идете?

Василиса паникует, мечется, решается, затем поспешно подрывается с места:

— Веро, мы были в шоке, когда узнали, — говорит она без вызова, скорее примирительно. — Извини. Саша, ты с нами?

— Нет, — шокирует присутствующих Саша. — С какой стати мне уходить? Я подарила подарок, я планирую отлично погулять! Мне жаль, что так случилось, но я не собираюсь делать вид, что в один миг возненавидела свою лучшую подругу. Девочки, я сразу сказала, что в бойкотах участвовать не собираюсь.

— Как хочешь.

Две девушки уходят, я стою на своем месте, не решаясь ни пройти в комнату, ни убежать галопом. Даже не зная, чего хочу больше. Спасибо тебе, Егорушка, за все, надеюсь, тебе там икается, сукин ты сын! Невесело улыбаясь самой себе. А когда за спиной хлопает дверь, произношу грустно:

— Мне действительно есть что рассказать, Саш. И спасибо, что даешь мне возможность оправдаться.

— Хорошо, но давай сначала выскажусь я? Потому что потом, может, мне уже... не захочется, — говорит Саша, поджимая губы. — Леся, ты извини, что ворую время у твоего девичника, но раз уж мы тут все встретились и стали свидетелями того, как наша компания раскололась на два вражеских лагеря, надо тему закончить и закрыть.

— Так давайте по первому сэту? — предлагает Вика, притаскивая из кухни поднос со стопками и лимоном. — Текила, — говорит она. — Беременных, кормящих нет среди нас, я надеюсь?

Мы смеемся и опрокидываем стопки. Вике на вид немного за тридцать, но в разговоре выясняется, что она одноклассница сестры Егора, значит, ей тридцать семь-тридцать восемь, ухоженная и приятная, с короткой стрижкой и татуировкой на запястье. Она одета в зеленого цвета платье, которое удачно сидит на фигуре, и, несмотря на безумные разводы и пятна, смотрится эффектно.

— В общем, так, — сдается первой Саша. — Уж не знаю, что у вас там стряслось...

— Саша, я не уводила его из семьи, — перебиваю ее. — Мы познакомились, когда я возвращала кольцо, помнишь? Он выглядел... раздавленным, несчастным.

— Как не пожалеть котика, да? — посмеивается Вика, подмигнув мне. Чувствую, как щеки розовеют.

— В любом случае, мы расстались, — быстро добавляю.

— Веро, я перед тобой очень виновата, — продолжает Саша. — В первую очередь в том, что промолчала. Не предупредила, а ведь знала, что Ксюша собирала информацию о тебе. Любую, лишь бы та могла тебя очернить. Она шокировала всех, объявив, что застучала тебя в его квартире.

— Да, но они тогда уже не жили вместе! — не могу я молча слушать. — Ей вообще было плевать, что он полгода не ночует дома, а пошла она на разведку, когда осознала, что ни одна из уловок не прокатывается, и развод неизбежен.

— Но ты тоже молодец, почему скрывала? Разумеется, Ксюша преподнесла все так, что даже я впала в ступор. Даже я! А мы с тобой через что только не прошли вместе! Почему ты молчала?!

— Я думала, ты не поймешь.

— Да я и не поняла тебя, если честно. Между прочим, я специально не писала и не звонила тебе, думала, когда же ты напишешь первой? Но нет! Ты делала вид, что не замечаешь игнора.

— Но ты вышла из нашего чата.

— Вышла, как только поняла, что происходит. Я больше не хочу общаться с Ксюшей. И дело не в тебе и не в Егоре. Ксюша меня разочаровала, а всей этой ситуацией — окончательно от себя отвратила. Нет бы — поговорить начистоту, сделать все по уму, так, чтобы ребеночек родился в мире и добре! Вместо этого она решила тебя подставить. Его подставить! И меня перед тобой! Не знаю, не могу я так. Может, ты поступила с ней подло, может, Егор запудрил мозги вам обоим и она решила отомстить, но участвовать в этом я была не намерена. Сначала я вышла из чата, в котором тебя нет, а потом и из общего.

У них был чат, в котором меня не было.

— А что девочки про меня рассказали? — решаю все же добраться до сути.

— Дали контакт Стаса. А уж тот, думаю, не остался в стороне.

— Даже не сомневаюсь, — говорю мрачно. У Стаса есть фотография, где я сплю обнаженной,

ему Генка продал после нашего с ним разрыва. Может, Ксюша показала ее Егору, потому тот и взбесился? Она могла наплести легенду, что фотка свежая, недавняя. Ну и про мою измену не забыла упомянуть, разумеется. Для него ведь острая тема. О Боже. — Черт... Что же ты мне раньше не сказала? — присаживаюсь на диванчик, Вика торопливо разливает текилу.

— Я пыталась... сохранить нейтралитет. Зачем ты вообще с ним связалась, ты ведь знала, что он женат. Что у него скоро родится ребенок! — у Саши слезы на глаза наворачиваются. — Прости, подставлять я тебя не стала, но и твою сторону занять очень сложно, Вероника!

— Потому что, скорее всего, ребенок не его, — ошарашивает присутствующих Леся.

Я вздрагиваю от этих слов, Саша округляет глаза.

— Не удивлюсь, если она вообще не знает от кого, — продолжает за сестру Вика. — Поначалу Ксюша мне нравилась, но после свадьбы она словно спятила. Егор очень ревнивый, он требовал отчеты — где была, что делала, а ее это раздражало и подстегивало. Изменять ему — словно стало смыслом ее жизни.

— Откуда ты знаешь? — спрашивает Саша.

— Мы же вроде как... дружили, — вздыхает Леся, — мне больше не с кем было. Город новый, а я не слишком лажу с людьми. Не подойдешь же на улице знакомиться? А работаю дома. Но я долго молчала, хотя многое замечала, разумеется. Я вообще очень внимательный человек. То позвоню ей, она скажет, что дома, а на заднем фоне — телефон зазвонит. Чужой. Спрошу: «кто?» — она замнется. То попросит прикрыть ее, потому что якобы готовит Егору сюрприз. Или по телефону долго говорит на определенные темы... Не знаю, это было очевидно.

— Ты никогда не говорила Егору?

— Зачем? Если честно, он мне не очень-то нравится, Санни вечно как с ним встретится, так они то напиваются, то., другие приключения находят, — говорит со злостью. — Мне даже смешно было, что ему рога наставляет женушка, — она скрещивает руки на груди. — Но даже мое терпение лопнуло! Это сейчас она на него смотрит как на божество, мечтает вернуть всеми способами, чухнула, что реально потеряла мужика, и готова по головам пройти, чтобы вернуть. Я думала — поделом ему. Но потом мы как-то пару раз поговорили по душам с Озером, и я поняла, что не такой уж он конченный человек. Можно сказать, он мне очень помог пережить один момент. Примириться. Понять. И увидев, как вы друг на друга смотрите на той вечеринке у Ксюши, я поняла, что его тоже, наконец, полюбили. Рассказала Вике, — кивает на сестру.

— Егорка мне — как младший братик, более того, я присматриваю за ним по поручению Регины. Он неплохой, Веро. Правда неплохой, — у Вики мягкий, обволакивающий голос, который приятно слушать. А может, это текила уже начала путать мысли, но я смотрю на сестру Леси, как замороженная, уголки моих губ при этом ползут вниз, а в горле комок застывает. — Раньше он вообще был тем еще идеалистом, потом что-то случилось... как будто озлобился. Мы с Региной за него переживаем. И мы держим кулачки, чтобы он развелся с Ксюшей, освободился от этого брака, и нашел человека, который бы его любил понастоящему. И ценил. И уважал, хотя бы чуточку.

— Нашлась уже одна дура, — грустно киваю. Саша меня крепко обнимает. Ну как тут не разреветься? — Он таким хорошим бывает, девочки, — всхлипываю. — Таким классным. И родным. Рядом с ним я самая счастливая. Боже, какая я была счастливая! Но у Ксюши получилось. Не знаю, может, она ему эти фотографии показала, и он поверил, что они новые.

Может, еще что, но у нее получилось. Она его вернула.

— Неправда. Не вернула она его, — говорит Леся, — он у родителей жил последние дни, разболелся сильно, бульоны мамкины уплетал. Веро, — она понизила голос, словно сообщает секрет: — Егор сказал своим, что разводится, чтобы сюрпризом не было. Регина Вике тут же звякнула, — Леся снова кивает на сестру.

— А они что?

— Надеются, что он бредит. Но они плохо знают Ксюшу, с виду она — тот еще ангелочек.

— Начали его прессовать, — перебивает Вика, — у Регины просили помощи, чтобы надавила на брата и тот одумался. Разругаться семьями с Санниковыми — жестоко. А Регинка, наоборот, поддержала его.

— Это все, конечно, хорошо, но меня больше не касается, — пожимаю плечами. — Мы расстались. Окончательно и бесповоротно.

— Ну посмотрим, ага, — говорит Леся. — Что, девочки, еще по одной и в путь? У нас столик заказан в клубе «Осень». Нужно отметить липовый девичник!

— Почему липовый? — спрашиваю, не понимая.

— Потом расскажу, — произносит загадочно Леся. Мы пьем, обнимаемся, а затем всей пьяной веселой толпой спускаемся в лифте, забираемся в лимузин, ожидающий у входа, и несемся в клуб.

Администратор в «Осени» одаривает нас радушной улыбкой, а узнав, что мы те самые, кто провожает подругу замуж, начинает суетиться, и через минуту у каждой из нас в руке по красной розе. Пока мы благодарим за неожиданное внимание, он с громким, привлекающим внимание хлопком открывает подряд две бутылки шампанского, одну разливает по бокалам, которые протягивает нам, вторую же вручает Лесе.

— До дна! — начинают скандировать оперативно собравшиеся в кружок официанты. Сквозь смех Леся все же делает три больших глотка, затем вытирает губы и показывает знак, что пока хватит. Администратор выглядит полностью удовлетворенным, провожает нас за особый столик и, пожелав приятного вечера, удаляется.

Закусочка перед нами — море, рассчитывали ведь, что гостей будет чуть ли не вдвое больше: помимо Ксюши, Поли и Василисы в последний момент не смогли приехать две Лесины приятельницы.

Решив не мешать алкоголь, мы ограничиваемся тем шампанским, что угостил клуб, а сами заказываем текилу. Пока кушаем, много болтаем о мужчинах, сексе и женской дружбе, которой вроде как и не существует вовсе, но как же сложно с этим смириться! Через полчаса оказывается, что мы достаточно пьяны для того, чтобы выкладывать друг другу самые личные секреты. Хотя разве у меня еще остались такие?

Чудеса, но больше я не стесняюсь своего романа с Егором. Может, и хорошо, что тайное стало явным и секреты больше не портят мою карму. Украдкой снова и снова благодарю небо за этот вечер, который подарил колоссальное облегчение от понимания, что не все в этом мире считают меня чудовищем. Даже маме написала, что все у меня хорошо, веселюсь. Она ответила, что очень рада, дядя чувствует себя неплохо, передает привет.

В какой-то момент вечера, покидая танцпол, совершенно случайно замечаю знакомое лицо. Мужчина стоит у барной стойки, и, глядя на него после всего выпитого, я способна лишь истерично захихикать. Вот ведь тесен мир! Но ожидаемо — клуб новый, популярный, здесь даже в четверг полно красоток. Рыбаки не могут удержаться.

Одну из пойманных на крючок он как раз обихаживает, нашептывает что-то на ухо. Банальщина страшная! Одет во все самое лучшее, строит из себя бизнесмена, старый козел! Бьюсь об заклад, что на такси прибыл, вряд ли эта барышня согласится прокатиться домой на твоем внедорожнике пятнадцатилетней давности. Рядом с ним пара друзей, лица которых мне тоже знакомы.

— Папаня мой, представь, — киваю на своего биологического отца оказавшейся рядом Вике. Это не первая наша встреча за последние десять лет, пару раз я вот так же неожиданно для себя замечала его в торговых центрах, с женой или одного, а еще раз пять он проезжал мимо на улице, когда я стояла на остановке или просто куда-то шла. Обычно я всегда отворачивалась или пряталась, но сегодня что-то не хочется.

Он меня тоже замечает, глаза расширяются в удивлении. Папа покачнулся на высоком стульчике. Смотри не упади, осторожнее!

Нерешительно он поднимает руку и шевелит пальцами, улыбается — дескать, привет-привет! Детский жест, не слишком уместный. Его друзья прослеживают его взгляд и впиваются в меня глазами, начинают перешептываться. А я отворачиваюсь. Не хочу с ним даже здороваться. Ни разу за эти годы он не позвонил, не поздравил с днем рождения или каким другим праздником. Не поинтересовался, нужна ли помощь. Вычеркнул из жизни женщину вместе с ее ребенком, несмотря на то, что я ему родная. А сейчас увидел взрослую, здоровую, не нищую дочь и машет!

У меня есть друзья, которые принимают меня такой, какая я есть. Саша, Леся, Вика... мы танцуем, обнимаемся и шутим. Сумасшедший отрыв, безумный праздник, именно то, чего так сильно требует душа.

Мы молоды, красивы, и мы ничего не боимся. И любовниц — уж точно нет. Мы лучшие. Мы потрясающие. Мы королевы этой ночи. Сегодня нам не нужны поклонники, а они, как назло, словно почуяв вспышку эмансипации, липнут и приглашают на танцы, норовят познакомиться, угостить выпивкой.

О нет, спасибо. Сегодня будут только танцы!

Через час получается так, что в нашей беседке только мы с Лесей, остальные девочки танцуют, и я решаюсь озвучить вопрос, который не оставляет весь вечер:

— Так почему девичник липовый?

Поначалу она делает вид, что не расслышала, но я повторяю сказанное четко и громко. Леся замечает мой прямой взгляд и, видимо, справедливо рассудив, что моя жизнь теперь перед ней как на ладони, соответственно, можно довериться в ответ, открыться, — поколебавшись, говорит:

— А, ты запомнила. Ну что ж... Ладно, скажу. Какая свадьба, Вероника, такой и девичник, — пожимает плечами. — Этот идиот изменил мне.

— О Боже, — закрываю рот рукой. Она все-таки узнала. Егор говорил, что Санни очень страдает по этому поводу и никак не может простить себя. Неужели покаяться? Может, так и правильно. Наверное, правильно, но как же жаль эту пару! — С кем?

— Будешь смеяться, — в подкрепление своим словам она истерично хохочет, — с трансвеститом.

— Что-о-о? — тяну я, выпучив глаза.

— Да вот именно, что идиот! Наглotalись, кстати, с твоим Егором...

— Он не мой, — парирую моментально. Такие шутки мне неприятны, еще раз повторит — придется акцентировать внимание.

— А чей же? Ладно, неважно. Наглotalись с Озером да с их Тренером-куском-дерьма какой-то дряни. Клянется, что не хотел, что ему подмешали. Вообще не помнит ночь, что делал, как все случилось. Проснулся в кровати с бабой. Смотрит: волосы длинные — есть, сиськи четвертого размера — есть. Член между ног — тоже в наличии.

— О-фи-геть! — ору я, как ненормальная. — Не верю!

— Говорит, ваще ничего не помнит. Рыдал тут четыре дня назад у меня на коленях, умолял простить его.

— А как ты узнала?

— Сам рассказал, не выдержал. Плохо ему было. Я сразу заметила, что он каким-то не таким из Сочи вернулся, я ведь его знаю как свои пять пальцев. Подумала еще: сто процентов — Егор его в какую-то фигню втянул, а оказывается, ничего подобного! Сам... втянулся. Отличился. Поначалу я в какой-то анабиоз впала — ни слез, ни криков. Просто не понимала, как теперь жить. Молчала. Егор тут же приперся, объяснял мне весь вечер, что, скорее всего, ничего там и не было, он сам под тем же кайфом, например, вообще не смог, — она закатывает глаза. — Ему так потом сказали, наутро. Ночь напрочь выбита из памяти, и, скорее всего, Санни просто отключился, как и Озер, тем более... блин, Веро, рядом с мужиком с силиконовыми сиськами проснуться! У него даже щетина утром была, сказал Санни.

— Прости, но это очень смешно. Прости, пожалуйста, прости меня, — тараторю, в умоляющем жесте сжимая ладони, — но я ничего не могу поделать, я представляю глаза Санни, когда он это увидел, — я вытираю уголки глаз, пока мы с Лесей обе хохочем. И плачем, и хохочем, как истерички. Господи, какой же ужас творится. Наркотики... вот зачем? Разве плохо все было? Неужели нельзя вот так же чуть-чуть выпить для настроения и под текиловым допингом протанцевать весь вечер? Чем плохо? К чему эти эксперименты с химией? Никого никогда не довели ни до чего хорошего! Страшно это... Мы, конечно, смеемся, но на самом деле очень жутко.

— Поругались еще потом. Я ж не знала, что Санни Егору про транса ничего не сказал, — как Озерский приехал за друга просить, так и ляпнула ему, не подумав. А у того глаза по пять рублей, и как давай хохотать, прямо как мы с тобой сейчас, — Леся вздыхает. — Нехорошо как-то получилось. Вообще, если уж совсем начистоту, то не думаю, что там был полноценный половой акт. По крайней мере, никогда ничего гейского в Санни не замечала; на сиськи он, конечно, падок, в это поверить можно. Но и Егор клянется всем на свете, что там не Колькина вина, а химии, которую Тренер всем подмешал. Вот что с ним делать?

Я обнимаю ее за плечи, и она утыкается лицом мне в шею. Больше мы не смеемся.

— Понять и простить, — вздыхаю. — Он ведь не наркоман?

— Спортсмен он, на одной гречке живет и курице вареной. Задолбал со своим правильным питанием. Не курит, пьет редко, только если с Озером.

— Леся, правда, это же несерьезно. Чувак проснулся на одной кровати с трансом, да он сам себя загнобит. Ему нужна помощь. Психологическая! Тем более, им друг и правда какую-то фигню подмешал. Я ночевала у Егора, когда его ломало от чего-то такого. Он сказал, что как из Сочи приехал, было адски хреново, пожаловался тому же другу, тот дал ему «лекарство», и вот отходняк от этого лекарства я помню очень хорошо, — содрогаюсь.

— Может, и прощу. Но завтра в ЗАГС мы не идем, будет фарсовая церемония на природе, потом ресторан, отыграем свои роли. А потом спокойно разъедемся. Думала, ремонт успеем доделать к свадьбе, а теперь все так и лежит. Руки не поднимаются. Все равно ж продавать квартиру. И пилить.

— Ты уверена?

— Не хочу срывать свадьбу, слишком много шума будет. Да и деньги поздно возвращать, и так и так потеряем. Хоть повеселимся. Разойдемся по-тихому, да и все.

— Или распишетесь точно так же тайком, и будет у вас две даты для отмечаний.

— Не знаю, не могу я его простить. Слишком сильно обидел. Я ему говорю — ты представь, что я бы вот так проснулась не пойми с кем и пришла бы извиняться?!

— А он?

— Плачет. Лось такой, а не может сдерживать эмоции. Ладно, посмотрим. Ты только никому не говори, хорошо? Я вообще по натуре тихий, замкнутый человек, но в последнее время саму себя удивляю.

— Разумеется, я никому не скажу. Более того, буду очень за вас болеть. И держать кулачки.

— А на свадьбу приходи. Ксюши не будет. Она в роддом уже легла, врачи наблюдают, срок в эти выходные.

— Ясно. Хорошо, я приду. А сейчас давай попрощаемся, мне пора ехать, завтра на работу вставать рано. Боюсь, проснусь пьяной.

— Скоро уже едем, ага. У меня вообще укладка в восемь. Вот думаю, а не отменить ли ее? Завью на плойку и пойдет? Зато выплюсь!

На часах начало второго, когда я, попрощавшись с подругами, выхожу на улицу подышать свежим воздухом и заодно дождаться такси. Голова слегка гудит от оглушающих басов «Осени», поэтому чувствую себя, словно в аквариуме. Не могу там больше находиться, клуб хороший, но я так устала, что глаза слипаются. Курить в помещении нельзя, но волосы все равно пахнут табаком. Жажда мучает.

Вечер прошел замечательно, на моем счету две визитки симпатичных парней, звонить которым не собираюсь, но все равно приятно, три медленных танца в крепких мужских объятиях, это не

считая пяти обиженных-отшитых.

В нескольких метрах Леся разговаривает с Санни, который свалился как снег на голову — видимо, контролировать наш отрыв. Делаю вид, что не замечаю их, не в моих правилах вмешиваться. Поглядываю украдкой на специфическую парочку.

Она хоть и не худенькая, но рядом с ним кажется маленькой и тонкой, при этом совершенно не боится впечатляющих бицепсов, трицепсов и прочих весьма развитых мышц своего спортсмена. Егор показывал мне поединки, в которых дрался Санни, очень впечатляет. Не хотела бы я поссориться с этим парнем.

Леся грозно уперла руки в бока, губы поджала, пока он пытается оправдываться за сегодняшний визит или вообще за все на свете. А сам пожирает ее глазами, с ног до головы ласкает, разглядывает, любуется. Оторваться не может. Подозреваю, что вспышка ревности случилась неспроста, а под влиянием одного повернутого психа, который тщательно накрутил друга. А вот и он, кстати, стоит чуть позади, якобы наблюдает за Санни с Лесей, а сам то и дело бросает взгляды в мою сторону.

Следит, что ли?

Ладно, не подходит — и хорошо. Самое главное для меня. Держусь ближе к дороге, чтобы не пропустить такси. Переминаюсь с ноги на ногу — хоть и без каблуков, но все равно устала. Где же мои кроссовочки? С грустью смотрю на клатч, в который они никогда бы не поместились, а жаль.

Не по себе мне. Вот знаю, что смотрит на меня. Нутром чую. Зачем только?

Что от меня ему еще нужно? Сам окрестил дрянью, и сам уже второй раз ищет встречи.

— Давай подвезу? — говорит слева от меня. Вздрагиваю. Подошел, не побоялся. — Привет, потрясающе выглядишь, — смотрит пристально, но не так, как Санни, эмоции которого очевидны. Этот же — нет, крученный. Гребаная медийная личность, не понять, чего хочет. Да и сам, наверное, не знает. Озлобленный идеалист! Угораздило же выбрать из толпы, а?

— Не переживай, твой друг ко мне не приставал, — говорю ему.

— Хорошо. Я слежу за этим.

— Что?

— Переживаю за тебя. Послушай, я... очень сильно соскучился, — он сводит брови вместе. Жду еще пару секунд, но, видимо, это вся извинительная речь, которую он подготовил.

— Отвали, — отвечаю дерзко, не сдержавшись. — Егор, прошу, просто от***ись от меня. Нет меня больше. Считаю, что нет. Урок я усвоила. Всё. Исчезни. В память о всем хорошем смени квартиру, сделаешь одолжение.

Его глаза расширяются — кажется, не ожидал.

— И я усвоил урок. Веро, тот день, — он начинает жестикулировать, заметно, что пошел экспромт: — он был каким-то... безумным, бешеным... я сильно подрался, разозлился, среагировал жестоко. Если бы вернуть время, я бы поступил совершенно по-другому. Я

пытаюсь найти подходящий момент, чтобы сказать все это, но никак не получается. Мне так стыдно перед тобой, но, прости, я не могу тебя оставить в покое. Я все время о тебе думаю, я... каждую минуту думаю.

— Что тебе, Егор, от меня нужно? — озвучиваю свой главный вопрос. Делаю все для того, чтобы голос звучал уставшим.

Он вздыхает:

— Я очень сильно по тебе скучаю.

— Это пройдет. У меня уже прошло.

— Лжешь. У нас ведь... по любви все было, помнишь? Сама говорила, — его голос становится мягче, у меня дыхание перехватывает от того, как он произносит слова, как смотрит.

Настолько интимно, открыто. В его интонациях совсем нет Велиара, он не пользуется запрещенным приемом. Передо мной Егор такой, какой есть. — По-особенному, раз по любви. У меня так не было никогда раньше. Я не пробовал, а сейчас... еще хочу.

— Повторить? Серьезно? Как ты мне сказал? «Для такой, как я — переспать не проблема», и ты явился, чтобы...после всего... — я теряюсь от такой наглости, он начинает паниковать.

— Нет, нет, ты не о том подумала. Да нет же! Веро! Ну, ляпнул сгоряча, ты тоже тогда мне наговорила дохрена комплиментов! Я так не думаю. И я сейчас вообще не про секс.

— Ну почему же. Я сразу тебе сказала, что мне от тебя нужен только он самый. Согласна, отлично потрахались. Давай повторим, как-нибудь. Не сегодня. У меня месячные.

— Вероника, пожалуйста, это... какая-то хрень происходит! Ты так не думаешь, я так не думаю, нам нужно просто поговорить начистоту.

— Думаешь, проблема? Да нифига. Доказать? — вокруг люди, боюсь, что за нами уже наблюдают.

Наши взгляды острые, не отрываем их друг от друга, звереем. Я — от желания отомстить ему, причинить ту же боль, что и он мне, он бесится по каким-то своим причинам. А потом он берет себя в руки, опускает плечи и улыбается мне, все еще готовой разорвать его на части.

— Окей, поехали, — говорит и кивает. Не могу понять, что веселого, я тут на грани топчусь, между прочим! — Не сердись так сильно на меня. Хочешь, новости расскажу? Не поверишь, что любовь со мной творит. Вероничка, вообрази только, с прошлого раза у меня член на сантиметр вырос, — а сам показывает пальцами отрезок не меньше пяти. — Представь, как все круто будет!

— Чего? — хмурюсь, не понимая, что он вообще несет. Смена темы дезориентирует.

— Сам в шоке! Бывает же. Пошли покажу, рассмотришь как раз хорошенько. Я знаю ракурс, с которого тебе будет отлично видно, — и подмигивает. Остолбнев, я беспомощно хватаю ртом воздух. Пытаюсь разозлиться сильнее, но проблема в том, что Егор — единственный человек в мире, способный произнести настолько пошлое предложение каким-то таким особым образом, чтобы никого не обидеть. Он не пытается меня унижить, он вообще не из тех, кому нравится унижать людей. Я слишком хорошо его знаю, чтобы не раскусить — этот дурак пытается меня

рассмешить. Как умеет. Но... тем не менее..

Озерский охренел!

Не представляю: кричать на него или смеяться в голос. Дурацкая шутка, дурацкий тон, с которой он ее произнес, умоляющий взгляд и нелепая улыбка, выдающая, как сильно ему неуютно сейчас. Все это так знакомо, потому что родом из нашего прошлого. Где было много вот таких подколов, которые даже пересказать кому-то стыдно, и в то же время кажущихся лично мне безумно смешными.

Целых две секунды я борюсь с желанием расхохотаться в голос, планируя послать его куда подальше и придумывая что-то остроумное про размер его пениса. Сужаю расстояние между его пальцами с пяти сантиметров до одного, уже открываю рот, чтобы высказаться, что теперь есть крохотный шанс хоть у кого-то хоть что-то почувствовать, как слышу за спиной:

— Вероника, ты в порядке? Молодой человек, вы что себе позволяете? Как с девушкой разговариваете? Где уважение?!

Помощь пришла, откуда не ждали. Отец мой тут как тут. Один, без дружков и подружек. Подслушивал? Да неужели?

Егор тут же ошетинивается, словно почувствовал угрозу. Он не знает, что перед ним несостоявшийся тесть. Думает, что я познакомилась в клубе с мужчиной хорошо под пятьдесят. Не могу больше сдерживать смех. Ага, какой-то старпер защищает меня от Математика. Вот это да! Озерский в бешенстве, понимая, какую роль играет. Меня спасают от него! Смотрю то на первого, то на второго, и ни одного из них не жалко. Где же мое такси?

— Я крайне уважительно отношусь к своей девушке, никогда не забываю подушку под колени подложить, чтобы мягко было, — выдает Озерский ни секунды не колеблясь, делает шаг вперед. Теперь он серьезен. Встает так, чтобы я оказалась слегка у него за спиной.

У папы ступор. Не ожидал. Надо же, вспомнил о моем существовании и тут же полез честь защищать. Я настолько пьяна, что не могу успокоиться и задавить шальную улыбку! Ничего не могу с собой поделать.

— Не ссорьтесь только, — хватаю Егора за руку. — Хорошо, пойдем. Егор, пошли-и-и, — тяну его в сторону. — Покажешь... — смеюсь, — что тамросло.

— Вероника, ну-ка вернись! Он не посмеет... никто не посмеет... — начинает возмущаться отец.

— Не, погоди, тут какой-то хрен влез, — тормозит меня Озерский.

— Егор, это мой папа, — произношу я, опасаясь, что комедия в любой момент может превратиться в драму. Озерский моментально меняется в лице, на котором теперь отражается невероятное любопытство. Он оглядывает бывшего соперника с головы до ног, слегка улыбается уголком губ.

— Что, серьезно? Отец? Как давно я мечтал с вами познакомиться, — и протягивает руку. Тот, растерявшись, пожимает.

— А вы вообще кто? — хмурится папа.

— Вы меня не знаете, но я вас — очень хорошо. Вот, значит, кому я обязан за все свои

проблемы.

— Егор, — тяну его в сторону. — пошли.

— Ага, — кивает он. — Но я вас запомнил.

— Вероника, куда ты пошла? Не позволяй ему так с тобой разговаривать! Дочка!

— А ты ему морду набей, — улыбаюсь. — У меня, папа, травма детства, залипаю из-за тебя на козлов. Он богат и женат, между прочим, — говорю я.

— Ага, — безэмоционально отвечает Егор, теперь уже он тянет меня в сторону, но я вошла во вкус.

— Удивлен? А как ты хотел? Буду тебя сейчас позорить, хорошо, хоть фамилия у меня мамина! Ха, еще и не такое себе позволяю! Ты себе даже не представляешь, как я живу! Во грехе! Тебе благодаря!

Озерский утаскивает меня в сторону своей машины, запихивает на переднее сиденье и увозит подальше от этого клуба.

— Не надо было тебе так с ним, — говорит он через некоторое время. Печку включил, словно почувствовал, как сильно я замерзла. В чулках ведь выпендривалась, хотя на улице довольно прохладно. — И извини, что я сморозил лишнего. Не хотел тебя подставить. Просто подумал, что шутка про маленькие пенисы всегда поднимает настроение девушкам. Не знаю, просто хотел дать тебе возможность оскорбить меня, может, тебе бы легче стало. Смягчить ситуацию. Ты так ругалась, я запаниковал. Блин, Веро, я стараюсь! — ударяет ладонями по рулю.

— Да нет, все хорошо. Я так устала доказывать всем, что девушка приличная, что хочется уже расслабиться и плыть по течению. Как тебе, кстати, фотки?

— Какие фотки? — спрашивает он.

— Как какие? Которые Ксюша выкупила или вымолила, уж не знаю, у Стаса, моего братца. Генка после разрыва несколько фоток Стасу продал, думать не хочу, что тот с ними делал. И знать не хочу.

— А что на них?

— А ты не видел? О, так скоро увидишь! Я там сплю полуголая. Стас угрожал, что если я не буду выполнять его приказания, — выделяю голосом, — он эти фотки в сеть выложит. Ну, я спросила у подруги-юриста, что можно сделать, скинула ему ее ответ со ссылками на статью и предложила выкладывать поскорее. Почему-то сразу расхотел публиковать.

— Не, я ничего не видел.

— Ясно.

— Вероника, черт, мне так... Мне очень жаль.

— Мне тоже жаль.

— Мир?

Я поднимаю брови и смотрю на него недоуменно:

— Чего?

— Прости мне этот поступок. Я бы хотел вернуть все, как было, — он останавливает машину возле своего подъезда.

— Я не тут живу, — отрезаю.

— Давай просто поговорим. Поругаемся. Выскажи мне все, что думаешь. Только не гони снова.

— Поняла. Ничего, дойду ногами, — открываю дверь.

— Да стой же! — он перехватывает мои руки и захлопывает дверь. — Сейчас довезу, погоди.

Через две минуты он паркуется напротив моего подъезда. Причем таким образом, что, никаких сомнений, намерен долго оставаться на одном месте. Машина никому не мешает.

Егор выглядит вполне искренним, но то, что он сделал — не прощается. Он сыграл на моих чувствах, забрал все, что только могла дать, после чего выставил на посмешище, еще и наговорил вслед «хорошего». Я тоже наговорила, но готова ответить за каждое свое слово.

— Скучаю, — упорно повторяет он. — Я... не думал, что буду по кому-то так скучать, — он поджимает губы и отворачивается. Смотрит то на руль, то вдаль через лобовое. Нервничает.

Я всхлипываю, но продолжаю держать себя в руках:

— Ну, показывай свой член, — говорю ему. — Посмотрим, ты ж для этого приехал? Показать.

— Не для этого. Я... никак не могу придумать, с какой стороны к тебе подойти. Я бы хотел, чтобы все стало как прежде.

— Так ты снимаешь штаны или нет?

— Прекрати, — он рычит, мне удалось его выбесить полным игнорированием потока искренности, довольно скромного, между прочим, учитывая, что зарабатывает Озерский сочинительством.

— Что прекратить?! Я ведь такая, какая уж есть! Минет тебе сделать? Ты этого хотел? Давай, доставай!

Он не двигается, просто смотрит.

— Снимай эти чертовы штаны! — я кидаюсь на него, пытаюсь добраться до ремня, он перехватывает мои руки. Сжимает довольно сильно. А в меня после всего пережитого за день словно бес вселился, совершенно не могу себя контролировать. Веду себя именно так, как все хщутот меня с самого начала! Любой мой проступок, даже крошечную ошибку объясняют «породой», которая прорывается. Как я устала бороться! Как я устала влипать в неприятности!

Он должен понять, что мне плевать на него! Я дерусь, заставляя его дать мне доступ к своей ширинке, чтобы, получив согласие... окончательно его возненавидеть.

Считайте, что у меня рецидив. Да, не могу я забыть этого мужчину! Не могу даже возненавидеть его как следует! Потому что все хорошее, что было между нами, перевешивает

его жалкий тупой поступок, но я намерена заставить его дать мне повод считать его дерьмом. Он задел мою гордость, а этого я не прощу никогда.

Поэтому... мне нужна от него добивочка.

И я ее получу сейчас. Сделаю так, чтобы меня от него затошнило. Заставлю его воспользоваться собой, чтобы в следующий раз при упоминании имени Егор к моему горлу тошнота подступала, а не ныл низ живота, как это сейчас происходит. Я не должна его любить! Он не принадлежит мне! Не мой! Не должна и не буду!

— Ну что такое, Егор, — я пошло облизываю губы, грудь показать в этом платье невозможно, поэтому я задираю подол, демонстрируя кружевные чулки и белье. — Тебе же понравилось меня трахать, ты ведь за этим и приехал, — как кошка мурлыкаю. — Еще хочешь, да? Не во всех позах попробовал? Так давай, сделай это. Доставим друг другу удовольствие! — я перехожу на крик. У меня снова истерика. Я долго держалась, но сорвалась. Всему есть предел. — Со мной ведь можно именно так обращаться, да? Бережь здоровье и репутацию родной жены — не дай Боже, кто-то о Ксюше плохо подумает, а моему отцу, — я кричу ему в лицо так громко, что горло дерет, — а моему отцу говорить, что с тобой его дочка в безопасности: коленки не поцарапает! — ору, как настоящая обиженная женщина, как будто имею на это право. Сейчас я психопатка. Высказываю все, что накипело. Он добился, чего хотел.

Скручивает меня, прижимает к себе и целует в шею, щеки. Теперь моя очередь вырываться, потому что он целует меня не так, как девку на раз, а нежно, искренне. Он прижимает меня к себе, одновременно с этим сам прижимается ко мне. Его руки дрожат. Он словно сам дорвался, словно и правда адски соскучился. Он шепчет мне: «Я тебя верну». Он шепчет мне: «я люблю тебя». А потом громче:

— Прости меня, девочка моя, — он одергивает подол моего платья, расправляет его по моим ногам и гладит сверху. Гладит мои волосы, плечи. — Прости, что смешал тебя с грязью. Запачкал, да? — я плачу, и он словно читает мои мысли. Именно так и есть. Я...ведь, не хочу быть грязной. До смерти боюсь этой роли. Я совсем беспомощная, с виду сильная, а внутри измучилась. Я хочу искренности, любви, за которую не стыдно. Я хочу по-настоящему. Он говорит мне: — Сильно запачкал тебя, показал пренебрежение. Больше не повторится. Обещаю. Никогда. Вероничка моя, хорошая моя девочка, как же я мог тебя так сильно обидеть. Ну что же я за тварь такая. Как сильно я по тебе скучаю. Как сильно скучаю.

Я все еще борюсь, ласкаю его между ног, и у него действительно стоит, но он убирает мою руку.

— Ну все, хватит, у нас будет только по любви.

— Иди ты к черту! — рычу в ответ, после чего возвращаюсь на свое сиденье, убираю волосы за уши и распахиваю настежь дверь.

— Я знаю, что я дерьмо. Но ты ведь меня за что-то полюбила, — говорит он мне, все еще надеясь удержать сегодня. — Это что-то никуда не делось. Давай, может, все же поищем его вместе? Снова.

— Может, у меня и правда травма детства? — огрызаюсь. — Поэтому я изменяю и сплю с несвободными мужиками! Как только разведешься, станешь мне неинтересен.

— Вот и проверим скоро. Прости меня. Я правда раскаиваюсь.

Я закатываю глаза, показываю ему средний палец и выхожу из машины. Его «порш» еще долго стоит у моего подъезда, Егор дожидается, видимо, пока я включу свет, после чего выходит на улицу и пешком направляется к себе.

Я перевожу взгляд с его фигуры на его балкон, а там плакат с надписью знакомым почерком — все те же черные буквы на желтом фоне: «БОЛЬШЕ ВСЕГО В ЖИЗНИ ЛЮБЛЮ ТВОИ С». Причем неверно рассчитан масштаб: все, что после буквы «С», не влезло, написано совсем мелко, оттого не читаемо.

А еще там большая корзина цветов.

Фу, как предсказуемо.

Но все равно приятно. Может, нам, женщинам, и нужна в итоге предсказуемость? Трезвый, верный, заботливый муж каждый день дома. Простые знаки внимания с его стороны, обычные планы на будущее — ипотека, детки, отпуск... Счастье ведь не всегда в чем-то особенном.

Озер появляется у себя на балконе, курит, мрачно смотрит на мои окна. Сказал, что вернет меня. Его самоуверенность впечатляет, но толку от нее не будет. Забыть то, что он сделал — невозможно. Опозорил меня перед мамой. Знал мою главную болевую точку и ударил точным движением именно туда. Причем мастерски, с каким-то изощренным удовольствием. Заставил испытывать восторг в его объятиях, а потом швырнул в обидную действительность, которую осознать, не чувствуя его защиту, мучительно. Зачем, Егор? Чтобы потом всех с тобой сравнивала?

Боже, как же сложно метаться по сто раз на дню между «скучаю» и «боюсь»! Но придется выдержать. Знаю ведь, какой он. Ничегошеньки не изменилось с нашего разрыва: он по-прежнему самый женатый женатик на свете, который все еще, подобно церберу, охраняет Ксюшину нервную систему; Егор просит вернуть все, как было, не думая о том, что того, что «было» давно недостаточно. И только полная дура войдет в ту же самую воду дважды!

Спорю, месяцок пройдет, и он переключится на другую. А я пока начну искать свое счастье. Помнится, мамин коллега — мехщу прочим, врач, — звал меня на свидание. Сходим. Вдруг там судьба моя. Судьбинушка.

Мистер Математик

Привет, блог

Отец считает, что лучшего способа раздавить собственную карьеру чем оскорбить одного из ведущих представителей отрасли в стране, не существует Я не стал размениваться на нокдауны, бил наверняка. Нокаут. Моему писательскому будущему даже контрольный в голову не понадобится.

Оно и так умерло.

— А какого черта ты в ЗАГСе клялся до конца дней — «и в радости, и в горе»! С ней! Какого черта все это было, если через год ты по-другому запел! — орет он на меня, как обезумевший.

Смотрим друг на друга мрачно, он давит авторитетом, у меня железные аргументы.

— В задницу их себе засунь! Аргументы! Да какое тебе вообще дело, а? Егор?! Да пусть она делает, что хочет! А ты живи, как знаешь. Зачем развод? Тебя так тяготят формальности?

— Тяготят.

Не меня. По сути мне вообще нет никакого дела, сколько штампов наставили в моем паспорте. Я перестал верить в их значимость. Переломилось что-то. Свадьба не меняет в жизни людей ровным счетом ничего, разве только в худшую сторону. И кольцо на пальце от нарушения клятв никого еще не удержало, если его значение не подкреплено чем-то большим, разумеется. Любовью?

Ха, да кто что о ней знает! Хочется кричать в ответ о чем-то пафосном и банальном, потому что на нервах, — непростая прошла неделя. И морально, и физически размазала меня по стеночке. Как прежде уже никогда не будет, и весьма пространственное представление о будущем.

Отныне и навсегда ценности не имеют значения. Нет их, как и веры в необходимость чего бы то ни было придерживаться. Раньше во что-то верил, теперь — нет. И я понимаю, каким бы мог стать равнодушным циником, не появись в моей жизни другая женщина.

Скорее всего, я бы согласился на уговоры отца. Жил бы отдельно от семьи, испытывая отвращение от того, как отношусь к жене и женщинам, с которыми провожу время. Вкуса у жизни — больше нет. Счастья бесплатного — нет. Платное же — синтетическое, с душком, да и вредное для здоровья.

Удачно жениться, чтобы зарабатывать много денег, чтобы тратить их на то, что не нужно, чтобы привлекать женщин, которые меня не любят и никогда не полюбят. У меня даже детей не может быть — единственное настоящее, за что можно было бы уцепиться.

В этот момент я особенно остро осознаю бескрайность заманчивого вакуума, в который едва ли не поместил себя. Хоть заорись в нем — никто не услышит. Потому что с виду — красиво все.

— Папа, развод будет, даже не сомневайся.

Он хватается за голову и ходит по квартире широкими шагами.

— Извини, — добавляю. — Послушай, Регина покажет рукопись своему редактору, а у того есть связи в Голливуде — если все получится, то не будет иметь значения, что там думает Санников.

— Боже, он еще и бредит! Когда ты уже вырастешь, Егор?! — беспомощно всплескивает руками. Приподнимает брови и начинает убеждать, что чушь, которой я занимаюсь, не имеет ничего общего с реальностью. Есть работа, за которую платят деньги, которые можно потратить в магазине на хлеб и молоко, а есть детские мечты о публикации русского неизвестного автора в Штатах, чего никогда не было и не будет.

— Я решу проблему, найду, где взять деньги.

— Решит он!

— Отец, — смотрю ему в глаза, — я уже столько раз начинал все сначала, что еще раз — не станет большой проблемой.

— Пора ехать, — в комнату заходит мама в праздничном платье. — А то опоздаем на

церемонию. Не ссорьтесь хотя бы в праздник.

— Так он закончится, а ничего не изменится! — отступает отец, остервенело поправляет галстук.

— Всех нас на улице оставит. Что же будет, я не переживу этого... В шестьдесят лет оказаться безработным! — он хлопает меня по плечу и сжимает его, показывая, что несмотря на все, что говорит — займет мою сторону. Киваю. Больше говорить не о чем, поддержка стопроцентная, железобетонная. Дом, который создали мои родители и который пока никак не получается построить у меня.

— Дима, позже обсудим этот вопрос, ладно? Коля с Лесей ждут, нехорошо опаздывать. Поспешим! У Егора еще есть время подумать. Ты, главное, никому ничего не говори пока. Мало ли что за это время может случиться.

Случается действительно много чего. Пока едем в ресторан, вишу на телефоне с режиссером, обсуждаем некоторые моменты в «Денечках», ведь моя цель — сделать так, чтобы после ухода сценариста работа команды не рухнула. Хотя, не сомневаюсь, получив свободу, они такой фигни напихают в сюжет, уничтожив те редкие проблески благоразумия, которыми я кое-где мазнул серии, что аудитория разбежится. Тем не менее, для очистки совести, необходимо успеть доделать все, что в моих силах. С другим режиссером позавчера до пяти утра разбирали молодежный сериал про школьников, там у меня душа спокойна — человек сделает работу безупречно. Подробный синопсис Санников одобрил, пилот будут снимать уже в середине сентября, сценарий первой серии готов, кастинг идет какими-то бешеными темпами, дергают студентов прямо с пар, устраивают прослушивания в коридорах, на улице, в автомобилях. Проект горит, команде не терпится за него взяться. Санников обещает, что благодаря успеху «Денечков» в рекламе скажут: «сериал Егора Озерского...». А что? Красиво звучит.

Вот только мы-то с вами знаем, что в итоге о моем присутствии в проекте не будет и полслова, даже в титрах не черкнут фамилию.

Если бы Ксюха дала мне немного времени, я бы поприсутствовал на съемках пилота, что отразилось бы на всем проекте благополучно.

С женой, кстати, практически не общаюсь. Она мне пишет, а я даже не читаю. После случившегося не в состоянии обсуждать что-либо. Окончательное разочарование в этой женщине имело разрушительные масштабы. Если бы к тому времени я не влюбился в бы в другую — представляю, какой тварью мог бы стать. Предпосылки все есть, способностей — достаточно. Все мои поступки, которые наблюдаете, — отголоски, всего лишь омывающие берег волны, как признаки потухшего где-то в океане шторма.

А вот и девочка моя хорошая — Вероника. Тоже на праздник приехала, красивая до невозможности в одном из своих платьев по фигуре, волосы убрала вверх, ресницы длиннющие. Опасная красота.

Я постоянно думаю о том, как любил ее, как она горела в моих руках. Я постоянно думаю о том, что... «Вероника, я нашел тебя». Нашел все-таки. Долго искал, прятался за любовь к Ксюше от чего-то настоящего. За ту самую любовь, которой, по-видимому, никогда и не существовало. Я виноват перед всеми. Абсолютно все сделал неправильно.

Я хочу попытаться исправить как можно больше ошибок.

Предстоит насыщенный день, но вижу ее — и планы перестают существовать. Правила поведения теряют смысл. Смотрю на нее, и в груди больно, потому что подойти бы и обнять. Просто подойти и просто обнять, увидеть улыбку от того, что радуется встрече со мной. Оказывается, так мало нужно в итоге. Приблизиться, дотронуться, увидеть улыбку, прижать к себе и почувствовать, что вот оно — главное, а все остальное можно обсудить.

Она увидела меня и отвернулась.

Даже секунду Вероника не может смотреть в мою сторону. Я не заслуживаю даже одной гребанной секунды. Противно потому что видеть мою физиономию.

Нет улыбки. Раньше она воспринималась как должное, а теперь я понятия не имею, что нужно сделать, чтобы вернуть ее.

Смотрю на нее, не заботясь, что кто-то заметит сверхинтерес, а она не оборачивается. Ни единого раза за целый час ей не стало интересно, чем я занимаюсь.

Не знаю, как перестать ее обижать снова и снова. Я стараюсь... думаю, что стараюсь, а делаю только хуже. С каждым днем, с каждой встречей она отдаляется.

Раньше я цинично считал, что нет у меня никого. А теперь, когда могу лишь любоваться весь вечер прекрасным затылком любимой женщины, осознаю, что значит, когда никого нет... по-настоящему.

А предложить-то ей по-прежнему нечего. Хоть на колени падай и проси. А толку-то? Подобное лишь унижит обоих. Карманы пустые, могу вывернуть. Если бы она сказала, что нужно сделать, чтобы простила, — было бы намного проще, но вряд ли мне доступна подобная роскошь.

Впрочем, ладно, начинается регистрация. На Санни лица нет, бледная смерть, а не друг у меня. Держись, брат, у меня есть план. Немного осталось. Я ведь пообещал, что постараюсь исправить хотя бы часть ошибок.

Вероника

Для церемонии бракосочетания выкупили на несколько часов огромный загородный дом с чудесной прилегающей территорией, бассейном, видом на холмы и речушку, на фоне последних установили украшенную цветами арку. Регистратор из ЗАГСа — женщина средних лет в строгом костюме, со сложной прической и безумными синими тенями на глазах — читает небольшую, но трогательную торжественную речь, обращенную к жениху и невесте. Мы все стоим чуть поодаль и смотрим на молодых, затаив дыхание. Красивая пара, редкий случай, когда влюбленные так сильно подходят друг другу и внешне, и по духу.

Гости в количестве ста человек уверены, что Санни с Лесей уже расписались и повторяют торжественную часть для друзей и родных. Фотографы без устали щелкают камерами, оператор также не сидит без дела, родители с обеих сторон в первых рядах сминают салфетки в руках. И лишь мне грустно от того, что эти двое не поженились и, возможно, никогда не поженятся.

Цвет лица Коли напоминает серую бумагу, отдает зеленцой. Все считают, что он нервничает из-за ответственного шага. Сомневается? Да уж, конечно.

Леся в длинном, в пол, белом платье без особых изысков такая милая и уютная, что я не представляю, как Санни вообще держится.

В самый ответственный момент на вопрос регистратора: «согласны ли вы...» — Санни эмоционально отвечает, что «конечно»! А Леся... мгновение молчит а потом произносит: «да». Тихо, доверчиво. И улыбается ему, но так грустно, что сердце в груди щемит Он не выдерживает — еще до объявления мужем и женой кидается на невесту и крепко обнимает, прижимает к себе. Так сильно, рьяно, что видно: она — все для него. А Леся начинает рыдать. Искренне, громко, не может взять себя в руки и остановиться. Она то отталкивает липового мужа, то гладит по голове. Не удивлюсь, что это первое их объятие со злополучной, мерзкой, никому не нужной правды. Гости хлюпают носами, перешептываются о том, что происходящее — прекрасно. Самое трогательное, что они видели в жизни. Они думают, что Леся плачет от счастья.

Оставаться наедине со своим знанием невыносимо, мне нужна поддержка, иначе сама разревусь из-за этих двоих, еще недавно бывших мне совершенно чужими людьми, а сегодня уже, благодаря Егору, такими безразличными.

Ищу глазами Вику, но она не оборачивается, следующая цель — Озерский, который стоит ко мне в профиль и хмурится. На нем лица нет. Губы поджал. Словно почувствовав взгляд, поворачивается влево, и мы смотрим друг на друга. Оба знаем, что происходит на самом деле, и нам очень, очень грустно, оттого, что все так сложилось. Столько ошибок совершено. Пока остальные умиляются, он медленно мне кивает, я моргаю, показывая, что понимаю. Мы одновременно вздыхаем и переводим взгляды на ненастоящих молодоженов, которых уже поздравляют с их ненастоящим счастьем.

Мама, если узнает приедет меня, но из-за того, что Ксюша не смогла приехать — потому что, как она выразилась: не существует ни единого платья, которое бы сейчас на нее налезло, — свидетельницей выбрали именно... меня. Упс. Свидетель, разумеется, Озерский.

Леся заверила, что это не имеет совершенно никакого значения, потому что от тамады в последний момент отказались. Сидеть ровно за столом девушка еще сможет, то участвовать в конкурсах — точно нет, поэтому праздник сильно сократили, упростив до шведского стола и фотосессий.

Полина с Василисой, увидев меня, со свадьбы не уходят. Почему-то остаются. Правда, первая всю дорогу что-то нашептывает своему мужу — наверное, запрещая даже смотреть в мою гадкую сторону, чтобы случайно не уйти из семьи. Сжимаю кулаки от злости! Василиса же мечется, пытаюсь разорваться между двух огней: и с предательницей рядом на фотках не блеснуть, но и подруге бывшей не упускает случая улыбнуться. А затем, когда к нам с ней, случайно столкнувшись у закусок, подходит Озерский и протягивает визитку с личным телефоном того самого актера, который Ваське нравится, и намекает прямым текстом, что тот вернулся из Парижа на съемки «Денечков» и... одинок, она и вовсе теряется, опускает глаза и шепчет «спасибо», но почему-то мне, а не Егору.

— Позвони ему, — говорит Озер ей. — Как человек, конечно, он дерьмо, но от пары ужинов в компании кумира от тебя не убудет, да?

По Василисе заметно, что абсолютно точно — не убудет.

— Он совсем-совсем плохой человек? — спрашиваю я, прищурившись.

— Ну, типа меня, — говорит Озер. — Только еще и занудлив.

— Последнее — однозначно плюс, — отвечаю незамедлительно. Он игнорирует укол.

— А как мне ему написать? В смысле, первой. Вдруг он проигнорирует? Подумает обо мне что-то нехорошее.

— Смотри, — учит Егор, поспешно дожевывая тарталетку с икрой и вытирая салфеткой губы, — ставишь на аватарку фотографию, где ты в этом платье, — кивает на соблазнительное декольте Василиски, — и пишешь ему: «Привет, — он меняет голос на манер женского, и мне становится смешно. — Я знакомая Егора Озерского, он попросил показать тебе приличный ресторанчик, я как раз знаю один». И ведешь его в «Веранду», у меня там знакомая рулит — Леночка Леонова, умничка-девочка. Ценник приемлемый, и не потравитесь — точно. Космонавтом проще стать, чем поваром в этом ресторане, — закатывает глаза.

— Так а... мне платить, получается, раз я приглашаю? Это сколько нужно денег?

Он уставился на нее, как на сумасшедшую.

— С какой стати? Ты ему покажешь ресторанчик, а заказывать, лопать и платить будет сам красавец наш. Обидит — скажи ему, что один твой звонок мне — и в следующей серии он от геморроя будет загибаться или виагрой траванется, — подмигивает. Василиска смеется и сильно краснеет от удовольствия, я закатываю глаза, понимая, что кое-кто старается.

Вечер идет своим чередом, я в основном общаюсь с Викторией или Лесей, если те не заняты. Санни на мою скромную персону не обращает никакого внимания, сложилось впечатление, что он крайне далек от слухов и интриг. Если Коле кто-то что-то и намекал про нас с Егором, он настолько поглощен собственными проблемами, что просто-напросто... пропустил информацию мимо ушей. На все крики «горько» радостно подскакивает и целует свою Леську, как в последний раз.

Егор отлучается спустя час от начала ужина и появляется под конец в компании рыжеволосой феи, которая смотрит на всех в легком недоумении, словно не понимает, как здесь оказалась и, собственно, зачем. При этом крепко держит Озерского под руку, не отпуская от себя ни на секунду. Красивая молодая женщина, «у Егора хороший вкус», — отмечаю я машинально. Решил заставить меня ревновать таким образом? Ага, давай, еще и на подоконник к себе посади, отличный у меня ракурс — рассмотрю, не сомневайся.

Некоторое время он что-то ей объясняет с задорной улыбкой на губах, а затем, когда я возвращалась из дамской комнаты, неожиданно подводит ко мне:

— О, ты-то мне и нужна. Вероника, познакомься, это Регина. Не моя сестра, другая Регина. Регина, это Веро. Любовь всей мой жизни, я тебе о ней рассказывал, — и девушка расплывается в искренней улыбке, протягивает мне руку, оторопело ее пожимаю. Слова «любовь всей моей жизни» прозвучали мимоходом, будто ничего не значат и можно ими запросто разбрасываться.

— Иди ты к черту, — шиплю этому сумасшедшему.

— Вероника, Регина прилетела из Самары специально на свадьбу к нашим голубкам. Она — особенный гость.

— Вообще-то сегодня я должна была идти на массаж, — говорит Регина растерянно, — у меня курс, который... никак не планировала прерывать! Искривление позвоночника, которое может

потом вылиться в серьезные проблемы, — такое впечатление, что она мне жалуется.

— Мы с ней познакомились в ту ночь, когда... ну, все это случилось, — говорит Озер. — И если мы с Санни не помним ничего вообще, то она — пребывала в трезвой памяти, и может рассказать Лесе много информации.

— О, я надеюсь, хорошей! — складываю ладони в умоляющем жесте.

— Да, разумеется, — отмахивается девица. — Ради плохих новостей я бы в жизни не полетела, даже с учетом того, что Егор наобещал номер в лучшем отеле и экскурсионную программу, — у Регины низкий голос с хрипотцой, она тянет слова и заканчивает предложения высокими интонациями, будто все время спрашивает. — Рада с тобой познакомиться, Вероника, — держит мою ладонь двумя своими. Никак не отпускает. Кажется, она немало нервничает, хотя и пытается скрывать это.

— Взаимно, — улыбаюсь в ответ, решив поддержать девушку.

— Замечательно, — говорит довольный Егор. — Познакомьтесь пока поближе, а мне надо уделить внимание гостям, все же никудышный из меня свидетель получился. Но, надеюсь, в итоге саму свадьбу я все-таки спасу, — после чего он целует нам с Региной ручки и удаляется вещать тосты и общаться с гостями.

Некоторое время Регина рассказывает про перелет, про какие-то свои дела, текущие проблемы, спрашивает, не мятое ли платье — Егор выцепил ее прямо в аэропорту и потащил сюда, не дав даже ополоснуться под душем. А затем, перекусив и немного выпив шампанского, она, наконец, переходит к главному:

— Помню я и Илью, и спортсмена, который женится сейчас. Ну, Егора-то, разумеется, не забудешь. Но ты не думай, у нас ничего не было, он жене своей верный. Вернее, как я поняла, тебе, а не жене, если из-за тебя разводится.

— Не из-за меня! — в панике. Регина говорит громко, и я боюсь, что кто-то может случайно подслушать. Она, видимо, пока не в курсе, что тут все друг другу кем-то приходится.

— Да мне вообще никакого дела нет, я не из тех, кто осуждает. Кроме того, я тут по поводу Эстеллы — девицы-транса, которая постоянно работает в этом казино, ищет любителей особенных ощущений. Мой бывший был заядлым игроком, — закатывает глаза и содрогается. — Все проиграл до последней нитки, даже часы мои золотые, которые бабушка подарила на совершеннолетие. Снял с меня спящей и в ломбард, представь себе! Никогда, Вероника, не связывайся с игроками, какими бы хорошими они ни казались.

— Не буду, обещаю, — мне хочется ее поторопить.

— Мы постоянно летали в Сочи поиграть в кости или автоматы. Так вот, — Регина отпивает вина и рассказывает, понизив голос: — более чем уверена, ничего у вашего спортсмена с Эстеллой не было. Она крайне ленива, сама рассказывала, и редко когда работает по-настоящему. Видит, что парень невменяемый: напился или обдолбался, не важно, — помогает проводить его до номера, раздевается и заваливается спать рядом, а потом, наутро, ошарашивает, что все было и требует деньги, а если не дадут — то обещает скандал. А кто хочет скандал с участием голого транса в номере? Все платят как миленькие. Ее, кстати, не очень любит руководство — в прошлый раз, когда я была, не пустили. Обычно после нее некоторые клиенты не возвращаются.

— Какое же счастье, если это так и есть!

— Нормальный мужик ваш спортсмен, я же вижу. Мне бы такого. Ничего там не было. Я, кстати, хотела предупредить Егора сразу — видела же, как мускулистого медвежонка Эстелла «ночевать» повела. Она хоть и девушка на вид, а сильная не по-женски. Но не стала — думаю, пусть помучается парнишка, полезно иногда, согласна? Урок на всю жизнь. Обычно после такого с разгульным образом жизни быстро завязывают. А он взял и невесте сознался... кто мог знать? — пожимает плечами. — Идиот.

К нам подходит Егор.

— Все по плану: ребята на втором этаже, ждут. Регина, ты готова?

— К чему, Егор? — жеманно спрашивает, глядя исподлобья. — Я устала и еще не наелась.

— Повторить все то же самое, только им, — я снова сжимаю ладони вместе.

— Да запросто, если это поможет. Боже, какие вы все ненормальные! Жили бы да и жили себе, сами проблемы выдумываете! Идем, Егор, готова я открыть глаза твоему другу на то, что он не гей, раз уж он сам сомневается, — она дергает плечиком, отдает мне пустой бокал и, взяв Егора за руку, проходит с ним в направлении лестницы.

Мне остается ждать, затаив дыхание и молиться, чтобы все получилось.

Озерский спускается один, минут через пятнадцать находит меня взглядом и показывает большой палец, подмигивает, дескать, все по плану. Я так радуюсь, что едва ли не прыгаю на месте, испытывая облегчение колоссальной силы. На секунду забываю, что мы враги, и улыбаюсь ему в ответ.

— Еле отыскал эту девицу, — сообщает мне на одном дыхании, когда подходит близко, — она мне номер оставила, но визитку я выбросил, увы. Ни фамилии, ни адреса... Только имя и город.

— И как ты выкрутился?

— Она звонила на канал, когда искала меня. Распечатали все входящие за тот день, обзвонил,

— выпучивает глаза. — На самом деле там не так много было, около двадцати.

— Здорово, что все получилось. Очень надеюсь, что Санни с Лесей помирятся.

— Должны помириться. На кого я Санни оставляю? У него, кроме меня, нет настоящих друзей. А так — занят будет, не пропадет.

— Умирать собрался?

— Нет, — улыбка получилась неловкой, — не планирую. Разве что само собой получится.

— Во дурак, — качаю головой.

— Еще какой. Прости меня, — вдруг серьезнеет, хватаясь за мое шутливое оскорбление. — Я бы нашел способ уничтожить проблему, если бы не был ею сам. Пожалуйста, прости меня, — когда он произносит это, выглядит не очень. Честно. Маска беззаботности с лица спадает и становится очевидно, что события последних дней спесь с парня сбили. Если раньше он делал вид, что не особо страдает, сейчас я вижу, что скулит по-настоящему. А еще он начинает

творить непозволительное: при всех берет меня за руку, заглядывает в глаза. Он гладко выбрит, но я вижу щетину, которая уже успела проявиться после утреннего бритья. Он так близко, что я могу рассмотреть каждую черточку, каждый волосок.

— Егор... нас заметят.

— И что? Хочешь, я всем объявлю, что...

— Егор! — в ужасе закрываю ему рот ладонью, он ее тут же целует, отдергиваю. Кажется, он спятил! — Ты ж не пьяный, прекрати.

— Давай откатимся назад? На сколько угодно шагов, как скажешь. Просто переписки... просто будем друзьями. Абсолютно пристойное поведение, как раньше. Скажи, где можно трогать — буду только там. Ладони? Окей, договорились. Ни одного лишнего жеста не будет, обещаю.

— Перестань, не время и не место.

— Мне понравилось, — он перебивает меня, смотрит в упор. — Давай начнем сначала. Вероника, я скучаю, — он спешит, понимая, что я могу отвернуться и уйти в любую секунду. — Я не знаю, что мне еще тебе сказать, как объяснить то, что чувствую. Меня никто никогда не любил раньше, мне понравилось, — он все время повторяет, что «ему понравилось», — я чудовище, знаю, что хорошего маловато будет, и язык у меня поганый, и поступки неадекватные, но... пожалуйста, хотя бы один шанс, — на нас уже поглядывают, благо большинство гостей фотографируется на улице, в том числе родители Санни. — Помнишь, ты спрашивала про героя в «Божьем Ягненочке»? Про его бесплодие и про то, откуда я так хорошо знаю эту тему. Я тебе лгал...

— Стоп, — поднимаю ладонь вверх. — Егор, ты не понимаешь. Мне больше не нужны твои секреты, я не знаю, что с ними делать. Я ничего не хочу с ними делать, — тем же тоном, что увольняла бухгалтера. Он тушует. Знаю, что одним словом может довести меня до истерики при желании, он сильный, намного меня сильнее, но раз не делает этого — значит, не хочет. Его глаза бегают, он подбирает слова, волнуется. Я никогда не видела его таким раньше. Мне кажется, в вечер нашего знакомства он был меньше растерян.

— Прости, я не планировал сегодня. Увидел тебя, ты улыбнулась, и... меня понесло, — смиряется.

Он сжимает мои ладони, тянется и целует в лоб, но несмотря на выбранное место касания губ, целомудреннее не придумаешь, поцелуй выходит нежным и чувственным. Горячие губы, жар дыхания. Аромат его туалетной воды, на который моментально реагирует мое тело. Знакомый, родной, надежный. Сердце сжимается.

Возьми и унеси меня отсюда домой.

Если ты это сделаешь, я буду кричать изо всех сил, звать на помощь и отбиваться так, будто дело жизни и смерти.

У меня волоски дыбом встают на затылке от этого поцелуя. Егор мне шепчет:

— Умираю без тебя, смотрю на твои окна и скучаю. Вернись, пожалуйста, я все сделаю. Все сделаю.

Он — писатель, красиво сочинять — его работа.

— Егор, если ты будешь меня преследовать, я перестану ходить на мероприятия, на которых ты можешь появиться.

— Но ты сделаешь уступку? Хотя бы разбань мой номер. Давай просто переписываться? Я приеду в понедельник к тебе на работу, привезу кофе и булочки, можно? Я совсем один среди проблем. Обещаю, не буду ими делиться, просто разговаривай со мной.

— У меня свидание, — говорю ему, закрыв глаза. Понимаю, что еще секунда — и я обниму его и буду шептать, что все образуется.

Он замирает. Кожей ощущаю перемену настроения, оттого зажмуриваюсь. Чертов ревнивый кретин! Ну давай! Перерождайся в того Егора, с которым недавно познакомил меня! Которого так долго прятал и который появляется только перед теми, кого ты любишь! Ксюша в чем-то права, твоя ревность — убийственна. Я могу простить тебе ту обиду, и мама меня поймет, я уверена, только вот... как я могу быть уверена, что в следующий раз ты не сделаешь еще больнее? Где гарантии, что ты не уничтожишь меня во время очередной вспышки? Спорю, папа до сих пор в шоке от упоминания подушки и коленок его дочери. Да, отец у меня ужасный, но ведь... зачем было так?

От Егора вновь веет холодом и дискомфортом, я распахиваю глаза, практически ожидая физического удара.

— С кем? — спрашивает хрипло. Смотрит во все глаза, лицо непроницаемо.

— Ты его не знаешь, — отвечаю стойко. Сердце колотится где-то в горле.

— Зачем?

— Скучно.

— Ясно.

— Могу я идти?

— Если нужна будет помощь... или что-то понадобится...Хоть что... Я готов.

— Да, я помню, нужно звонить тебе.

Со второго этажа спускаются Леся с Санни, оба довольные. Заметно, что Леся умывалась, от профессионального макияжа осталось одно воспоминание, но зато теперь ее лицо светится от радости. Передо мной действительно — счастливая невеста. Как все эти гости, близкие люди не заметили? Они же общаются с ней годами! Для меня — по сути, чужого человека, видевшего девушку меньше пяти раз, — перемены разительны. И хоть Леся по-прежнему играет роль обиженной, хмурится, поджимает губы, позволяя Санни продолжать заглядывать ей в рот, мы переглядываемся и я понимаю — им больше нет причины не быть вместе. То, что выводы Санников сделал — очевидно, подобная ситуация вряд ли повторится. Зато благодаря Регине у Леси появилась возможность простить его. Даже если рыжая фея солгала, это не имеет значения, они будут вместе навсегда или до следующей фатальной ошибки, но что-то мне подсказывает, никто ее не допустит.

Вероника

«Состариться можно в ожидании продолжения. Вместо того чтобы плакаты рисовать, актер мог бы делом заняться. Для разнообразия», — пишу я на форуме «ФериТейлФилмс» в топике одного из сериалов Злобного, в котором уже три недели как не выходили новые серии.

Ну а что, наведу немного шумихи на сайте, почему нет? А то бедные телезрители, как безвольные овечки, сидят по углам и боятся пикнуть лишний раз о том, что Озерский вконец обнаглел. Да, я понимаю, это всего лишь хобби, но мы ж в ответе за тех, кого приручили! А любимый сериал — это, знаете ли, дело серьезное. В мои шестнадцать лет я жила от серии к серии о Велиаре, да меня бы инфаркт хватил, если бы перевод заморозили, потому что актер, видите ли, переживает нелегкий период в жизни!

«НеУчуМатематику», — подписалась на форуме. Интересно, поймет ли намек?

Настроение приподнятое, так и хочется пошутить или позлить этого гада! Со свадьбы Санниковых прошло четыре дня, каждый из которых к окну подходить боязно, потому что дважды в сутки на доме напротив сменяются плакаты. Мало того, что он позволяет себе писать совершенно неприличные вещи, завалил весь балкон цветами, так и еще и сам стоит там курит периодически, как бы показывая: «вот я, протяни руку или кивни головой, и я буду с тобой».

Соседи, кстати, втянулись: свистят и улюлюкают Егору, когда он в очередной раз подвешивает новый плакат. Всем жутко интересно, что же наш писатель написал на этот раз. Каюсь, мне — больше всех.

Бесит Озерский потому, что каждое утро я просыпаюсь в приподнятом настроении и, не в силах бороться с собой, первым делом несусь к окну — посмотреть... что же он придумал за прошедшую ночь. А-а-а! Да сколько можно уже надо мной издеваться!

То он пишет, что скучает. То требует видеться с дочерью, которая растет без отца, и это пагубно может сказаться на выборе будущего спутника жизни. На минуточку — речь о черепашке, какие еще спутники жизни?! Да и спорный вопрос как лучше: с таким папашкой или без.

То просто желает доброго утра и умоляет разбанить его номер.

«E+B=лучший ХХХ в жизни», — гласит вечернее приветствие. Закрываю лицо ладонями, пораженно качаю головой. Когда же это закончится? Стыдно маму в гости пригласить, она, кстати, недавно хотела приехать, немалых усилий стоило убедить ее встретиться на нейтральной территории.

Егор Озерский был рожден, чтобы позорить меня, в этом нет абсолютно никаких сомнений.

О, на форуме мне ответили уже сорок человек с просьбами и угрозами замолчать, иначе продолжения любимого сериала им не увидать вообще никогда. Хорошо он их вышколил, кстати. Придется признаться, что озвучивает он и вправду классно. Эмоционально, талантливо, практически профессионально! За последние дни я посмотрела в общей сложности около двадцати часов материала, над которым он трудился в поте лица. Совершенно разные мужчины ругались голосом Егора, шутили, признавались в любви и занимались сексом. Невероятно. Голос... всегда разный: то расслабленный, то, наоборот, резкий, но каждый раз знакомый и возвращающий в лучшие минуты моей жизни. Я слушала его на работе, в машине, разумеется, дома. Не имели значения сюжеты, я пыталась узнать родные нотки, интонации,

фразочки. Хоть что-нибудь принадлежащее не персонажу, а Математику! А когда получалось, сердце начинало биться ускоренно от бездумной радости — хапнуть вожделенной дозы наркотика под названием «запретное увлечение».

Я тоскую по нему так сильно, что тайком продляю агонию, слушая переводы. Иногда ревную, ведь другие их тоже слушают. Как раз несколько сумасшедших долбятся ко мне в личку с угрозами, защищая их Злобного, требуя немедленно удалиться с форума.

А потом случается чудо. Впервые за год в топике отписывается его величество Злобный, коротко и по сути: «НеУчуМатематику, что мне будет, если серия появится к вечеру?»

Аж дыхание сбивается и кожу покалывает от эмоций. Ох.

«Сладкий сон без гнета совести?» — строчу в следующую секунду.

«На сон и так не жалуясь. Еще попытка?»

«А сам что попросишь?» — пишу ему, увлекшись. В любом случае я всегда могу сказать, что понятия не имею, кто такая «НеУчуМатематику», и что к этой бунтарке я не имею ровным счетом никакого отношения.

«Пошли покурим, покажу», — пишет Егор и ставит подмигивающий смайлик. Смайллик, ого! Моя личка дымится от сообщений поклонников Злобного. Народ смекнул, что я в курсе, кто в реальной жизни их любимый актер озвучки. Они хотят знать то же, что и я. Усмехаюсь. Еще чего.

Медлю.

Еще одно сообщение от Озерского: «Ну же, одна сигарета на двоих. Ради поклонников «Брошенного прошлого». Название сериала, который Егор переводит.

Не спешу исполнять его просьбу. Под сообщением Злобного появляются новые и новые от фанатов. Шантажист. Бессердечный, бессовестный. С него станется бросить сериал просто потому, что обиделся. Чертова медийная личность. Эгоист до мозга костей! Чем я вообще думала, связываясь с ним?

Ладно, уговорил. Накидываю кожанку, потому что на улице довольно прохладно, и выхожу на балкон. Стоит напротив с телефоном в руках. Смотрит на экран. Так увлечен ожиданием очередной колкости от меня, что целую минуту не замечает, что я давно стою напротив и нагло его рассматриваю. В рубашке с длинным рукавом, небритый, как обычно, хмурый и с сигаретой в зубах. Невыносимый мужчина, умеющий отталкивать настолько изощренно жестоко, что клянешься руку себе скорее отгрызть, чем вернуться к нему. Умеющий любить так нежно и искренне, что сердце сладостно сжимается от одних воспоминаний.

Озерский пялится в телефон. Поджав губы, топчусь на месте — ноль реакции. Вот так он и прохлопывает ушами все лучшее в своей жизни. Что с ним прикажете делать? Пишу на форуме: «глаза подними хоть».

Поднимает. Усмехается. А потом достает и расправляет плакат со старенькой надписью «Покажи сиськи» — я теряю дар речи от наглости, пораженно качаю головой. Он хмурится, не понимая, что происходит, затем сам смотрит на надпись и произносит губами: «ой!». Быстро его сворачивает, прячет, достает новый, на котором большое красное сердце, и прилепляет

сверху на предыдущий плакат. Получается: «E+B=сердце».

Кручу у виска, он решительно кивает. Соседи снизу кричат: «Да прости ты его уже!», «Если она не хочет, приходит ко мне, милый, я все прощу!» — последнюю фразу кричит соседка сверху. Озерский слегка округляет глаза, отрицательно качает головой. Закуривает, прищурившись, чтобы в глаза не попал дым, который мгновением позже выпускает из легких. Курит, смотрит на меня. Непроницаем, я бы даже сказала — зол. Вижу, что плечи напряжены, взгляд тяжелый, движения резкие. Ему надоело проситься обратно, он делает над собой усилие, продолжая ухаживать за мной.

Понимаю, Егор, что не мальчик ты давно, не нравится мое отношение. Пожимаю плечами, показывая, что ничего не могу с собой поделать. Хочу, люблю, переживаю за него, но внутри появился какой-то незримый стопор. Вот нет — и все. Не получается переломить себя. Как бы грустно ни было слышать его голос, смотреть на него с балкона, вспоминать его ласки и взгляды... только подумаю о том, чтобы вернуться, — блок появляется. Душа моя — бедная птица, крылышки ей подрезали, а несчастная не отказывается от мечты, бьется в груди, к нему рвется, словно чувствует, что залечит раны, спасет, обласкает. Тяжко без него, беспросветно. Но каждый раз, когда поднимаю телефон — написать «приезжай», пальцы отказываются слушаться. Отторжение внутри. И птице моей еще хуже, кислород ей перекрывают, она и так плачет, а тут еще и задыхается.

Не могу.

Нужен какой-то толчок, подобный тому, что славная Регина из Самары дала Лесе на свадьбе теперь уже официально Санниковых — ребята расписались по- взрослому. Просто так простить — не выйдет. Ни один плакат в мире не поможет.

Вечером выходят сразу две переведенные и озвученные серии. Егор старается, и от понимания, что все это бессмысленно, становится лишь тоскливее.

Не знаю, в чем заключался план Ксюши: рассорить нас, отомстить или просто в очередной раз сделать Озерского несчастным, — расчетливая законная жена добилась сразу всего перечисленного. Сорвала большой куш. От всей этой ситуации остался горький осадок, который так сложно разместить по углам, сделать невидимым, когда каждую секунду ощущаешь на кончике языка привкус обманутых ожиданий и преданного доверия.

Очень хочу, чтобы он вернул меня, одновременно с этим — больше всего на свете боюсь вновь пережить то самое, через что прошла по его воле.

* * *

Новый день приносит новые приключения. Август, наконец, соглашается с очередным — двадцать пятым по счету — дизайном памятника, отчего бедный

Сергея на радостях угощает всех конфетами. Помимо прочего провожу три собеседования, к сожалению, весьма неудачных, но не отчаиваюсь. Настроение замечательное. Жизнь идет своим чередом, дяде подошли новые лекарства, вчера он впервые за неделю смог встать с кровати и подойти к окну. Маленькая победа над болезнью, пусть недолгая, но оттого не менее значительная.

Через час у меня встреча с врачом из поликлиники, в которой работает мама. Не тем самым, который оказывает мне всяческие знаки внимания, подговаривая мамулю настроить меня

положительно по отношению к нему. Тот мужчина вроде бы и приятный внешне, неглупый, перспективный, но не лежит к нему душа. Внутреннее отторжение. Как-то недавно мы пили кофе у мамы на работе (полагаю, она специально все организовала), и не произвел он на меня никакого впечатления, помимо отрицательного. Шутить пытался, это похвально, но не смогла я оценить врачебный юмор по достоинству. Бедолага на эмоциях заявил, что из нас получится отличный тандем: он будет лечить людей так, чтобы очередь ко мне не заканчивалась. А я за день до этого продала два метровых гроба, сердце на разрыв аорты, глаза на мокром месте.

Нет, я, конечно, понимаю, что врачи либо циники, либо в прошлом. Ежедневно сталкиваясь с болезнями и угрозами безвинным жизням, невозможно сохранить здоровую психику, не став при этом бесчувственным ублюдком, но... не могу я пока шутить на такие темы. Может, позже. Через пять, десять лет... но не сегодня.

Выхожу из бюро, закрываю дверь, заставляя себя абстрагироваться и улыбнуться. Работу нужно оставлять в офисе, особенно мою. Ни в коем случае не тащить за собой в личную жизнь, в дом да на приятные встречи с интересными людьми.

Сегодня я встречаюсь тоже с врачом, но другим. Он высокий, стройный, совершенно седой и на вид — ну очень интересный мужчина за шестьдесят. Вдовец. Дело в том, что кардиологу Кириллу (он просил называть себя по имени) нравится моя мама, но он никак не может подыскать к ней подход. Набрался смелости и позвонил мне, спросил, соглашусь ли я с ним увидеться. Конечно, соглашусь! Должна же я знать, кто ухаживает за мамулей. Боже, как же хочется ей счастья! Что если Кириллу удастся невозможное — заставить эту фанатично преданную женщину, наконец, забыть отца? Она ведь до сих пор его ждет, надеется на что-то. Ненормальная любовь, не дай Боже такую.

Пока иду на парковку, стараюсь размышлять о предстоящей встрече, но снова и снова возвращаюсь мыслями в моменты нашей вчерашней переписки с Егором на форуме "ФериТейлФилмс". Машинально улыбаюсь, качаю головой, про себя отчитывая Озерского за несерьезное отношение к работе. Становится смешно, когда вспоминаю его с этими дурацкими плакатами, которых уже накопилось так много, что он сам в них путается!

К сожалению, радоваться получается недолго: на парковке меня ожидает знакомая фигура прямо у «Гелика». Крепко зажмуриваюсь и качаю головой, прежде чем поверить собственным глазам. О Боже. Явился однозначно по мою душу, не бывает таких совпадений. Понимаю, что выяснить, где я живу и работаю — не проблема, но от того, что ему понадобилось знание о моем местонахождении —

становится не по себе. Да что там, откровенно страшно!

Нет, это не мой отец. Все намного, намного хуже.

Череда невезений. Сначала с одним родственником случайно увиделась в клубе, теперь вот другой нарисовался. Сколько лет не общались с ним? Два? Чудесное же время было! Зачем он приехал? Неужели папа рассказал сыночку про то, как со мной обращается Егор, и тот решил позлорадствовать? Пошутить про коленки? Они автоматом зачесались, захотелось одернуть пышную кринолиновую юбку, чтобы прикрыть их.

Первая мысль — развернуться и убежать. А что? Машину могу забрать вечером, никто ее со стоянки не уведет. Доеду до ресторана на метро, ничего страшного. Поворачиваюсь на каблуках и бегом в противоположном направлении! Но сволочь- братец в более удобной обуви, поэтому моментально догоняет и замирает передо мной, перегородив путь.

— Чего тебе? — спрашиваю, стараясь сделать так, чтобы голос казался уверенным. А сама оглядываюсь в поисках помощи, мало ли что на уме у этого ублюдка.

— Привет, Вероника, — говорит мне. Глаза выпучил, запыхался. — Я на минуту. Не убегай, пожалуйста. Тебе нечего бояться.

— Ты уверен? — начинаю паниковать. В последний раз он махал перед моим лицом моими же фотографиями и кричал разные оскорбительные вещи. — Дай пройти. Нам не о чем разговаривать, — я влево — он влево, я вправо — он снова мешает пройти. — Стас, да оставь ты меня в покое! Сколько можно уже? Тебе заняться больше нечем?

— Я пришел извиниться, — выпаливает он и смотрит исподлобья. Опускает глаза, снова на меня. И так три раза. Нервничает? Это что-то новенькое.

— Извиниться? — замираю на месте. Наконец, набираюсь сил и смотрю ему в глаза. А они испуганные. Он никогда не был смелым: нападать на девчонку, которая к тому же еще и младше, бить ее, стягивать юбку и убегать, оставляя на улице в одних колготках; вырывать портфель и кидать учебники в лужу, а позже — краской писать номер телефона несчастной по стенам подъездов, после чего ей (мне) кто только ни звонил(!), а затем трусливо прятаться и все отрицать, когда мама звонила его матери в истерике, — в этом весь мой братец. Да, Стас всегда был трусом, но сегодня впервые я увидела, что он чего-то боится по-настоящему, а не прячется под маской избалованного эгоцентриста.

— Прости меня, Вероника, за вред, который причинил тебе. Это из-за детской ревности. Я признаю, что ты ни в чем не виновата.

Моргаю, не понимая, как реагировать. Он опасно оглядывается и продолжает:

— А еще... — тяжело вздыхает и выдает: — ты всегда мне очень нравилась.

— В каком смысле? — я делаю шаг назад.

— Пойми, мне нельзя было относиться к тебе хорошо, потому что твоя мать вроде как... разрушила нашу семью. Ты не представляешь, сколько ночей не спала моя мама, рыдала и пила... много пила, когда отец не ночевал дома. Какими словами родственники говорили о тебе и твоей семейке! Я не понимал, почему они ненавидят, но при этом ничего не делают. Я был из тех, кому нужно было именно действовать! — мгновение он сомневается, затем продолжает спокойнее: — Недавно я ходил к психологу и, наконец, разобрался в ситуации. Являясь причиной всех моих бед, ты при этом казалась мне очень симпатичной, я разрывался, сомневался и в итоге довел эти противоречивые чувства до бреда и абсурда. Больше ничего такого не повторится. Пожалуйста, скажи, что ты меня прощаешь, тогда я смогу начать все заново, — заканчивает он, как по учебнику.

— Эм-м. Хорошо, спасибо. Ты, главное, больше не приезжай никогда, ладно? Нам не стоит продолжать видеться.

— Те фотографии я удалил, клянусь. И вообще ты на них очень красивая. Я... прости, немного любовался тобой. Но все в прошлом.

— Это отличная новость, хоть и неожиданная. Я про то, что ты так больше делать не станешь, — все еще жду, что он начнет хохотать от того, что я купилась на очередную «утку», сдернет с меня юбку и побежит по улице, как в детстве, а я буду прятаться за сумку или какую-нибудь картонку и красться домой, молясь, чтобы никто из знакомых не увидел. — Давай

больше не будем портить друг другу жизнь. Но... почему именно сейчас?

Он снова вздыхает. Не хочет откровенничать, делает усилие. Взгляд злой, улыбка нервная, совершенно неподходящая к словам, которые произносит:

— Ситуация в очередной раз накалилась. Мне позвонила некая Ксения Озерская, думаю, ты в курсе, кто она. Мы встретились, поболтали. Оказалось, что ты поступаешь так же, как некогда твоя мать. Мы составили некоторый план действий.

Снова отступаю, хватаясь за сердце, но он тут же подходит и продолжает:

— Сейчас все в прошлом. Вчера я связался с ней и заявил, что не стану ни в чем участвовать. Мне объяснили, — снова вздох, — что ситуации сильно отличаются. И что мне самому станет легче жить, если я попрошу прощения. Ты меня простишь? За все, что было, — он беспокойно оглядывается, словно за нами могут следить. За исключением проезжающих мимо — на парковку и с парковки — машин, никого нет. Понимаю, что лучше отпустить этого парня с миром. Медленно киваю ему:

— Хорошо, что ты решил оставить меня в покое.

— Да, самому аж полегчало. Счастья тебе, Вероника, удачи во всем! Ну... я пойду?

— Конечно. И тебе удачи, — киваю в ответ, решая не спорить с сумасшедшим.

— Если Егор спросит, скажи, что я извинился и ты простила. Хорошо?

Полагаю, не стоит уточнять, какой именно Егор. Вот черт.

— Хорошо.

Он натягивает капюшон на голову, отворачивается и поспешно удаляется, оставляя меня одну среди дорожных машин — пораженно хлопать ресницами и глядеть бывшему обидчику вслед. Кажется, за меня снова заступились, причем в самый подходящий момент.

Не знаю, что Озер ему сказал, не хочу спрашивать. И уж точно не собираюсь звонить и требовать, чтобы Егор не лез в мою жизнь. Не та ситуация! Многие годы никто ничего не мог сделать с этим мелким пакостником: ни его родители, ни участковый, ни учителя в школе. Даже мой дядя несколько раз угрожал прихлопнуть тварь — без толку.

Даже если Егор банально побил его или запугал, как некогда Августа — я совсем не против. Скажу больше — я бы очень хотела, чтобы Озерский пару раз ему съездил по физиономии. Пусть боятся! И не лезут. Некоторые люди понимают только через боль и страх. Тронет меня — капец ему. Единственный язык, на котором разговаривает братец и которым уверенно владеет филолог Математик.

А Ксюша все не угомонится. Пока не знаю как, но я выбью место в первом ряду, чтобы увидеть шок в глазах ее родителей и знакомых, когда выяснится, что не такая идеальная их любимая Ксюшенька, как всем представляется.

Паркуя машину у ресторанчика, в котором у меня свидание с маминым доктором, вижу уведомление в почтовом ящике — новое письмо с незнакомого адреса, не спам. Написано по-русски, но английскими буквами. Бегло проглядев его, понимаю, что Озерский предпринимает очередную атаку — письмо с американского почтовика, подписано Regina Ozerskaya-Castro.

Время поджимает, поэтому решаю отложить сообщение до вечера. Слишком много потрясений за день.

Пока иду к ресторану, а затем снимаю в гардеробе кожаную куртку, мою руки в дамской комнате, поправляю макияж — не перестаю думать о том, как реагировать на поведение Егора. С одной стороны — наш зверь на охоте, завоевывает жертву, зачеркнуто, женщину, не брезгуя никакими методами. Каждый день он показывает, что не отвяжется, и только Богу известно, какую попытку предпримет в следующий раз. Это слегка пугает. С другой стороны, как же мне не хватало человека, который бы позаботился о моих проблемах, не дожидаясь просьб! Просто взял и разрешил ситуации, которые длились годами! Сам догадался.

Слишком много всего, мне нужно время осмыслить происходящее, прислушаться к интуиции.

На сотовый падает сообщение от маминого доктора, тот немного опоздает из-за срочного пациента. Отвечаю, что ничего страшного. Пусть лечит людей как следует. Да и сама я припозднилась на десять минут. Заказываю салат и сок. Мне вполне комфортно в одиночестве, по сторонам не смотрю, взглядами ни с кем не пересекаюсь.

Проходят томительные пятнадцать минут, на мобильный падает от доктора: «Выезжаю», — а я начинаю оглядываться в поисках официанта с моим «Цезарем» и натываюсь взглядом на стоящего у бара Егора.

Это уже не смешно совсем! Такое ощущение, что он повсюду. Шагу не дает ступить.

Делает вид, что увлечен разговором с барменшей, тянет виски, в мою сторону не смотрит. В общем, нужно уходить. Набираю своего несостоявшегося собеседника — не берет трубку, а затем — недоступен. Должно быть, едет, а телефон разрядился. Придется ждать.

Истекают следующие пятнадцать минут, мне приносят салат, который быстро съедаю, то и дело косясь на барную стойку. Еще через несколько минут Егор не выдерживает, подходит и протягивает руку:

— Пойдем? — говорит мне. Он слегка навеселе. Спорю, выпил для храбрости. Одет в безупречный черный костюм и светлую рубашку, но без галстука.

— Куда? — настораживаюсь.

— Покурить, — совершенно невинным тоном. — Все равно ждешь, так составишь компанию. Расскажу пару анекдотов, время пролетит пулей, не заметишь.

Открываю рот, чтобы сообщить, что никуда с ним не пойду и что ему лучше уйти. Да, со Стасом он здорово помог мне, но это ведь не повод. Не повод?

— Такая сволочь, как я, понимает только шантаж. Ты со мной куришь, и я уезжаю. Отказываешься — весь вечер буду стоять рядом и пялиться на вас. Возможно, не сдержусь и подойду, ляпну что-нибудь.

— Ты понимаешь, как жалок сейчас и насколько низкие приемы используешь?

— А что мне еще остается? Я в тупике, Вероника, — пожимает плечами. Он все еще стоит с протянутой рукой. — Идем? — а потом меняется в лице, сводит брови домиком, но выглядит при этом не лицемерно, а искренне: — Пожалуйста, не веди себя так, словно боишься меня. Ты

по-прежнему мой единственный настоящий

ЯРУГ.

— А Санни? — я поднимаюсь и следую за ним. Курточку не беру специально, чтобы вскоре замерзнуть и под этим веским предлогом вернуться.

— Санни — мой враг, только пока не знает об этом. Узнает со дня на день.

Мы выходим на улицу, тут же хочется ссутулиться и сжаться в комочек. Даже очень теплый сентябрьский вечер не подходит для прогулки без верхней одежды. Спасает отсутствие малейшего ветерка. Фонари отражаются в высоких витринах магазинов и ресторанов вместе с нашими силуэтами, пока Егор ведет меня по улице в неизвестном направлении. И обронив: «тут нельзя курить, поищем безопасное место», — заводит в узкий глухой переулочек за одним из домов в пяти минутах ходьбы от ресторанчика.

— Неуютное местечко, — переступаю с ноги на ногу, оглядывая кирпичную клетку, в которую он притащил меня. Удивительно, но здесь неприятным не пахнет, поэтому находиться вполне терпимо. Озер снимает пиджак и кутает меня в него, после чего дерганными движениями достает пачку сигарет из кармана, роняет, поднимает, чиркает зажигалкой, подносит ее к лицу. В полумраке вижу красный маячок сигареты, который становится больше и ярче при каждой затяжке.

Егор молчит. Тишина действует на нервы. Не считая движения руки, он практически не шевелится, я будто совсем одна в этом укромном уголке одного из оживленных районов столицы.

Зачем он привел меня сюда? Поговорить наедине? Попытаться соблазнить? Он не предпринимает никаких попыток нападения, просто стоит рядом и курит, смотрит при этом в упор. Глаза уже приспособились, я вижу его лицо, выражение которого при отсутствии нормального освещения кажется и вовсе... зловещим.

Но почему-то мне совсем не страшно. Не могу поверить, что это происходит, но... на самом деле, в глубине души, я радуюсь возможности просто постоять с ним рядом. Хочу поблагодарить за Стаса, но не решаюсь начать этот разговор, чтобы не испортить момент.

Потому что... я чувствую волнение. Не такое, как на работе или перед экзаменом. Волнение иного рода. Озерский слишком сильно мне нравится, чтобы просто вот так находиться с ним рядом, наедине, не фантазируя о том, чем мы могли бы заняться.

Он докуривает первую сигарету, стреляет бычком в стену, достает вторую, зажимает между губ и снова закуривает.

Кажется, он так целую пачку готов скурить, лишь бы просто побыть рядом со мной. Тишина вкупе с темнотой — дразнят. Истрепавшиеся за неделю нервы обостряют эмоции и ощущения. Мы вдвоем в этом закуточке. Я и мой главный враг, мой демон-соблазнитель, мое проклятье и самая сильная любовь. Запретное искушение, рядом с которым к дьяволу летят любые принципы.

В темноте нас совсем не видно.

А в тишине кажется, что это и не мы вовсе.

Чувствуя на себе пристальный взгляд, плавно прячу руки за спиной и отвожу назад плечи, тем самым открываясь, подавая себя. Озерский по-прежнему немногословен, приятное лицо освещается во время редких затажек и кажется бледным. Он полностью серьезен, хмурится, дышит чаще обычного. Напряженная фигура выдает намерения и как бы предупреждает — стоящий в паре шагов мужчина может наброситься на меня в любую секунду.

Пора бежать.

Где-то там вдаль стрелой проносится автомобиль, из колонок которого на всю улицу орет знакомая восточная песня.

Молчаливая прелюдия длится, кажется, бесконечно долго. А потом мое тело начинает отвечать на нее. Поддается влиянию момента. Боже, я ведь тоже не железная, адски по нему соскучилась! Не по ревнивому психопату, мелочному ублюдку, в которого мой мужчина превращается в моменты обострения неуверенности в себе. Я ведь хорошо знакома и с оборотной стороной медали. С внимательным и заботливым Егором Озерским.

Потребность зарождается внизу живота, тело становится чувствительнее, жаждет его прикосновений. Вот бы к губам, к груди и ниже... Отлично помню, как все это происходит с ним. И мне хочется еще раз, хотя бы ненадолго, но снова почувствовать себя любовницей Математика.

О Боже. Я собираюсь сделать это снова. Переспать с ним. Всего один разочек... разве можно отказать себе в маленькой слабости?

Это чудовище молча докуривает вторую сигарету, с его стороны ровно ноль действий по отношению ко мне, а я уже не просто возбужденная, я мокрая! Готовая. Соски ноют, кожу покалывает, ловлю себя на мысли, что дышу глубже обычного и кусаю губы в нетерпении. Я хочу этого мужчину, несмотря на все, что он мне сделал, несмотря на то, что нельзя и горький осадок никуда не делся, а послевкусие, возможно, меня и вовсе отравит после, заставит захлебнуться осознанием содеянного, но именно сейчас, в данную минуту — прошлое не имеет значения.

Все, чего я хочу, — это снова почувствовать вкус его поцелуя.

Люблю. Как же я скучаю по тебе, хороший мой.

Стискиваю бедра и прерывисто дышу, наблюдая за ним.

Ожидание начинает нервировать. Теперь каждая секунда промедления ощущается болезненной.

Наконец, Егор бросает бычок на асфальт, тушит его ногой и подходит ко мне.

Как будто так и должно быть.

И между нами нет пропасти обиды и тысяч причин держаться подальше.

Подходит ко мне, как к своей. Крепко обнимает и целует сразу в губы. Пальцы впиваются в мою кожу, не больно, но заставляют понять — он так крепко меня держит, ни за что на свете не отпустит. А затем...

— Моя гордая девочка, — с улыбкой шепчет на ухо. Мгновение промедления, словно дает мне

возможность одуматься, и тут же начинает зацеловывать! Волосы, скулы, за ухом... и снова губы. Так много, так часто, я задыхаюсь.

— Гадкая пепельница, — отвечаю ему, потому что целоваться с только что покурившим человеком — невыносимо, он кивает, но не отпускает меня. И я готова вытерпеть этот его недостаток, один из миллиона других.

— Прости, — извиняется то ли за запах табака, то ли за все на свете. В одном простом, вскользь сказанном «прости» искренности больше, чем в сотнях нарисованных им плакатов. Я пугаюсь такого Егора. Зависимого, нуждающегося. Не понимаю, как мне вести себя с ним.

Толика слабости, которая так не идет ни ему, ни любому другому мужчине в принципе, действует ошеломительно. Моргаю, а передо мной уже снова страстный Математик, руки которого уверенно «летают» по моему телу, уже не изучая, а открыто владея. Его губы на моей шее. О сопротивлении не может быть и речи. Дрожу от осознания, что он возьмет меня прямо здесь, как какую-нибудь уличную девку.

Да и ладно!

Его пальцы между моих бедер, он улыбается, понимая, как там влажно, как сильно я хочу его. Скрываться не собираюсь, вместо этого сама его целую, посасываю нижнюю губу, дрожа от его реакции — дыхание рвется, пальцы сжимаются крепче. От удовольствия он закатывает глаза.

Озерский очень возбужден. Отталкивать его сейчас было бы убийством или... самоубийством. Он жадно посасывает мою кожу на плече, опускается ниже, и я не могу сдержать стонов, когда он втягивает в рот мой сосок. Держусь за него. Держусь, чтобы не упасть. Он прижимается лицом к моей груди, к моему животу. Целует, целует, целует. Задирает топ, едва ли не порвав, совершенно не соображает, что делает. Лишь бы добраться до моей кожи. Лишь бы ласкать меня вживую. Он проводит языком по животу, пока я стягиваю дрожащими пальцами его волосы, повторяя: «еще, пожалуйста».

— Боже, наконец-то, — говорит он, задирая мою несчастную пышную юбку. Достает ключи и с их помощью технично рвет колготки. Приседает у моих ног, стягивает с меня трусики. Послушно приподнимаю то одну ногу, то вторую. Не могу отказать ему. Не хочу. Тут темно, тут можно. Сердце бахает где-то в висках, в моей глупой головушке нет ни единой мысли о грядущих последствиях. Снова отпускаю тормоза. Не целомудренная я, бесчестная, неспособная остановить этого мужчину.

Послушная, ведомая, напрочь позабывшая о том, как сильно еще недавно из-за него плакала. Хватаюсь за шершавую кирпичную стену, чтобы не упасть, когда, расставив ноги шире, чувствую прикосновение губ.

Озерского не видеть, он полностью спрятался под моей юбкой. Не упасть бы... А то стыдно будет. Фигурально выражаясь, уже, конечно, давно падаю, с первой нашей встречи, а теперь он творит со мной такое, что рискую и по-настоящему...

Он так сильно хочет меня... я чувствую это по жадным движениям губ, по тому, как сжимает и мнет мои бедра, как тяжело и часто дышит. Возбуждаюсь еще сильнее. Бесстыдный любовник, единственный мужчина, с которым я бы согласилась заниматься этим таким образом и в таком месте.

Уверена, понимает, что я на грани. Чувствует, как дрожу, слышит стоны, которые не способна,

да и не собираюсь сдерживать. Его пальцы двигаются во мне, губы ласкают настойчиво, еще немного, и будет пик. Он добивается этого.

При желании он может сейчас встать и взять меня как угодно, я настолько заведена, что буду послушной куклой в его руках, настолько покорной женщины мир еще не видел. Вновь стягиваю его волосы на затылке, показывая — еще чуть- чуть... еще...

У него все очень легко и естественно получается. Почувствовав, что со мной происходит, он старательно помогает продлить, а затем поднимается и крепко обнимает, держит в объятиях, давая время прийти в себя. Он шепчет мне в волосы что-то неразборчивое и гладит.

А потом поворачивает спиной к себе. Я покорно опираюсь ладонями о кирпичную стену и прогибаюсь в пояснице. Его руки на моих бедрах, поглаживают и сминают. Слышу, как он расстегивает ремень, ширинку.

Покорно жду.

Жадно хватаю кислород и дрожу от нетерпения, пока он приближается и одним толчком наполняет меня до упора.

Громко ахаю.

Приподнимаюсь на цыпочки, чтобы принять его в себя полностью. Прогибаюсь сильнее, не сдерживаю восторга.

— Тише, малышка, услышат — прервут, — нежно, а затем продолжает двигаться. От ощущений замуриваюсь и кусаю губы. Он кладет ладонь на мою поясницу, заставляя прогнуться сильнее. А затем берет меня так жестко и резко, что будь я менее готова, кричала бы вовсе не от удовольствия. Слишком много эмоций, слишком сильный мужчина, пославший контроль к чертовой матери. Некогда тихий переулочек наполняется звуками шлепков и стонов, мы сходим с ума. Клянусь вам, спятили. Просто не можем существовать друг без друга. Каждое его движение я принимаю с удовольствием, каждый толчок приводит к восторгу.

Когда он подходит к пику, я понимаю, что сломала ноготь и даже не заметила. Я царапала стену.

Ему нужно несколько секунд, чтобы пережить вспышку.

А после... Егор все еще часто дышит, жадно меня целует и трогает, трогает, снова и снова. Совсем не нежно, но и не настолько грубо, чтобы можно было обидеться. Он не может с собой справиться, так сильно кайфует, что не успевает за эмоциями.

— Вероничка, черт, я умею быть нежным. Честное слово, умею, — шутит, но по интонациям чувствую — ему не по себе. Разум возвращается, Егор паникует: — Боже, ты сейчас сбежишь от меня. Посмотри на меня. Все нормально?

Качаю головой, не сразу понимая, о чем он вообще. Егор продолжает:

— Не было больно? Черт, — восстанавливая дыхание. — Обещаю, еще несколько раз... Ну, скажем, пять... и я смогу себя лучше контролировать. Я буду нежнее. Даже начну запоминать, как тебе нравится и что ты любишь, — я улыбаюсь, и он чувствует себя увереннее: — Дашь мне фору еще пять раз? — мне становится смешно. Да, нежнее — было бы прекрасно, я бы хотела с ним попробовать нежнее, но даже так — меня полностью устраивает. На все двести

процентов. — Просто когда касаюсь твоего тела., тебя... у меня крышу рвет. Я... не помню, чтобы когда-то так хотел женщину, что не мог остановиться.

Мы обнимаемся некоторое время, жмемся друг к другу, как одна из тех самых влюбленных парочек, которые всех раздражают в общественных местах. Никак не выходит отлепиться друг от друга. Затем я начинаю приводить себя в порядок. Ни салфеток с собой, ни воды...

Егор прислоняется спиной к стене, снова курит, наблюдая, как я использую белье в качестве платка, стягиваю разорванные колготки, собираю все это в комок и прячу в карман его пиджака, так как выбросить пока некуда.

Его рубашка расстегнута на несколько пуговиц. Грудь все еще часто вздымается, а потом, когда я чувствую себя более-менее готовой возвращаться, он произносит:

— Поехали домой? Продолжим.

— У меня... кажется, встреча.

— Серьезно? Ты пойдешь сейчас на свидание с другим? — слегка насмешливо.

— Может, и пойду. Мало ли чего от меня ожидать можно.

— Перестань. Ну как мне еще извиниться? Ты уже не права, перебарщиваешь, Вероника, да и у меня фантазия закончилась. Ладно, признаю, это даже неплохо, что у нас обоих не самое светлое прошлое за плечами. Главное, что оно остается там, позади.

— Не знаю, Егор. Ты мне снова солгал, — говорю нарочито печально. — Сказал, что размер у тебя там... увеличился. Купилась. В итоге — все то же самое. Даже уменьшился немного, по ощущениям. Как тебе доверять после этого?

Он сначала хмурится, не понимая, к чему это сказано, а затем до него доходит. Он хохочет. Громко. Запрокинув голову. Искренне. Мне тоже становится смешно.

— Поехали домой? — повторяет с улыбкой. — Мы отличная пара. Я влюбился в тебя, Вероника. Что хочешь проси — сделаю. Вообще что хочешь, — веселым голосом.

— Пойдешь прям сегодня в ЗАГС разводиться?

— Пойду. Правда, туповато ночь сидеть у закрытых дверей, но скажешь — пойду.

— Ох, Егор, — я подхожу к нему ближе, тоже прислоняюсь к стене. Ноги ватные, стоять не так легко. В его длинном пиджаке мне совсем не холодно даже без колготок. Понятия не имею, не замерз ли он сам, хочется потрогать ладони, едва сдерживаюсь.

— Давай я тебе сначала расскажу о том, что тогда случилось у нас с Генкой.

— Да похрену уже, — перебивает меня. Не хочет слушать. Кожей ощущаю, что не хочет, боится этого знания. С самим фактом смирился, но в ужасе от мысли прояснить подробности. Ревнивая скотина — Озерский. Он никогда не изменится. Его отвращение к моему прошлому снова обижает. Но ведь я такая, какая есть. И если он не готов меня принять на сто процентов, то лучше нам разойтись, чем продолжать друг друга мучить.

— А мне хочется рассказать. Слушай, Егорка. Значит так. С чего бы начать? Вот тебе начало: с Генкой мы познакомились совершенно случайно в общей компании, сразу друг другу

понравились. Встречались три месяца, а потом его забрали в армию на год. Ждала, скучала. Честно выдержали с ним разлуку, писали письма, смс'ились при возможности. Тут мне стыдиться нечего. Мне он очень нравился, хотела за него замуж. Думала — вот оно, настоящее. Он вернулся и сразу ко мне первым делом! Не к маме даже, а ко мне. Я должна была его встречать на следующий день на рассвете на вокзале, но у них что-то случилось, и приехали на сутки раньше. Сюрприз сделал. Заявился ко мне, обнял, замуж звал. Потом уехал мыться и приводить себя в порядок. Я самой счастливой себя чувствовала.

Роман набирал обороты, полгода было прекрасно, а потом... ему стало скучно. Нет, не думай, он не пошел налево. Меня любил, не хотел другую. Но... было у него некоторое отклонение, наверное. А кто без них, да? Начал издали, вдруг стал спрашивать, нравятся ли мне другие парни, фантазирую ли о близости с соседями, коллегами, просто прохожими? Конечно, отрицала все, думала — проверяет. Собственники ведь иногда так себя и ведут? Обострения случаются. Оказалось — нифига. Так как намеков я упорно не понимала, ему пришлось сказать прямым текстом — ему хотелось, чтобы я переспала с другим.

Озерский давится дымом, я терпеливо жду, пока прокашляется, потом продолжаю. Рассказываю с юмором, потому что давно уже отболело. Я бы даже не вспомнила о том прошлом, если бы Озер сам не разворошил осиный рой. Пусть теперь наслаждается каждым словом:

— Генка заявил, что его безумно возбуждает сама мысль о том, что меня будет трахать кто-то другой. Чуть позже я узнала, что есть целое движение такое — свингеры. Решиться было тяжело. Я долго отказывалась, потому что... ну не знаю, мне самой не хотелось, — вздыхаю. Перед следующим этапом рассказа нужно набраться сил: — Можно сигарету?

— Ага, еще чего, — говорит Егор и берет меня за руку. Ладно, продолжим так.

— Мы начали часто ругаться, отношения испортились. Придирались друг к другу по пустякам, по всякой ерунде! Серьезных поводов для размолвки попросту не находилось. Нужно было что-то делать: расходиться или спасти союз. Я не сомневалась, что люблю его, поэтому решила попробовать. Некоторое время настраивалась. Мы договорились, что я сама выберу партнера, потом просто расскажу ему, как что было. У Генки прям глаза горели от предвкушения. Чувак сразу стал шелковым, начал заваливать подарками да и на прочие знаки внимания не скупился. Мы словно вернулись в начало наших отношений. Хорошее было время.

— В общем, Егор, что хочешь обо мне, то и думай, но я решила. У меня был одноклассник — классный парень, ухаживал за мной много лет. Мы дружили. Никогда не рассматривала его как парня, впрочем, его вполне устраивала френдзона. Я ему написала, и он охотно согласился. Все случилось на его территории. И знаешь что? Мне понравилось! Он повел себя очень нежно и уважительно со мной. Ничем не обидел, наоборот, засыпал комплиментами. Заверил, что если только я захочу еще... то могу просто позвонить в любое время дня и ночи. И вообще предложил уйти к нему, но я отказалась, потому что совсем его не любила. Да, секс получился отличным, но для чего-то большего мы оказались были разными. Даже поговорить не о чем... Кстати, мы и сейчас, иногда списываемся в соцсетях, он всегда приветливо отвечает, поздравляет с праздниками.

— Хорошо, что он не обидел тебя, — говорит Егор.

— Нет, не обидел. Теоретически случившееся должно было мне понравиться. Вернулась домой, Генка прыгал вокруг на седьмом небе от счастья. Два месяца не выносил мне мозг, а затем ему

захотелось больше. Убеждал, что раз все прошло хорошо, надо продолжать двигаться в этом направлении. Ему снова получилось меня убедить, я даже поехала на ту встречу... О, не сказала: он договорился с одной парой поменяться партнерами, мы должны были к ним нагрянуть в гости в субботу вечером. Я привела себя в порядок, поехала, но на полпути вышла из автобуса и направилась домой. Написала Генке, что между нами все кончено. Не для меня такие отношения. Просто... не моя это жизнь. Я никого не осуждаю, если люди получают удовольствие, пусть делают это. Просто без меня. Не хочу быть частью всего этого.

Некоторое время я молчу, Озерский тоже не спешит сыпать комментариями. Переваривает. А знаете, становится легче. Даже рада, что рассказала ему все. Да, я абсолютно точно уверена, что не нужно партнерам знать о прошлом своих половинок. Ни к чему это. Ни одни отношения не могут быть похожими на предыдущие. И то, что я так повела себя однажды, вовсе не значит, что повторю поступок снова.

Я бы и словом ему не обмолвилась, если бы Ксюша не влезла в мое прошлое, не вывалила на Егора факты без контекста, не заставила его разочароваться во мне.

— Мне жаль, — говорит он. — Ты ни в чем не виновата.

— Да, мне тоже жаль. Я считаю, что совершила ошибку. Это опыт, которого не стыжусь и не собираюсь. Но... долгий период времени мне действительно было гадко на душе, когда я пыталась убедить себя в том, что такие отношения — норма. Рада, что в итоге соскочила, ни разу не пожалела. Все-таки я из тех женщин, что предпочитают хранить верность, при этом зная, что мужчина ценит это.

— Невыносимо жить в грязи, — подводит итоги Озерский. — Хочется из нее выбраться.

— Да, хочется.

— Поедем домой? — берет меня за руку. — Возвращайтесь с Галочкой. Без вас так одиноко. И тихо.

— О, Галка так подросла, ты ее не узнаешь! — восклицаю ему. — Носится по квартире, топает, как та лошадка! — Он улыбается и обличительно прищуривается, потому что я прокололась — призналась, что действительно выкрала черепаху. Вот блин!

— Не знаю, Егор. Не могу пока. Какой-то стопор внутри появился. Не получается тебе доверять. Честно пытаюсь, но это сильнее меня. Я перед тобой раскрылась и больно за это получила. Отдаю себе отчет в том, что ничего ужасного ты не сделал, даже не изменил мне. Или было дело?

— Не было.

— Ну вот. Ты дашь мне еще время?

— Куда деваться? — он снова меня обнимает. Тепло в его объятиях, надежно. Больше не хочется настаивать на своем. — Я буду дома. Просто приходи, как почувствуешь, что готова. Ну и... я постараюсь не пропадать с радаров.

Мне снова смешно:

— Если будешь пропадать хотя бы иногда, это только в плюс, поверь. — Ага, щас.

* * *

Егор провожает меня до ресторана, на прощание целует в щеку. Не говорит ничего, наверное, обдумывает мою недавнюю исповедь. Перед тем как вернуть ему пиджак, выбрасываю порванные колготки с бельем в мусорный ящик, он хитро улыбается уголком губ, я ему подмигиваю.

Ну до чего же мы подходим друг другу!

Определенно точно: с этим подонком мы составляем недурную пару, понимаем друг друга так, что позавидовать можно, более того — сами это осознаем. Но сколько же дров наломали, сколько гадостей совершили оба! Можно ли спать с женатиком и чувствовать себя при этом чистенькой и достойной счастья? Кто-то, возможно, может. Я — нет. Меня это тяготит. Нас обоих это тяготит.

Мамин доктор так и не явился, поэтому я расплачиваюсь по счету, забираю куртку в гардеробе и выхожу на парковку. Озерский следует тенью, молча забирается на пассажирское сиденье «Гелика», и я везу нас домой.

— Я знал, что не все там просто. В той истории, — говорит мне сразу после того, как заглушила двигатель. Настало время прощаться.

— В следующий раз доверяй интуиции, — улыбаюсь ему.

Его сотовый пиликает. Егор достает трубку из кармана, читает сообщение и говорит:

— О, Ксюша родила.

— Да ладно! — не верю собственным ушам. Неужели случилось? Иногда мне казалось, что Озерская пожизненно в статусе беременной ходить будет! — Как все прошло?!

— Написала, что прекрасно, началось внезапно, в итоге родила всего за два часа. Врачи были в шоке. Хорошо, что в роддоме находилась. Мальчик четыре двести.

— Какой богатырь! Поздравляю.

— Спасибо. Жаль, сегодня я уже бухой. Пойду просплюсь и утром поеду сдавать ДНК.

— Удачи тебе.

— И тебе, — он тянется и целует меня в губы. Без языка. Просто нежное касание. Потом несколько раз в щеку, ухо, в лоб. — Не делай глупостей. Я позвоню.

— Договорились.

Мы выходим из машины, он ждет, пока я зайду в подъезд. Попав в квартиру, по привычке сразу следую на балкон. Стоит под окнами, ждет знака, что я в порядке, после чего разворачивается и бредет к себе.

Я тоже жду, когда зажжется свет в окнах напротив. Мало ли что может случиться.

Полночи ворочаюсь, сон никак не приходит. То в жар бросает от воспоминаний о жарких ласках в непонятном переулке, то ужас леденящий охватывает при мысли, что сейчас окажется, что ребенок от него, и на этом наши дурацкие отношения закончатся.

А как жить-то дальше без них?

Да, осадок остается, но ведь как я радуюсь каждый раз, увидев новый плакат, который он рисует для меня! Как жду эти его навязчивые знаки внимания! Как мне льстит, когда он снова и снова доказывает, как сильно я ему нужна. Пусть самыми идиотскими способами, но уж как умеет. Знала ведь, на кого западаю. Все знала, сознательно влюблялась.

А если ребеночек все же его? Учитывая, что у него с этим проблемы — а я практически не сомневаюсь теперь, что Егору поставили бесплодие — он ведь... ради родного малыша может простить Ксюше все. Что если Ксюша подарит ему чудо, ради которого он останется в семье? Что же мне делать? Помогать ли ему вернуться в семью, если случится такое? Молча отойти в сторону, не мешая, или бороться за нас?

Без сна проворочалась до самого рассвета, проснулась с первыми лучами от того, что вспомнила о письме Регины под девичьей фамилией Озерской. Соскочила с кровати и бросилась к ноутбуку, включила его, открыла почтовик и внимательно прочитала письмо два раза.

Регина написала приветливое и очень теплое письмо, в котором сообщала, что заочно через Вику и Лесю успела хорошо со мной познакомиться. Она счастлива, что Егор нашел человека, которому не безразличен, и просила, чтобы я дала ему новый шанс. Он пока еще не научился ценить любовь, но обязательно научится, как только прочувствует ее вкус как следует. А еще она говорила, что он совсем не безнадежный, просто... иногда его нужно немного направлять, поддерживать, как и любую творческую личность. Тогда он достигнет многого.

Затем Регина подошла к главной цели своего письма: оказывается, у нее осталась последняя надежда спасти книгу Егора — попросить у меня помощи. Никто не в состоянии повлиять на этого упертого барана и заставить поменять концовку. Оказывается, Егор сознательно топит свое лучшее творение. Регина заверила, что его произведение изменит представление о литературе начала двадцать первого века. Разумеется, если он доработает его как следует. Она попросила меня самолично убедиться в правдивости ее слов, приложив к письму рукопись, которую так долго и упорно скрывал от меня Егор.

Дрожащими руками я открываю файл и погружаюсь в чтение.

Часть VI

Книга довольно объемная, сложная, но настолько интересная, что, не отрываясь, читаю три часа подряд, после чего впервые отвожу мокрые глаза от монитора. Начало далось непросто: Озерский, не жалея читателей, с первого абзаца рубил правду-матку о современной безответственной, бессмысленной жизни, в которую так легко вляпаться впечатлительному подростку, заболеть отвратительным цинизмом в нежные восемнадцать лет, а дальше... а дальше так сложно остановиться и разглядеть нечто действительно настоящее. Искушение подталкивает к пропасти, а пропасть в его книге — это смерть. От болячки, наркотиков, нелепых драк или суицида, когда депрессия выводит страдания на какой-то новый уровень, где даже с незначительными промахами невозможно смириться. Люди отталкивают людей. Они больше не пытаются созидать. В этом всем герой по имени Гриша пытается забыть единственную, по его мнению, подходящую ему женщину.

Герой много рассуждает о смысле жизни. Мальчишкам вообще очень он нужен, этот самый

смысл. Без цели их существование становится бесполезным, а внутри бушует столько сил и энергии, что осознать и принять сей прискорбный факт — крайне тяжело. Стимул непременно должен быть, иначе возникает протест, и одному Богу известно, куда он может привести. Егор пишет, что в определенном возрасте понемножку протестуют все, это нормально, потому что является демонстрацией характера. Позже приходит осознание, против чего протестовать действительно стоит, а что — туфта полная, не стоящая секунды внимания. Принять верное решение помогает опыт, правда, не всем к двадцати годам удастся скопить его в необходимом количестве.

У Гриши есть сводная сестра, о которой он заботится и которую любит втайне ото всех, понимая, что никогда не получит взаимности. Запрещено. Табу. Чуть позже Гриша узнает, что не может иметь детей, и решает посвятить всего себя заботе о девушке. Ничего лучшего — более стоящего — он попросту придумать не может.

А вот сестренке его присутствие скорее в тягость, но со временем их странные отношения приобретают болезненный оттенок зависимости. Герои попросту не могут прекратить играть в начатую когда-то в детстве игру. Они встречаются с другими, пытаются что-то строить, но от этого страдают лишь сильнее. Снова и снова рушат отношения, провоцируя друг друга иногда на опасные поступки. Уму непостижимо то, через что проходит Гриша, следуя за мечтой. В то же время, осознав бесконечную власть, его пассива с каждым новым разом пытается все изощреннее уничтожить своего преданного поклонника, иногда в прямом смысле — убить. После чего снова дает надежду, сама ищет встречи, ласкает, не способная отпустить человека, которого любит и ненавидит одновременно.

Егор здесь в каждой строчке. В каждом слове. Да, неидеальный, странный, местами невыносимый, но одновременно с этим — настоящий и поражающий своей искренностью. Ничего более откровенного и трогающего душу я не читала с детства. Иногда «глотать» текст было настолько больно и жутко, что я закрывала глаза ладонями. Ведь... наверное, мой мужчина действительно знает, о чем пишет.

Открываю файл на планшете и не отрываюсь от текста, пока варю кофе. В какой-то момент понимаю, что осушила чашку и даже не заметила этого. Обожгла небо.

Нового плаката на балконе напротив нет. Озеру в данный момент не до глупостей.

Иду на работу пешком, а сама читаю. Пару раз натыкаюсь на ветви деревьев и встречных прохожих. Спотыкаюсь о бордюры, двигаясь по маршруту на автопилоте.

«Девушка, осторожнее!» — кричат вслед, а мне все равно. Перед моими глазами откровение. Так много личного. Так много близкого каждому современному человеку. Боже, хороший мой, как же ты живешь, ежеминутно чувствуя вот это все.

Талантливые люди не могут писать острыми, как бритва, словами о самом важном, да так, что у читателя внутренности в тугой узел стягиваются, а затем, в конце дня, закрывать ноутбук и радоваться мелочам. Ложиться спать с беззаботной улыбкой на устах, и всю ночь видеть во сне радуго. До того, как их пальцы касаются клавиатуры, — они чувствуют то, о чем вскоре напишут; после того, как откладывают компьютер, они продолжают вариться в сюжете. Ад не оставляет их ни на минуту.

Им нужны поблажки.

Любить творческого человека непросто. Думаю, у многих просто не хватило бы ни сил, ни нервов. Но... возможно, оно того стоит? Закрываю глаза и представляю себе самый знакомый и

любимый балкон, расположенный напротив моего. Наверное, Егор еще там, за стеной, собирается. Удалось ли сомкнуть глаза этой ночью? Егор сильный, такой же, как его Гриша, у которого своя дорога, своя собственная история, практически ничего общего не имеющая с историей самого Озера, но если для Гриши темы ревности и бесплодия настолько важны, что он творит все вот это... остается задаваться вопросом, что же пережил его создатель, когда любимая женщина забеременела от другого?

Мужчины не говорят о чувствах. С детства их учат, что эмоции — проявление слабости, исключительно женская прерогатива. С ранних лет мальчики учатся забивать в себе страдания, чтобы никто, не дай Боже, не заметил, что им не все равно. Но глубоко внутри, на том уровне, где спрятана душа, по-прежнему продолжают чувствовать.

Читаю в перерывах от работы и в конце рабочего дня за запертой дверью кабинета. Даже отменяю собеседование, чтобы не отвлекаться. Потом, завтра! А потом получаю сообщение от Егора: «Еду в роддом, результат готов».

Так быстро?! О нет! И радуюсь одновременно, и до дрожи напугана. Смотрю в зеркало — бледная, как снег. Почему-то казалось, на анализ уйдет неделя. Хотя бы сутки!

Хватаю куртку и вылетаю из бюро, несусь к метро, прижимая к груди планшет. Сердце колотится так сильно, что задыхаюсь. Сказывается бессонная ночь и кофе. Да, непременно дело в кофе. Надо было ограничиться двумя чашками.

Как на иголках. А вагоны, будто назло, едва ползут. И остановки уж слишком какие-то длинные...

Я должна быть там, когда он узнает правду. Мне необходимо увидеть его лицо в ту секунду, как его взгляд мазнет по странице с результатом, — тогда я пойму, как поступать дальше. Тогда я точно буду знать: отталкивать его или вцепиться намертво. Вне зависимости от того, что будет сказано в этом судьбоносном конверте.

В метро я рыдаю навзрыд, дочитывая концовку. И нет, вовсе не потому, что там нет хэппи-энда. Иногда книги для того и пишутся, чтобы закончиться плохо. Но «Ягнечек» — совершенно не тот случай.

Книга прекрасна даже без финальных нескольких страниц. Которые, кстати, как раз таки и вызывают недоумение и смазывают впечатление.

Регина написала: «Вероника, умоляю, заклинаю, любым способом заставь его дописать послесловие. Хотя бы пару предложений! Несколько слов. Они поменяют все. Пусть Гриша увидит другую девушку. Пусть он просто ее «увидит», тогда все изменится. Тогда эта книга порвет продажи».

Да, Грише необходимо понять, что существуют иные женщины, что ему необязательно даже ехать за тысячи километров, чтобы найти своего человека. Возможно, в квартире напротив живет та, что подарит ему новую цель. Лаской, нежностью, Боже... да одним своим присутствием побудит снова захотеть жить!

Спрашиваю в регистратуре, в какой палате лежит Ксения Озерская, после чего поднимаюсь на четвертый этаж. Разумеется, в саму палату меня не пускают, да я и не попрусь туда ни за какие коврижки! Между мной и отделением не менее двух дверей, что более чем устраивает. Благодаря тому, что практически все стены на этаже стеклянные, я прекрасно вижу

происходящее в следующем коридоре, где ждут встречи родственники рожениц. Присаживаюсь на самую дальнюю лавочку, во все глаза смотрю на Егора. Он на две двери ближе к палате Ксюши. Сидит на такой же лавке, что и я, голову опустил, ждет.

Вместе с ним ждем.

Озлобленный идеалист, до чего же сложный мужчина.

Но мне кажется, каким-то непостижимым образом я начинаю понимать его.

Руки дрожат, меня трясет от того, что еще немного, и мы узнаем настоящую цену тому, что натворили.

Вдруг становится страшно. Хочется бежать, скрываться, прятаться, продлить агонию, точнее, мечту, что эта женщина родила сына не ему, а какому-то другому мужчине. Что еще немного, и у нее больше не останется причин портить нам жизнь.

Егор, родной, о чем же думаешь ты? На какой исход надеешься?

Я рада, что он не знает о моем присутствии. Не хочу сбивать его, навязывать свои страхи и надежды. Но если понадобится... то тут я, в нескольких метрах. Готова поддерживать.

Проходит не менее получаса, прежде чем за еще одной стеклянной дверью происходит движение. Ксюша подходит к стеклу, катит перед собой тележку-кровать с младенцем. Ребеночка отсюда не видно, но сама Ксюша выглядит взволнованной и возбужденной, и вместе с тем безумно уставшей. Волосы кажутся жидкими, связаны в простой хвостик за спиной, ни грамма косметики, а под глазами круги от недосыпа. Она в бесформенном халате, и по размеру живота кажется, что ребенка ей еще только предстоит родить, но все это не имеет никакого значения, как только я вижу, с какой лаской и любовью она смотрит на сына.

Вот бы однажды, когда-нибудь... и мне так же... быть уставшей, но довольной. Со своим малышом рядышком.

Я радуюсь за нее. Сердце сжимается от умиления, когда смотрю на Ксюшу в роли молодой мамы. От всей души желаю им крепкого здоровья. Очень надеюсь, что в материнстве эта женщина, наконец, найдет себя, ей больше не понадобится завоевывать десятки мужчин, чтобы чувствовать себя полноценной.

Она меня не замечает, смотрит исключительно на Егора. Окликает его, он вздрагивает, словно пробудившись ото сна, поднимается с лавки и подходит к прозрачной стене, разделяющей его и малыша с Ксюшей.

Он задорно улыбается, рассматривая мальчика, машет ему, говорит что-то, не разобрать с моего расстояния.

Если ребенок окажется его, и он этому обрадуется, я встану и уйду, и больше ни разу не заговорю с ним. Возможно, моя роль заключалась в том, чтобы не дать ему спятить за время ожидания. Моя совесть в этом плане чиста, потому что справилась с ней. Впиваюсь ногтями в ладони. Я ведь люблю его по-настоящему, и как бы сильно ни хотела находиться рядом, сделаю все, чтобы он был счастлив.

Главное — не умереть от разрыва сердца...

Ксюша светится от осознания собственной значимости. Малыша она оставляет в кроватке, а сама выходит к Егору. Он что-то говорит ей — по-видимому, поздравляет, после чего они обнимаются. По-дружески. Он треплет ее по макушке, посмеивается. Рад за нее. Может, мне хочется так думать, но сейчас передо мной Егор-хороший-Ксюшин-друг.

Она что-то ему рассказывает, жалуется, он смеется и одновременно с этим — жалеет ее. А потом к ним выходит женщина в белом костюме с бейджем и показывает конверт. Они оба в замешательстве, в первую секунду никто не решается протянуть руку за результатом.

Врач смеется, прячет его за спиной, и могу предположить, что говорит: может, не нужно?

Ксюша кивает и соглашается с ней, жестом просит уходить, но Егор отрицательно качает головой. Он не злится, но становится серьезнее. Просит отдать ему бумагу.

Не в силах справиться с эмоциями, я поднимаюсь и делаю несколько шагов в их направлении. Беспокоюсь, как бы меня не заметили, но ничего не могу поделать. Мне нужно увидеть его реакцию.

Ксюша обнимает его. Она такая маленькая ростом, оказывается. Прячет лицо у него на груди. Он ее тоже обнимает одной рукой, пока разворачивает конверт и пробегает глазами результат.

О Боже.

Он улыбается. Первая реакция, неконтролируемая эмоция, — улыбка. Искренняя. Он рад тому, что видит. Получил именно тот результат, на который рассчитывал. Без сюрпризов.

Я прижимаю ладони к стеклу. Касаюсь прохладной стены лбом. Позади шаги, в коридор заходят еще люди, голоса которых кажутся знакомыми, но я не могу отвести глаз от лица Егора.

Непонятно почему, но ни единой секунды не сомневаюсь — он не отец. И рад этому. Мужчина с диагнозом «бесплодие» радуется тому, что ребенок не его, чему может быть только одна причина. И толпящиеся позади люди называют ее вслух:

— Вероника? Привет! — удивляется Санни. — А что ты здесь делаешь?

Я быстро оглядываюсь: вся семья Санниковых в сборе. Взволнованная Леся, которая смотрит на меня, затаив дыхание, сам Коля с воспаленными глазами и бледными розовыми пятнами на лице, а также его родители.

Егор тоже замечает движение. Теперь он смотрит на нас, сдержанно улыбается и быстрым движением показывает мне большой палец. Кивает подождать его.

Вежливо со всеми здороваюсь и отступаю к выходу. Егор вновь дает знак — ждать. Он отстраняет от себя Ксюшу, подмигивает ей, произносит какие-то слова поддержки. Касается пальцем ее носа, кажется, просит держать его выше. Она сейчас расплачется, но послушно кивает. Он совсем на нее не злится, эта женщина больше не вызывает у него абсолютно никаких эмоций. Этот этап в его жизни закончился вместе с последней строчкой его потрясающей книги, но... дальше следует вовсе не смерть, а еще один этап. Новый. Если Гриша (зачеркнуто) Егор захочет, конечно, стать счастливым. Переход в будущее — это пара предложений, которые Озерскому только предстоит дописать.

Я тоже улыбаюсь, но почему-то сквозь слезы.

Напоследок Егор еще раз крепко обнимает Ксюшу, даже приподнимает ее от земли, прощается, машет младенцу за стеклом и направляется к нам.

Ксюша испуганно наблюдает за тем, как Егор сообщает ее родителям результат анализов, говорит, что он не отец, поэтому с этого момента снимает с себя любую ответственность за будущее этой женщины и ее потомства. Сообщает, что готов остаться в хороших отношениях, зла не держит, — именно так. Он считает себя стороной уязвленной, но великодушно простившей, сообщает это уверенно и четко, дабы ни у кого не осталось сомнений. Леся сцепляет пальцы, она впивается взглядом в свекра, и тревожность девушки невольно передается мне. Леся хорошо знает эту семью, у меня нет поводов не доверять ей. Санни просто в шоке, он то открывает рот, то закрывает. Не верит, что происходящее — правда.

Санников-старший багровеет от гнева, он рычит на весь коридор: «убью суку!» и бросается в сторону дочери, которая расторопно соскакивает с места, забегает за стеклянную дверь к малышу, которая защелкивается на замок. Снаружи открыть ее может только врач с помощью электронного ключа. Он орет:

— А ну вернись! Я лишу тебя наследства! Здоровьем клянусь, ни копейки больше не получишь! Доченька, называется! Позор на всю семью! Да я... — и так далее в том же роде.

— Спасай ее, Коля, — тихо командует Егор. Санни смотрит на него со злостью, обидой, непониманием, но мгновением позже кидается за отцом. У спортсмена достаточно сил защитить сестру от отца.

Мама Ксюши снова и снова перечитывает анализ, не веря своим глазам. Она не понимает, как такое может быть. Ксюша всем заморочила голову, только что на моих глазах у ангела отвалились крылья.

— Мне жаль. Извините, если что не так. Мой адвокат свяжется с Ксюшей в самое ближайшее время. Надеюсь, мы решим вопрос полюбовно. Квартиру я ей оставляю, знаю, сколько сил и времени она в нее вложила, но, разумеется, только в том случае, если Ксюша не станет препятствовать разводу, — бесстрастным голосом говорит бывшей теще Озерский. Забирает бумагу, медленно кивает Лесе с каким-то известным только им двоим смыслом, та отвечает согласием.

Затем направляется в мою сторону, берет за руку и тянет на себя так неожиданно, что едва удается устоять на ногах. Обнимает за плечи и ведет к лестнице, так как ни у кого из нас не осталось сил находиться на одном этаже с Санниковыми, даже в ожидании лифта.

Санников-старший орет такие страшные, неприятные слова, что даже мне становится жаль его дочь. Мой отец, конечно, тот еще козел, но таких грубостей я от него не слышала. Хотя довольно спорно, что лучше: забота и мат, или полное безразличие по всем направлениям?

Как бы там ни было, Ксюша теперь мать, ее нужно оставить в покое и дать возможность спокойно заниматься младенцем.

Молча спускаемся на первый этаж, идем к выходу, а затем на парковку. На полпути к машине Егор достает телефон и начинает кому-то звонить.

— Ничего, что я приехала? — спрашиваю.

— Не ожидал, но хорошо, что ты здесь, — кивает он. А затем в трубку: — Привет. Ага, у меня

бумага. Теперь ход за тобой. Отлично, жду новостей. Спасибо, брат, — он заканчивает разговор, расправляет бумагу с ДНК-результатом на капоте машины, фотографирует и отправляет, по-видимому, своему адвокату. После чего говорит мне: — Матвеев слово дает, что до Нового года избавит меня от любых обязательств перед Ксюшей. Он хороший адвокат, не сомневаюсь, что так и будет, — и выглядит при этом довольным, но невероятно вымотавшимся. А еще... каким-то хитрым.

— Поздравляю, — скромно опускаю глаза. Что же он теперь мне скажет? Таким свободным, как сейчас, он еще ни разу не был с начала нашего знакомства. — Не верится, что все позади. Да? Столько страхов было, переживаний. Ты оказался прав в итоге.

— Еще не позади, — настроение у Егора приподнятое. — Мы домой или ты продолжаешь выпендриваться и делать вид, что давно забыла меня, и оказалась сегодня в роддоме совершенно случайно: там варят на первом этаже отличный кофе, и ты решила срезать через четвертый?

— Ох, — выдыхаю на его браваду. — Отличная отмазка, но, кажется, все-таки едем домой. Только при одном условии, — понимаю, что с него на этой неделе уже хватит, но боюсь упустить момент. Я все еще под диким впечатлением от «Ягненочка». Эта книга выпотрошила меня, вынула бедную, неподготовленную душу, нашинковала ее как следует, а затем так и бросила. Мне нужно, чтобы получившийся из моей души винегрет запихали обратно в мое же тело. Я обязана заставить его дописать роман.

— Это определенно точно лучше, чем все, что ты говорила мне с начала нашей ссоры. Внимательно слушаю, — он подходит ближе, смотрит на меня, выглядит уставшим. Обнимаю его легонько.

— Ты как себя чувствуешь? Может, хочешь побыть один после новости? Все же думаю, что в глубине души ты допускал, что малыш твой.

Он вздыхает:

— Я совсем не удивлен результату, Вероника. Никаких сюрпризов не произошло. Я... лгал тебе. На самом деле, я не могу иметь детей. И это не изменится. Мы сейчас поедem в наш район, а ты подумай, надо ли тебе это. Нужен ли я тебе такой. Бракованный. Нет, не спорь, молчи, — он прижимает палец к моим губам. — Потому что между нами все серьезнее некуда, и расходиться потом будет сложнее. Сразу скажу, не строй надежд — моя ситуация не операбельная. Мой врач категорически отказался братья. Можно найти поговорчивее за хорошие деньги, но огромный риск того, что сделают намного хуже. Сделают инвалидом. Я не стану испытывать судьбу. Это осознанное решение.

— Да знаю я уже, — делаю шаг навстречу и обнимаю крепче, глажу по спине. Рубашка на его груди влажная от слез его почти бывшей жены. — Может, тебе стоит задуматься о том, что тебя любят просто так, а не за какие-то конкретные качества: будь то деньги, внешность, секс или способность к размножению? Любят такого, какой ты есть, даже если косяков у тебя до 'опы.

Он тихо смеется. Мне тоже смешно. И очень уютно вот так с ним обниматься у всех на виду на улице. Теперь можно. Отныне нам все можно.

— Тогда выходи за меня, — ошарашивает Озерский.

Ого.

— Тебе, кажется, пока рано делать подобные громкие предложения... — бормочу, растерявшись.

— Пообещай тогда. Признаюсь — мне плевать на штамп, но меня слегка беспокоит, что раз тебе — нет, ты будешь продолжать искать чуваков поговорчивее. Я хочу застолбить место.

— Да ладно тебе, не переживай. В очередь народ особо не ломится.

— Ага, видел я тебя на пляже в Сочи в стрингах. Не очень-то хочется в ближайшие недели тратить время еще и на то, чтобы отпугивать от тебя кавалеров. Этой хватило.

— Ладно, Озер, считай, что застолбил, но я еще не озвучила условие. Приехала-то я не просто так. Нам нужно очень серьезно поговорить.

— О чем?

— О твоём «Ягнечке». Только что я дочитала рукопись и просто в бешенстве!

— Блин. Чувствуется подача сеструхи, — он закатывает глаза, слегка напрягается. Ощетинивается.

— Или ты дописываешь нормальную концовку, или... — я округляю глаза и пытаюсь быстро подобрать угрозу пострашнее, как он вновь перебивает меня:

— Да похрену. Давай допишу что-нибудь, чтобы вы обе от меня отстали, в конце концов! Сдалась вам эта концовка, она вообще не имеет большого значения. Сами бы скооперировались и доделали давно, раз такие умные!

Он будто бы ворчит, а я молчу, чтобы не спугнуть настрой. Пока он уставший, можно успевать веревки вить. Ему же во благо. Отчего-то мне кажется, что упущу момент, а завтра он передумает.

Мы забираемся в «Порше», он достаёт телефон и минут пять что-то печатает, иногда прерываясь, чтобы обдумать мысль или подобрать нужное слово. Смотрит при этом вдаль и одновременно перед собой. Ушел в себя, а я не мешаю. После этого Егор заводит двигатель и выруливает на дорогу. Некоторое время молчит, потом все же решает нарушить тишину первым. Я по-прежнему в легком шоке от напряжения последних суток и от того, что случилось в течение этого часа. Слушаю внимательно:

— Я обещаю, что буду стараться. Но... ты видела Санникова? Его канал яро поддерживает правящую партию не просто так, у мужика связей дохрена. Там все завязано на больших деньгах. Но... Веро, ты ничего не бойся, хорошо? Санников мгновенно вспыхивает, и так же легко отходит, со временем все образуется. Просто так они меня, конечно, в покое не оставят, поэтому... что бы ты обо мне ни узнала и что бы ни случилось, просто верь, что я хочу быть с тобой.

Киваю ему, наши пальцы переплетаются.

Через минуту сотовый пиликает о входящем письме от Регины Озерской: «Спасибо. Ты прелесть. Я действую».

Часть V

Мистер Математик

Жить и спать надо с тем, кого любишь. Не усложняйте.

Привет, блог.

Соскучились? Тогда слушайте последние горячие новости из самого очага просыпающегося вулкана. Нам страшно повезло, ибо застали процесс извержения в самом начале. Но обо всем по порядку.

В отличие от весьма жарких событий в моей личной жизни, погода за окном в последнее время совершенно испортилась: то дождь ледяной пробрасывает, то ветер шапки срывает. Иногда это происходит одновременно, тогда у прохожих зонтики ломаются, выворачиваются на внутреннюю сторону, но это еще полбеды. А вот когда зонты, словно парашюты, тащат за собой хозяев, кто послабее да полегче, причем по лужам, грязи, клумбам, — становится одновременно и смешно, и страшно! Лишь бы не на дорогу, опасно ведь. Я наблюдаю за привычными для этого времени года мучениями прохожих из окна кухни, попивая горячий черный кофе, прислушиваясь к звукам из ванной комнаты.

Вероника долго и упорно сушит волосы, собирается на работу, я тоже сегодня поеду, но немного позже, не хочу вставать в утренние пробки. Четыре дня прошло с рождения Платона, пора бы появиться у Санникова на ковре и наконец узнать, есть ли у меня по-прежнему работа.

Результат анализа ДНК событием для меня не стал, я ведь взрослый человек, в чудеса не верю. Без шансов, помните? Брак не заводской, но восстановлению и ремонту не подлежит. Органы половые, как не раз отмечали девушки, привлекательные и даже весьма впечатляющие в боевой позиции, но вот если оценивать их исключительно по основной, главной функции — то тут, боюсь, ноль из десяти. Ничего с тех пор не поменялось.

Так вот, результат меня не огорчил, а вот собственное поведение при его получении — удивило. После всех номеров, что Ксюха отмачивала, — одна связь с Тренером чего стоит, не говоря уже об ее попытках начать войну с Вероникой, - ожидал, что натыкаю дрянью носом в бумажку, как вшивого кота. Выскажу хоть что-нибудь из наболевшего за все эти месяцы, отыграюсь, но... во-первых, не так давно я отвел душу на брата Веро, а во-вторых, Ксюха извинилась, и я вдруг заверил, что не держу зла. А потом подумал и тоже извинился, ведь дураку понятно, сама идея на ней пожениться — была глупейшей авантюрой, какую только можно придумать. Какая из нас пара? На потеху публике.

В итоге ведь в этом браке выигрышной стороной именно я оказался: избавился от навязчивого чувства, которое не давало спокойно жить многие годы. Сейчас кажется, что и не любил ее никогда. Как же не любил? Еще как! Помню ведь, как с ума сходил от ревности или восторга, когда просто виделись. А прошло — и словно не было. Освободился.

Знаете, поверить, конечно, трудно, но любой разрыв пережить можно; даже чувства, которым едва ли не два десятилетия, проходят, правда, не без следа в душе. Борозды поначалу кровоточили так, что спятить немудрено, а потом взяли и зарубцевались. Никуда не пропали. Свои новые отношения я буду строить не с нуля, а на этих самых рытвинах, на обломках прошлого. И знаете что? Теперь я точно уверен: отношения, возведенные на таком вот непривлекательном с виду фундаменте, — нередко крепче и надежнее первых и чистеньких. Вторыми шансами разбрасываются только полные идиоты. Что раньше казалось непременно важным, уходит на второй план. А такие, как я, и вовсе начинают ценить, только наделав

ошибок.

Проблем сейчас только две — этот сорт кофе мне совсем не по вкусу, нужно купить новый сегодня же и... Вероника мне больше не доверяет.

Я наблюдаю за ней последние четыре дня. Думал, что раз она приехала в роддом, значит, я ей небезразличен. Логично ведь, да? Она ведь за мной приехала. Облегчение испытал колоссальное, когда увидел напуганную собственными наглостью и смелостью девушку. Но идут дни, а она по-прежнему держит на расстоянии.

Были мысли, что вот приедем мы домой, и все как раньше станет, до ссоры. Даже еще лучше, ведь теперь ее не должны мучить угрызения совести.

— Что-то не так? Все хорошо? — спрашиваю у нее, когда заходит на кухню. Вероника не понимает о чем речь, даже задумывается на секунду, затем пожимает плечами:

— Да вроде бы нормально. В бюро собираюсь, настроение не огонь, сам понимаешь.

— Кофе невкусный.

— Сам ты невкусный, а кофе отличный, мне проверенный продавец посоветовал. Положи сахара побольше, — она берет чистую чашку, наливает туда напиток из турки, делает глоток, затем морщится, но решает держать марку до последнего и тянет с удовольствием: — м-м-м. Вкуснота-а.

Закатываю глаза и поддвигаю к ней ближе сахарницу. Кладет сразу три ложки и принимается неистово размешивать.

— Ты сегодня поедешь в офис или решил все-таки завтра? — поддерживает разговор.

— Сегодня. Прошло достаточно времени, чтобы остыть и принять решение. Думаю, больше нет смысла прятаться.

— Ясно. Удачи тебе.

— Спасибо, — подхожу ближе, и когда Вероника подносит чашку к губам, прижимаю ладонь ко дну и приподнимаю посудину таким образом, чтобы у Веро не оказалось другого выбора, кроме как осушить ее. Девушка пытается отвернуться, но я не даю, если продолжит вырываться — обольется, а она уже полностью одета и белую шелковую блузку в обиду не даст. Я продолжаю давить, пока она не выпивает все до капельки, потом зажимает рот ладонью, борясь с рвотными позывами, смотрит на меня с обидой и поспешно выходит из кухни. Так и не сказала ни слова.

— Еще налить? — кричу вслед.

— Да, пожалуйста! — отзывается из зала.

Лгунья.

Все совсем не так, как я себе представлял. Вероника ни на секунду не позволяет себе расслабиться рядом со мной, за исключением занятий сексом, хотя бы там мы друг друга понимаем с полувздоха и не сдерживаем. Полная гармония в постели, секс потрясающий. Наконец-то я занимаюсь с ней этим без спешки, дома, а не в подворотне какой-нибудь, и без

бомбящих мозг эмоций, которые подобно тяжелым наркотикам не дают соображать здраво. Я люблю ее в постели нежно и долго, именно так, как она этого заслуживает. Изучаю ее, люблюсь, пытаюсь запомнить вот такой — открытой для меня, довольной, хватающейся за мои плечи на пике удовольствия. И целующей меня самозабвенно и трепетно, с огромным наслаждением. Запоминаю, чтобы потом пережить следующий никуда не годный день.

Нет, она ничего вызывающего не делает, возможно, я бы решил, что такие, чуть отстраненные отношения для нее — норма, если бы между нами не существовало иных прежде. Если бы мне не было, с чем сравнивать. И меня это бесит. Финт с дрянным кофе — не первый подобный за последние дни, и полагаю, не последний. Она не реагирует на ласку, я начинаю задевать ее иначе, отчего она глубже уходит в себя. Жемчужинка моя в ракушке, не понимает словно, что если по-хорошему не раскроется, в попытках добраться до сердцевины разломать могу случайно. Но не буду. Жду пока терпеливо.

Вчера мы немного поговорили, и она намекнула: все ж знают, что бабники не меняются. Может, в этом дело? У меня готов ответ на данное утверждение. Да, так сложилось, что в моей жизни было много женщин. Очень много самых разных, вы себе даже не представляете, каких только. Но за все эти годы безудержного веселья реально впечатлить в горизонтальном положении смогли лишь... единицы. Seriously. Такая вот безрадостная статистика. Если дело касается секса, количество не перерастает в качество. Прошу прощения, но поразить меня на данный момент — невозможно. Вероника права, люди не меняются даже из-за любви, потому что чувства спустя время — притупляются. Но у меня, например, сменились приоритеты. А это уже серьезно. Пережив один неудачный брак, я больше не собираюсь наступать на те же грабли. Я научился ценить то, что имею. И перспектива предсказуемого левака вряд ли сможет перетянуть чашу весов, на второй стороне которых — отношения, в которых меня любят. Или любили. Не знаю, проживем — увидим.

Едва двери лифта раздвигаются, и я оказываюсь на этаже, который занимает наш канал, понимаю: что-то не так. Интуиция бьет тревогу и сигнализирует разворачиваться и бежать прочь, потому что для алкоголика и психопата со стажем — Санникова — четыре дня, на самом деле, это чудовищно недостаточно, чтобы суметь увидеть ситуацию под другим ракурсом, особенно касающуюся его дочери, но я уже сделал шаг, и позади закрылись раздвижные двери. Сигнал — и лифт укатил куда-то вниз.

Коллеги поглядывают с осторожностью, пока не знают, как на меня реагировать. Робко кивают. На выход вместе со мной отправиться не спешат, потому держатся в сторонке. Девочки на ресепшене и вовсе краснеют, но буквально через минуту просят пройти в «его» кабинет.

Видимо, ждали.

Окей, посмотрим, о чем хочет потолковать продюсер.

Не успеваю закрыть за собой дверь, как мне в лицо летит планшет с прикрепленными листами. На реакцию не жалею, ловко ловлю, бросаю взгляд на лист — образец заявления по собственному.

— Что, вот так сразу? — вскидываю брови. — А поговорить?

— Ты с «молодежкой» закончил работу? — рявкает Санников. «Молодежкой» мы зовем сериал про школьников, над которым я работал летом.

— Один из этапов — да.

— Спасибо, тогда можешь собирать вещи. Больше в ваших услугах, Егор Дмитриевич, мы не нуждаемся. Пишите заявление.

— Понял, слабоумием не страдаю, — киваю как ни в чем не бывало. Обидно, конечно, внутри аж холодеет, потому что вся кровь... словно в лицо бросается. Столько лет, трудов... Похрену. Ожидаемо. Прохожу в кабинет и плюхаюсь на бордовый кожаный диванчик, закидываю ногу на ногу и принимаюсь заполнять свои данные. Пока пишу, Санников ходит из стороны в сторону, нервничает, что ли? Хочет что-то сказать, не получается подобрать слова? — Рекомендательное письмо, полагаю, не дадите? — а вот сейчас говорю нахально. Меня несет, выдаю эмоции. Плохо.

Он хмыкает. Забирает планшет, пробегает глазами написанное, кивает и отворачивается.

— Ну, на этом все? — поднимаюсь, в ответ — короткий кивок. Даже усмехаюсь — как предсказуемо! Но едва добираюсь до двери, слышу басом:

— Погоди, — Санников указывает ладонью на стул у своего стола, сам опускается в кресло. Ну что ж, поболтаем.

Когда мы оказываемся напротив друг друга, продюсер делает над собой усилие, черты его лица смягчаются. Уши красные, а глаза больные — заметно, что пил вчера. Ему и так-то повод не нужен, а сейчас, видимо, и вовсе тормоза отказали.

— Виски? — спрашивает он.

— За рулем, — качаю головой. — Но могу вечером. Если заявление порвете, разумеется, — бросаю взгляд на бумагу перед продюсером.

— Егор, Егор, — вздыхает он. — Вот потому я и не хотел брать тебя на работу... парень ты, конечно, талантливый, но уж очень нестабильный! Проекты у нас длительные, долго боялся ставить тебя на что-то ответственное, решился — и вот результат.

— Судя по рейтингам, «Денечки» в шоколаде, нет?

— А кто теперь будет заниматься ими?! — орет он. — А «Молодежку» закончит?

Пожимаю плечами, выжидая дальнейших предложений. Думаю, и так всем понятно, что мне нравится эта работа, недавняя награда свидетельствует о том, что у меня получается ее делать. И увольняться сейчас — самая большая глупость для обеих сторон. Но ведь от меня тут совсем мало зависит. Или нет?

— Ладно, перехожу к делу. Скажу прямо, не хочу терять такого сценариста, как ты. Предложение следующее, Егор... Хотя, наверное, прежде за дочку попрошу у тебя прощения, — он снова багровеет. — Знал, что ветреной растет, еще подкинет сюрпризов на старости лет, но такого позора, чтобы муж вернул родителям за блядство... не ожидал! — он часто дышит, словно ему дурно. — Думал, может, хоть ты сможешь с ней справиться и вытерпеть...

— Ксюша очень красива, — отвечаю.

— Даже слишком.

— Ее часто искушают, не справилась.

— Ей еще восемнадцати не было, а уже начались трудности. Откуда только? Мы с женой старались подавать хороший пример, все ведь из семьи идет? Лупил ее, как Сидорову козу, а толку-то? Мать визжала, что прибью ненароком, грудью кидалась защищать, а знал ведь, что мало ей! Надо было сильнее.

— Только больше не лупите. Поздно уже метаться.

— Да уж конечно! Братец ее заявил мне: притронусь к Ксюше — печенку отобьет. Родной сын! Представь себе только! Растил их, на руках носил, подарки, выросли оба... одна — позорище, второй — на отца руку готов поднять. Никакого уважения! Егор, дело такое. Ты знаешь, что я человек старой закалки. Мы с твоим отцом в этом плане похожи, оттого и дружим столько лет, — киваю, обращаясь в слух. Надежда, конечно, сука, берedit изнутри душу. Хочется остаться. Еще как хочется.

— В моем кругу новость о том, что дочь в законном браке родила неизвестно от кого

— будет греметь годами. Уверен, репортеры не оставят ее без внимания, а всем рты не заткнешь. Тем более, зная мое отношение к современным нравам. Порвут на куски.

— И?

— Есть предложение. Ты остаешься при должности, более того, обещаю повышение и любые проекты, которые сам выберешь. Слова не скажу. Твори! Полная свобода творчества.

— Заманчиво. Но..?

— Но развод мы отложим.

— Нет, — откидываюсь на спинку стула. Так и знал. Пора сваливать.

— погоди ты рубить! Я же не сказал, что навсегда! Прекрасно, как мужик, тебя понимаю. Такая баба не любя, а противна. Хотя бы на время. А потом возьми вину на себя. Ну, дескать, прошла любовь, нашел другую. Ты ведь живешь уже с этой, как ее, Вероникой? Видел я ее, красивая девка. Вот и живите с ней, милуйтесь на здоровье, но не так, чтобы у всех на виду. Егор, да не криви ты лицом.

— Я не буду признавать чужого ребенка.

— Слово даю, никаких алиментов с тебя не спросят. Ты же мужик, ну разлюбил, ну и что. Сколько таких случаев? Пойми, для меня это важно. Ксюшу заберем к себе, жена сказала, что ты готов оставить ей квартиру, — благородно, но не стоит. Имущество — твое по праву, даже приданое обратно просить не стану. Можешь ни разу на пороге не появиться. От тебя только и надо — что фамилию.

— Увы, но нет.

Его тяжелые кулаки бьют по столу.

— Да что тебе стоит-то?! Живи, как жил раньше. Ничего ж не изменится! Что тебе этот штамп? Ну записан на тебя ребенок, тебе по этому поводу переживать не следует. Всего лишь бюрократия. Зато деньги, работа, престиж и уважение! Гарантирую!

— Вы понимаете, эти месяцы я и так прикрывал Ксюшу. Хватит с меня маскарада.

— Знал с самого начала?

— Да.

— Ну вот! Ты же актер! Продолжай свою роль. Кстати, если хочешь, дадим тебе настоящую роль. Второстепенную, разумеется, но где захочешь. Что думаешь?

— Ага, в массовке, — мне смешно. — Спасибо, конечно, за щедрое предложение, но вынужден отказаться. Мне нужен этот развод, извините. Я ждал слишком долго.

Санников остервенело подписывает мое заявление и вновь швыряет планшет в лицо. Ловлю, но сам начинаю злиться. Конечно, стерпеть можно многое в дань уважения возрасту и положению, но он позволяет себе слишком много.

Поднимаюсь с места, он тоже вскакивает. Протягиваю руку, он отворачивается. Ну что ж.

— Если ты выйдешь в эту дверь, то нигде в России больше не найдешь работу по специальности! — угрожает тихо, но предельно четко. Тянет медленно, как шарлатанка заклятье: — Ни одна газета, ни один канал не опубликует и не примет ни строчки, написанной твоей рукой! Ты понимаешь это? Твоя жизнь кончена!

— И вам всего хорошего.

Вечером Вероника спрашивает, как все прошло, прямо с порога. После работы она ездила к дяде, поэтому вернулась поздно. А по телефону не говорили, как-то не хотелось серьезные вещи обсуждать.

— Знаешь, на удивление спокойно. Написал заявление, мне его подмахнули и пожелали удачи. Теперь свободен, как ветер. В холодильнике шампанское и конфеты, так что отмечаем!

— Что, правда? Тебе пожелали удачи? — она цепляется за надежду, что разошлись по-хорошему.

— Ну, в смысле в кавычках, — веду ее к кровати, на которую мы заваливаемся прямо в одежде, чтобы немного отдохнуть перед ужином. После увольнения ездил к родителям, потом провел почти три часа в спортзале, устал, как собака.

— Он не предлагал тебе остаться? Может, какие-то условия озвучивал? Все же на тебе два серьезных проекта, рискованно в начале года увольнять сценариста.

— Нет, конечно. Понимает, что после развода будет крайне тяжело работать вместе, видеть друг друга. Извинился за Ксюшино поведение. В этом плане он адекватный мужик, понимает, что такое простить нельзя. Нормально расстались, я думал, будет хуже.

— Понятно. Хорошо, что обошлось без скандала. Что теперь? Будешь звонить в

«БК»?

— Буду. — Вообще-то я уже позвонил, и мне сказали, что вскоре со мной свяжутся. Обрадовались, что наконец освободился. Но из-за угроз Санникова боюсь обнадеживать раньше времени. — Правда, если все okay, то, скорее всего, мне придется переехать в Питер, хотя бы на первое время. Будем видеться только по выходным, а меня это не устраивает.

Может, что-то в Москве подвернется.

— Регина молчит насчет книги?

— Все еще рассматривают синопсис. Тут видишь какое дело, многое от момента зависит. Могут зацепиться за идею и тут же пустить в разработку, а могут годами вынашивать идею да откладывать на потом. Никогда не узнаешь заранее. Но все, что зависело от меня — я сделал. Даже концовку попсовую дописал в стиле Регинки.

— И в моем тоже! — радостно подхватывает.

— Да... и это меня, кстати, тревожит немного, — она смеется и легонько ударяет меня ладонью по плечу. — Остается самое паскудное — ждать.

Сползаю чуть ниже и прижимаюсь лбом к ее груди, обнимаю одной рукой,

закрываю глаза. Проходит целая вечность, прежде чем Вероника проводит ладонью по моей голове, пропуская волосы сквозь пальцы. Это невероятно приятно. Так медленно это делает, нерешительно. И процесс получается интимнее близости.

Она так редко меня касается, что теперь по коже морозец пробегает.

Когда-то я жалел Веронику за то, что ей приходится сталкиваться с моими проблемами, не беспокоясь, что однажды, если захочу эту женщину себе, мне самому придется разгрести ворох ее. Четверо жестоких мужчин в ее жизни и пятый я — поступивший немногим лучше. Ее бросали, оскорбляли, обманывали и даже пытались подложить под другого. А сейчас я жду, чтобы она дала мне второй шанс, поверив, что вдруг стал надежным.

И все же она гладит меня. Медленно и нерешительно. А у меня дрожь по телу от удовольствия. Веду пальцами вдоль ее гибкого позвоночника, не желая как-то еще шевелиться. Я силком заставил ее быть здесь со мной, не дал права выбора. Понимаю, что принудил. Но, может, однажды ей тоже понравится?

— Хорошо, да? — шепчу ей.

— Ага, — отвечает мне. Рука останавливается, а затем Вероника возобновляет поглаживания. Ее пальцы касаются моего затылка, затем спины. — Отвязаться от тебя совершенно невозможно, Егор Озерский.

Вероника не должна знать, что я отказался от карьеры ради нее. Ни в коем случае. Целую ее грудь сквозь ткань блузки. Она послушно расстегивает пуговицы, давая мне доступ к телу, и откидывается на подушках. Быть с ней — мой выбор, и я справлюсь с последствиями сам. Это не те секреты, которыми стоит делиться с партнером.

— Ты меня любишь? — спрашиваю серьезно, когда наши лица оказываются на одном уровне. За секунду до того, как войти в нее. — Любишь? — настаиваю, задыхаясь от кайфа, когда проникаю в нее. Она выгибается, но молчит. Это бесит. — Не слышу ответа, — рычу, отдавая себе отчет, что снова принуждаю ее, теперь — говорить то, чего мне хочется.

— Люблю, — на выдохе.

Может, если будет повторять часто, сама в это поверит?

С Санни мы встретились в спортзале, и чувак сделал вид, будто меня не знает. Дуется, как баба. Принялся усиленно тягать штангу, весь такой занятой, спортивный, в своих мыслях. В воскресное утро практически никого в зале, корячится сам, подстраховать не просит. А еще спустя неделю, тоже в воскресенье, подходит в раздевалке и выдает, не глядя в глаза:

— Почему ты не согласился на предложение отца?

— А ты бы согласился? — натягиваю майку через голову.

— А при чем тут я? — складывает руки на груди.

— Поговорим позже, когда сделаешь над собой усилие и попытаешься вообразить себя на моем месте.

На его лице отражается недоумение — видимо, работают изрядно покореженные во время тысячи ударов по башке извилины — после чего чувак передергивает плечами:

— Нет, это другое. Ты ведь всегда знал, какая Ксюха. Но тем не менее решил связать с ней жизнь.

Пялюсь на него исподлобья. Он продолжает:

— Хорошо, согласен, это непросто, но тебя ведь никто не заставляет жить с ней.

— Санни, ты либо принимаешь мою сторону, либо идешь лесом.

— Что, вот так из-за бабы ты согласен бросить вызов нашей дружбе? Откажешься от помощи семье? Что она тебе дает такого особенного, а? Не помню, чтобы хоть раз, хотя бы одна телка имела для тебя такое значение. Гордость твою задела? Ты отомстить, что ли, хочешь?

— Еще одна «телка» по отношению к ней, и писец тебе, брат, — сверлим друг друга глазами, после чего он делает какие-то выводы, смиряется, даже отступает на шаг назад.

— Прошу прощения. Сударыня твоя. Ну, что ответишь?

— Твоя сестра мне изменила.

— А ты ей типа нет?!

— Тут вопрос в том, кто первый начал.

— Вот именно! С трудом верится, что не ты. Возможно, ее действия шли в ответ на твои.

— Стоп. Понимаю, ты пытаешься выгородить сестру, я бы делал то же самое, но Коля, кроме шуток: ты помнишь, как я к ней относился. Ты был рядом все эти годы. На твоих, бл*ть, глазах все происходило. Сядь и подумай, через что я прошел, прежде чем начал спать после нее с кем-то еще.

Он отказывается думать. Хватается за идею «семьи», «братства», снова и снова повторяет, что у нас, оказывается, был клан, из которого я пытаюсь вырваться ради «сударыни».

— Такой вот ценой? — он разводит руками.

— Любой, бл'ть, ценой.

Наверное, по-прежнему мне комфортно только дома у родителей. Здесь пахнет вкусной едой, вафлями, тепло, потому что работает электрическое отопление. А еще на полках так много всяких разных фотографий, будто мы в музее оказались. Бабушки, дедушки, мы с Регинкой всех возрастов. Целая жизнь расставлена по всей квартире, куда ни взглянешь — приятное воспоминание накатывает. Уезжать не хочется.

А еще дома чувствуешь себя в безопасности, несмотря на то, что родители мои — пенсионеры, и если из нас кто и должен кого-то защищать, то уж точно я их, а не они меня. Но... дома все равно — нейтральные воды.

Отец подавлен. Ему дали тайное задание — повлиять на меня, иначе в сериале, где он исполняет одну из главных ролей, перепишут сценарий и убьют именно его персонажа, а не коллегу, как планировалось изначально. В таких долгих проектах — на десять-пятнадцать сезонов — надо обязательно периодически кого-то из основных персонажей «грохать», чтобы взбодрить зрителя. А у нас как раз появился новый актер, который ну очень харизматичный, рвется в бой. Молодой, талантливый, и что тоже важно — лицо пока не успело осточертеть. За глаза его зовут «глотком свежего воздуха». Кстати, не за его глаза, а за глаза моего отца.

Папа в ужасе от наступающей на пятки пенсии.

— А когда ты познакомишь нас с Вероникой официально? Мы виделись на свадьбе Коли с Лесей, но я тогда не знала ничего, поэтому даже не рассмотрела ее как следует. Отметила только, что красивая высоконькая девушка, вот бы поговорить с ней, — спрашивает мама. Она пытается найти позитив в любой ситуации. Полагаю, мама надеялась, что сегодня мы приедем вместе, поэтому и вафли напекла к чаю. Она, конечно, любит, когда я навещаю их с отцом, но не настолько. Сама и слова не сказала, но эти вафли...

Мне так жаль маму, потому что она больше всех из нас мечтает о малышах. Единственное, почему я расстроился из-за того, что не отец Платону, — это печаль моей мамы. Ведь пришлось немедленно сообщить ей: опасения подтвердились, ребенок не наш. Регина давно заявила, что с мужем они живут для себя, мода у них такая в Америке — не обременяться хлопотами. От меня же, сами понимаете, толку мало. А маме хочется по нянчить внуков, она у меня такая... домашняя, хорошая. Из тех, кто стряпает печенье и позволяет разрисовывать стены фломастерами.

Мама смотрит на меня своими добрыми глазами в ожидании ответа, что сказать — не знаю. Вероника отказалась ехать знакомиться, хотя предлагал несколько раз. А еще она попросила меня пока не сопровождать ее во время визитов к ее дяде и маме, пошутив, что я вечно что-то ляпну, и ей краснеть придется.

— Скоро, мам. Вероника стесняется, ведь я все еще официально женат. Ее тяготит непонятный статус. Она скромная и серьезная девушка.

— Кра-а-айне интересно посмотреть на эту девицу, — бурчит отец, прохаживаясь из комнаты в комнату. В этом с Санниковым-старшим они похожи — когда нервничают, не могут места себе найти. Мельтешат перед глазами, что раздражает невообразимо как! Во время одного из кризисов, когда судьба канала зависла на волоске, они столкнулись лбами в проходе, так носились. Шишки набили друг-другу — Степа уже отвез документы в суд, сказал, что при наличии теста на ДНК суд с девяностопроцентной вероятностью рассмотрит дело. Атам и познакомитесь.

— Сгораю от нетерпения, — чавкающее ворчание откуда-то из кухни. Папа что-то снова ест,

нарушая диету. У него же пару раз в сезон эротические сцены, обычно держит себя в форме.

Не могу же я им сказать, что Вероника не хочет их видеть. Убеждаю себя, что она боится, стесняется. Это ведь очевидно. Но подобное пренебрежение, если уж совсем начистоту... обижает. Дошло до такого, что мне не хочется идти домой. Сажу весь вечер у родителей, якобы поддерживаю их морально, подбадриваю, а на самом же деле, как обычно — податься больше некуда. И самое неприятное, что мама, кажется, догадывается. Отец — нет, слишком погружен в безрадостные думы. А мама смотрит на меня с сочувствием и будто какой-то беспомощностью. И правда, помочь мне — больше не в ее полномочиях.

С понедельника начинаю получать отказы от возможных работодателей. Даже «БК» ограничился стандартной формой, хотя буквально в прошлом месяце я бухал с ними на даче из одного графина.

Позже, правда, их продюсер перезвонил с личного номера и намекнул, что расстраиваться не стоит, и они обязательно меня возьмут, как только пепел уляжется. Что ж, ждем. Пока что до пепла далеко, всюду пылают костер, жжет неудобных.

Происходящее вовсе не сюрприз, я думал, будет даже хуже. Ожидал, что Санни вознамерится набить мне физиономию, но тот пока держится в рамках — видимо, помня, что если бы не моя Регина из Самары, не быть ему сейчас в розовых пятнах от аллергии. Судя по «Инстаграму», у Ксюши все хорошо, малыш растет, сама она выглядит замечательно. Ее мама к ней переехала, вместе справляются на славу.

А у меня столько свободного времени, что умом тронуться можно. Кое-какие деньги в наличии имеются, накопил, поэтому необходимости разгружать вагоны пока нет. Решаю заняться второй книгой. Как знать, может, однажды, спустя несколько десятилетий после смерти Санникова — да простят меня за такие мечты, зачеркнуто, шутки — мои тексты снова станут кому-то интересными.

Вечером в спортзале — больше от скуки, чем от желания подраться — подхожу к Санни с предложением побороться на ринге. Он рывкает, что нет настроения, но через минуту сам окликает меня с той же просьбой. Видимо, дошло, что это последнее предложение с моей стороны. Испугался.

Далее следует около получаса неплохой драки по правилам, после которой, как и планировалось, мозги встают на место. Санни под действием адреналина добреет, я тоже не прочь поговорить, поэтому соглашаюсь после тренировки выпить пива в баре неподалеку.

— Как живешь? — спрашивает Коля после того, как мы устраиваемся за барной стойкой и отпиваем по глотку холодного пенного пива из английских пинт.

— Да нормально, как и весь предыдущий год.

— А, ну да. Черт, Озер, не могу поверить, что все это время ты лгал мне! И в голову не могло прийти, что у вас с Ксюхой такое творится. На вас равняться хотелось!

— А какой был выход? — делаю огромный глоток.

— Ну... я не знаю, рассказать раньше.

— И что бы изменилось?

— Вместе бы гадали на ромашке, твой детеныш или нет, — он рассмеялся.

— Да это неважно. Санни, хватит уже наездов! Она находилась на грани аборт сделать, что мне было делать? Подтолкнуть ее к этому, развернув скандалище? Мужской поступок, ничего себе! — тем более, в то время у меня не было Вероники. И казалось, что у меня вообще никого нет и больше никогда не будет. Я заикнулся на мысли помогать Ксюше, пусть даже между нами все кончено.

— Понял, не бурчи. Принято. Ты это... держись. Я попробую поговорить с отцом, когда он перестанет рвать и метать, чтобы ослабил хватку. Пока только и делает, что висит на телефонах и орет, чтобы никто не посмел дать тебе работу. Даже учебные заведения обзванивает, чтобы не дай Боже не приглашали тебя почитать лекции.

— Что, прям все?

— Некоторые. Думаю, с остальными будет разговаривать по факту. Подтянул связи.

— Всем этим почтенным людям делать больше нечего, кроме как на меня охоту устраивать.

— Может, и нечего. Но он хочет на ком-то отыграться. А лучшей мишени, прости, перед глазами нет. Но это... если нужны будут деньги, ты обращайся.

— Спасибо, буду иметь в виду.

Его сотовый трезвонит.

— А вот и Ксюха, жить долго будет. Слушаю, ведьма. Что?! В смысле — он опять тебя караулил?! — Санни соскакивает с места.

— Что случилось? — поспешно расплатившись, я следую за ним к выходу. — Кто «он»?

— Озер, стой. Тебя это не касается, — отмахивается. У меня же первая мысль — Тренер, потому что буквально на днях его отец мне звонил с просьбой сообщить, если Илья появится. Он вновь смылся из лечебки, и никто не знает, чем занимается и на какие деньги живет.

— Ты скажешь, что случилось, или нет? — повышаю голос.

— Ни-че-го, — говорит с напрягом. — Для тебя больше — ничего. Уходя — уходи. С того момента, как твой адвокат приволок документы в суд, проблемы нашей семьи — больше не твои проблемы. Не лицемерь, что тебе не плевать.

— И тебе счастливо, — говорю вслед убегающему Николаю. У Ксюхи опять приключения. Да уж, эта девица не может и месяца прожить, чтобы куда-то не вляпаться. Но Санни прав, больше меня ее неприятности не касаются. Своих собственных — предостаточно.

Вероника

У меня получилось. Теперь он мой.

Не забываю об этом в течение дня ни на минуту, но отчетливее всего ощущаю по утрам и вечерам, а также длинными ночами, ставшими уже по-зимнему холодными и черными, когда могу хоть по сто раз просыпаться и находить его рядышком. Тихо радуюсь, когда спросонья

шарю рукой и обнаруживаю теплого, любимого мужчину, мирно спящего в одной со мной постели. И ему никуда не надо идти. Его нигде не ждут, кроме как здесь. А самое главное — он никуда больше не хочет. Потому что я победила.

В любое из таких спонтанных пробуждений могу обнять его рукой и ногой; едва ли не забираясь сверху, прильнуть к груди или поцеловать между лопаток. А могу, наоборот, повернуться спиной и ластиться, пока сам не захватит в свои крепкие объятия и не прижмет к себе так, что не вырваться. Тогда мне остается только зажмуриться крепко-крепко, тихонько лежать и думать, что так будет завтра и послезавтра. Между нами больше не иллюзия отношений, а я не просто любовница. Сумела невозможное — увела его из семьи. Шах и мат, статистика. И под семьей я подразумеваю сейчас не только Ксюшу, а всех Санниковых вместе взятых, бок о бок с которыми он рос и жил два десятка лет.

Прошлой семье он оставил все — друзей, работу, привычный образ жизни. Даже квартиру. В новую жизнь пришел как есть — ничего с собой не захватив. Откуда во мне столько опыта и хитрости? Как за несколько месяцев обычная девчонка без особых заслуг и умений сумела заставить взрослого мужчину пересмотреть приоритеты? Не силой, а лаской и нежностью.

Теперь мы проводим вместе еще больше времени, ведь вроде как... съехались. Вернее, я постоянно ночую у него. Помогаю убираться, готовлю. Пока добираюсь из бюро до дома, частенько вишу с мамой на телефоне, расспрашивая, как варить то или иное блюдо. У меня нет опыта совместной жизни с мужчиной, а сама привыкла обходиться простой легкой пищей. Иногда у меня не получаются даже блюда по рецепту, и я ужасно злюсь, потому что знаю ведь — Ксюша отменно готовит. Егор сам как-то говорил, давным-давно, что она и раньше творила шедевры на кухне, а с началом беременности — так и вовсе помешалась на правильном питании.

Должна отметить, что он по этому вопросу никогда не ругается. Егор избалован деньгами и ресторанной едой, поэтому если я после часового пребывания на кухне выхожу к нему и честно признаюсь, что получилась какая-то несъедобная фигня, он пожимает плечами:

— Поехали в «Веранду» или закажем на дом? — Ему будто вообще нет дела, умею я готовить или нет. Слишком долго он жил один, и катастрофически мало с женой, чтобы успеть избаловаться домашней едой. В этом плане Егор ведет себя идеально, но... будучи истинной женщиной, я придумываю проблемы из ничего и ем себя поедом. Снова и снова вступаю в схватку с его бывшей женой и, проигрывая, впадаю в отчаяние.

Я хочу быть лучшее нее во всем.

Нас постоянно сравнивают и будут сравнивать еще долго: его родители, друзья, просто знакомые. Мне пришлось закрыть все аккаунты в социальных сетях, потому что начал ломиться народ со своими дурацкими комментариями! Каждый день свора Ксюшиных подружек с накачанными губами пытается добавиться, чтобы обсудить за глаза. Не то чтобы это меня сильно трогало — понимаю, что ей сейчас хуже, ведь он в моей постели, а не в ее, но... тем не менее, нервирует.

Его долбят. Звонят, спрашивают, звонят, спрашивают... У него так много знакомых, оказывается. Когда мы встретились, никого ж не было... а тут налетела толпа доброжелателей с советами! А еще его ругают, что теряет время, когда по идее у него сейчас самый пик карьеры начинается. Он этого не рассказывает, но я слышу по обрывкам разговоров.

Его нелепые отговорки, что он устал и решил взять паузу, что хочет написать книгу или

попробовать себя в другой сфере, сказанные уверенным голосом, ставят людей в тупик.

А еще я до ужаса боюсь встречаться с его родителями. За эти две недели накрутила себя до такого состояния, что от одного намека на Ксюшу меня начинает трясти.

Набралась смелости и рассказала маме о том, что Егор ушел ко мне официально, что он разводится и что его жена совершила поступок, после которого больше не соперница мне. На что та, помолчав, ответила, что папа, оказывается, тоже уходил из семьи к нам, я тогда была совсем малышкой и не помню. Пожил некоторое время и вернулся. Его жена, дабы отомстить или, наоборот, забыть его, закрутила роман, о котором он узнал, взбесился и не смог пережить. Вернул ее назад. Мама посоветовала не совершать ее ошибок и не спешить знакомиться с родителями Озерского, потому что родители моего отца приняли маму резко негативно, и это сильно повлияло на ее отношения с отцом.

Иногда я не сплю. Все хорошо, а я лежу час за часом с открытыми глазами, глажу его по спине и не верю, что все закончилось и он выбрал меня. Может ли бабник остепениться? Сможет ли он удержаться, если эта сука вновь позвонит и своим трогательным голоском попросит помощи?

Сможет ли?

Сердце колотится, как бешеное. Я даже решилась написать непунктуальному доктору и спросить, можно ли купить какое-нибудь успокоительное? Оказалось, без рецепта в аптеке мне продадут разве что глицин.

Кажется, пример моих родителей будет преследовать меня вечно. Все чаще я откладываю встречи с мамой и даже сбрасываю от нее входящие вызовы, так как знаю, что она думает на самом деле о моих отношениях с Егором. Жалеет меня, отчего я сама начинаю себя жалеть, а это плохо! Для отношений так и вовсе — губительно. Не верит в нас, и от ее сомнений в моей груди такая тяжесть появляется, что дышать тяжело.

Но ведь у нас с Егором все по-другому!

Частенько ловлю себя на мысли, что расстроена без причины. Жду, что он не выдержит происходящего и вернется обратно, в привычную среду. Потому что я не стою всех этих трудностей. Даже готовить не умею, только трахаться! Может ли только секс привязать мужчину на всю жизнь?

Раньше мы общались легко и свободно, потому что ничем не были друг другу обязаны, и эта легкость так сильно цепляла и сближала, что без переписки мы не могли прожить и часа. А теперь... теперь все осложнилось. И как вернуть прежнее — не представляю.

Очередная неделя пролетела в хлопотах — работа, покупки мелочей к новому маминому кухонному гарнитуру. В субботу утром проснулась от тянущих болей в животе и, наконец, сама убедилась в диагнозе Озерского. Со мной Егор никогда не предохраняется и ни в чем себе не отказывает, три цикла мы делаем это как взрослые, и единственный итог — месячные, пришедшие точно в срок. Час в час, строго по расписанию.

Да, я понимала, на что шла. Он сам много раз намекал, затем сказал прямым текстом, но я, будучи все по-детски мечтательной, ухватилась за слово «чудо» из того его монолога о травме перед соревнованиями и почему-то думала, что со мной все пройдет иначе.

По любви ведь?

Не знаю, что в голове у мужчин, которые не предохраняются, но женщина, когда соглашается на незащищенный половой контакт, мысленно прикидывает, готова ли рожать от этого мужчины. Если только она не слишком ветрена и не дура. Раз я согласилась, значит, морально подготовилась к тому, что могу забеременеть. Почему нет? Мне двадцать пять, мужчина мною любим, тем более, Егор показал себя ответственным человеком — если уж он заботился о чужом ребенке, своего бы точно не бросил.

Но мой оптимизм рассыпался в пыль после очередного пролета. Я и тошноту успела надумать, и какие-то особенные ощущения в груди... итог — ничего. В то утро, когда я поняла, что беременности вновь не случилось, я сидела на краешке ванны за закрытой дверью и думала о том, что впереди у меня десятки месяцев, которые принесут этот же результат. Тогда впервые мне стало страшно. Вдруг не справлюсь? Пройдет год, три, пять я не выдержу и захочу ребенка. И что тогда делать? Бросить Озерского по той же причине, что его оставляли остальные женщины? После того, как ради меня он ушел из семьи и столкнулся с последствиями своего ухода, — Математик отмахивается, но я ведь не идиотка, понимаю, что отказывают ему не потому, что бездарен. Санниковы не готовы отпускать Озера, всеми силами пытаются вернуть его на «место» — туда, где, по их мнению, он должен провести жизнь, разруливая очередные проблемы их безумной семейки.

— Детка, все хорошо? — Егор стучит в дверь. — Тебе не плохо?

— Сейчас выйду, живот немного болит.

— Ясно. Я сметаюсь к родителям, отец приболел, надо маму свозить в магазин. Поедешь с нами? — а потом подытожил приговор мрачно: — Там будут шторы.

— Шторы? — становится смешно. Уверена, никто никогда не произносил это слово столь же сокрушенным тоном. Просвета нет и не будет. Смеюсь вслух!

— Да. Много. Там даже название такое — «Вселенная, мать ее, штор». Хочешь, я покажу тебе весь мир и «Вселенную штор»? — сам хохотнул. — Папа схватился жирными руками за тюль на кухне, и мама не смогла отстирать пятна. Они ругались две недели, после чего решили, что дешевле купить новую тряпку на окно, нежели развестись, — так и вижу, как он закатывает глаза. — Так что, поедешь? Только через полчаса надо уже выходить.

— Нет. В смысле, с удовольствием, но в другой раз. Неважно себя чувствую. Выпью таблетку и полежу немного. Извини, пожалуйста. В другой раз — обязательно.

— Хорошо. Если что-то понадобится — звони. Галке корм сегодня привезут? Там осталось три крошки.

— Да, должны сегодня.

— Если не привезут до обеда, позвони, я заеду в какой-нибудь магазин по пути, куплю хоть что-нибудь, — он помолчал минуту. — Ладно, до вечера. Закажи на ужин что-нибудь вкусное, с чем можно выпить пива, у меня настроение посмотреть черную комедию типа «Убойных каникул», если что найдешь — кидай ссылки.

Это уже вторые выходные, когда он уезжает помогать родителям, вместо того, чтобы побыть со мной. Надо было поехать с ним, познакомиться, но при одной мысли столкнуться лицом к лицу с его мамой у меня такая паника начинается, что мозг пулеметной очередью выдает с десятков причин, почему «не сегодня». Мамины слова эхом звучат в голове. А чем дольше откладываю, тем страшнее становится. Что если я им совсем не понравлюсь?

В понедельник выпадает первый снег — как будто на разведку. Тут же тает, смешавшись с дождем, превращается в лужи на асфальте, пока еще сдаваясь на милость по-осеннему теплему воздуху, но вместе с тем прозрачно намекая — еще немного, и доставайте шарфы! Сезон простуд открыт. У меня нет щетки, чтобы откапывать машину в случае снегопада, запланировала себе купить в самое ближайшее время.

По-прежнему не работающий Егор пропадает где-то до темноты и появляется, когда я уже отчаялась ждать. Написал только: «Задерживаюсь, не переживай». Заходит в квартиру расстроенный, понурый. Что произошло — не признается. Не думаю, что у него есть секреты от меня, скорее всего — молчит потому, что причина может меня огорчить.

Боже, умоляю, пошли нам ребеночка, чтобы наши отношения доказали право на существование. Ведь бывают исключения. Чудеса. А у нас в семье по женской линии передается сильная репродуктивная система, наш семейный гинеколог — Оксана Евгеньевна — сколько раз говорила, что ей до слез жалко моих шикарных овуляций, которые пропадают зря. «Неужели нет ни одного мужика, который бы согласился потрясти рядом с тобой труселями?» — смеется она на профилактических приемах. «Да за такими овуляциями сперматозоиды должны по воздуху летать!» — «В таком случае было бы довольно опасно выходить из дома», — смущаюсь я. В общем-то, с моей мамой так и получилось, как и с бабушкой, — дети появлялись не по плану, малейшую оплошность наши организмы не пропускают.

— Ладно, рассказывай, что случилось, — настырно интересуюсь. — Обещаю сделать вид, что принимаю твою сторону, даже если ты совсем не прав, — шучу, он не реагирует. Пялится в планшет, который схватил, едва переступив порог, режется там в стрелялки. Судя по всему — хочет убивать. — Да честное слово, я же хочу замуж, так что пользуйся моментом, — мурлычу, одновременно с этим доделывая ужин.

— Не хочу говорить на эту тему. Дай мне час, успокоюсь и буду как прежде. Прости, нет настроения даже для шуток. Не обижайся только.

— Егор, да перестань, я что тебе — девочка, обижаться по поводу и без. Ну в самом деле. Как мне тебя успокоить?

Хмыкает, но замечаю мимолетную улыбочку, коснувшуюся губ. Значит, какая-то мысль в его больной головушке все же мелькнула. Хороший знак.

— Признавайся, о чем подумал, — подхожу ближе и кладу ладони ему на грудь. Поправляю воротничок рубашки, расстегиваю пару верхних пуговиц, затем на манжетах. Если бы Егор не снял галстук раньше, я бы сейчас сделала именно это. Он напрягается, не хочет сейчас нежностей, но и не отпихивает. Я представляю, чего ему стоит постоянный контроль над эмоциями, его страх обидеть меня и потерять снова — растапливает ледяную глыбу недомолвок. И делает меня смелее.

— Я хочу побыть один. Мне пойти в машине посидеть это время? — берет меня за запястья, сжимает и отстраняет от себя. — У меня нет настроения быть нежным.

— Грубый Егор, выходи, я тебя не боюсь! — негромко кричу, сама убираю волосы за спину. — Если хочешь минет в машине, пошли. Как скажете, босс, — покорно опускаю глаза. Мои слова, наконец, пробуждают в нем интерес, обиженное величество отрывает глаза от своей компьютерной игры.

— И никаких обижулук? — он вскидывает бровь, но планшет откладывает на подоконник за спиной. Заинтересовала парня, ага.

Под его прямым взглядом становится неловко, но если отступлю, уверена, сам себе кивнет, и вернется к игре. Я хочу, чтобы он привыкал делиться со мной проблемами, не боялся рассказать обо всем, что волнует. Чтобы шел домой, расстроенный, зная, что его всегда выслушают. А не сдерживал себя, как сейчас, гася эмоции, стреляя в монстров.

— Никаких, — моей решительности можно позавидовать.

— Тогда на колени, — ни тени улыбки. Таким я его еще не видела.

— Вот так сразу?

Он берет меня за горло, немного сжимает и тянет вниз, пока добровольно не опускаюсь перед ним на пол. Ну что ж. Ругаю себя за дрожь пальцев, которые не слушаются, будто я какая-нибудь неопытная девственница, пока достаю его рубашку, заправленную в брюки. Волнительно. Расстегиваю ремень, ширинку.

Он смотрит на меня. Взгляд внимательный, горячий, его ладонь гладит меня по лицу, пока разбираюсь с его бельем.

С чего он взял, что мне нравится только нежность?

Ну, Егор, держись. Этот минет ты будешь вспоминать долго. Я облизываюсь в предвкушении и накрываю губами головку.

Постепенно, спустя несколько минут, сама невольно включаюсь в игру и начинаю возбуждаться от происходящего. Стою перед ним на коленях, старательно ублажаю, не решаясь лишний раз взглянуть на лицо.

Его рука собирает волосы на моем затылке и больно стягивает, он показывает ритм и говорит стараться лучше. А потом поглаживает, как будто хвалит.

Он кончает в тот же момент, когда духовка сигнализирует о готовности блюда, отчего мы оба смеемся.

— Уложился идеально, — шепчу я. Его смех звучит хрипло, мой голос тоже куда-то подевался. Егор опускается ко мне, обнимает и прижимает к себе. Да, он был довольно груб, но нежный поцелуй в лоб компенсирует происходящее ранее. Прижимаюсь к нему, дурочка влюбленная. Пальцы его, мною обожаемые, на своем теле чувствую, потом на колени к нему забираюсь и молчу, уткнувшись в его шею. Он отдыхает, приходит в себя, а я едва ли не дрожу от восторга вот так просто сидеть с ним на полу, родным моим, самым любимым. Единственный нежный поцелуй в лоб показывает все его отношение ко мне. В постели он может трахать меня без уважения и почтения, а потом вот так обнимет, и тут же сомнений не остается — любит.

Влюбился сильно Егор Озерский, просто понимать его нужно, не пугаться, не обижаться на подобные выходки.

Легонько царапаю его ногтями и вновь пугаюсь того, что испытываю. Он втягивает воздух сквозь зубы, и наконец добреет:

— Соскучилась за день? — спрашивает с полуулыбкой.

— А как же.

— Сейчас отжарим тебя как следует. Не переживай.

— Ты, наконец, готов к нежностям? — посмеиваюсь.

— Да, теперь вполне.

Идет время, суд с присущей ему мучительной медлительностью занимается разводом, на дворе конец октября, а я по-прежнему не могу вырваться из замкнутого круга, который сама же для себя построила из недомолвок, страха и опыта знакомых.

Недавно я не поехала с ним и его мамой выбирать шторы. Оказалось, что с ними ездила Ксюша. Мамина подруга прислала маме, а та — мне, скрин с Инстаграма Ксюши, хэштэг бывших_свекровей_не_бывает, хэштег лучшие_друзья_после_развода. И куча счастливых смайлов.

Он мне не сказал об этом.

Обратная сторона моих чувств — ревность. Что-то невообразимое со мной творится. Вот он — ко мне приходит каждый вечер, мои вещи по его квартире разложены, моя зубная щетка рядом с его — в стакане на раковине. И даже черепаха у нас одна на двоих — но мне и этого мало!

Поначалу я долго ходила под впечатлением от его книги, прокручивала в голове отдельные моменты, поражаясь, как можно поступать таким образом и как... такое возможно придумать. А потом вдруг обида накатила такой силы, с ног валящей, что справиться с ней самостоятельно не получилось. Умом понимаю, что меня он любит, а в душе, где-то глубоко, сомневаюсь — вдруг ее любил больше? О ней ведь писал, о суке этой бессердечной... впрочем, во многих поступках я недалеко ушла. Но другая, клянусь, с ним бы просто не справилась.

Чем больше думаю об этом, тем сильнее зависть изнутри гложет. Ксюша ему написала, что готова дать развод, проблем с ее стороны не будет, и пожелала удачи. «А она тебе понадобится, потому что сам знаешь — ее ты все равно никогда не полюбишь так, как меня». Будто для меня сочиняла послание, а не для него! Как чувствовала, что прочитаю. Озвучила главное опасение.

Сообщение пришло ранним утром, Егор еще спал, а я собиралась на работу. Не смогла справиться с искушением и прочла, от Ксюши ведь... И вроде бы чушь она ему прислала, а сделать ничего не могу. Снова рыдала в ванной. А потом давай вспоминать, как он друзьям лгал про меня, что родственница, родителей своих только вот недавно в известность поставил, и непонятно еще, как они ко мне отнесутся.

Заброшенный санаторий никогда ему не прощу. А ужинать после одной неприятной встречи теперь едим в рестораны за городом, где точно нет риска пересечься со знакомыми. Съемная квартира и еда на дом... Ему, мать его, постоянно звонят родственники и друзья, и все просто в шоке от развода! Не ожидали! Они ведь были такой чудесной парой!

Мне нужно от него больше. Едва сдерживаю себя, чтобы не начать себя вести, как истеричка. Каждый день хочу слышать от него признания в любви и видеть ее доказательства, как будто одного его развода мало... Детские страхи и позже приобретенные комплексы обрушились на меня тяжелой лавиной, не получается из-под них выбраться. В итоге мне постоянно кажется, что он любит меня недостаточно сильно. Перманентно на него обижена. Сесть рассудить — так по сути и не за что, но схожу с ума, мучаюсь..

И за маму обидно, как вспомню, как она жалела меня после той унижительной ссоры, когда он указал мне на мое место. И за дядю, который всегда считал, что я достойна лучшего — во многом именно благодаря ему и я сумела сохранить гордость и уверенность в себе.

Егор тоже ведет себя настороженно. Наверное, реагирует на мои вечно надутые губы. Он словно не понимает, что меня тревожит, а я не в состоянии объяснить. Как начинаю мысли в слова складывать, такая чушь получается, стыдно озвучивать умному человеку. Разве можно так сильно любить, причем взаимно, что самой же отравлять отношения ядом? Остается верить, что нас рассудит время.

Недавно с Сашей и Лесей ходили в бассейн, затем приехал Санни, но прошел мимо меня, не поздоровавшись. Посмотрел и отвернулся. Леся его пихнула локтем, он хмыкнул. Леся горячо извинилась и заверила, что поговорит с ним дома — там идет от отца обработка, оказалось, что найти вменяемого сценариста не так-то просто, а Егор успел сделать себе имя — но легче от этого не стало. Решила не жаловаться Егору, не обострять еще сильнее.

Я безумно ревную его к прошлому, к бывшей жене, к его книге. Хочу, чтобы Егор любил меня больше, чем ее. Чтобы он был только моим Математиком.

Вот и сейчас сидит перед ноутбуком, переписывается с кем-то в телефоне, улыбается. Больше месяца прошло, а я все еще веду себя как малолетка. Обижаюсь по малейшему поводу, накручиваю себя. Иду домой вечером и думаю — вдруг сегодня он не придет ночевать? А однажды, когда он позвонил и поставил перед фактом, что останется у родителей, я тут же начала хлюпать носом. Приехал. Что взять с дуры? Его тоже понять можно — долго добивался меня, не знает, чего ожидать теперь. И эта неуверенность ранит меня еще сильнее.

Я запуталась.

— Давай поменяем тебе работу? — говорит он однажды вечером. Дома первый день, как починили отопление, и больше нет надобности укутываться с головы до ног, поэтому я позволяю себе ходить в белье, а Озерский вертится вокруг больше обычного.

— А что такое?

— Не напрягайся только. Ты постоянно будто на взводе, а мне это не нравится. Подумал, вдруг в бюро дело.

— Да как я могу... Это ж дядин бизнес. Предлагаешь бросить его сейчас?

— Нет, не так. Предлагаю просто... не исключать эту возможность. Это не твое место работы, ты там вянешь.

— Как цветочек?

— Ага. Только не реви снова. На нас дочь смотрит, подумает еще, что родители ругаются. А мы просто разговариваем.

Он считает меня идиоткой. Молодец, Вероника, верный курс держишь.

— Пока не представляю, если честно, как это все осуществить. Да и вроде бы втянулась... — начинаю оправдываться. Ни разу не допускала мысли, чтобы попробовать себя еще где-нибудь.

— Может быть, установим какой-то срок? Как насчет года? Доработаешь год в бюро, если так и не привыкнешь, то начнем думать в этом направлении.

— Да я привыкла.

— Это ты своей маме лечи, ага. И подружкам. Но не мне.

— Сядем с тобой, оба безработные, друг другу на шею.

— Прорвемся, не переживай. Зато я вновь плотно занялся озвучкой. Когда бы появилась такая возможность? А ты, возможно, захочешь вернуться к тренировкам желающих подтянуть задницу? Давай встретимся с другими врачами, покажем им твою коленку. Не обязательно сильные нагрузки, но какая-нибудь... йога должна же тебе быть доступной.

— Йога — это не просто пять чередующихся поз, а целая философия. Не уверена, что она — мое.

— Я как пример привел.

В начале второй недели ноября он проводит очередную субботу у родителей. А спустя несколько дней я узнаю, что у них было что-то вроде семейного обеда, на котором присутствовали и Ксюша с Платошей, и Коля с Лесей, и родители Санниковых. Только меня на нем не было. Никто не пригласил.

Леся заходила ко мне в бюро, ругалась, почему я туплю и все еще не очаровала Озерских. Привела в пример этот обед, на котором Ксюше вообще, по ее мнению, делать нечего! А она ведет себя как героиня дня! Вымолила у Озерских прощение за свое поведение — дескать, измены с ее стороны не было, она заверила, что у них с Егором уже давно свободные отношения. Просто попробовали и не получилось. Брак их полностью устраивал как прикрытие, пока Егор не втрескался в другую. И Санников оттаивает, оставляет Дмитрия Вепря на еще один сезон в сериале. Намекает, что, возможно, Егору скоро можно будет вернуться обратно.

Кажется, Санниковы решили сменить гнев на милость, но по моим ощущениям — не к добру это.

Леся не знала, что Егор и словом не обмолвился насчет их сабантуя. А когда узнала, начала его оправдывать, дескать, у него выбора не было, но с другой стороны...

— Лесь, как ты вообще себе представляешь нашу дружбу семьями? Егор, его настоящая жена, его бывшая жена, моя мама, ее родители — все вместе за одним столом?

— Ты пойми такую вещь, Вероника, — шипит на меня Леся. — Эти две семьи дружат два десятка лет. Не просто «привет-привет», они вместе ездят на природу, встречают Новый год, да что там... все праздники! Случился конфликт. Страшный скандал, но его участники постепенно остывают. Как в тот раз, когда дядя Дима поцеловал маму Санни. Случайно! По пьяни они танцевали и чмокнулись. Криков было... ужас! Они люди такие — творческие, у них постоянно что-то происходит.

Мы проболтали около часа, Леся старалась подбодрить меня и научить вести себя правильно, но вместо этого с каждым ее словом я понимала, что не представляю себя частью этой большой сложной семьи.

После работы я прихожу к выводу, что не хочу пока видеть Егора, чтобы не наломать дров. Ясное же дело, Ксюша что-то опять мутит, прикидываясь пай-девочкой, мне следует быть хитрее, а значит — обдумать следующий шаг. Еду к маме в гости, по ее просьбе покупаю печенек к чаю. Кажется, у нас дома гости. Какой-то мужчина... Я в предвкушении увидать непунктуального доктора, просящего у меня руки моей мамы.

Когда мама открывает входную дверь, выглядит крайне смущенной.

Быстрый взгляд на мужские ботинки и радость от того, что моя догадка подтвердилась и доктору все же удалось проломить оборону!

— Привет! — радостно здороваюсь и целую ее в щеки, — так и знала, что ты не одна. Вот смотри, какие сладости привезла. Пойдут? — сама показываю ей большой палец и улыбаюсь — хоть у кого-то все хорошо! Знала, что новый ремонт делаем не зря. Может, изменения в обстановке как-то помогают перестроиться и внутренне? Случайно угадали по фэншую и поставили горшок с цветами на правильную полку?

Увы, как только в коридор выходит мамин гость, я понимаю, что фэншуй здесь не поможет. В этой ситуации никто никогда не поможет. Маме нужен не непунктуальный кардиолог, а психиатр!

— Вероника, дочка, привет! А я как раз приехал, чтобы поговорить о тебе, — говорит отец и улыбается. — Проходи, чаю попьем.

— Мама? — спрашиваю настороженно. И по паузе в ответ догадываюсь, что она в очередной раз простила его. После всего, что он сделал нам. Вернее, не сделал.

— Я все думал и думал о той нашей встрече в клубе... и понял, чего мне не хватало все эти годы. Я очень по вам соскучился, — говорит папа мягко. — Заходи, что ты на пороге стоишь — поговорим. Нам вообще есть что обсудить. Я навел справки о семье Озерских, есть много информации, которую тебе лучше узнать. В опасную игру ты ввязалась, дочка. Они нехорошие люди. Ты знала, как Санниковы душат конкурентов? Почему у нас нет ни одного подобного канала и никогда не будет? Лев Санников не гнушается никакими методами! Но разговор не короткий, заходи скорее.

Мама встревожена, торопливо кивает.

— Вероника, ты проходи. Там... подарков столько привез Паша! — говорит она, бледнея и оправдываясь.

Слова отца меня не пугают, Озерский много чего рассказывал о тесте, но раз он заверил, что меня не обидят, — я ему верю. Трогает другое. Я смотрю на маму, которая еще несколько дней назад выглядела цветущей от ненавязчивых ухаживаний доктора, сейчас же — вновь жалкой и стыдливой. Вижу метаморфозу и отчетливо понимаю, как на самом деле сильно меня обидел совместный семейный обед Санниковых и Озерских за моей спиной. Смотрю на маму, как в зеркало. И от ужаса теряю дар речи.

Этим же вечером мы ругаемся с Егором в пух и прах прямо с порога! Я вываливаю на него все накопившиеся обиды, он что-то несет про своего друга-врага, у которого съехала крыша и который потребовал у Ксюши денег. И Озер, конечно же, вмешался, и якобы не из-за этой суки, а потому, что он не может отказать Санни.

И я, оказывается, вообще должна радоваться, что они с Колей продолжают общаться, во

многим благодаря борьбе с общим недругом!

И тот обед ничего не значит! Более того, Егор вообще не знал, что там будет Ксюша. И что мне вообще давно пора перестать переживать по ее поводу! И его бесит мое отношение и бестолковая ревность! Просто его родители продолжают дружить с родителями Ксюши, и она просто так взяла и приехала, потому что ей очень скучно в декрете.

— Даже так?! — кричу я. — Они дружат от скуки?!

— Ас кем им еще дружить? — рывкает он на меня. — С тобой? Или с твоей мамой?! — понимаю, что довела его, он в бешенстве. Завелся с пол-оборота, словно только и ждал повода. — Так может, ты сделаешь для этого хоть что-то, наступишь себе на горло и все-таки соблаговолишь познакомиться с моей мамой?! — его глаза мечут молнии, не помню, чтобы он когда-то так орал. На меня орал...

От шока и обиды отступаю. Шаг назад. Еще один.

— Я думала, мы договорились, что мы все сходим в ресторан и познакомимся, когда ты официально разведешься, нет?! Это от меня зависит? — не сдаю позиций.

— А что, от меня?! — он кричит еще громче. — От меня, бл*ть, зависит, Вероника?! Ты знаешь, что документы в суде с сентября, я виноват, что развод затянулся на два месяца?! Как мне его ускорить?! Взятку судье сунуть, чтобы меня посадили за это потом?! — орет благим матом. — Вот скажи, что делать? Как тебе угодить?! Я не знаю, клянусь, вообще не осталось идей! Знаешь, я думал, что ты меня любишь. Нифига ты меня не любишь! Потому что когда к человеку есть чувства, его хотя бы пытаешься понять!

— А я не пытаюсь тебя понять?! Ты совсем охренел, Озерский! Ты правда так думаешь?! По-твоему, я мало для тебя делаю?!

— Не мало. Но и не много. На меня столько дерьма свалилось, я стараюсь разгрести все это, чтобы еще тебя не запачкать, но прихожу домой, и тут меня ждут очередные претензии! Ворох беспочвенных упреков!

— Прости, родной, но не представляю наши дальнейшие отношения, если твои родители останутся лучшими друзьями с твоей бывшей женой.

— Да, отец лижет задницу Санникову, я не спорю, но это, Вероника, ра-бо-та. Я ничего не могу с этим поделать! Придется подождать еще. Он пенсионер, пойми ты! Если я могу сейчас реализоваться в другой сфере, то он — уже вряд ли. Куда ему идти? Охранником в супермаркет?! Мне запретить ему дружить с работодателем?

— А вы разве не враги — после того, как Санников открыл на тебя сезон охоты? Я не понимаю вашей странной дружбы! Санниковы играют вами, как хотят, а вы ВСЕ под их дудку пляшете.

— От меня ты что хочешь? — он подходит ко мне вплотную и смотрит в глаза. Так кричал, что вспотел. Напряжен, словно готов к броску в следующую секунду. Мне страшно, что он ударит меня. — Конкретно по пунктам, Вероника, — голос намного тише, но звенит. Обманчивое, жуткое спокойствие, никак не сочетающееся с его учащенным дыханием. — Я что должен сделать? Им условия поставить: или я, или Санниковы? Они дружат двадцать лет, — выплевывает слова, а меня охватывает ужас от близости этого взбешенного мужчины. Кажется, еще секунда, и он толкнет меня. Начиная этот разговор, я и представить не могла,

что у нас с Егором такие сильные проблемы. Подозревала, что плохо, но не столько же!

— Ничего не хочу, — я отступаю назад. — Только не кричи, пожалуйста...

— Нет уж, скажи, — он хватает меня за запястье, пресекая попытку развернуться и уйти. — На меня смотри! — встряхивает. — Говори, че тебе еще надо? Че мне еще сделать? В ноги тебе упасть?! Условия своим поставить?! Давай я разорву отношения с родителями, тебя это возбудит? Каким будет следующее требование, принцесса моя?

— Пусти, мне больно! — слезы брызгают из глаз, бегут широкими дорожками по щекам, черной тушью размазываются по тыльной стороне свободной ладони, которой вытираю лицо. — Если тебе трудно даются наши отношения, то, может, не стоит мучиться?

Он с психом отпускает мою руку, делает круг по комнате, его трясет.

— Че — все, в кусты?! — гремит он. — Сдулась?!

— Я ненавижу твою жену, — признаюсь честно. — Мне снится, как бью ее. Кулаками бью, в волосы вцепляюсь и кусаю изо всех сил! — это правда. — И не хочу слышать больше не единого упоминания об этой суке. Если ты не сможешь этого устроить, то вот такие ссоры у нас будут каждый день!

— Писец! — опускает руки. — Так, я пойду пройду, Вероника, — говорит мне. — Иначе мы договоримся до еще большей фигни. Хотя я даже представить не могу, бывает ли... хуже! — он старательно подбирает литературные слова.

Накидывает куртку на плечи, хватая с тумбочки ключи от машины и вылетает из квартиры, оставляя нас с Галкой вдвоем.

Остатки здравого смысла удерживают меня от того, чтобы вместе с черепахой уйти к себе немедленно. Во-первых, я не хочу превратить наши отношения в «догонялки», а во-вторых, не уверена, что он станет меня возвращать. Уж точно — с плакатиками покончено раз и навсегда. А что тогда делать? Самой рисовать «люблю», а позже — шлепать обратно?

От нервов не могу уснуть допоздна, поэтому навожу уборку, а потом разогреваюсь под душем и занимаюсь растяжкой. Около четырех утра нахожу бутылку вина в холодильнике. Пробка сидит крепко, но кое-как удается ее откупорить, и я выпиваю залпом целый бокал. Засыпаю около шести на неразобранной кровати, уставшая, зареванная и пьяная, понятия не имея, где он провел ночь и с кем.

Утром мама пишет, чтобы я не сердилась на нее и не переживала, потому что это ее жизнь и ее решения. А мне так стыдно... Боже, как же мне снова стыдно за нее!словно я опять в детстве, когда меня дразнили с подачи Стаса. «Твоя мать шлюха! И сама ты такая же!» Я тогда не понимала, зачем она его прощает, не понимаю и сейчас.

А сама что же делаю? Что делаю, божечки мои! Кого я обманываю, он никогда не будет только моим. Всю жизнь мне придется делить его с этой тварью, я ведь читала «Ягненочка». Книгу его жизни. Он ею болеет и никогда не вылечится.

Егор на звонки не отвечает, после работы я по-прежнему понятия не имею, дома ли он и придет ли вообще... Мне очень хочется поговорить с ним, хотя и осознаю, что в этот раз все зашло слишком далеко и одним минетом не отделаться. Ему и вправду несладко, а тут еще я — вместо того, чтобы поддерживать его, ставлю условия, которые он не в состоянии выполнить. А

я не могу не ставить. Я не счастлива, когда он каждый выходной проводит с женой, которая, мать ее, никак не может стать бывшей!

Набираюсь смелости и звоню его маме, предлагаю встретиться, выпить кофе вместе.

Мое бедное, истерзанное сердце колотится в груди, когда захожу в кафе, которое выбрала будущая, я все еще на это надеюсь, свекровь. Некоторое время жду за столиком, настроившись как следует изучить меню и обстановку, но Мария Петровна практически не опаздывает. Довольно быстро находит меня глазами и кивает.

Первая мысль при взгляде на нее — красивая женщина, которая совсем не похожа на бабушку. Возможно, регулярно пользуется услугами косметолога, но есть в ней какая-то... именно возрастная красота. Стрижка каре, идеально уложенные волосы, закрытая одежда по фигуре, говорящая о вкусе и чувстве стиля. Крупные драгоценности, в которых я совсем не разбираюсь, но судя по всему — не стекляшки с рынка. Робею еще сильнее, замечая ее слегка поджатые в недовольстве губы, а улыбка, которой она меня одаривает — более чем натянутая.

Тем не менее, Мария Петровна находит в себе силы предельно вежливо поздороваться и заверить, что она безумно рада долгожданному знакомству. Хотя ни на секунду я не сомневаюсь, что она лжет.

Около двадцати минут мы обсуждаем сериал, за который получил награду Егор. Оказывается, о работе сына Мария Петровна может говорить бесконечно долго. Она даже раскрывает пару секретов: какие ситуации в каких сериях Егор позаимствовал из реальной жизни. Я смотрю ей в глаза и понимаю, на кого, оказывается, похож Математик. У него ее глаза — умные и внимательные. Совсем не злые. Именно благодаря глазам хочется довериться этим людям, несмотря на холодный общий образ Озерской и развязный-разгульный — ее сына. Она гордится своим ребенком, и постепенно я начинаю чувствовать себя как на экзамене.

Понятия не имею, как себя вести, чтобы понравиться. Да и вообще эта спонтанная встреча была не слишком хорошей идеей. Просто, проснувшись сегодня утром, я вдруг испугалась, что из-за неприязни к родному отцу собственными руками оттолкну от себя Егора. Я не могла бездействовать.

Решаю быть честной.

— Извините за эту внезапную встречу. Вернее за то, что так долго не могла на нее решиться. Я очень хотела с вами познакомиться, но до смерти боялась вам... не понравиться. В сравнении с... Ксюшей, — с которой вы дружите не смотря ни на что. — Мне хотелось сделать все правильно. Я думала, что Егор быстро разведется, и все получится хорошо. Но развод затянулся, мы начали ссориться. А этой ночью он вообще не ночевал дома, и я в панике... где он может быть.

По ее бровям, на мгновение взметнувшимся вверх, я понимаю, что он провел ночь не у родителей. В груди образовывается дыра, мне становится холодно, а в следующее мгновение — жарко. Зачем-то я снова извиняюсь и мечтаю оказаться где угодно, только не здесь перед этой женщиной. Он поехал не к родителям. Его маме не нравится, что из-за меня ее сын ночует непонятно где.

Мария Петровна промокнула губы салфеткой и нахмурилась.

— Вероника, дорогая моя девочка, тебе абсолютно точно не стоит переживать из-за того, что

кто-то начнет сравнивать тебя с Ксюшей. Я, конечно, люблю эту дуреху как родную, она выросла на моих глазах. Несколько раз с серьезными проблемами обращалась именно ко мне, а не к родной матери... Я прекрасно понимаю, на что она способна, хотя интрига с отцовством Платона — перебор даже для нее. До сих пор не понимаю, зачем они с Егором так сделали... Впрочем, сейчас это не важно. Вероника, подумай сама, Ксенька — не первая и не последняя любовь в жизни моего сына. Мне, по-твоему, больше делать нечего, кроме как сравнивать между собой его женщин?

Чувствую, как густо краснею. Она продолжает:

— Спасибо тебе за откровенность, тогда, в свою очередь, я тоже позволю себе немного честности. Я прекрасно знаю своего сына, и понимаю, что с ним непросто. Как и с его отцом. Они оба довольно эмоциональны, вспыльчивы, хоть Егор и утверждает, что неподвластен моментам. Еще как подвластен... Но в то же время они отходчивы и добры. К ним нужно привыкнуть. У меня получилось. И я жду, что у избранницы моего сына это тоже получится, — она говорит спокойно, но при этом абсолютно серьезна. Ни малейшей улыбки. — Самое главное для меня — это видеть его счастливым. Вот передо мной сидишь ты, которую я вижу второй раз в жизни, утром мы гуляли в парке вместе с Ксюшей, ее мамой и Платошей. А за окном еще тысячи Саш, Глаш и прочих женщин, которыми мог бы увлечься мой сын, и я приму одинаково тепло любую, кого бы он ни привел в дом.

Я коротко киваю, ловя каждое слово. Понимая, как глупа по сравнению с этой женщиной. И как много ошибок наделала.

— Так что, Вероника, в этом плане тебе бояться совершенно нечего. С Ксюшей я общаюсь только потому, что мы действительно давно дружим. Она своеобразная девочка. Вообще не умеет чувствовать себя виноватой. Всегда такой была. Нетривиальный ум, гиперактивность. Может быть, ты знаешь, что у нее дислексия? Но фантастическая память. В начальных классах она училась, не считая чистописания, на круглые пятерки, несмотря на то, что половину уроков просидела под партой или бегала по классу. Валялась, кричала, танцевала... Учительница нашла к ней подход, благодаря чему обучение в принципе стало возможным. Я знаю о ней много постыдных вещей, о которых не в курсе даже Егор. После того, как подтвердился факт измены моему сыну, буквально через несколько дней она не постыдилась заявиться в гости и броситься в ноги, умоляя себя простить, а не казнить. А потом каким-то чудом уговорила отца не увольнять Диму до конца сезона, что, безусловно, нам сильно поможет, потому что съемки только стартовали и Дима полгода к ним усердно готовился, вживался в роль, — легкая усмешка коснулась ее губ и тут же пропала. Я улыбнулась в ответ. Оказывается, все это время сидела, заламывая пальцы, и исцарапала себе ладонь. Они с ней общаются только ради денег? Безусловно хорошая новость.

— Спасибо вам, — решаю, что стоит поблагодарить за откровенность.

— За что? — искренне удивляется она. — Совершенно не за что. Я хочу, чтобы Егора любили и о нем заботились. Я не видела, чтобы Ксюша когда-то хоть что-то для него делала, и мне это не нравилось, но я никогда не вмешивалась. Это его выбор, парню скоро тридцать, я давно не имею на него ни малейшего влияния. Но я так же не вижу, чтобы он рвался домой к тебе, да и вообще чтобы улыбался в последнее время, — завершает она мысль спокойным тоном, будто ее слова касались погоды, а не убили меня меткой пулей.

Он со мной не счастлив и его мама знает об этом.

Нам приносят салаты, и Мария Петровна принимается за ужин. Далее обсуждаем только

принесенные блюда, их составы, и единственное, о чем я мечтаю — не разрыдаться. Мария Петровна была предельно корректна и вежлива, но говорила абсолютно равнодушно. Как с посторонним человеком. Либо я не произвела на нее никакого впечатления, либо подытожила — плохое. Я совершила все мыслимые ошибки, которые только могла. Следуя маминим советам, я все испортила. Смогла увести его из семьи, но не в состоянии сделать счастливым и убедить его родных, что достойна их общей жертвы.

В конце Мария Петровна довольно сухо прощается и просит написать, как Егор появится, потому что ей тревожно: у него какие-то проблемы со слетевшим с катушек бывшим другом, а ныне — заклятым врагом Ильей, тот вляпался в большие долги из-за наркотиков, и дилеры требуют с него денег, которые тот пытается добыть всеми возможными способами, в том числе от Егора и Ксюши, которая ему за что-то якобы должна.

И которую Озер, видимо, снова защищает.

Весь вечер провожу у дяди, который просто в бешенстве от того, что мама в очередной раз связалась с отцом. Рвет и мечет! Угрожает лишить ее наследства. Обзывает козой и безвольной коровой. Я всегда думала, что отец запудрил маме мозги, из-за него она не закончила университет и прожила жизнь без настоящей семьи и счастья, но теперь понимаю, что она... сама во всем виновата. Ей нравится такая жизнь. Не зря же она снова и снова ее выбирает.

Дядя спрашивает, почему я больше не приезжаю с Егором, он по нему соскучился и рад был бы поболтать. Язык у моего парня отлично подвешен, и интересная беседа была бы очень кстати, потому что дядя просто умирает от скуки. Приходится признаться, что мы немного поссорились.

Не знаю куда идти — к нему, к себе? Минут десять сижу в машине во дворе, потому что за весь день так и не смогла определиться с маршрутом.

Обнимет ли он меня, когда увидит? Он так орал, в таком бешенстве находился, что мне попросту... страшно.

Выхожу из машины, по привычке бросаю взгляд на его балкон — Егор стоит там, курит. Хотя бы дома. Не где-то... Живой, здоровый.

Интересно, наломал ли дров за эту ночь? Почему-то кажется, я сразу увижу по его глазам. Зачем вообще я об этом думаю? Какие между нами отношения, если я допускаю, что, поссорившись, он побежит налево?

Быть на месте любовницы — ужасно, но в роли обманутой жены — еще хуже. Делаю мах рукой, он отвечает на приветствие. Жестом зовет подниматься.

Спешу.

Пишу смс, что забегу за вещами и приду. Отвечает коротко: «ок».

Несмотря на пробрасывающий снежок, я решаюсь пойти ва-банк. Надеваю кружевное белье, чулки и платье. Достаяю из антресоли давно забытые туфли на шпильке. Он увидит меня в этих туфлях и все поймет. Знает ведь, чего мне стоит ходить на каблуках и как я мечтала продефилировать перед ним королевской походкой от бедра, а не в обычных плоских, как блин, ботильонах.

Думала, добегу быстро — в обычной обуви четыре минуты тратила на путь до его подъезда, но

не тут-то было. В модельной обуви, оказывается, совершенно разучилась передвигаться. Пока доковыляла до лифта, прокляла все на свете. Тем не менее, уверенно жму на кнопку нужного этажа.

Ноги успели замерзнуть, пока их обладательница, в скобках — дура, поздней осенью рассекала в открытой обуви и одних, можно считать, труселях в сеточку.

Дверь открыта.

Он меня встречает, но смотрит подозрительно. Руки на груди скрестил.

Где ты ночевал? С кем, милый?

Сердце сейчас вырвется из груди.

Его мама сказала, что он со мной не счастлив.

У нее нет ни единой причины полюбить меня.

Моя нижняя губа дрожит.

Все, что я умею — это трахаться. И даже мой внешний вид говорит сейчас об этом. Я глупая. Слишком глупая для него.

Он оценивает меня взглядом, хмурится. А я ожидала другой реакции. Должен ведь понять, как много для меня значит этот образ. Идеальный для свидания с Математиком моей мечты.

— Поговорим? — спрашиваю.

— Давай, — отвечает спокойно. Он то поджимает губы и опускает глаза, словно чувствует себя виноватым, то хмурится, будто лучшая защита — нападение и он готов к атаке. Не может определиться с тактикой, зорко следит за моими действиями. — Мама говорила, вы встречались?

— Да-а, — зачем-то протянула нараспев. — Не нужно было?

Он пожимает плечами.

— Я просто не понимаю тебя. Проходи, пожалуйста, что ты стоишь в дверях. Красиво выглядишь.

— Спасибо.

Делаю шаг, но как-то неуклюже, колено подводит — стреляет спицей боли, едва не падаю. Он ловит за руку. Отличный момент обняться, но он не притягивает меня к себе. Вместо этого ведет в комнату, где мы присаживаемся на заправленную мною утром кровать.

— Как-то у нас не получается, — говорю, опустив глаза.

Он выдыхает громче обычного, но держит себя руках. Произносит спокойно:

— Я ни за что не поверю, что ты до сих пор сердисься на меня из-за той старой ссоры. Посмотри на меня, — я не слушаюсь. Он говорит таким тоном, будто между нами все кончено.

Мои глаза округлены от ужаса, пальцы до боли впиваются в покрывало. — На меня посмотри, — силой поднимает мой подбородок. Во рту пересохло, я облизываю губы. — Извини, что наорал на тебя, это было лишнее. Я много на тебя ору. Но ты же взрослый человек, сделай для себя какие-то выводы. Видишь, что я бешусь — не провоцируй. Дай время остыть.

— И ты меня извини, за то, что заставляю выбирать между мной и родителями. Это нечестно.

— Дело не в том, что ты заставляешь меня выбирать. Я вижу, что раздражаю тебя. Что бы ни делал, как ни поступал — все мимо. Раньше ты часто смеялась, теперь ты вообще не смеешься. Я могу сделать только один вывод — ты со мной несчастна.

— Это не так.

— А как?

— Просто навалилось все. Еще и мама снова вернулась к отцу...

— Я тебе тысячу раз повторял, что я — не твой отец. Я абсолютно другой человек. Это будет всю жизнь продолжаться? Меня за “ал о, Вероника, — он хоть и выражается, но полностью спокоен, не повышает голоса. — Прости, пожалуйста, за русский. Но точнее слова ни в одном языке еще не подобрали.

— Это оказалось сложнее, чем я себе представляла.

— Бредятина, — обрубают. Я вскидываю на него глаза, он жадно всматривается в мое лицо. Обхватывает его ладонью и проводит большим пальцем по губам: — Такая красивая. Вообще без изъянов. Любуюсь на тебя, любуюсь... Вот скажи мне, Вероничка, почему с тобой можно или дружить, или трахаться? Почему не получается и то, и другое одновременно?

— А какие у тебя идеи? — пищу.

— У меня идея только одна. Раньше ты не знала, что я бесплоден, сейчас в курсе. Ты маешься, да? Беспокоишься по этому поводу? — он говорит спокойно, но взгляд мечется по моему лицу.

Я мешкаю всего лишь на одну секунду, а он уже отворачивается.

— Нет, Егор, клянусь, не в этом дело.

— Я не хочу угрожать тебе или... какие-то претензии предъявлять, просто... — он задумывается на мгновение, — наверное, я слишком сильно этого боялся, вот и сбывается.

— Я об этом даже не думала. Наоборот, все это время мне кажется, что все твое окружение пытается тебя образумить и помирить с женой. А ты сам начинаешь сомневаться, что в моей голове совершенно не укладывается после ее отношения к тебе!

Он хмурится, словно вообще не понимает, что за фигню я несусь:

— При чем тут Ксюша? Вероника, ты с ума сходишь, да? Я ушел от нее. Я всем объявил, что живу с тобой.

— Я тебя люблю.

— Я очень устал, если честно, от непрерывных выяснений отношений, от проблем с друзьями и на работе. Кстати, вчера мне написала Регина, ей жаль, но «Ягнечка» сбрили. Попробуем в

следующем году. Она, правда, хочет подсунуть текст еще одному режиссеру, но там вообще три шанса из сотни, он не любит иностранцев и общается с писателями исключительно лично. У меня обломы по всем направлениям.

Кладу ладонь на его спину, осторожно поглаживаю. Не сбрасывает, но напрягает плечи, будто в ожидании удара. Со спины. От меня. Продолжает:

— Не знаю, Веро. Не осталось сил гадать, как удивить тебя или порадовать. У меня сейчас самооценка на нуле. Ни денег, ни работы, зато в наличии бесплодие, которое никуда не денется.

— Перестань уже говорить на эту тему.

— А ты поклянись, что ни разу за все время об этом не думала. Поклянешься здоровьем матери? — слегка насмешливо.

— Вот дурак.

— Вот именно. Тебе любой психолог скажет, что все мои психи от неуверенности на этой почве. Я сам это понимаю. Борюсь, но с переменным успехом. Надо курить, — он достает сигарету и зажигает ее прям в комнате. Затягивается.

Несколько минут мы сидим молча. Он смотрит в пол, я — на его профиль, сильную шею, твердые руки. Замечаю, что костяшки пальцев покрасневшие, как после драки. Беру его ладонь, рассматриваю:

— Что-то случилось?

— Спарринг с Санни.

— Лжешь. У тебя есть проблемы посерьезнее, да? Не хочешь поделиться?

— Хозяева продают эту квартиру, — нарушает он молчание после очередной затяжки. — Дали неделю, чтобы съехать. Я уже сказал родителям, что поживу некоторое время у них, — он прочищает горло. Я вздрагиваю всем телом. Он переезжает не ко мне, а к ним. Хотя ко мне ближе. И правильнее.

— Мы расстаемся?

— Сама мне скажи.

— А как иначе-то? От вас Ксюша не вылезит! Если ты съезжаешь к своим, это значит, что вы снова будете постоянно видеться. Я... я просто не понимаю, почему нельзя сказать, чтобы она больше не приезжала?

— Стоп, — от его тона замолкаю мгновенно. — Мы сделаем следующее. То, что происходит между нами сейчас — фигня полная, согласна? Посмотри на меня. На меня смотри! Молодец. Теперь слушай. Мы с тобой не будем торопиться. Мне нужно решить много проблем и окончательно развестись. После этого мы с тобой начнем сначала. Потому что вот так — не выходит, согласен, — я отрицательно качаю головой, но он продолжает: — Я вижу, для тебя это слишком сложно. И я пытаюсь тебя понять, честное слово. Ты была права, из семьи уйти чертовски трудно, и по времени — долго. По крайней мере, быстро у меня не получается. Подожди меня. Я закончу дела и приеду за тобой. Я все разрулю, в том числе и с Ксюшей. И

тебе больше не придется переживать о чем-либо.

— У нее опять неприятности?

— Да. И не только у нее. Там действительно серьезные проблемы, Вероника, мы даже подключили полицию.

— Это из-за денег, что она должна Тренеру? Почему бы ей просто их не отдать? Зачем тебе вмешиваться? Ты теперь живешь со мной, с какой стати снова помогаешь ей?

Он тихо выругался.

— Опять двадцать пять! Я не помогаю ей. На данный момент я не могу сказать тебе больше. Нужно подождать.

— Почему?

— Потому что если ты узнаешь, то мы точно поругаемся.

— В таком случае я тебя не отпускаю, — говорю с железной уверенностью.

— Вероника. А я твоего мнения не спрашиваю, — он склоняет голову набок.

— А если я твоего не буду? — прищуриваюсь. А потом меня охватывает паника: — Егор, а как же я?! Я так не могу. Теперь у тебя с Санниковыми общие от меня секреты. Я снова будто... без места в твоей жизни. У меня вообще когда-нибудь оно появится? Законное?

— Иногда мне кажется, что тебя интересует только статус. Ты хочешь замуж в принципе или конкретно за меня? Это разные вещи.

— Так не должно быть. Егор, пойми, закончится эта история, начнется следующая... Ксюша — магнит для приключений. Да, она необычная и яркая настолько, что вдохновила тебя на шедевр, но... Пожалуйста, я тебя умоляю, в этот раз выбери меня! В последние дни, признаю, я вела себя несправедливо по отношению к тебе. Но это изменится. Я осознала ошибки! Клянусь тебе, больше ты никогда не увидишь недовольную жизнью Веронику! Родной, ты должен хотя бы в этот раз выбрать меня.

Мы смотрим друг другу в глаза. Его сотовый вибрирует. Егор бросает короткий взгляд на экран, сбрасывает входящий вызов и поднимается. Я тоже встаю, смотрю на него снизу вверх.

— Это снова ультиматум? — говорит с невеселой усмешкой.

— Понимай как знаешь. Если ты еще хоть раз сделаешь для нее хотя бы что-то, мы расстанемся.

Он наклоняется, проводит руками по моему телу, обнимает. Быстро клюет в щеку, и шепчет на ухо: «Я вернусь к тебе, как закончу дела. Не делай глупостей. Я очень тебя люблю. Только тебя. В моем отношении к тебе ничего не изменится».

Он уходит.

С балкона наблюдаю за тем, как он садится в машину к Санни, который увозит моего Егора, снова выбравшего их семью. А не ту, что мы хотели создать вместе.

Отчего-то я уверена, что он сам решил отказаться от этой съемной квартиры, слишком уж удачное совпадение с продажей. Он принял решение. Не в мою пользу. После того, как эта женщина его ни во что не ставила, унижала перед друзьями, едва не уничтожила, он снова летит за нее заступаться! Паранойя, безумие. Зависимость, с которой невозможно бороться.

Сажусь на пол у Галкиного аквариума и закрываю лицо руками. Моя мама в очередной раз по первому зову побежала за отцом, и я, получается, сделаю так же? Папа ведь подобную лапшу на уши вешал: «Я вернусь, скоро все изменится...». Все восемнадцать лет вешал, пока не ушел окончательно.

Озерский скоро вернется. Ну разумеется, вернется, даже не сомневаюсь. Когда исполнит все Ксюшины требования, когда снова спасет задницу этой гребаной суки, у которой по-прежнему официально на него больше прав, чем у меня! И я снова его прощу и буду рядом.

Пока его законной жене вновь не понадобится помощь.

Развод может затянуться на год и больше. Всегда найдутся причины — в виде друзей детства, родителей, карьеры — видеться с этой гиперактивной женщиной. А она, не сомневаюсь, превзойдет себя, сделает все, чтобы превратить наши с ней жизни в вечную борьбу за его внимание. И если ей подобные сражения даются легко, как развлечение, то из меня жизненную силу высасывают без остатка.

Мне так больно, что сдержать в груди это просто невозможно. И я не знаю, кому позвонить. Лежу на полу и загибаюсь от ужаса, понимая, что происходит. Там замешана полиция, деньги... Боже, возможно, он поехал рисковать жизнью из-за нее. И ему плевать, что я тут лежу и умираю от страха за него. О моих чувствах он не подумал. Только я, в отличие от своей мамы, даже ребеночка себе родить не смогу. В моей жизни не будет отрады в виде малыша от любимого мужчины, которому можно подарить всю нерастраченную любовь. Егор будет уходить ее спасать, а я каждый раз вот так лежать на полу и ждать.

И даже ребеночка не будет.

Конечно, у него всегда найдутся причины. Он ответственный.

Всегда будут причины.

Я ведь читала его «Ягненочка», ради этой женщины он готов на все. Это не любовь, это болезнь. А с болезнью никому не справиться.

Позвонить некому. В голове навязчивое желание — отправиться в бюро, лечь в гроб и умереть. Знаю, что скажет мама. При мысли о дяде становится нестерпимо стыдно, ведь несмотря на все его старания, я веду себя как тряпка. Сажу весь вечер и жду его. Вдруг вернется? Передумает? Сажу и жду. А он не едет. Он занят.

Набрать Сашу? Лесю? Выбираю из списка последнее имя:

— Что случилось опять с этой тварью? — выдаю вместо приветствия.

— Минуту, — говорит она. Шаги, пауза, какой-то шорох, стук закрывающейся двери: — Привет, — шепотом. — Прости, что тихо, тут вся семья в сборе. Короче, Ксюха вляпалась по самое не могу. У нее были какие-то дела с Ильей, помнишь, Саша рассказывала? Она хотела с его помощью рассорить вас с Егором или еще что-то... В общем, она посчитала, раз вы не расстались, значит, ничего ему не должна. А он думает иначе. Он задолжал огромную сумму за

героин, его избили до полусмерти, а долги возвращать надо. Ей уже угрожали. Сумма там космическая.

— О Боже. И что, у ее папаши нет денег?

— Если честно, я не в курсе, что они там думают. Все разговоры — за закрытой дверью. Девочек не посвящают. Подожди, попробую ночью расспросить Санни. Ну или, уверена, Егор сам тебя наберет чуть позже. Они с Санни в бешенстве просто. Если совсем честно — я пока просто боюсь их трогать.

Весь день на работе чувствую себя полупокойницей. И самое страшное в ситуации — понимание, что эта нервотрепка не закончится никогда.

Написала Егору, спросила, как дела. Он не ответил. От страха за него и перед всей ситуацией прихожу к выводу, что медленно схожу с ума. Вечером первым делом еду в его квартиру — оказывается, он успел забрать вещи, даже черепаху. А вот пару бутылок крепкого алкоголя в холодильнике — оставил.

Возвращаюсь к себе и сижу одна-одинешенька весь вечер, пытаюсь звонить то Лесе, то самому Егору — первая недоступна, второй — не отвечает.

Пью виски из его бара и начинаю катать ему гневные сообщения.

Плачу и пью, снова плачу, снова пью. И ничего, совершенно ничего не могу поделать. Вдруг он в беде? На душе тревожно. Эта ненормальная могла вляпаться куда угодно и потянуть его следом. Мне даже и спросить-то больше не у кого. Безызвестность мучительна. Едва попадая по кнопкам, пишу в директе «Инстаграма» Ксюше вопрос: не знает ли она, где Озер?

«Конечно, знаю. Он дома. Что-то передать?», — и присылает фотографию, где Егор в той же одежде, что был вчера днем, курит на кухне в квартире, которую обещал ей оставить.

Интересно, Галку он тоже к Ксюше привез?

Когда я понимаю, что плакать больше нечем, при этом воды не хочется, а виски закончился, пишу парню, с которым когда-то изменила Генке по просьбе последнего же. Он отвечает незамедлительно.

«Между нами все кончено. Я так не могу. Это вынести невозможно», — отправляю Егору. Доставлено, прочитано, но снова без ответа. Целый час без ответа.

Видимо, он считает, что всегда сможет появиться и вернуть меня. И, видит Бог, так оно и есть. Практика показала, что я буду прощать его снова и снова.

Кажется, я напилась до такой степени, что едва стою на ногах. Пошатываясь, выхожу из подъезда навстречу ожидающему такси. На данный момент мне известен только один способ, как навсегда отвадить от себя этого до одури ревнивого озлобленного идеалиста. Всего лишь один способ.

Часть V. Отрывок 5.5

Уборка квартиры крайне благоприятно влияет на настроение, а также помогает навести порядок в голове, как бы странно это ни звучало. Перебираешь вещи на самых верхних полках шкафов, вытираешь пыль там, куда обычно руки не дотягиваются, да и просто не доходят.

Натираешь до блеска кухню, плитуса, зеркала, любовно проводишь специальными влажными салфетками по экрану телевизора и монитору ноутбука.

Играет громкая быстрая музыка, я пританцовываю, радуясь тому, что наконец-то нашла время отгенералить свою квартирку, которая кажется крошечной и тесной в любой другой ситуации, кроме как когда дело касается уборки. Несколько часов вкалываю не покладая рук, а работы меньше не становится.

Мои мысли полностью занимают бокалы из сервиза, когда раздается звонок в дверь. Никого не жду, поэтому открываю в том виде, в котором есть — спортивные шорты, майка и косынка на голове.

На пороге — Мария Петровна. Вот так сюрприз.

— Простите, я... сейчас музыку выключу. Одну секунду! — несусь к телевизору, на полпути понимая, что не пригласила ее зайти. Неужели все это время она так и стоит на лестничной площадке? Перед этой женщиной я так сильно волнуюсь, что совершаю ошибку за ошибкой.

Мне повезло, потому что Мария Петровна не из робкого десятка, и когда я, выключив звук, возвращаюсь к гостье, она уже не просто зашла в квартиру, закрыв за собой входную дверь, а разулась и замерла в дверном проеме в комнату.

— У меня тут уборка, — объясняю беспорядок, тазик с водой на столе, в котором замочен хрусталь, ведро с половой тряпкой недалеко. Развешенные по дверям сохнущие шторы...

— Вижу, это очень хорошо. Сама люблю чистоту. И этот неповторимый запах только что отдраенной квартиры, м-м-м! Помочь?

— Нет, спасибо. В смысле... неудобно как-то. Может, лучше чаю? Или кофе?

— Да ладно, мне совсем не трудно, — она поспешно снимает пальто, кардиган и, закатав рукава на блузке, подходит к гладильной доске. — Не против?

— Это немного странно.

— Мне проще разговаривать, когда руки чем-то заняты, — приветливо улыбается мне. Она включает утюг в розетку и складывает пододеяльник вдвое.

Далее тишину в квартире нарушает только звон бокалов, которые я натираю с удвоенным усердием, и шуршание утюга по постельному белью.

— Как у вас дела? — наконец спрашиваю. Прошло чуть больше недели с тех пор, как Егор пропал без вести, спасая жену.

Мария Петровна ставит утюг на доску, смотрит на меня:

— Кажется, в прошлый раз я говорила с тобой чересчур прохладно. Мне немного не по себе после того разговора. Мои давние друзья не обращают внимания на мою сдержанность, понимая, что она ничего не значит. Но ты ведь человек пока... новенький. И я решила приехать и пояснить некоторые моменты.

— Может быть, Егор не говорил, но... мы расстались.

— Нет, не говорил. Наоборот, предупредил, чтобы не вздумали как-то расстроить тебя. Вероника, он, наконец, развелся вчера, показывал бумагу. Ты не обижайся, если не написал тебе первой, на самом деле, он очень переживает из-за вашей ссоры. Просто старается на этот раз сделать все правильно. Он много о тебе рассказывает.

— Что же не пишет?

— В последние недели его Санниковы просто затерроризировали! Да еще подкосила кома товарища. Бывшего товарища, они разругались и даже возненавидели друг друга. Но все равно ведь... когда-то были не чужими людьми. Егор тяжело привязывается к людям, но уже если привязался...

«Так просто не отвязать», — добавляю мысленно. Но у меня получилось. Я обрубил канаты. Вместо этого переспрашиваю:

— Тренер впал в кому?

— Да. По мне — так всем только спокойнее стало, парня уже не спасти, а... он тянет за собой остальных. Жаль, конечно. Помню его совсем еще дитем, часто приходили к нам с Колькой на вафли и булочки после тренировок.

— Мне тоже жаль.

— Егор вчера напился просто «в хлам», — закатывает глаза и улыбается.

Она сказала «в хлам». Я думала, Мария Петровна не в курсе, что бывают такие слова.

— Да, с Димой распили на двоих целую бутылку водки. Я, конечно, не в восторге, но много всего случилось. Егор терпеть не может просить прощения и оправдываться, он всегда таким был — упертым. Думаю, мне стоит об этом сказать. Ты на него не сердись из-за того, что он в очередной раз помог Санниковым. Егор дал понять, что тебя это обижает. Он больше не будет. Видимо, поэтому и не пишет. Ждет, когда можно будет поставить последнюю точку. Просто... ситуация на самом деле развернулась аховая. У Ксюши случился срыв, упало давление, вызывали скорую. Этот дилер... по наводке Ильи заявился к ней домой, ударил и даже угрожал Платоше! Вырвал мальчика у нее из рук и вытащил в подъезд.

— Господи, — судя по всему, Ксюша доигралась до угрозы жизни ребенку.

— Уже все в порядке, полиция разобралась. Коля, конечно же, не мог не впутать Егора! — в ее голосе скользнуло сильное негодование, она возмущенно всплеснула руками. — Вижу, ты тоже ничего не знала. Дима уже поговорил на эту тему с сыном. Дружба, конечно, это хорошо, но всему есть границы. Надеюсь, Коля сам понял в итоге, что не имел права требовать от Егора помощи после всего, что его семья с нами сделала.

— Ксюше сильно досталось?

— Она до сих пор в шоковом состоянии и постоянно плачет. Хочется верить, что этот урок девушка усвоит на всю жизнь. Теперь она отвечает не только за себя, но и за сына. А у любых поступков есть цена. Леся поделилась по секрету, — понизила голос, — что Ксюша, оказывается, даже встречалась с Ильей Егору назло, — пораженно качает головой, — причем зная, что тот наркоман! Для меня это было просто... последней каплей. Я очень редко скандалю, но уж если меня разозлить... В общем, может, не стоило, но я запретила Ксюше когда бы то ни было появляться на пороге своего дома. С ее матерью мы так же крупно

повздорили. Потом, пожалела, конечно, что не сдержалась.

— Мне кажется, вы поступили правильно.

— Спасибо. Дима, увы, иного мнения. Ничего не хочу сказать плохого, но, будем верить, что случившееся Ксюшу здорово осадит. Чем больше я узнаю о ней, тем страшнее мне становится. Она была такой перспективной и талантливой девочкой! Очень доброй и смелой. Я знаю, почему когда-то давно Егор влюбился в нее. В то время в Ксюшу было просто невозможно не влюбиться. Но затем... она выбрала явно не тот путь. И хорошо, что мой сын идет другой дорогой, — заканчивает она довольно категорично. Ох. Это вы еще не видели Егора в то время, как мы познакомились. А жаль. Еще очень жаль, что я не рассказала вам сразу. Думала, вы знаете. — Егор, кстати, — она вдруг добродушно улыбнулась, — в курсе, что лучше со мной не ссориться, десять раз напомнил, чтобы не вздумала тебя пугать. Но я ведь тебя не напугала?

— Нет, разумеется. Вы мне очень понравились. А этого человека... дилера, поймали?

— Да! — с энтузиазмом. — Причем очень удачно, взяли на продаже, теперь ему светит до двадцати лет, такое облегчение! И нескольким его сообщникам, кстати. Слава Богу, — перекрестилась она. Я поражено молчу, гадая, если в этом заслуга Егора? И если да, то какова величина его роли? Она тоже задумывается, а затем ее взгляд падает на монитор ноутбука, у которого на заставке я — на фоне заброшенного санатория. — О, ты тоже отдыхала в «Солнечном крае»? — почему-то она сильно радуется.

— Мы... летом с Егором ездили. А вы знаете это место?

— Надо же, с Егором ездили. Как здорово! Конечно, знаю, этот санаторий принадлежит моему троюродному брату, мы туда все Егоркино детство катались. Каждый сезон занимали номер на два-три месяца. Раньше за границу как-то не принято было. И Дима к нам всегда прилетал, срывался со съемок минимум на неделю. Замечательное было время! Раньше мы так бедно жили, сейчас даже не верится. Диме в театре платили копейки, он работал как проклятый. Очень редко удавалось даже просто побыть где-то всей семьей. Вчетвером. И «Солнечный край» долгое время был единственным местом, где можно было расслабиться и ни о чем не переживать! Егор, конечно, сентиментальный, столько лет прошло, а он все туда же возвращается. Хотя может позволить себе отдых поприличнее. Кстати, к прошлому сезону как раз ремонт должны были закончить. Ты обратила внимание? Симпатично получилось? Пять лет назад мне казалось, что еще немного — и здания просто развалятся от ветхости!

Я сажусь на пол и закрываю лицо руками.

Знаю, почему он не написал мне о разводе. Потому что для меня слишком поздно.

Чем активнее Август Рихардович убеждает меня продать похоронку именно ему, тем меньше мне хочется это сделать. А поначалу ведь была настроена позитивно!

Настойчивость действует на нервы. Он намекает, что раз мой парень развелся с женой, значит, Санниковы больше не покрывают его, и что теперь Август совсем не боится Егора. Ибо мальчишке крыть нечем! И лучше бы мне поспешить с решением, потому что каждую неделю он будет сбрасывать десять процентов стоимости — именно столько мне будет стоить промедление. А если я не соглашусь, то начнутся проблемы с пожарниками, электриками и прочими службами. Помещение старое, найдут, к чему прикопаться. Но как же удачно сложится моя жизнь, если я соглашусь! Август в красках расписывает перспективы, дает рекомендации, куда потратить деньги, и вообще, советует ни в чем себе не отказывать, пока молодая и красивая.

Я слушаю все это, глядя исподлобья, понимая, что не улавливаю и половины сказанного. Мне все равно. Вообще ни до чего нет дела. Внутри я умерла. Две недели прошло с тех пор, как я бросила Егора, и осознание последствий содеянного накатывает подобно тошноте — волнами. Слезы то и дело катятся по лицу, Август думает, что от страха, и продолжает наседать. А я его даже не слушаю.

Надеялась, что со временем станет легче. Но пока с каждой ночью в пустой постели мне лишь хуже. Потому что понимаю: как прежде уже не будет никогда. Я заставила мужчину своей жизни разлюбить себя, окончательно и бесповоротно приравняв себя к его потаскухе-жене. Не дождалась, когда просил. Не дождалась Егора.

Разговор с его мамой на многое открыл глаза. Егор не говорил им ничего плохого про Ксюшу не потому, что заботился о ней. Он просто такой человек. Он и обо мне ничего плохого не сказал. И никогда не скажет. Ему в голову не придет жаловаться.

А мне... мне вообще нет дела до того, что происходит вокруг. Единственное, о чем мечтаю — чтобы на мою бездумную голову свалился какой-нибудь кирпич потяжелее, прекратив страдания. Я так сильно боялась повторить жалкую судьбу мамы, что своими же руками оттолкнула от себя любимого человека. А он совсем не такой, как отец. Таких мужчин, как он, просто не существует больше.

В какой-то момент, перебивая Августа на полуслове, дверь распахивается настежь. И на пороге мой Математик. Небритый. В джинсах и белоснежной тонкой вязаной кофте, кожаной куртке поверх. Моргаю, прогоняя видение.

Я прислала ему смс, что бросаю его. А затем, для закрепления эффекта, сообщила, что изменила. За две недели после этого он ни разу не появился в поле зрения. Наконец, полностью исчез с радаров, как я и планировала. Громко жалобно всхлипываю.

Видимо, ему сказали на входе, кто у меня в кабинете, поэтому Озер зашел без стука и прочих церемоний.

— На выход пошел, — коротко Августу.

Тот начинает спорить, повторяет, что теперь ему опасаться нечего.

— Ты съ**ешься сам или за шкурку выкинуть? — с раздражением в голосе. А сам смотрит на меня. Август вмиг превращается в фон, как один из гробов у стены. Я перестаю различать, что он мямлит, какой-то шум невнятный. Картинка плывет перед глазами. Я смотрю на Математика, он смотрит на меня. И так страшно мне еще никогда не было.

Он пришел, чтобы убить меня. И пусть. Наконец-то.

Август, кряхтя и бурча, поднимается и удаляется. Егор закрывает за ним дверь сразу на ключ и поворачивается ко мне.

А я не нахожу ничего лучше, чем броситься к окну, чтобы выпрыгнуть из него и убиться самостоятельно. И пофиг, что оно зарешеченное и первый этаж. За эти две недели я склевала себя до костей. Только и делала, что работала или лежала неподвижно и представляла, как мою плоть рвут коршуны. Потому что я сама это сделала.

Я сама все разрушила.

Он хватается меня, и я начинаю вырываться.

— Уйди, — умоляю. Голос вновь пропал, я пишу как жалкая мышь. — Просто оставь меня. Я... не могу... даже смотреть тебе в глаза. Я не могу тебя касаться. Я прошу тебя, — мне становится дурно. В последнее время я совсем плохо ем, а от знакомого аромата его туалетной воды у меня кружится голова.

Я люблю его больше жизни. Я предала человека, которого люблю больше жизни.

— Тише, — он меня обнимает, а я сжимаюсь в комочек. — Ну не сердись, что пропал. Больше не повторится, обещаю, — он не сюсюкается, но вроде бы искренне раскаивается. — Я тебе все расскажи. Не мог раньше, честное слово. Я больше никогда не уйду. Теперь все будет, как ты хочешь.

Слишком поздно.

Его голос прокатывается жаром по моей коже, отчего волоски встают дыбом. Если любить его на расстоянии тяжело настолько, что я медленно догораю, видеть перед собой — невыносимо вовсе. Адреналин плещется в крови от понимания, что я натворила.

— Что я наделала, Боже. Что я наделала, — бормочу, пока он ведет меня по кабинету и усаживает на стол, чтобы наши лица были примерно на одном уровне. Гладит мои щеки:

— Ты чего так хреново выглядишь? Совсем без меня с катушек слетела? Я же сказал, что вернусь за тобой, — с претензией.

Я поджимаю пальцы ног, отрицательно качаю головой.

— Зачем ты пришел? Ты ведь получил мое сообщение? Которое последнее из сотни.

— Где написано, что ты переспала с другим? — он предельно серьезен, смотрит мне в глаза. — Ну что за бред, Вероника?

Я смотрю на него, затаив дыхание. В груди колотится сердце, как у кролика. Хватаю ртом воздух.

— Не бред? — уточняет он, глядя на меня. Приподнимает брови и приоткрывает рот. Не могу шевелиться. Я радовалась, что не вижу его лица, когда он читает это мое послание. Напрасно. Он не поверил тогда, поэтому и не ответил. А сейчас... я в первом ряду. Лицезрею реакцию на мою подлость. — Бл*ть, — он проводит руками по своим волосам и смотрит в потолок. Я потом ударяет кулаком по столу с такой силой, что с него падают планшет и папки с документами.

Мистер Математик

Привет, блог.

Помните, не так давно я задвигал теорию о том, что все мы на этой планете чему-то учимся? Вне зависимости от пола, возраста, места рождения. Ни слухом ни духом об ошибках предыдущей жизни, но обязаны исправить все до единой — в настоящей. Искупить вину.

Думаю, давно понятно, что накуролесил я когда-то раньше неслабо. И теперь прохожу через испытания ревностью.

То, чего я больше всего боюсь — со мной и случается. Шарахает, заставляя переживать ситуации, которые ранят сильнее всего. Снова и снова. Концентрируюсь на страхах о неверности любимых женщин, я... получается, помогаю им материализоваться. Я должен научиться жить по-другому, иначе так и буду бегать по спирали. И с каждым разом писец все страшнее.

Я должен с этим справиться. Проломить эту стену. Никто за меня этого не сделает.

Моя ревность исходит из комплексов, рожденных ужасно болезненной, несправедливой юношеской травмой, и с тех пор абсолютно все идет кувырком.

Мне кажется, у Вероники сейчас разорвется сердце. Она бледная как мел. Зажалась вся и смотрит на меня испуганно. Она в ужасе от того, что сделала. На лице одни глаза круглые.

Она хватает меня за руку, которой я только что ударил по столу:

— Теперь меня. Можно. Заслужила. Бл" в потому что. Я... тебя бросила... я... — она заикается, — таких глупостей наделала. Ты... теперь всегда будешь возвращаться в прошлое. Я знаю, ты... не сможешь до конца мне поверить. Может, другой бы смог, но ты — нет.

— Вот черт, — едва отдавая себе отчет в том, что делаю, обнимаю ее. Надо успокоить, это первая необходимость. Я прижимаюсь своим лбом к ее лбу. На секунду зажмуриваюсь. — Вот что вы, бабы, такие дуры? Я же сказал — ждать. — Она хватается ртом воздух, но не может его вдохнуть. Она начинает задыхаться от шока. Я ее встряхиваю, потому что и вправду кажется, что помрет сейчас.

— Ты меня привез... в санаторий, в котором... проводил лучшие дни детства, а я все испортила. Я... напилась... жесьть как напилась... поехала к тому чуваку... и, Боже, я думала, что хотела этого, — она так горько всхлипывает, что у меня сердце начинает болеть. За нее. Вероника плачет. — И... мне стало так плохо... — ее губы синие, ее бьет крупная дрожь. Она не смотрит на меня. Мне кажется, она вообще ничего перед собой не видит: — Так сильно плохо... Я вдруг... знаешь... будто поняла, что делаю. Что теперь ты никогда не вернешься... Меня ждет целая жизнь без тебя, — она в ужасе. — Я думала, что смогу, как с... Генкой, терпимо будет. Раз и все. Я... это не так. Когда так сильно любишь... как я тебя... это я не тебя ранила, я себя этим поступком убила... — она заикается. — Меня бросило в ледяной пот. Я мгновенно протрезвела. Я думала так не бывает. Бывает, Егор, еще как! — она переходит на крик. — И захотела умереть. Оттолкнула его... перевесилась с кровати, и... меня вырвало. Несколько раз подряд. Я все испортила, Егор. Я... изменила тебе. Себе.

Твою ж мать.

— Давай сделаем так, — тру лицо и приглаживаю волосы. Видя мою растерянность, она начинает плакать сильнее. — Да послушай ты! — встряхиваю ее. — Почему ты снова на меня не смотришь? Всегда смотри на меня, когда мы разговариваем. Вопросы тут решаем мирового масштаба. Поняла? Ладно, умничка. Официально мы расстались, поэтому за измену это не считается. Просто я приехал и вернул тебя, — достаю из кармана листы А4 в файле и с громким хлопком припечатываю ими по столу, она вздрагивает. Потом снимаю куртку, за неимением вешалки в поле зрения — бросаю ее на пол. Жарко. Меня самого в пот бросило от ее путанного рассказа. — Разведен и полностью свободен. Как, сука, ветер.

Дует, правда, только в ее сторону. Люблю безумно. Скучал адски. Каждый день. Она смотрит на меня, не моргая. Как до смерти перепуганная зверюшка.

— Мне никогда не было так плохо, как в эти пять минут. Никогда в жизни мне не было так плохо, — она будто не слышит, что я ей говорю: — Поверь, я уже понесла наказание. Я наказала саму себя.

— Ты меня любишь? — спрашиваю, раздвинув ее ноги и занимая между ними стратегически верную позицию. Хватаю ее за бедра и дергаю на себя. — Ты меня любишь? — спрашиваю прямо, приблизившись к ее лицу. Наши губы касаются. Я пытаюсь говорить мягче, но все равно выходит с угрозой.

— С первой минуты. Как тебя увидела. Мне... так плохо без тебя. Мне так плохо, Егор.

— Ты думаешь, из-за какого-то обсоска, что воспользовался твоим нестабильным на тот момент психологическим состоянием, я отпущу любовь всей своей жизни? — я начинаю злиться. Не могу я отнестись спокойно, но ярость направляю в другое русло. Не на Веронику. Больше никогда на Веронику. Девчонок бить нельзя, эту — особенно.

— Я обещаю, что скоро умру. Сама. Тебе даже мстить мне не нужно. Процесс запущен.

Наклоняюсь, чтобы стащить с нее туфли, затем задираю юбку и стягиваю колготки вместе с бельем. У нее будто открывается второе дыхание:

— Ты ушел снова помогать своей жене, Егор! После того, как она изменяла тебе! Унижала! После всего, что она с тобой сделала, ты все равно пошел ей помогать! Как Гриша в книге... я ведь читала ее внимательно несколько раз! Я... пришла к выводу, что счастливый конец в этой истории невозможен, зря мы с Региной уговорили тебя дописать его! Что бы эта сука ни натворила, ты все равно будешь от нее зависим! И я решила сделать так, чтобы ты никогда больше... не уходил от меня. Как такое можно устроить? Если ты не вернешься, значит, и не уйдешь больше. Я так рассудила. Я напилась.

— Я не помогал Ксюше, — отвечаю резко. — Мне давно уже до нее нет никакого дела. О помощи меня попросил Санни. О помощи — ему. Веро, эта идиотка вместе со вторым идиотом — Ильей — сильно вляпались, один в коме теперь лежит, ко второй заявился дилер за долгами. Врезал ей. Санни на эмоциях полетел разбираться, едва не прибил чувака... Чувака со связями. Ты вспомни Санни, он с одного удара череп проломить может. Вероника, ему прямым текстом сказали, что теперь его и его Леську убьют. Веро, мне нужно было помочь Санни. Не Ксюше. Посмотри на меня. Он попросил меня защитить Лесю, если с ним что-то случится. Веро, я не мог бросить друга, даже если он — брат моей бывшей придурочной жены.

— Боже, — она хватается за лицо.

— Уже все хорошо. Все нормально. Мы решили эти проблемы. Такие вещи всегда решаются быстро в ту или иную сторону. Был план, и он бы тебе не понравился. Главное, что мы победили.

Расстегиваю ширинку на джинсах и через секунду толкаюсь бедрами, проникая в нее.

Никогда не занимался сексом с женщиной, у которой было бы так сухо между ножек. Это похоже на изнасилование. В данный момент никто из нас не хочет заниматься любовью. Но так надо. Надо доказать ей, что моя.

Мы должны забыть писец последних дней. Я сам виноват, что оставил ее одну. Это не ее наказание, а очередной мой урок. С каждым разом они все очевиднее и болезненнее. Но Вероника за него не будет расплачиваться. И я докажу, что, наконец, усвоил его.

Она хватается за мои плечи, когда я совершаю толчок, протискиваясь глубже.

Кайф зарождается в области паха и бьет по спине, животу, я так тяжело и часто дышу, что выходит шумно. Наклоняюсь над ней, целую сухие губы:

— Помоги мне, — шепчу ей, — прими меня, малышка. Я люблю тебя, — покрываю поцелуями ее губы, щеки, я шепчу ей на ухо: — люблю.

— Егор, что же ты делаешь... я же... была с другим, — глаза у нее затравленные. Но такие доверчивые. Понимаю, что пойдет за мной хоть на край света. Отчетливо это понимаю. Любит меня. Сильно любит. Пыталась изменить и помирает сейчас. Моя потому что. — Егор, я...сожгла мосты

— Я доберусь вплавь, — целую ее. С языком, чувственно, чтобы забыла все предыдущие поцелуи до единого. А после: — Расслабься немножечко. Все, это я. Я с тобой. Теперь тебя трахать буду только я.

— Обещаешь? — она действительно расслабляется, и мне кое-как удается проникнуть в нее до упора, растягивая как девственницу. Все еще слишком сухо, полуживая моя девочка.

— Да. Но еще одна подобная выходка — и убью суку.

— Суку? — она улыбается. Наконец-то признаки жизни.

— Ага, суку. Нах*р убью.

Она охотно кивает, на все готова, впивается пальцами в мои руки. А следом я срываюсь на быстрые ритмичные движения, и через минуту внутри нее уже совсем не сухо.

Секс длится недолго, волна удовольствия накрывает с головой, и я не вижу ни единой причины сдерживаться.

— Ты кончишь — в следующий раз. В этот — не заслужила, — говорю ей, запыхавшись. Пытаюсь шутить. Что еще остается-то? Она прижимается ко мне всем телом, не выпуская из объятий. Не выпуская из себя. Но больше не дрожит, и на том спасибо.

— Все, писец закончился, выдыхаем. А еще... может, не вовремя, — а я все еще в ней, и это чертовски приятно. — Но мне не терпится. Ты узнаешь первой. Девяносто процентов того, что я продал «Ягненка», — улыбаюсь, ничего не могу поделать. Потому что новость, и правда, убойная. — Помнишь, я тебе говорил про режиссера, которому Регинкин коллега подкинул синопсис? Ему нужен оскароносник, и он ищет что-то такое... малобюджетное, но шокирующее. Короче, в Америке наш фильм будет называться «МейнМембер». И под этим же названием к премьере выпустят книгу.

— Главный... эм-м?

— Боюсь, что да.

— С ума сойти, какие новости! — наконец-то она снова улыбается. Глаза блестят от восторга. Щеки розовеют. Фух, откачали. Прижимаю ее к себе, поглаживаю по волосам. — Я больше никогда... ни за что на свете...

— Да понял уже. Заткнись.

Привет, блог.

Благодаря тому, что на прошлый Новый год мы с Ксюшей планировали лететь к Регине в гости, у вашего покорного слуги в наличии имеется открытая виза США. И нет ни единой причины, чтобы ею не воспользоваться. Боюсь, правда, сглазить. Рассказываю шепотом, сделаю шрифт в блоге помельче.

Забронировать билеты труда не составило, до Рождества достаточно много времени, пока не успел наступить ажиотаж. Через две недели я отбываю знакомиться с режиссером лично, подписывать договор на передачу авторских прав киностудии и показывать первый собственный сценарий будущего, как утверждает Регина, «блокбастера» «МейнМембер». Шансов, что возьмут именно мой сценарий— практически нет, у них там профи матерые, но... каким я буду автором, если не попытаюсь пропихнуть свою писанину в Голливуд? Рискну, конечно. Кино — значительная часть моей жизни. Я бы сказал, половина.

А вот и вторая половина — Вероника сидит на кровати, румяная и смущенная. Мы в моей комнате, в углу Галка уже почти сутки занимается своим излюбленным делом — тупо пялится в стену — развлекается на всю катушку, ни в чем себе не отказывает. Потрясающая животинка. За стенкой мама печет вафли, а я забиваю номер карточки в платежную систему и осуществляю покупку билетов на самолет.

Я верю в то, что все в нашей жизни происходит неспроста. Как сценариста, меня до жути интригует идея предопределенности и некоего плана, заранее составленного свыше для каждого из нас. Вот только вероятностей развития событий может быть огромное множество. У нас больше возможностей, чем у актеров, мы имеем право менять ход истории, делая тот или иной выбор. А еще я знаю, что если бы жизнь не была меня по самому больному, я был бы на месте своего тренера. Врачи сказали, что он не выйдет из комы. Избиение повесили на дилера, но я догадываюсь, что без ослепленного мстью Санни там не обошлось. Я практически уверен, что Санни убил Тренера. Возможно, случайно, не рассчитав силы. Хочется верить. И еще Санни пересчитал кости обидчику сестры, а потом позвонил мне и сообщил, что его скоро убьют, и чтобы я спасал Леську.

Учитывая неравенство сил и будучи против самосуда, я настоял обратиться в полицию за помощью, где нам предложили довольно рискованный план. Сделку. Я согласился и... отправился покупать наркоту. О моих чувствах к Веронике знал только Тренер, но он в то время уже был одной ногой в могиле, поэтому ей ничего не угрожало. На всякий случай я попросил одного знакомого из охранный агенства присматривать за девушкой.

В те дни мы руководствовались эмоциями, а не умом. И тот кошмар навсегда останется с нами. Пытаясь достать меня через Тренера, Ксюша с присущей ей безрассудной смелостью подставила всю семью и по большей части — своего брата. Леся никогда не простит ее. Санни никогда не простит ее. Мои родители — и подавно. А я... давно уже вырос из этих больных отношений.

После всего случившегося отец заявил, что уходит с канала. А теперь я точно уверен, что сделает он это, не жалея. Папа так счастлив, что по моей книге будут снимать кино подобного масштаба, что от гордости словно вырос на голову. Ходит важный, уверенный. Открылось второе дыхание. Мое признание он воспринимает как свое собственное. И вы даже себе не представляете, до чего мне приятно происходящее. Наконец-то я не подвел их. Оправдал ожидания.

Я вижу свет в конце туннеля.

Знаете, ваш писатель-блогер ведь не из тех, кто способен простить измену. Никогда, ни при каких обстоятельствах я не соглашусь делить любимого человека с кем-то еще. Это противоречит моей природе. Меня корежит от одной только мысли. Но в данном случае — измены не было. И я готов драться с любым, кто посмеет оспорить это понимание. То, что доведенной до нервного срыва, пьяной в стельку, не осознающей, что происходит, испуганной девочкой воспользовался какой-то ублюдок — изменой не считается. Я люблю эту женщину. И я отдаю себе отчет, что в каком-то роде она — мое испытание, причем самое сложное. Вы не видели ее в похоронке шепчущей о сожженных мостах, а я видел. То была не измена, а изнасилование, причем в нашем случае виноват не мужик, а именно — жертва, по совмещению — насильница. Сама себя поимела Вероника без собственной воли, сама себя уничтожила. Всю жизнь старалась вырваться из грязи, но в какой-то момент дала слабину и рухнула туда... утонула с головой. Фатально. Контрольным в голову.

Я люблю эту женщину. Люблю так сильно, что понимаю: наломали дров оба. Вчера я достал ее из «лужи», помог отмыться. Сделал именно то, что она делала для меня на протяжении последних месяцев. Мне было непросто. Вы себе даже не представляете, как трудно мне было. Разбираясь со своими проблемами, помогая Санни, я не заметил, как сильно она страдала все эти недели. С этим покончено.

Да, наша история не чистенькая и не красивенькая, в том числе оттого, что не новенькая. Редко какой развод может обойтись без де'ьма, редко какой брак, построенный на обломках старого — получится воздушным и ванильным. И, возможно, в нашу любовь-морковь кому-то не верится. Я допускаю, что читать мой блог вам было моментами неприятно. Но если честно... в данный момент мне абсолютно пофиг на это. Эта женщина будет моей. Будет жить со мной, смеяться над моими шутками, делить со мной проблемы и радости. Я люблю ее. Я люблю ее настоящей взрослой любовью, где нет места мелочности и мести. Я буду беречь Веронику от стрессов, я буду нас беречь. Только объединившись, мы сможем, наконец, прекратить все это безобразие. Больше она никогда не почувствует стыда за свое поведение, за свое существование.

Но мне пора идти. Мама робко стучится в дверь. Вчера, наконец, представил им Веронику, как полагается. Замечательный был вечер, хоть девушку и потряхивало от страха. Ничего, пережила, не съели. Заметно, что теперь она во мне не сомневается. Видит ситуацию, правда, по-своему: чтобы быть с ней, я переступил через принципы. Наши отношения начались как легкий романчик, затем через боль и ад переросли во что-то крепкое и настоящее. Кто ж виноват, что моя жизнь, подобно когда-то сломанной, а позже сросшейся неправильно кости, была корявой и бесполезной? Так иногда бывает, некоторым людям приходится переломать себя изнутри полностью, чтобы измениться и... поверить в возможность собственного счастья. Такого, о котором грезится в самых робких и потаенных мечтах.

Определенно точно, я прошел через мясорубку. И никаких сомнений — теперь все изменится. Я чувствую. И хочу жить ради этого.

Вероника

Если у вас нет уверенности в собственных силах, даже не начинайте. Не пытайтесь любить чужого мужчину. Потому что выбиваться на первый план — невообразимо сложно. Вас протащат через ад. Заставят ненавидеть и презирать саму себя. Разуверят в собственных силах

и поставят под сомнение то самое светлое чувство, за которым следовали, ради которого и была затеяна борьба. А как только даст брешь уверенность в необходимости быть вместе, собственная фантазия доделает начатое. Добьет. Велика вероятность, что в какой-то момент, когда давление станет нестерпимым, вы испугаетесь и захотите прекратить все это. Любым способом. В том числе тем, за который будете ненавидеть себя всю жизнь. Согласитесь разбить собственное сердце, лишь бы вас оставили в покое. Как это и случилось со мной. Несколько месяцев я боролась за Егора, а затем...

У меня не получилось. Ничего не вышло. Я струсилa, оказывается, перед самым финишем. Ошиблась и спрыгнула с подвесного мостика, шаткого опасного пути к нашему с Математиком общему счастью. Бросилась не ведая куда, прямо в болото, сыпучую грязную жижу, в которой утонула бы, если бы он не пришел и не вытащил меня. Забрал в свою жизнь. Кем бы я себя считала после содеянного? Хотела бы вообще продолжать жить?

Он меня любит. Только меня одну. Я глупая, бездумная, запуганная чужим опытом дура. И я не справилась. Он сделал это за нас обоих. Наши демоны вырвались наружу, спровоцировали друг друга. Я думала, у нас не осталось шанса. Но Егор сначала справился со своими, затем одолел моих по очереди. Он забрал меня к себе, и видит Бог, я лучше умру, чем еще хотя бы раз предам этого мужчину. Никогда. В мыслях. Поступках. Не будет такого. Я буду заботиться о нем, несмотря на то что Бог вряд ли пошлет нам малышей. Он спас меня, отмыл мою душу. Я люблю его. И я хочу быть с ним до последнего вздоха, что бы ни случилось.

Последние недели непросто дались не только мне. Он тоже намучился. Нужно было время, чтобы переварить все это. Дни до его отлета в США наполнились молчанием и осторожной заботой, мы проводили практически все свободное время рядом друг с другом, но особо не разговаривали. Он по-прежнему мало шутил и улыбался, находился под впечатлением от последнего общего дела с Санни. А если и пытался юморить — то мрачно, с налетом черноты. Он так и не рассказал подробно, что именно случилось между Тренером, Ксюшей, Колей и о своей роли во всей этой истории, но... это что-то стало последней каплей. Егор обмолвился, что больше не хочет ни видеть, ни общаться с кем-либо из Санниковых. Он столкнулся с тем, что откладывал с самого начала Ксюшиной беременности, и я рада, что оказалась рядом с ним в это трудное время. Не понимаю, почему я напрочь позабыла, насколько одинок он на самом деле? Ничего ведь не изменилось, я все так же его единственный друг, только теперь еще и любимая женщина.

Я много обнимаю его, целую и стараюсь развеселить. Запрещаю себе когда бы то ни было снова сомневаться в его отношении ко мне, и... нам идет это на пользу.

Замечаю как мало, оказывается, нужно было для того, чтобы он снова начал стремиться домой. Ко мне. Мы по-прежнему особо не появляемся на людях, но теперь до этого нет никакого дела. Не могу разобраться, почему публичность раньше казалась необходимой? Как будто затмение нашло. Шальные, безобразные мысли, рожденные главными страхами в моей жизни, которые едва не ожили, как только я в них до конца поверила.

У нас дома много тихого уютного счастья. Робких разговоров о будущем — Егор все еще не может поверить, что «Ягнечка» покупают, и говорит на эту тему с легкой иронией и саркастическими усмешками, через предложение добавляя «если ничего не изменится» или «если Голливуд не одумается», на что я без усталости повторяю: «Не одумается, не сомневайся даже. Там умные люди работают».

— Успех этой истории — малая компенсация, которую мы просто обязаны получить за все, что пережили, — убеждаю его.

Пока я занимаюсь делами в бюро, Егор в поте лица работает над сценарием по собственной книге.

— Ничего подобного я больше не напишу, — говорит мне однажды. — Поэтому из опыта, подаренного «Ягнечком», просто обязан выжать все, что только возможно. Санников прекратил на меня охоту, поэтому я хочу вновь заняться сериалами. Вернусь в Россию уже опытным чуваком с крутым резюме, — посмеивается.

— Их канал без тебя загнетса, — я действительно так думаю. Критик Тереза Веленски уже написала у себя на странице, что без Озерского «Денечки», безусловно, станут лучше, но лично она их смотреть не собирается. — Сначала ты ушел, затем твой отец... он, кстати, точно уверен в принятом решении?

— Ага. Новость о съемках «Ягнечка» потрясла его. Отец едва не лопнул от гордости и уже официально объявил, что заканчивает сезон и не будет продлевать контракт. Я тоже чувствую... знаешь, что вырос из «Выходного».

— Куда там! Мистер Голливуд! — округляю глаза, он смеется. Обнимает меня и прижимает к себе, склоняет голову и укладывает ее мне на плечо. Я тут же принимаюсь гладить его.

— Как ты выносишь мое ежедневное нытье? Сколько нервов, блин! Надо курить.

— Я обожаю твоё нытье. И тебя всего обожаю. И даже твою долбанную книгу, которую немного ненавижу, так как она посвящена другой женщине.

— Но последний-то абзац тебе.

— Самый маленький.

— Но зато какой важный, — Егор перестал настаивать, что концовка попсовая. Он целует меня в плечо, и от удовольствия я прикрываю глаза. Больше недели, как мы помирились, а я все не могу справиться с эмоциями во время его ласк и просто касаний. Тот период... начиная с нашей первой близости и заканчивая моей попыткой сбежать — словно не про нас был. Мы ведь когда начинали встречаться... мечтали именно о том, что происходит сейчас. Об обычной жизни под одной крышей, бесконечных разговорах по душам и поцелуях, за которые не стыдно. Огромное количество поцелуев, самых разных: нежных и глубоких, долгих и чувственных, страстных, прерываемых лишь рваными нетерпеливыми вздохами, и просто вот таких, как только что, — случайных, которые могут перерасти в нечто большее, а могут просто остаться на коже и греть, потому что оставлены по любви.

— Я хочу тебя, — шепчет Егор, и я улыбаюсь, понимая, что именно этот поцелуй — лишь начало вечера.

Время летит быстро, и день его отлета застаёт врасплох. Утро наполнено одновременно предвкушением нового витка в его карьере и грустью от предстоящей разлуки. Далее следует целый месяц непрерывных переписок, звонков через «скайп», заверений в том, что соскучились. Ловлю себя на мысли, что удивлена тому, как сильно повзрослела. И хотя я понимаю, что столь длительное расставание сейчас, когда мы только-только снова помирились — жестокая проверка нашим чувствам, ни разу не впадаю в тоску и не придумываю обиды. Урок я усвоила хорошо. А Егор уж точно никогда не будет с женщиной, в которой разочаровался. Порвать со мной сейчас было бы элементарно просто — единственным словом в смс'ке. Но вместо этого он шлет пошлые смайлы и требует откровенные фотографии.

Иногда он просто присылает «скучаю» среди ночи. У меня-то день, учитывая разницу во времени. Читаю сообщение и понимаю, что опять лежит без сна. Ему там нелегко справляться, в том числе учитывая далеко не идеальный английский. Регина, конечно, помогает очень сильно. Без нее бы осуществить задуманную авантюру было бы попросту невозможно. Егор пишет, что под впечатлением от работы коллег, ему не терпится перенять кое-какой удачный опыт, принести его в

Россию.

Мы оба стараемся. Наверное, с этого должны начинаться любые отношения: двое хотят быть вместе и стараются все сделать для этого. А время покажет. Не хочу забегать вперед.

Однажды мы встречаемся с Ксюшей. То ли по ее инициативе, то ли совершенно случайно, но уж точно не по моему желанию. После работы я заезжаю за Лесей, у нас запланировано совместное посещение бассейна, и паркуюсь возле подъезда, приготовившись ждать подругу.

Ксюша останавливает свой автомобиль напротив моего. Минуту медлит, а затем подходит ко мне, все еще сидящей за рулем и, попросив опустить окно, спрашивает, как я поживаю. Эта женщина точно без тормозов. Впрочем, больше она не кажется мне героиней ни романа, ни жизни Егора, скорее антагонистом, которого победили и который больше никому не интересен.

— Просто прекрасно. А ты? — отвечаю, оглядывая ее с головы до ног. Ксюша неплохо выглядит. Не блестяще, скорее уставшей и замотанной, но явно лучше, чем я бы мечтала еще недавно.

— Спасибо, помаленьку. Егор все еще в Штатах?

— Да. Скоро уже вернется.

— Ясно. Я бы хотела поблагодарить его... вас с ним за то, как сильно он помог Санни. И я хочу, чтобы ты знала — я не буду больше ему писать или звонить. Обещаю, — едва удерживаюсь от того, чтобы не закатить глаза. — Вы меня не увидите. После прошлой с ним встречи... в общем, я не хочу больше раздражать его своим вниманием, но, пожалуйста, передай от меня благодарность. Я наломала дров и подвергла жизнь брата опасности. Я... постоянно об этом думаю. Мне кошмары снятся. Я хочу извиниться и сказать спасибо.

Ого, кого-то мучает совесть?

— Хорошо, я передам. Спасибо.

— Ты меня, наверное, ненавидишь.

— Да. Если честно — ненавижу. Ксюша, мы не будем дружить семьями, даже после твоих извинений. Я понимаю, что многие пары умудряются сохранить приятельские отношения даже после развода, но это не наш случай. Вы не будете общаться ни с Егором, ни с его родителями.

— Тебе досталась очень хорошая семья, Вероника. Я скучаю по ним всем. Особенно по Марии Петровне. Она хорошая и добрая. Береги уж их, хорошо?

— Непременно. Даже не сомневайся.

Она уже поворачивается уходить, как я окликаю:

— Ксюш, постой. На минутку, — я улыбаюсь, когда выхожу из машины. — А кто отец-то, скажешь? — показываю знаком, что сохранию секрет. Она подносит ладонь к лицу, сама расплываясь в улыбке. — Правда интересно.

Санникова прижимает палец к губам и тянет: «тс-с-с».

— Больше никогда не спрашивай. А то не сдержусь и признаюсь, — подмигивает и уходит. Интриганка до мозга костей! Садится за руль, заводит двигатель, а затем отъезжает. А у меня такое чувство, что либо она сама не в курсе, либо стыдно признаться. Видимо, отец таков, что безопаснее растить ребеночка самой, чем в полной семье.

— Это что, Ксюха приезжала? — хмурится Леся, забираясь на пассажирское сиденье рядом.

— Да, спрашивала, как у меня дела. Извинялась, прикинь?

— Не верь.

— Да никогда на свете! Жаль только, что вскоре она, не сомневаюсь, найдет новых друзей-жертв, которые будут ее слушать и поддерживать. Умеет манипулировать. Прикинется ангелочком и прилепится к невинным овечкам, будет сосать их кровушку. Хоть баннеры по в городе устанавливай с фотографией и подписью: «Не верьте этой женщине!» — мы смеемся. — Кстати, вы так и не общаетесь?

— Пф! Еще чего! — а потом, через время, добавляет: — Понимаю, что когда-то придется помириться. Санни не может избежать сестру вечно. Да и по Платоше скучает. Но я уж постараюсь оттянуть момент воссоединения как можно дальше. Я ее предупредила, что в следующий раз, когда за ней придут, — она проводит пальцем по горлу, — я подмешаю Санни снотворного, но не пущу. Но вроде бы в этот раз она сама струхнула.

В делах и новых заботах мы с Математиком не замечаем, как переступаем черту сомнений и недомолвок. Не виделись несколько недель, но встретив его в Шереметьево — измотанного длительным перелетом, уставшего — я с разбегу бросаюсь ему на шею и чувствую, как крепко он обнимает в ответ.

— Вот наконец-то! — он тихо рычит, впиваясь в мою шею поцелуем, с ходу оставляя на ней засос, и я хохочу над его реакцией.

Просто увидела его улыбку, обращенную ко мне, и поняла, что он чертовски рад меня видеть. И побежала. Полетела. Обнимала, зацеловывала, пока он под пуховиком щипал мою задницу. Пусть у нас не будет детей, тех двух недель без Озерского мне пожизненно хватило для того, чтобы осознать — вот мое счастье. Мой мужчина. Невероятно талантливый. Умный. Умеющий чувствовать чуть больше, чем остальные. Даже не представляю, что начнется, когда выйдет фильм по его книге.

Но определенно точно — все негативные рецензии мы будем читать вместе. Уж я найду слова поддержки, пусть никто даже не сомневается.

— Слушай, — говорит Егор, когда мы, держась за руки, подходим к нашему подъезду, — как у тебя настроение вообще?

— Отличное, а что? — настораживаюсь.

— Так может, это... поженимся? Вроде решили, что будем, но дату не назначили.

— Да, — немного теряюсь. С корабля на бал, значит? — Конечно. Я только за. Сама хотела напомнить, но стеснялась.

— Вопрос о детях решим, обещаю. Я думал об этом. Просто, когда захочешь, честно скажи мне, ладно? Пойдем в больничку, подумаем над вариантами. Я не против совершенно. Главное, не молчи на эту тему. Я знаю, что это важно, и обещаю, что не буду категоричным.

— Договорились. Больше никаких тайных переживаний. Если гормоны скрутят меня и поставят перед фактом, что без детей больше жить невозможно, ты узнаешь об этом первым.

— Прекрасно. Это и хотел услышать.

Не просто так Озерскому пришлось задержаться в Штатах на целый месяц, он помогал работать над сценарием — ради эксперимента его все же взяли в команду, ведущую проект. Кроме того, он много общался с актером, приглашенным на роль Гриши. Тот успевал почерпнуть как можно больше из поведения Егора — какую-то мимику, движения, интонации... В фильме мы увидим не Егора и даже не пародию на него, но я морально готовлюсь к тому, чтобы в некоторых моментах не пугаться, узнавая в герое драмы своего Математика.

Родители Егора тоже собираются слетать на несколько недель в Штаты к дочери, как только закончатся съемки Дмитрия Вепря. Проверятся, отдохнут после недавних стрессов в новой обстановке. После колоссального успеха Егора его отец больше не чувствует себя зависимым от Санниковых и их влияния. Такое ощущение, что они все... выдохнули. И хотя продюсер по-прежнему пытается влезть, убеждая, что в Голливуде переиначат сюжет, испортят задумку, снимут без души, и радоваться как бы рано, — его никто не слушает. Многолетняя дружба дала трещину, а затем рухнула, вот только Озерские выстояли. Радоваться их ссоре не стоит, но и, признаюсь честно, лично я особо не грущу.

О Ксюше все говорят крайне редко и мало. Ее будто больше не существует. Она жива, здорова и даже вроде как... прощена, но знаете... в этом прощении уж слишком много снисходительности. И раздражения, вроде как... Бог отвел от такой родственницы. Больше ее никто не воспринимает всерьез, мама Егора, после того, как я ей кое-что рассказала (а что такого? Я же не лгала), пожалела, что удержалась от пощечины. Она действительно весьма эмоциональная женщина, когда общается с кем-то из своих. С чужими же — ледяная глыба.

Мы поговорили с Марией Петровной по душам, и я поведала ей чуть больше о роли бывшей невестки в проблемах Егора. Оказывается, она ничего не знала. Я рассказала, как начинались наши отношения с Математиком, умолчала только о наркотиках. И пусть Ксюша снова выпуталась, но огонь ненависти в глазах Марии Петровны стал мне утешением. Я ничего не преувеличила и не выставила себя спасительницей. Призналась честно, что была любовницей — пусть судят, если поднимется рука. Но я сделала все для того, чтобы его родные никогда не пожалели, что первый брак их сына распался.

Озерским всегда казалось, что они полностью зависят от Санниковых: в материальном плане, да и Егор ради Ксюши и Санни был готов на безумные подвиги. На деле же выяснилось, что Санниковы потеряли ничуть не меньше. Они лишились доверия по-настоящему близких друзей, людей, которые остались бы на их стороне при любых обстоятельствах, никогда бы не бросили.

Мало кому из людей в принципе удастся узнать, что такое настоящая дружба. Эти же... своими ногами ее растоптали. Все случилось именно так, как Егор и предсказывал изначально —

семьи рассорились окончательно, вот только он ошибся в исходе. Егор и представить не мог, что в итоге именно он и его родители останутся в плюсе. Лев Семенович пьет и каждые выходные звонит с сумбурными речами Дмитрию Вепрю. Довольно жалкое зрелище.

Кстати, мои бывшие подруги — Поля и Василиса, узнав о том, что Ксюшин ребенок не Егора, как-то резко охладели к ней. И даже попытались наладить отношения со мной, но вряд ли мы когда-то станем дружить как прежде. Однажды они предали меня, не вижу ни единой причины, почему бы в будущем им не поступить так же.

— Представь, с «БК» пишут — прознали о проекте про подростков, над которым я работал летом для «Выходного», помнишь? — говорит Егор, сидя в кресле с ноутбуком. После его возвращения из США прошло два месяца, но случилось так много всего, что и не упомнишь. И основная наша проблема сейчас — это жилищный вопрос. В моей однушке просто невероятно тесно, учитывая, что Егору как минимум нужен отдельный кабинет для озвучки сериалов. Я думала, он, как и все последние дни, просматривает предложения по недвижимости, а оказывается, параллельно переписывается с представителем канала, который однажды отказал ему в работе.

— Конечно, помню. Что они хотят?

— Чтобы я подготовил для них подобный сериал, но со своей изюминкой. Что-то совершенно другое, но также про детей и их неустойчивую психику.

— Тут есть где разгуляться. А ты?

— В принципе, я готов. Помнишь блиц-опрос, который я тебе устраивал? Я где-то сохранил те бумаги, надо поискать только. Мы можем взять противоположные ответы, переиначить декорации. Сделать нечто непохожее на «Молодежку» «Выходного», но не менее интересное. Но я смогу взяться не раньше лета. Как только мы вернемся со съемок «Ягненка».

Это приятно слышать. Я рада, что Егор планирует жизнь в России. Немного боялась, что ему понравится в Штатах, и он захочет там остаться. Конечно, я бы поехала с ним, и думаю, нас бы там ждало много всего хорошего, но... Он же писатель. Человек, который должен жить в России, писать на русском языке о реалиях своей страны, атмосферу которой чувствует интуитивно. Ему для выживания необходимо, чтобы его творения помогали людям. Несмотря на то, что его первая книга выходит на английском языке, Регина уверена, что если он попытается искать себя за бугром — зачахнет. Он должен жить там, где сможет реализоваться по максимуму. А в Штатах ему что делать? Учить английский? Кроме того, книги масштаба «Ягненок» пишутся единожды в жизни. Не дай Боже нам еще таких «приключений», которые бы вдохновили Егора написать нечто столь же пограничное.

— У тебя уже есть идеи? — я заканчиваю растяжку, подхожу к нему и забираюсь на колени, как только он откладывает ноутбук.

— Да. Хочу написать про секту. Не ситком. Нечто драматичное, но пронизанное надеждой. Если «БК» даст добро и денег, точно займусь. К тому времени, как знать, возможно, какое-нибудь наше издательство выкупит права на «Ягненок» у босса Регины и переведет книгу на русский, — смеется он. Анекдот года просто, мы частенько шутим на эту тему.

Практически вся выручка с похоронки уходит на новые экспериментальные лекарства для дяди. Благодаря науке нам удастся вырвать у болезни целый год более-менее нормальной жизни! И это настоящая победа. Егор практически всегда сопровождает меня во время визитов к дяде. А однажды, через несколько дней после того, как мы расписываемся в ЗАГСе, едет и

вовсе один. По словам агента под прикрытием — сиделки — они долго о чем-то разговаривают, после чего дядя вызывает меня к себе и благословляет на продажу бюро. Просит только не дешевить, а полученную сумму поровну разделить между его детьми и мной. И мамой, если к тому времени она одумается и расстанется с отцом. Дядя по-прежнему его не признает и не собирается мириться с таким расширением семьи. И мне трудно с ним не согласиться.

Никто из дядиных детей не в состоянии заниматься бизнесом, у Егора другие заботы, а я... вроде бы втянулась, но все же не до конца. Возможно, мне пока не хватает возраста. Но скоро год, как я веду бизнес, и все еще не привыкла. Каждое утро иду на работу через силу. Заставляю себя.

Дядя говорит все это с улыбкой. Благословляет меня. Вдруг он начинает плакать, но при этом по-прежнему улыбается. Дядя рассказывает, что переживал за меня с момента моего рождения. Именно он забирал нас с мамой из роддома. Полюбил племянницу, как собственного ребенка. Такую крошечную, беззащитную и уже брошенную одним из родителей. Говорит, что жалко было меня — до слез. Он давал маме денег и поддерживал морально в минуты ее отчаяния и одиночества. Он человек непростой, довольно жесткий, не буду скрывать — у него мало друзей и есть враги. До болезни он был совершенно не сентиментальным, но, тем не менее, дядя заменил мне отца. Может, родитель из него не самый лучший, но другого я не знаю и не представляю, как бы пережила юность, кем бы стала без его безусловной поддержки.

Он заверил, что счастлив, потому что сумел дать мне старт. Самое главное для него — уйти с пониманием, что у меня теперь все будет хорошо. Что я не какая-нибудь нищая голодранка-бесприданница, которая бы унижалась перед мужчинами ради денег, позволяла бы себя использовать. Что благодаря ему никто не посмеет обозвать меня приживалкой или нахлебницей. И я достойна намного большего, чем быть пожизненной любовницей. У дяди простая логика, он верит в то, что именно деньги правят миром. Но учитывая ту жизнь, что он вел, да и сам факт того, что он единственный, кто из нашей семьи зарабатывал и кормил нас всех, — не мне с ним спорить.

Теперь я замужем за человеком по большой взаимной любви. И, что по мнению дяди, намного важнее — за человеком, которого одобрил он сам. После беседы с Озерским у него легко на сердце.

Мы обнимаемся и плачем.

Я шепчу: «Спасибо. Если бы не ты, я бы сломалась». Он кивает мне, моя благодарность для него очень важна.

Мои слова дяде — истинная правда, я действительно его люблю, как должна была бы — родного отца, и безмерно уважаю. Поэтому через три месяца именно дяде первому я рассказываю о своей беременности.

Потом Егор обязательно поймет, почему я не сказала ему первому. А пока новость останется нашей с дядей маленькой тайной.

Все случилось внезапно. Я продала бизнес, распределила деньги, после чего мы с Математиком улетели на съемки «Ягнечка», где он сутками пропадал на площадке, а мы с Региной гуляли по городу, общались, загорали и вообще отлично проводили время. Мне очень понравилось в Америке, но возможно, отдыхать с деньгами хорошо практически в любой стране? А потом, по возвращении в Россию, у меня случилась задержка. Первая за всю мою

жизнь. Поначалу я решила, что цикл шалит, все же перелет через океан — шутка, что ли? Боялась делать тест. Надежда ведь... надежда бередила душу. Что если... получилось? Вдруг... мы заслужили чудо?

Неделю ходила загадочная и напуганная. Боялась. Страшилась узнать, что это всего лишь сбой в организме, вызванный акклиматизацией. Записалась к врачу. А потом, за несколько часов до приема, рано утром не выдержала, поднялась пораньше и полетела в круглосуточную аптеку. Затем, закрывшись в туалете ближайшей кафешки, сделала тест. Прижала ладонь к губам и шептала «спасибо, спасибо, Господи», пока недовольные посетители периодически дергали дверь. Мысленно извинялась, что занимаю кабинку, просто это важно. Очень сильно важно для меня и моего мужчины. Вышла, вытирая слезы, сжимая кулаки, проговаривая про себя по очереди все известные молитвы снова и снова. Беззвучно шептала губами.

Хотела сразу написать Егору, но позвонила дядина сиделка и сообщила, что тот впервые за неделю пришел в себя. Я бросила дела и поехала к нему.

Дядя действительно был в сознании, когда я забежала в его спальню. Открыл глаза. Так вышло, что я умудрилась прибыть первой — до мамы и прочих родственников. Присела на кровать, стиснула его худую руку и погладила по осунувшемуся лицу. Вздохнула, запрещая себе плакать. Мы всегда знали, что этим закончится, нужно быть сильной. Держаться до последнего. Он сам просил об этом. Я наклонилась пониже и прошептала ему на ухо: «Дядя, я скажу тебе первому. Еще никто не знает. Это большой секрет. Дядя, я жду ребенка от любимого мужчины. От Егора. Представь, он еще понятия не имеет. Пока никто не в курсе, только мы с тобой. Дядя, он обрадуется. Он положит мир к моим ногам».

В ответ мою руку сжали крепко-крепко. Дядя кивнул и улыбнулся.

Где-то через час прибыл Егор, следом отец привез маму, но благоразумно остался сидеть в машине у подъезда. Не оставил себя ждать и дядин старший сын, который не так давно перебрался в Москву. В течение трех часов подтянулись остальные дальние родственники и немногочисленные друзья.

Дяди не стало к обеду. Это был тихий уход в окружении родных и близких — спустя год после постановки диагноза и прогноза врачей «от недели до месяца».

Через несколько наполненных молитвами и робкими мечтами недель УЗИ подтверждает факт здоровой беременности, и я позволяю себе радоваться по-настоящему.

Передо мной тут же открываются два пути. Первый — огорошить бесплодного мужа новостью и, вглядываясь в его глаза, искать тень сомнения в своей верности, найти ее, смертельно обидеться и уйти, хлопнув дверью, обвинив в недоверии и в том, что он совсем не изменился.

Но я ведь не об этом мечтаю. Все эти месяцы мы жили просто прекрасно, говорили по душам на самые разные темы, обсуждали важнейшие для нас обоих вещи. Доверяли друг другу, как никому ранее. Шутили. Вместе путешествовали. Занимались любовью. Битые жизнью и знающие, как плохо может быть, мы крепко держались друг за дружку, и разрушить эти драгоценные отношения счастливой новостью было бы верхом несправедливости и тупости. Поэтому я включаю мозги.

Первым делом, конечно, гуглю. Затем еду в одну передовую лабораторию, где узнаю все доступные нам варианты. Оказывается, тест на отцовство можно провести по крови беременной женщины без прокола живота, но не ранее, чем срок беременности перевалит за девять недель.

О, как я жду эти недели! Считаю дни, мысленно зачеркивая их в своем выдуманном календарике. У моего малыша уже целый месяц бьется сердечко, а его папа ни о чем не догадывается. Но он простит мне эту крошечную ложь. Впереди у нас достаточно времени, чтобы сполна насладиться общим счастьем. Я молчу, как долбаный партизан. Мама, подруги, свекровь — никому ни единого слова. К счастью, ни токсикоза, ни каких-либо заметных изменений в своем теле на первых порах не замечаю. Малыш будто чувствует риски, сидит тихо. Мой муж будет самым лучшим отцом, но нужно сделать все правильно, ведь... он достался нам с малышом после первой большой на всю башку жены.

Егор работает, занимается спортом, совершенно ни о чем не подозревает. С Санни не общается совсем, даже тренажерку сменил, чтобы не пересечься случайно. Меня это беспокоит, но решаю не вмешиваться. Понятия не имею, какая тень легла между парнями, но судя по всему, их дружба не прошла очередную проверку. И у меня подозрение, что инициатором холодности являлся именно Егор. Однажды я задала Математику вопрос, но муж заверил, что я там ни при чем.

Этим чудесным утром я, настроившись, красиво одевшись и накрасившись, бужу Егора пораньше и, пообещав сюрприз, прошу поехать со мной в одно тайное место.

Поначалу он ведет себя беспечно, выглядит заинтригованным, но затем, когда мы останавливаемся около частного медицинского учреждения, слегка напрягается.

Перевожу дух и выдаю на одном дыхании, что нахожусь в положении, и раскрываю цель нашего визита в лабораторию.

Озерский в шоке.

В первые секунды он полностью дезориентирован новостью, причем не злится и не радуется. Понятия не имею, о чем думает. Просто спрашивает:

— Ты уверена?

— На сто процентов, — подтверждаю кивком.

Егор молчит, и я начинаю объяснять, что благодаря современным технологиям можно сделать тест по моей крови без единого риска для малыша. Ждать, правда, целых десять дней, но зато всю оставшуюся беременность душа Егора будет спокойна. Он отрицательно качает головой.

— Не-не. Мы не будем этого делать, — говорит категорично. Улыбается. Но видно, что все еще растерян. — Я просто... не могу сразу поверить, — улыбается смелее, шире. — Дай мне пару минут. Ты меня огорошила. Я... вау, детка, — он треплет свои волосы, откидывается на сиденье, закрывает глаза и шумно выдыхает. — Кажется, мы с тобой натворили чудес. Мы, блин... волшебники, да? — всплескивает руками.

— Ага, Гарри Поттер и Джинни, — он не плачет, но трет глаза. А я не могу удержать эмоции. Я счастлива. Думала, он отреагирует хуже. Он молодец. — Поздравляю.

— И я тебя, Вероника, — наконец-то мы обнимаемся и целуемся. — Спасибо. Это просто фантастика. Черт, — он трет лоб. — Ты посмотри, у меня мурашки по телу, покалывает аж, — поспешно закатывает рукава кофты, демонстрируя загорелые руки, на которых действительно волоски дыбом. Я улыбаюсь, проводя по ним пальцами. Как ежик. — Я хочу маме позвонить. Можно?

— Можно, конечно. Но, Егор... — решаю, что пора вернуться к наболевшей теме. — Давай сначала сдадим тест. Мне скрывать нечего. Я обещаю, что не обижусь.

— Мы не будем маяться фигней. Я никогда не унижу тебя так сильно. Не унижу нас обоих. Малышка, я не просто так на тебе женился. Нам не нужен этот тест. Но мне надо привыкнуть к новости. Дети ведь... всегда являлись для меня непростой темой, я привык к мысли, что достанутся они мне очень тяжело. Придется привлечь донора, решиться на операцию или побегать с бумажками для детского дома. А тут... такая халява. Я... в шоке просто. Я разве заслужил? Так просто?

— Заслужил, конечно, — улыбаюсь я. Беру его руку, зажимаю между ладоней. Наступает моя очередь просить, чтобы смотрел мне в глаза. — Я все узнала и обо всем договорилась. Меня такое тестирование не обидит. Ты справился с моими демонами, позволь мне добить твоих. Я сама хочу сделать этот тест. Хочу увидеть твои глаза, когда тебе вручат результат. Егор, я мечтала об этом моменте с тех пор, как узнала о твоей травме. Я не боюсь. Я клянусь тебе, что не боюсь и понимаю. Столько лет ты давил в себе надежду, тебе трудно принять новость. Но я тебе помогу. Мы сделаем этот тест сейчас, а через десять дней убедимся, что малыш твой, и впереди нас будут ждать совершенно спокойные недели, — я улыбаюсь искренней, широчайшей улыбкой, чтобы у него и тени сомнения не возникло.

Егор тянется за сигаретами, затем смотрит на меня, на пачку, после чего убирает ее в карман.

— А какой срок?

— Почти десять недель. Малыш сделан в США, — киваю ему. — Видимо, перелеты через океан благоприятно влияют на твои травмированные яички, — смеиваюсь.

— Ух ты. Это что получается, за вторым тоже лететь придется? — начинает шутить, что, безусловно, хороший знак.

— Пойдем, — я глушу двигатель, — обещаю, что не обижусь. Просто есть вещи, которые нужно сделать. Если бы мы друг другу достались сразу, лет в шестнадцать, я бы при упоминании о подобной проверке оскорбилась до глубины души. Сейчас я настаиваю сама.

— Вероника, поехали лучше отмечать мою крутость, — с энтузиазмом. — Я тебе верю. Не бойся, все будет хорошо. Я просто в восторге сейчас.

— Я знаю. Но... наверное, этот тест нужен даже больше мне самой. В том плане, что мне будет спокойнее, если я буду уверена, что ты не сомневаешься. Я, правда, немного опасаюсь, что ты можешь затупить в какой-то момент. Беременные заскоки, — кручу у виска. Чувствую, что начинаю нервничать, спешить, съедать окончания. Эмоции нахлынули, я так рада, что больше не нужно скрывать новость. И еще больше — что Егор верит мне, но одновременно с этим боюсь, что сдамся его категоричности, и об этом придется пожалеть в будущем. — Разве ты хочешь трепать нервы беременной женщине? Я гормонально нестабильна. Егор, ты ведь знаешь, что я могу додумывать и накручивать себя до бесконечности! — он на секунду округляет глаза, услышав первый за почти год намек на мой поступок в прошлом. — А так у меня будет бумага о том, что ты не сомневаешься в силе своих крутых яичек.

Некоторое время он раздумывает, но затем уступает моей настойчивости.

— Ладно-ладно, — поднимает руки, сдаваясь. — Мне пофигу. Фух, — снова притягивает меня к себе и целует уже по-взрослому. Верит мне. И, кажется, начинает позволять себе радоваться.

Мы сдаем анализы и едем отмечать к его родителям. Заваливаемся к ним с кучей шариков, шампанским и тортом в десять утра и кричим, что скоро они станут бабушкой и дедушкой! А те, кажется, ликуют еще больше нас! Следом я звоню своей маме, которая так же очень поддерживает.

Егор перестает при мне курить, и вообще старается по максимуму оградить от табачного дыма. Заботится. Спрашивает много чего — как я себя чувствую, все ли хорошо проходит? Рассматривает фотографию с УЗИ. Будто боится позволить себе верить. Все эти десять дней выглядит беспечным, но анализирует последние месяцы, делая какие-то свои выводы: «А, так вот почему ты настаиваешь, чтобы я был максимально нежным. А я уже расстроился и почти смирился, что теперь у нас всегда будет такая скукота в постели», или «значит, ты поэтому отказалась в прошлый раз есть роллы, а не потому, что выпендривалась» и все в таком роде. Мыслительный процесс не остановить.

Через десять дней мы снова в клинике, Егор смотрит на бумагу с результатом и пожимает плечами. Он снова не удивлен, хоть и ответ на этот раз — противоположный предыдущему.

— Только имей в виду, заслуги твоей здесь немного, — говорю ему предельно серьезно.

— В каком смысле? Вот щас не понял, — он снова сморит на результат, и мне становится смешно.

— Дело во мне. Это я молодец. У меня супер-яйцеклетки, знаешь, уж они своего не упустят. Я тебе раньше не рассказывала, чтобы не обнадеживать раньше времени, но теперь можно — у меня очень хорошая репродуктивная система. И уже если кому-то и суждено забеременеть в твоей ситуации, то только мне, — показываю на себя двумя большими пальцами.

Он крепко обнимает и целует меня. А я плачу от радости, потому что сейчас, уверена, ни у его мамы, ни у кого-то еще не возникнет даже мысли, что он несчастлив со мной.

Беременность проходит легко и беззаботно. Все анализы, проверки — как по учебнику. Чувствую себя свежей и прекрасной, лишь животик растет, да грудь наливается. Но роды на тридцать седьмой неделе застают врасплох. Утром я, как обычно, чувствую себя превосходно, но в обед внезапно отходят воды, а Егор, как назло, в Питере по работе. Мы с Лесей и Сашей у меня дома, собираемся ехать по магазинам. Леся тут же звонит Санни, который ее привез и еще не успел далеко отъехать, тот незамедлительно возвращается и на всех парах мчит нас в роддом.

Все происходит стремительно, не давая мне возможности осознать происходящее. Схватки идут одна за другой, сохранять нет ни малейшей возможности, врачи едва успевают померить мне давление, как отправляют на кресло. Пока идут потуги, вокруг, по ощущениям, скапливается половина врачебного коллектива больницы. Все серьезные, хмурые, переговариваются, и мне от этого становится страшно.

Мальчик идет быстро, по разговорам понимаю, что делаю что-то не то, стараюсь изо всех сил, а затем его достают и плюхают мне на живот. Тепло, родного, но совершенно крошечного.

— Крепенький, не реви, — говорит мне акушерка, хлопая по плечу и подбадривая. Его пеленают, прикладывают к груди, дают поцеловать, а затем уносят.

Пишу Егору рост и вес, а сама реву без остановки, не понимая, почему все сложилось именно так, стараясь разобраться, где допустила ошибку, спровоцировавшую ранние роды. Он такой худенький, маленький, беззащитный. Я просто не могу остановиться.

Первой в роддом приезжает свекровь, причем звонит мне, что на месте, буквально через полчаса, как я отправила смс Егору. И когда меня переводят в палату, она сразу же приходит навестить. Медсестра спрашивает, устала ли я, хочу ли поспать, но я не понимаю, когда могла бы успеть устать, все случилось так быстро. Я просто в шоке. В последние недели так много читала про роды и о том, как себя нужно вести во время процесса, но когда началось — ничего не смогла вспомнить из усвоенного материала.

— Поздравляю, Вероника! — говорит мне свекровь, крепко обнимая. — Я его уже видела. Красавчик, глаз не отвести. Очень крепкий мальчик!

— Ма-а-аленький, — реву я навзрыд, опасаясь, вдруг она начнет ругать меня.

— Ну и что? Догонит! Давай, возьми себя в руки. Ты молодец. Девочка моя, ну чего ты плачешь? Вспомни Егора, он родился еще меньше, а потом каким вымахал, а?

— Вы уверены? — я всхлипываю.

— Я — уверена, — заверяет она меня с улыбкой. И ее уверенность действует фантастически успокаивающе. — Ну вот такие все Озерские — вечно торопятся. Что Дима, что Егор, что Регина. И мальчик наш той же породы. Ну все, деточка, успокаивайся и настраивайся на счастливое материнство. Понимаю, что для тебя все произошло неожиданно, но лично я — вообще не удивлена. С Региной так же корила себя, как и ты сейчас. С Егором уже была абсолютно спокойна. Вот и молодец, дочка. Вытирай слезы. У тебя сейчас начинается совсем другая жизнь, нет времени раскисать, — я улыбаюсь, и она продолжает меня подбадривать. Стопроцентная, безусловная поддержка свекрови насыщает силами. Она тараторит без остановки: — Вот представь, каково мне было, когда Егор занимался этим жутким спортом! Сажу на соревнованиях, глаза руками закрыть хочется, но смотрю, потому что прятаться не положено — парни вокруг здоровые, удары у них по силе — невероятные. Он дерется. То его бьют, то он в нокаут отправляет. Смотрю на него и думаю, как такой мужик мог вырасти из такого крошечки? — я уже смеюсь. Смеюсь сквозь слезы. — Вот и слава Богу. Я тебе из дома фотографию бирки Егоркиной пришлю. И фото его самого в роддоме. Сравним как раз.

— Спасибо вам огромное.

— Да не за что. Егор очень волнуется, услышал по голосу, что ты плачешь, попросил присмотреть. Я ни на секунду не сомневаюсь, что все будет прекрасно. А сейчас отдыхай, поспи немного. Егор отзвонился, что уже взял билет и приедет ночью, а навестит вас уже рано утром.

— Он написал, что любит меня.

— А ты поздравь его. Прямо сейчас. Это нужно сделать, дочка. Я с ним уже поговорила, чтобы не волновался сверх меры. Вы большие молодцы!

Выписка проходит просто потрясающе. Столько людей приехало... Со стороны Егора — так и вовсе человек тридцать, в том числе Леся с Санни. Последний, правда, выглядит смущенным, первым подходит к Озерскому поздравить, и тот протягивает ему руку. А потом парни быстро, но крепко обнимаются. Нет только Колиной сестры и ее родителей, но никто, если честно, не расстраивается. Мой отец тоже присутствует, но держится, как обычно, в стороне. Если с мамой мы помирились, то на наши с Павлом отношения вряд ли что-то повлияет и изменит их в лучшую сторону. Тем не менее, мне приятно, что он видит меня такой. Счастливой. На своем месте, которое обожаю. Его заслуги в этом нет. Скорее, я стала счастливой вопреки.

Мальчик хорошо кушает и быстро растет. Перед выпиской врачи провели все необходимые тесты и, помимо мелочевки, не нашли к чему придраться, поэтому у меня нет ни единой причины грустить. Егор же все последние дни выглядит перманентно польщенным.

Домой едем втроем. Математик за рулем, мы с малышом позади.

— Ничего не могу поделать, — говорит Егор, поглядывая в зеркало заднего вида, — меня до сих пор потряхивает. За премьеру «МейнМембер» так не переживаю.

— А что за нее переживать, если после предварительного показа все критики в восторге? — подмигиваю ему. — Вот. Егор, посмотри только: везем домой результат наших переглядываний с балконов. Такой красивый ребеночек получился.

— Ну, скажем, не только переглядываний... — заводит он свою привычную пошлую шарманку.

— Эй! Ты и вправду нервничаешь.

— Ага. У меня в голове не укладывается, что у меня есть ребенок, и нам без проблем разрешили его забрать домой. Так просто. Никто не препятствовал.

Мне становится смешно. И одновременно с этим — очень спокойно.

— Когда летим за вторым? Мне понравилось, — с переднего сиденья Егор дотягивается до моей руки и сжимает ее.

— Дай только дух перевести, — смеюсь в ответ, а сама думаю: с тобой — хоть на край света.

«Впервые за много месяцев оставшись наедине с собой, я осознал, что у меня нет совершенно никакого выбора. Вообще, выбор, если по-честному, — это иллюзия. Какую бы дорогу ни предпочел, точка назначения не изменится. Чтобы доказать свою любовь, я должен умереть. Это ее условие. Наша игра «на слабо», наконец, достигла финиша. Прекратить наши отношения, зависимость, которая для меня — воздух, — также подобно смерти. У меня нет выбора. Двадцать семь лет — идеальный возраст для того, чтобы оборвать существование. Нужно только докурить эту пачку сигарет. Зря, что ли, покупал?

Единственное, что меня держит на земле — это начатая пачка сигарет. Но ведь скоро она закончится, не так ли?

Дописано позже:

Ну что ж, вот и последняя. Гриша, действуй.

Беру ее и выхожу на балкон. Курю. Размышляю. И грустно одновременно, и радостно, что вся эта бредятина скоро закончится. Потому что так жить, как я все эти годы — попросту невыносимо. Природа внутри меня бастует. Даже она, пренебрегая инстинктом самосохранения, согласна пойти по пути наименьшего сопротивления.

На балконе напротив стоит девушка, которую вижу впервые. Просто одна из тысячи. Но отличается от всех тем, что замечает меня. За последний год я превратился в бледную копию себя прежнего, похудел килограммов на двадцать, осунулся, взгляд полудохлый. Утратил все моральные и этические принципы, на которые опирался по завету родителей. Меня давно стараются не замечать, а вот она — почему-то видит. А потом... зачем-то улыбается и машет.

Искренне. Она не знает меня. Понятия не имеет, как я жил эти годы и что собираюсь сделать через минуту.

Она из другого мира. Другой реальности. Той, где счастье возможно. Я отворачиваюсь, после чего возвращаюсь в квартиру, чтобы завершить начатое. Довести до конца эту болезненную игру, без участия в которой перестал себя помнить.

Стою посреди зала.

Почему-то сомневаюсь.

«Выбор — иллюзия. Какую бы дорогу ни выбрал, точка назначения не изменится». Да?

Или нет?

Почему она меня заметила? Простояв вот так минут двадцать и не имея в пачке ни одной сигареты, я вдруг, понятия не имея зачем, возвращаюсь на балкон и машу незнакомке в ответ. Она удивляется перемене моего настроения. Колеблется. И снова улыбается. И от ее искренней улыбки вдруг кружится голова. Как мало, оказывается, иногда нужно человеку. И в то же время, так чертовски много.

Зачем-то улыбаюсь ей в ответ. Давно этого не делал, а тут — во все тридцать два. Этой женщине. И мысленно повторяю вопрос:

Так да или нет?

Что если спросить у соседки?»

(с) Божий Ягненок. История о надежде и второй любви, которая иногда бывает во сто крат сильнее первой.